

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2016

№ 4
(58)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антоян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the Bunin Yelets State University;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasus Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Краснодарский университет МВД России;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Podshibiyakin A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!**

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовное наказание как отражение культурных установок общества

Капинус О.С., Образжиев К.В. Одновременное получение взятки от нескольких лиц: проблемы квалификации

Чечель Г.И. Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения

Бавсун М.В. Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики

Колкутин В.В., Стешич Е.С. Охрана права на жизнь как высшей конституционной ценности в современной уголовно-правовой и судебно-медицинской экспертной практике: декларации и факты

Симоненко А.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление

Норвартян Ю.С. О квалификации клеветы, соединенной с распространением заведомо ложных сведений о наличии у лица заболеваний, представляющих опасность для окружающих

Бойко С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья

Москвичев А.А. Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество преступлению в до-революционный период

Некрасова А.А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера

Тарасенко Г.В. Уголовно-правовой аспект освобождения от уголовной ответственности в случаях добровольной сдачи оружия

Цебоев А.П. Общее (родовое) понятие криминального насилия: вопросы доктринального толкования

**9 CONGRATULATIONS
WITH ANNIVERSARY!**

**11 CRIMINAL POLICY:
THEORY AND PRACTICE**

11 Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminal punishment as a reflection of cultural attitudes of the society

18 Kapinus O.S., Obrazhiev K.V. Taking a bribe simultaneously from several persons: the problems of qualification

25 Chechel G.I. Criminal-law sanctions and some features of their application

32 Bavsun M.V. The influence of socio-cultural nature on the formation of penal policy

37 Kolkutin V.V., Steshich E.S. Protection of the right to life as the highest constitutional value in modern criminal law and forensic expert practice: declarations and facts

46 Simonenko A.A. Attraction of obviously innocent to criminal responsibility (article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation): legal uncertainty of the composition and its overcoming

52 Norvartyan Yu.S. On the qualification of slander, coupled with the spread of deliberate false information about the existence of person's diseases that pose a danger to the wider public

55 Boyko S.Ya. Fraudulent in criminal legislation of neighbouring countries

63 Moskvichev A.A. Historical and legal analysis of formation and development of domestic criminal legislation on liability for aiding and abetting in the pre-revolutionary period

69 Nekrasova A.A. Problems of systematization of criminal legal regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature

73 Tarasenko G.V. The criminal law aspect of exemption from criminal liability in cases of voluntary surrender of weapons

78 Tseboev A.P. General (generic) concept of criminal violence: issues of doctrinal interpretation

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Сидоренко Э.Л. К вопросу о современных направлениях криминологического исследования коррупции

Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы

Игнатов А.Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня

Башинская И.Г., Башинская О.М. Криминологический аспект мошенничеств в сфере недвижимости

Вертепова Т.А., Свириденко Р.В. Проблемы противодействия незаконному строительству на территории Краснодарского края

Стукалов В.В., Запорожец Е.В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет

Хаджимурадов И.Б. К вопросу о молодежном экстремизме

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Михайловская О.В., Узгорская И.А. Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления

Титова К.А., Жолтоног Т.В. Проблема установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, на стадии возбуждения уголовного дела

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Куюмжиева С.А. Особенности первоначального этапа расследования торговли детьми

Кольчурин А.Г. Определение времени реакции водителя при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Ховаевко С.М. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Горбанев В.М. Оперативно-розыскная характеристика мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи

Скрипка А.А. Особенности предъявления для опознания при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы

83 PREVENTION OF CRIMINALITY

83 Sidorenko E.L. On the question of modern criminological studies of corruption

88 Butkevich S.A. Ideology of terrorism and extremism: explicit and implicit threats

94 Ignatov A.N. «Criminology tomorrow» is necessary today

100 Bashinskaya I.G., Bashinskaya O.M. Criminological aspect of frauds in real estate industry

104 Vertepova T.A., Sviridenko R.V. Problems of counteraction to illegal construction on the territory of Krasnodar region

108 Stukalov V.V., Zaporozhets E.V. Problems of counteraction to extremism in the Internet

113 Khadzhimuradov I.B. On the issue of youth extremism

116 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

116 Mikhailovskaya O.V., Uzgorskaya I.A. The suspect or witness: about the status of the person in a criminal case initiated by the fact of committing crime

119 Titova K.A., Zholtanog T.V. The problem of establishing person who is subject to attraction as accused at the stage of initiation of criminal case

124 DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

124 Kuyemzhiyeva S.A. Features of the initial stage of the investigation of child trafficking

128 Kolchurin A.G. The timing of the driver's reaction during the investigation of road traffic offenses

131 Khovavko S.M. Legal guarantee of provision constitutional rights of human and citizen during operative-search measures

137 Gorbanev V.M. Operative and detective characteristic of fraud connected with the use of means of cellular communication

142 Skripka A.A. Features of the identification parade during the investigation of crimes against life and health of minors committed on motives of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity or on motives of hatred or enmity concerning any social group

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Казачкова З.М., Быкодорова Л.В. Административные трибуналы Великобритании: этапы становления и развития

Евсикова Е.В. Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения

Затолокин А.А. Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения как самостоятельная система и часть системы национальной безопасности России

Коротенко Т.А. О детализации взаимодействия субъектов образовательных отношений в сфере высшего профессионального образования в федеральных и локальных нормативных актах

Чудин Ю.Г. Административная ответственность и публичное управление в области охоты и рыболовства

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бавсун И.Г. Вопросы организации текущего планирования деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне

Ударцев С.Ю., Десятков М.С., Васильченко Д.А. Негласная правоохранительная деятельность в контексте исторического развития общества

**СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Антонов И.А., Михальчук Ю.П. Основы взаимодействия прокуратуры с государственными органами контроля и общественными организациями в правоохранительной сфере

Соболев В.В. Проблемы формирования профессионального правосознания и судебного усмотрения

Меркель И.Д. Реализация международных принципов и стандартов в деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Карнаушенко Л.В. Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества

**148 ADMINISTRATIVE LAW
AND ADMINISTRATIVE PROCESS**

148 Kazachkova Z.M., Bykodorova L.V. Administrative tribunals in Great Britain: stages of forming and development

153 Evsikova E.V. Law «On administrative offences in the Republic of Crimea»: theoretical aspects and problems of law enforcement

158 Zatokin A.A. State system of ensuring road safety as a standalone system and part of Russia national security system

161 Korotenko T.A. About specification of interaction of subjects of educational relations in the sphere of higher education in federal and local regulations

166 Chudin Yu.G. Administrative responsibility and public administration in hunting and fishing sphere

170 LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY

170 Bavsun I.G. Issues of the organization of current planning of activities of territorial internal affairs bodies at the district level

175 Udartsev S.Yu., Desyatov M.S., Vasilchenko D.A. Covert law enforcement activities in the context of historical development of society

**181 JUDICIAL AND PROSECUTORIAL
ACTIVITY**

181 Antonov I.A., Mikhailchuk Yu.P. Basis of interaction of the Prosecutor's Office with the state control bodies and public organizations in law enforcement

186 Sobolev V.V. Problems of formation of professional legal consciousness and judicial discretion

190 Merkel J.D. The implementation of international principles and standards of activities of prosecutor in pre-trial criminal proceedings

**197 THEORY AND HISTORY
OF LAW AND STATE**

197 Karnausenko L.V. Legal nihilism as a dysfunction of sociornormative system of transforming Russian society

<i>Потапенко С.В.</i> О проблемах формирования правовой культуры личности в современной России	201	<i>Potapenko S.V.</i> On the problems of formation of legal culture of personality in modern Russia
<i>Маликова Е.В.</i> Анализ реализации молодежной политики в европейских странах, США и азиатских странах с учетом распределения ответственности государства, бизнеса и некоммерческого сектора	203	<i>Malikova E.V.</i> The analysis of implementation of youth policy in the European countries, the USA and the Asian countries taking into account distribution of responsibility of the state, business and non-commercial sector
<i>Нехай А.Ю., Тамазова А.Д.</i> «Городовое положение» 1785 года как прообраз устава муниципального образования в современной России	207	<i>Nekhay A.Yu., Tamazova A.D.</i> «City regulations» in 1785 as a prototype of charter of the municipality in contemporary Russia
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	210	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
<i>Упоров И.В., Кузовлева Г.В.</i> Охрана общественного порядка и муниципальная милиция: проблемы организации и законодательного регулирования (муниципальный аспект)	210	<i>Uporov I.V., Kuzovleva G.V.</i> The protection of public order and municipal militia: problems of organization and legal regulation (municipal aspect)
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	215	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
<i>Семёнова Е.Г.</i> Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа	215	<i>Semenova E.G.</i> Real estate as a legal category: the experience of the interval analysis
<i>Улаева Н.Л.</i> Правовое обеспечение охраны и защиты авторских и смежных с авторскими прав в России	221	<i>Ulaeva N.L.</i> Legal ensuring the safety and protection of copyright and rights related to copyright in Russia
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	224	MANAGEMENT ACTIVITIES
<i>Костюченко Н.И., Кравченко Н.А.</i> Проблемы формирования функций и структуры социальных систем, связанные с нарушением законов социального и государственного управления (на примере МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым)	224	<i>Kostiuchenko N.I., Kravchenko N.A.</i> Problems of formation of the functions and structure of social systems associated with the violation of the laws of social and public administration (for example, Interdistrict Registration and Examination Department of STSI of the MIA across the Republic of Crimea)
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	230	QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE
<i>Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В.</i> Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества	230	<i>Kulikov E.M., Kubyakin E.O., Plotnikov V.V.</i> Extremism as a social and management problem of transforming Russian society
<i>Нарыков Н.В., Светиков С.А.</i> Социальное неравенство: от проблемы концептуализации в науке к определению деструктивного потенциала	235	<i>Narykov N.V., Svetikov S.A.</i> Social inequality: from issues in science conceptualization to definition of destructive potential
<i>Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И., Яблонский И.В.</i> Интерпретация жизненной стратегии в экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера и А. Кожева	239	<i>Samoilov S.F., Timofeeva N.I., Yablonsky I.V.</i> Interpretation of vital strategy in existential ontology of M. Heidegger and A. Kojeve

Городенцев Г.А., Палазян А.С. Анализ жизненных стратегий индивида в историко-философской концепции А.Дж. Тойнби

Тимченко А.А. Эмпирический анализ девиаций современной молодежи: методологические и методико-процедурные проблемы

Шевченко О.П. Социальная определенность категории «пожилой человек»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

245 **Gorodentsev G.A., Palazyan A.S.** Analysis of vital strategy of the individual in the historical philosophical conception of A.J. Toynbee

249 **Timchenko A.A.** Empirical analysis of deviancy of modern youth: methodological and methodical and procedural issues

254 **Shevchenko O.P.** Social certainty of the category of «senior citizen»

258 **INTO CONSIDERATION OF AUTHORS**

**Кандидату юридических наук, доценту
Валерию Григорьевичу Беляеву – 80 лет
(поздравление другу)**

При поздравлении юбиляра все вспоминают что-то связанное с ним. И чем крупнее фигура юбиляра, тем мельче факты соприкосновения с ним. Но чаще всего вспоминают совместную работу или отдых (рыбалку, охоту и пр.). Меня этим не удивить – больше 5 лет совместной работы, да к тому же в одном кабинете, и более 40 лет дружбы.

Ты сыграл важнейшую роль в моем становлении как научного работника и педагога. Ты пришел на кафедру в 1973 г., причем в качестве ее начальника, когда я в непозволительно для тех времен «юном» возрасте поставил явно авантюрную цель – пробиться в доктора наук, и серьезно поддержал меня – и морально, и практически. Во время всех моих поездок по диссертационным делам ты лично (!) проводил за меня занятия. Валера, я это помню. Но главное – ты поверил в меня, и эта поддержка для меня значила многое. В педагогическом смысле это проявилось в том, что я впервые увидел, что лекции можно читать без всякого текста, даже без Кодекса. Это разбудило мое самолюбие. Он может, а я чем хуже? Решился – и с тех пор так и читаю. Вот что значит пример!

Валера, тебе есть чем гордиться. У нас в юриспруденции, правда, с объективностью оценки всегда слабовато. Главную твою научную заслугу я вижу в том, что ты Первый в советском уголовном праве и криминологии защитил диссертацию о личности преступника (до признанно великих наших криминологов). Да не когда-нибудь, а «аж» в 1964 г. (!), ты абсолютный пионер в этом отношении! Правда, славу твою, мягко говоря, замолчали и замалчивают до сих пор. Но есть «глас» выше формального признания. Твой автореферат заметил сам (!) А.И. Солженицын (его письмо, в котором он сообщал о своем намерении побывать на твоей защите и причинах невозможности этого, я читал). Вот это слава! Вот это признание!

Совсем недавно я делал доклад на «кутафинских чтениях» в МГЮА по проблеме освобождения от уголовной ответственности и наказания. Свое выступление я начал с того,

что вот уже более 50 лет едва ли не все авторы, пишущие на тему освобождения от уголовной ответственности и наказания, подвергают серьезной критике высказанную В.Г. Беляевым в кандидатской диссертации мысль о том, что «освобождение от наказания юридически равнозначно освобождению от ответственности». Разумеется, отрицать определенное различие между этими видами освобождения – значит отрицать наличие присущей им уголовно-правовой специфики, указанной самим законодателем, выделившим в УК РФ (в отличие от УК РСФСР) нормы, посвященные рассматриваемым видам освобождения, в самостоятельные главы. Однако и возводить между ними непреодолимый барьер, что обычно делается в теории уголовного права, было бы также принципиально неверно, и, следовательно, позиция В.Г. Беляева в главном, в основном представляется правильной.

Из законодательных формулировок УК РФ (ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 3, ст. 8) следует, что понятие уголовной ответственности шире понятия наказания, хотя и включает его в себя. Принципиальное различие между этими понятиями проводится и в разд. IV Общей части УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания», где нормы, предусмотренные ст. 75–78, объединяются в гл. 11 об освобождении от уголовной ответственности, а нормы, предусмотренные ст. 79–83, – в гл. 12 об освобождении от наказания.

В узком смысле освобождение от уголовной ответственности существенно отличается от освобождения от наказания, т.к. оба вида освобождения имеют свое специфическое уголовно-правовое (и процессуальное) содержание.

Вместе с тем, о тесной связи освобождения от уголовной ответственности и от наказания свидетельствует, в частности, законодательное выражение института амнистии в УК РФ. В соответствии со ст. 84 УК РФ акт амнистии может освобождать лицо как от уголовной ответственности, так и от наказания. Разумеется, в первом случае

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

лицо освобождается не только, например, от ареста или подписки о невыезде как мер пресечения, но главное – от наказания, грозившего ему санкциями соответствующих статей УК РФ. Но мы-то с тобой знаем, что освобожденный от ответственности (например, по ст. 76 УК РФ), находящийся под подпиской о невыезде, сам лично воспринимает это как освобождение не от данной меры пресечения, а именно от наказания (лишения свободы,

штрафа, исправительных работ, предусмотренных за совершенное им преступление).

Так что в более широком смысле любое освобождение от уголовной ответственности в конечном счете есть одновременно и освобождение от наказания, т.е. то, что более 50 лет назад утверждал до сих пор критикуемый в теории В.Г. Беляев.

Так что продолжай в том же духе. Удивляй. Еще раз с днем рождения!

А.В. Наумов,

профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор,
лауреат Национальной премии
по литературе в области права

Бабаев Михаил Матвеевичдоктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Российский государственный университет правосудия**Пудовочкин Юрий Евгеньевич**доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный университет правосудия

(тел.: +74953325192)

Уголовное наказание как отражение культурных установок общества

Рассматриваются вопросы культурной обусловленности уголовного наказания, его взаимосвязи с иными проявлениями культуры. Отмечается, что как явление культуры уголовное наказание есть социальный конструкт, формирующийся в процессе сложного взаимодействия множества факторов, образующих в своем системном единстве культурную среду.

Ключевые слова: культура, культурные установки, законодательство, преступление, уголовное наказание.

M.M. Babaev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Russian State University of Justice;

Yu.E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Russian State University of Justice; tel.: +74953325192.

Criminal punishment as a reflection of cultural attitudes of the society

The authors consider issues of cultural conditionality of criminal punishment and its relationship to other manifestations of culture. It is noted that criminal punishment as the cultural phenomenon is a social construct, which is formed during the complex interaction of many factors, forming cultural environment in its systemic unity.

Key words: culture, cultural attitudes, legislation, crime, criminal penalties.

Когда говорят о культуре, то зачастую имеют в виду, во-первых, культуру как определенную целостность, во-вторых, культуру как исключительно высокие позитивные образцы мышления и поведения и, в-третьих, образцы, которые являются общепризнанными. Отсюда – линейные рассуждения о том, что культура является неким внешним фактором по отношению к преступности, праву и наказанию, что преступность противостоит культуре, что посредством культуры можно преодолеть или минимизировать преступность, что наказание способствует поддержанию общепризнанных стандартов поведения и защите общезначимых ценностей. Все это одновременно и правильно, и ошибочно.

Прежде всего, надо признать вслед за культурологами, что как самостоятельного явления культуры не существует. Культура есть условное обозначение некоторой совокупности форм человеческой жизнедеятельности и продуктов этой жизнедеятельности (материальных, интеллектуальных, образных и пр.) [1, с. 128]. В этом отношении и уголовное наказа-

ние, и уголовное право в целом – это не внешний по отношению к культуре элемент бытия, а непосредственное проявление культуры, одна из форм ее выражения, элемент культуры. Учитывая их системное единство, следует отметить, что культурная обусловленность уголовного наказания есть отражение взаимной связи наказания с иными проявлениями культуры (духовными ценностями, экономикой, политической системой и пр.). Связь эта предполагает, что наказание по определению не может быть в данный конкретный момент времени иным, нежели оно есть на самом деле, оно всегда культурно обусловлено. Невозможно представить себе ситуацию, при которой высокий уровень развития одних культурных ценностей и практик будет сопровождаться низким уровнем качества и эффективности уголовного наказания. Последнее всегда коррелирует с иными культурными феноменами и адекватно им. В силу этого любой упрек в адрес системы наказаний одновременно есть упрек уголовно-правовой и пенитенциарной наукам, упрек системе законотворчества и правоприменения,

упрек всем иным элементам социальной организации общества.

Далее. Принимая во внимание, что культура, по большому счету, есть все, что не есть природа, надо признать, что ее компоненты и формы не могут быть исключительно положительными и прогрессивными. Культура, будучи категорией целостной, по своему содержанию представляет собой своего рода единство противоположностей. Это качество проявляется, в частности, в том, что в ней соединяется, казалось бы, несоединимое. В ее рамках «на равных» выступают, сосуществуют по сути далекие друг от друга и подчас даже взаимоисключающие явления. Среди них наука и религия, философия и искусство, достижения интеллекта и мистика, массовые коммуникации и творческая интуиция, великие открытия и плоды «затмения разума», явления, относящиеся к разным историческим эпохам, различным этническим или национальным традициям, нередко антагонистическим по отношению друг к другу. Очень живо и точно выразил эту мысль Я.И. Гилинский: «Культура не только “позитивные”, одобряемые способы деятельности, но и “негативные”, порицаемые, “образцы культуры” не только со знаком “+”, но и со знаком “-”». В культуру входят способы научного, технического, художественного творчества, но также и способы взлома квартиры... нормы христианской морали, но также и нормы воровской культуры, лучшие образцы мирового зодчества, но также и надписи на заборах...» [2, с. 46–47]. О том же предупреждает А.Я. Флиер: «Никогда не стоит забывать о том, что культура содержит в себе многие потенции с примерно равной вероятностью их реализации. Она может быть основанием как выдающихся творческих актов, так и чудовищных преступлений против человечности. Под ее воздействием можно писать симфонии для “своих” и открывать концлагеря для “чужих”» [3, с. 14–15]. Образно говоря, на палитре культуры есть множество красок всех оттенков цвета – от белого (высокое) до черного (низкое).

Вопрос же о том, что такое высокое и что такое низкое в культуре и чем одно отличается от другого, должен разрешаться и разрешается посредством системы оценок и ценностей, процесс формирования и применения которой составляет суть аксиологической доктрины культуры. В ее рамках надежно доказано, что свойство быть ценностью существует не само по себе, не как некая абстракция, раз и навсегда определенная данность. Оно обнаруживает себя в той или иной, большей или меньшей

мере в зависимости от характера, содержания потребностей, желаний, интересов, которые, как известно, далеко не всегда одинаковы у разных людей, групп, обществ. Критерии, лежащие в основе оценки полезного или вредного потенциала духовных конструктов, степени их важности, значимости для достижения целей, возможностей жизнеобеспечения субъектов социальной практики (акторов), всегда субъективны, личностны, мотивированы собственным опытом.

С этой точки зрения на уголовное наказание нельзя смотреть только и исключительно как на высокий культурный образец, прогрессивное средство поддержки и защиты прогрессивных ценностей. В нем отражаются не только лучшие стандарты и представления «передовых слоев» о борьбе с преступностью, но и все иные, в том числе и продиктованные самой преступностью, взгляды и установки. Да и само наказание не может рассматриваться как безусловная ценность. Еще П.А. Сорокин писал, что преступление и наказание по своему материальному содержанию абсолютно одинаковы и эквивалентны: точно так же всякое преступление есть наказание того, против кого направлено преступление, и, наоборот, всякое наказание по своему материальному характеру есть преступление по отношению к преступнику. Различие между преступлением и наказанием, указывал автор, заключается не в содержании этих актов, а исключительно в том, что преступление есть причина, а наказание – следствие: основным различием между преступлением и наказанием остается лишь временная последовательность [4, с. 208, 209]. В наши дни оригинальную интерпретацию этой мысли предложил Р.А. Ромашов, рассматривая право и преступность, преступление и наказание с позиций учения теоретической физики о частицах и античастицах [5].

И, наконец, третий момент. Когда мы говорим о влиянии культуры общества на формирование особенностей системы уголовных наказаний как целостности и отдельных видов наказания, мы, конечно, понимаем, что речь идет об отражении в них некоей «усредненной культуры», «усредненного» правосознания и правопонимания, отраженных в «усредненном» общественном мнении. Мы говорим: в уголовном наказании находят отражение социокультурный статус общества, господствующие в нем мировоззренческие взгляды, нравственные позиции по поводу того, что есть добро и зло, каковы в этом обществе обычаи и традиции и т.д. Но совершенно очевидно, что

такая общая характеристика дает лишь весьма приблизительное, усредненное представление о феноменах, лежащих в основе совершенно конкретных и при этом поразительно разнообразных норм-регуляторов поведения людей: от оскорбления чести до терроризма. Дело в том (и это уже из разряда плоских истин), что в реальной жизни подобных «усредненных» субстанций не существует. За малым исключением не существует общих, единых для всего социума культурных ценностей и норм, обычаев и традиций, моральных постулатов, стандартов поведения и т.д. В своей реальной жизни феномен, о котором идет речь, распадается на множество больших и малых воплощений в соответствии с демографическими, территориальными, этническими, религиозными, формально- и неформально-групповыми и иными особенностями культуры. Наряду с картиной мира социума в целом, т.е. совокупностью представлений, которыми обладает большинство членов общества, существуют соотносящиеся с ней как часть с целым картины мира отдельных сообществ (национальных, религиозных и др.), социальных групп (возрастных, профессиональных и др.) и, наконец, индивидуальные картины мира. «Люди разных культур» внутри одного общества (которое в действительности только на первый взгляд и то лишь в условном смысле может быть признано единым), люди с различными, подчас противоположными системами ценностей, с различным, нередко принципиально разным менталитетом – это неизбежное явление, совершенно нормальное, естественное положение дел. В каждый момент времени в каждом обществе реально присутствуют и проявляют себя образцы и носители культуры высокого и низкого; прошлого, настоящего и будущего; центра и периферии и т.д. В этом отношении можно, пожалуй, смело говорить о том, что культуры «вообще» не существует. Во-первых, общество продуцирует совершенно разные, порой диаметрально противоположные культурные нормы и практики; а во-вторых, сам человек может в достаточной степени свободно определять свои культурные предпочтения и также свободно их менять.

В связи с этим как не вспомнить ценные замечания П.А. Сорокина, который еще в начале прошлого века указывал:

нельзя считать преступлением отклонение от «среднего уровня и шаблонов поведения общества», поскольку при таком взгляде не будет разницы между собственно преступником и лицом, «опередившим» этот средний уровень;

нельзя считать, что наказание преступления защищает все общество; юридическая защита путем наказаний не равнозначна защите всего общества, а представляет только защиту его привилегированной части, защиту, которая для других элементов общества сплошь и рядом является преступлением, насилием и, если угодно, преступлением;

представляет недоразумение положение, будто преступление всегда нарушает социальные интересы, что оно оскорбляет сознание всего общества, поскольку шаблоны поведения преступника есть также продукт социальных отношений, а преступник составляет часть общества; преступление, таким образом, оскорбляет уже сознание не всего общества, а только его части, исключая всех тех, кто имеет шаблоны, тождественные с шаблонами преступника, которые, в свою очередь, часто оскорбляются наказанием и для которых само наказание превращается в преступление [4, с. 143, 147, 210].

Изложенные (возможно, излишне подробно) тезисы о неоднородности и неоднозначности культуры в преломлении сквозь призму уголовного наказания позволяют представить особый взгляд на этот уголовно-правовой феномен, учитывающий особенности механизма отражения в нем культурных ценностей и предпочтений общества.

Как явление культуры уголовное наказание в той же мере, как и преступление, есть социальный конструкт. И в качестве такового оно формируется в процессе сложного взаимодействия множества факторов, образующих в своем системном единстве культурную среду.

Исследуя социально-культурные истоки уголовного наказания, принимая во внимание устоявшуюся в демократических обществах процедуру принятия и применения уголовных законов, представим процесс его формирования как своего рода социокультурную пирамиду. Следует отметить, что, обращаясь к образу пирамиды, в нашем случае не следует представлять ее как конструкцию, гармоничную в той же мере внутренне, сколь и внешне. Можно одновременно использовать (если не бояться «красивостей») и другой образ: это котел, в котором кипят большие и малые противоречия, чаще всего скрытые, но подчас вырывающиеся наружу в форме общественных волнений, публичного выражения недовольства граждан теми или иными законодательными решениями или практикой их применения. Однако если говорить о пирамиде, то ее вершина – Президент, как гарант Конституции страны и

лицо, наделенное в законотворческом процессе правом промульгировать закон и накладывать на него вето. Ниже – законодательный корпус, парламент, призванный не только выражать сугубо политические взгляды населения, но и транслировать, продвигать и защищать культурные ценности самых различных слоев населения, участвующих в формировании законодательного собрания. В основании же пирамиды – население, граждане – носители базовых обычаев, традиций, норм поведения, оценок, представлений о справедливости, добре и зле и т.д.

Пирамида эта есть не что иное, как механизм трансляции представлений об уголовном наказании, исходящих от нижних, средних и высших ее слоев. Сама эта трансляция не может мыслиться как идеальный, линейный процесс воплощения в уголовном законе и наказании «высоких культурных идеалов». Как уже указывалось, в обществе наличествует множество культурных групп со специфическим набором ценностей, их интересы могут быть представлены в парламенте далеко не зеркально, к тому же парламентарии как особая группа обладают собственными культурными установками и имеют реальную возможность эксплуатировать в законотворческой практике культурные предпочтения практически любой группы населения, а при необходимости и одного отдельного человека.

В силу этого можно утверждать, что уголовное наказание как продукт культуры есть реализация представителями одной субкультуры (пенитенциарной) неких практик противодействия преступности, которые отобраны представителями другой субкультуры (политической элиты) и в той или иной степени соответствуют и отражают интересы населения в целом. На каждом из этих этапов (формирования представлений о наказании у населения, отражения этих представлений в уголовном законе, применения закона на практике) уголовное наказание испытывает влияние (а точнее, формируется под непосредственным влиянием) массовой и профессиональной культуры.

Признавая безусловное наличие высоких образцов в каждой из них, в рамках настоящей публикации обратим внимание лишь на те компоненты и характеристики культуры, которые дискредитируют идею уголовного наказания, наделяют практику его реализации такими свойствами, которые могут быть оценены (прежде всего, профессиональным сообществом) как негативные или нежелательные. Российское общество дает, к сожалению, немало

доказательств распространенности обычаев, традиций, стереотипов мышления и поведения самого низкого социокультурного и нравственного уровня.

Прежде всего, отметим несколько феноменов, имеющих весьма существенную социокультурную подоплеку, которые определяют современные подходы к конструированию наказания с его отчетливо выраженным репрессивным уклоном. Среди них:

высокий уровень распространения насилия и жестокости в обществе, которая является следствием укоренившихся, традиционных для российского социума стереотипов культуры (как справедливо замечает Ю.М. Антонян, применение давно и прочно укоренившихся в качестве социокультурного стереотипа насильственных способов решения больших и малых проблем стало чем-то вроде национальной традиции);

распространенные в обществе социокультурные установки, картины мира, ориентирующие на репрессию как на главный (если не единственно реальный) метод борьбы с преступностью и ее «искоренения»; «злокачественная агрессивность» (Э. Фромм) с ее вечным поиском врагов, с которыми государство должно расправляться;

существенный (глубинный) разрыв в понимании сути и реальных возможностей уголовного наказания у узкого круга профессиональных и ответственных юристов, социологов, политиков, т.е. профессионального сообщества, и остальной части населения;

сложившиеся установки представителей властной элиты, механизмы и практики принятия законотворческих решений, далекие от классических стандартов развитой демократии;

возможное, но вовсе не обязательное совпадение культурных предпочтений законодателя и основной массы населения, чьи интересы он в идеале должен выражать и защищать.

Перечень этот можно продолжать, однако и сказанного, видимо, достаточно, чтобы напомнить очевидное: разные люди, разные социальные группы выступают носителями разной культуры, определяющей их далеко не единодушные взгляды на преступность, преступников и на то, каким должно быть уголовное наказание. Отсюда и пестрота сигналов на эту тему, идущих от них, – выступлений, письменных предложений, высказываний в ходе социологических опросов и т.п., которые поступают в органы власти и к законодателю. Можно выбирать любой из этих сигналов (множества общественных мнений), и избранная санкция будет

считаться «культурно обоснованной реакцией на преступление». Остается в тени только «маленький» вопрос: какая из культур легла в основу выбора?

Наличествующий социокультурный фон создает весьма специфическую ситуацию, в которой главный формальный творец уголовного наказания – законодатель, обладая собственной картиной мира и собственными представлениями о возможностях и целях использования уголовного наказания, причем не обязательно совпадающими с профессиональными представлениями юристов и обыденными представлениями граждан, должен транслировать в рамках формального соблюдения демократических процедур культурные представления всех (или, по меньшей мере, большинства) граждан в целях защиты общих интересов.

Такое положение дел не является ни хорошим, ни плохим. Это данность, с необходимостью возникающая из наложения демократических механизмов принятия властных решений на реальную картину культурных различий социума.

В подобной ситуации большое (если не решающее) значение приобретают культура, правосознание и правопонимание самого законодателя и правоприменителя. Для того чтобы система уголовных наказаний в целом и каждое конкретное назначаемое судом наказание выстраивались на началах нравственности, справедливости, общей, правовой и профессиональной культуры, уважения к лучшим традициям народов, населяющих нашу страну, соблюдения конституционных прав граждан, – для того, чтобы было так, надо, чтобы такими же личными свойствами (достоинствами) отличались те, кому дано высокое право (на кого возложена высокая ответственность) формировать и реализовывать российскую уголовную политику, в частности ее пенологическую составляющую. В первую очередь имеются в виду законодатели и судьи. Законы, которыми пополняется Уголовный кодекс, меры наказания, назначаемые судьями, – это не только своего рода их визитная карточка, но и достаточно полная служебная и человеческая характеристика. *Sapienti sat!*

Депутатский корпус призван воспринимать, фильтровать, перерабатывать и ретранслировать те сигналы, мысли и желания, которые возникают у граждан страны (их различных по численности, но равновеликих по силе общественного воздействия и значению групп). Его задача – соотнести желания отдельных

социальных групп с общими потребностями, с возможностями уголовного наказания, с собственными представлениями об уголовном праве, с основными принципами уголовного права, с Конституцией страны, с ее международными обязательствами и сформулировать запрет, который не только бы всех устроил, но и оказался бы всем полезным. Сепарация потока сигналов, идущих от общества, избирательность, в принципе, процесс естественный и необходимый. Концептуальной важности вопрос здесь – социокультурный и нравственный критерии (оставляем в стороне все другие) выбора, содержание и сила давления политических предпочтений, доминирующих при отборе и принятии «в работу» либо одних, либо других сигналов (вызовов, запросов на криминализацию и пенализацию).

В отличие от законодателя, судья, напротив, должен быть в идеале изолирован от всего этого потока сигналов и воспринимать только один, а именно тот, что исходит из закона, с тем, чтобы в абсолютной тишине зала суда голос этого закона звучал и громче, и убедительней. Но в этой тишине уже культура самого судьи придает закону соответствующие ноты звучания. Общая и профессиональная культура, высокий уровень нравственности лиц, принадлежащих к судебскому корпусу, их идеи и эмоции, представления и убеждения, формирующие отношение к праву, – одним словом, все то, что должно лежать в основе правосознания и правовой культуры судьи, в последнее время в силу многих обстоятельств приобрело особенно важное значение. Из этих обстоятельств в данном случае выделим одно, связанное с тем, что изменения, внесенные в уголовное законодательство в течение недавних лет, принципиально расширили круг правомочий судьи по назначению наказания. В определенном смысле сегодня при выборе наказания виновному судебское правосознание подчас весомо не меньше, чем указание закона. Феномен не новый, просто по мере трансформации законодательства вырастает его роль. Уже достаточно давно А.С. Горелик писал: «Многолетний опыт показывает, что законодательные предписания, касающиеся назначения наказания, противоречащие правосознанию значительного числа судей, не будут ими фактически применяться. Примером могут служить чрезвычайно жесткие санкции за взяточничество по ст. 173 УК РСФСР – реакцией на них стало массовое назначение наказания ниже низшего предела» [7, с. 279].

Итак, жизнь добавляет аргументов в пользу тезиса о том, что ключевые социокультурные компоненты правосознания играют на поле уголовного права значимую роль.

О том, каковы на самом деле социокультурные предпочтения отечественного законодателя, убедительно свидетельствуют текущая практика законотворчества и те проекты, которыми депутатский корпус щедро одаривает свой электорат. Опуская проекты, в которых предлагается усилить ответственность за все, что уже есть в уголовном законе, среди наиболее ярких, интересных и опасных одновременно назовем законопроект № 1111185-6, внесенный депутатом О.Л. Михеевым, который предлагает установить наказание за дискредитацию Российской Федерации, т.е. распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Российской Федерации, правовом положении граждан в Российской Федерации, дискредитирующих Российскую Федерацию или ее органы власти. Упомянем также предложенный Законодательным собранием Ленинградской области проект статьи об административной ответственности за злонамеренные действия по искажению внешнего вида неофициального символа страны (например, плакат «Родина-мать зовёт», танк Т-34 и др.) с целью унижения его национальной или исторической значимости для российского народа и Российского государства. Можно обратиться к инициативам законодателей в иных областях – от создания единого учебника по истории до изъятия из Конституции положений о приоритете норм международного права над федеральными законами, от запрета на обращение долларов США в стране до наложения санкций на членов Всемирного антидопингового агентства.

Справедливости ради надо отметить, что далеко не все проекты подобного рода получают официальную поддержку и становятся законами. Срабатывают некоторые культурологические и политические барьеры. Но сам по себе факт наличия законопроектов подобного рода весьма показателен. Он свидетельствует, во-первых, о наличии в обществе запросов на соответствующие изменения и решения, а во-вторых, о том, что улавливающий аппарат законодательной власти воспринимает эти сигналы и реагирует на них, в связи с чем введение наказания за некоторые действия, обладающие сомнительной общественной опасностью, выглядит нередко как сознательная игра на низменных чувствах (инстинктах)

определенных граждан либо как сознательное использование этих чувств в провокативных целях.

Оценивать такое положение вещей можно двояко. С одной стороны, можно упрекнуть законодательный корпус в том, что его настройки «сбиты», что он улавливает далеко не самые ценные сигналы, исходящие от общества. С другой стороны, можно высказать восхищение воспринимающим аппаратом власти, способным реагировать на самые разные, исходящие от самых разных культурных слоев запросы. В этом случае если и высказывать упреки, то только по отношению к самому обществу, которое способно подобные запросы продуцировать.

В подобной ситуации в качестве очевидного рецепта спасения института уголовного наказания от деформаций (а равно и общества от последствий воплощения такого института) напрашивается реализация известного (а во многом печально известного) лозунга «Культуру – в массы!».

Но дело в том, что культура не механический рычаг, синхронно со своими движениями переключающий и деятельность законодателей и правоприменителей «с минуса на плюс», и социальные запросы населения. Повышение уровня общей, общеправовой и профессионально-правовой культуры лиц, тяготеющих к безоговорочно суровым и жестким моделям реакции на нарушения правопорядка, отнюдь не означает превращения их в столь же безоговорочных либералов и гуманистов крайнего толка. Все дело опять же в неоднородности культуры, а также в отсутствии прямой, линейной связи между культурой и наказанием. Связь эта опосредуется сугубо политическими и профессионально-юридическими элементами.

Да, Россия – страна Пушкина, Толстого, Достоевского, страна Таганцева, Кудрявцева, Жалинского. Эти великие умы и те, кто вслед за ними предпочитает пути нравственности, справедливости, свободы, «милости к падшим», оставляют свой след в менталитете, формировании картины мира, уровне цивилизации и правовой культуры. Они – участники формирования представлений о добре и зле, о надлежащей реакции на проявления зла. Они составляют часть элиты, создающей законы. Но они же испытывают давление со стороны носителей иной психологии и иной картины мира, которые также оставляют свой след и в истории культуры, и в законотворческом процессе. Оставим эти силы без поименного указания, хотя и не упомянуть депутатов Милонова и Яровую нельзя.

Соотношение тех и других жизненных позиций и установок меняется в зависимости от характеристик исторических этапов развития общества, от условий, способствующих преобладанию тех или других. И от власти, позиция которой воплощается в режиме, в предпочти-

тельных методах и средствах управления страной, идеологических установках, от того, каким силам открывается сама система управления обществом, кто в первую очередь рекрутируется во власть и получает доступ к государственным рычагам и печатям.

1. Флиер А.Я. *Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей, а также преподавателей культурологии*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

2. Гилинский Я.И. *Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*. 2-е изд. СПб., 2009.

3. Флиер А.Я. *Культура как оружие массового поражения // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. докл. Междунар. науч. симпозиума*. СПб., 2010.

4. Сорокин П.А. *Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали*. М., 2006.

5. Ромашов Р.А. *Понимание права, преступления и наказания в контексте культурологической парадигмы современного мировосприятия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2014. № 2.

6. Антонян Ю.М. *Насилие. Человек. Общество*. М., 2001.

7. Горелик А.С. *Практика применения правил назначения наказания // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., сост. на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г.* М., 2003.

1. Flier A. Ya. *Culturology for cultural specialists: study aid for undergraduates, graduate students and applicants, as well as cultural studies lecturers*. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2009.

2. Gilinskiy Ya.I. *Criminology: theory, history, empirical basis, the social control*. 2nd ed. St. Petersburg, 2009.

3. Flier A. Ya. *Culture as a weapon of mass destruction // Culturology and global modern challenges: towards a humanist ideology of self-preservation of humanity: coll. of reports of Intern. sci. symposium*. St. Petersburg, 2010.

4. Sorokin P.A. *Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the main forms of social behaviour and morality*. Moscow, 2006.

5. Romashov R.A. *Understanding the law, crime and punishment in the context of the modern perception of the world culturological paradigm // Penal system: law, economics, management*. 2014. № 2.

6. Antonian Yu.M. *Violence. Human. Society*. Moscow, 2001.

7. Gorelik A.S. *Practice of application of the rules of sentencing // Five years of the Criminal Code of the Russian Federation: results and prospects: proc. of Intern. sci.-pract. conf., took place at the faculty of law of the Moscow state university of M.V. Lomonosov, May 30–31, 2002*. Moscow, 2003.

Капинус Оксана Сергеевна

доктор юридических наук, профессор,
Академия Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: niigp@msk.rsnet.ru)

Ображиев Константин Викторович

доктор юридических наук, профессор,
Академия Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: okv79@mail.ru)

Одновременное получение взятки от нескольких лиц: проблемы квалификации

На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу, что при разграничении единичного получения взятки от нескольких лиц и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, уголовно-правовая оценка содеянного должна осуществляться с учетом двух критериев: а) характера взаимодействия взяткодателей (совместности или самостоятельности их действий), одновременно передавших взятку одному должностному лицу; б) субъективного восприятия этого взаимодействия со стороны взяткополучателя. С учетом указанных критериев в статье сформулированы частные правила квалификации одновременного получения взятки от нескольких лиц, а также действий посредника во взяточничестве, одновременно оказавшего посреднические услуги двум или более взяткодателям.

Ключевые слова: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, сложное единичное преступление, совокупность преступлений.

O.S. Kapinus, Doctor of Law, Professor, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: niigp@msk.rsnet.ru;

K.V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: okv79@mail.ru

Taking a bribe simultaneously from several persons: the problems of qualification

Based on the research the authors conclude that the delimitation of unit taking a bribe from several persons and multiple offenses under art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal and legal assessment of the offense must take into account two criteria: a) the nature of the interaction between givers (together or independently of their actions), simultaneously transmit the bribe to one official; b) subjective perception of this interaction on the part of the bribe-taker. In view of the above criteria the rules of qualification of taking a bribe simultaneously from several persons, as well as actions intermediary in bribery, both provide mediation services to two or more of those who give are formulated in the article.

Key words: taking a bribe, bribery, mediation in bribery, single complex crime, set of crimes.

При уголовно-правовой оценке одновременного получения должностным лицом взятки от нескольких взяткодателей возникает непростая проблема разграничения единичного преступления и совокупности преступных деяний. В абз. 2 и 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предложен следующий подход к ее решению: «Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка или незаконное вознаграждение при

коммерческом подкупе получены или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц. Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких об-

стоятельствах образует совокупность преступлений».

Это частное правило квалификации взяточничества сформировалось в судебной практике достаточно давно. В п. 10 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» одновременное получение должностным лицом взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого взяточдателя совершается отдельное действие, предписывалось квалифицировать как преступление, совершенное неоднократно. И хотя в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» подобные разъяснения отсутствовали, в решениях по конкретным делам высшая судебная инстанция не раз подчеркивала, что получение взятки от нескольких лиц необходимо квалифицировать с учетом характера действий должностного лица, совершаемых в интересах нескольких взяточдателей.

Так, С., являясь должностным лицом, за принятие зачета по немецкому языку получил в качестве взятки от четырех студенток деньги. Органами предварительного следствия действия С. квалифицированы по п. «б» ч. 4 ст. 290 УК РФ как получение взятки, совершенное неоднократно.

Суд первой инстанции, переqualифицируя действия С. на ч. 1 ст. 290 УК РФ, исходил из того, что действия виновного по получению взятки от каждой из студенток охватывались единым умыслом, совершены в короткий промежуток времени, а его предложение о даче взятки было обращено ко всем сразу, а не конкретно к каждой из студенток, в связи с чем его действия нельзя квалифицировать по признаку неоднократности получения взяток.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась с решением суда, считая неверной квалификацию судом действий С. Так, суд не учел, что виновный, получив деньги от студенток и приняв зачет, совершил действия в интересах каждой из них.

С учетом изложенного приговор отменен, а дело направлено на новое судебное рассмотрение [1].

Итак, с точки зрения высшей судебной инстанции, уголовно-правовая оценка одновременного получения взятки от нескольких лиц зависит от двух факторов:

количества действий (актов бездействия), совершаемых за взятку, – по мнению Пленума, для единичного получения взятки характерно «совершение одного действия (акта бездей-

ствия)», тогда как при совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, в интересах каждого взяточдателя «совершается отдельное действие (акт бездействия)»;

интересов взяточдателей, для удовлетворения которых должностным лицом совершаются соответствующие действия (акты бездействия), – как разъясняется в постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24, если они совершаются «в общих интересах» взяточдателей, имеет место одно преступление, а когда действия (акты бездействия) должностного лица совершаются «в интересах каждого из них», содеянное образует совокупность преступлений.

Приступая к анализу названных критериев, отметим, что, на наш взгляд, само по себе количество действий (актов бездействия), совершаемых за взятку, не может служить надежным критерием разграничения совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и единичного получения взятки. Это можно наглядно проиллюстрировать на двух примерах.

В первом случае следователь, получив от двух совместно действующих подозреваемых взятку за незаконное их освобождение от уголовной ответственности, чтобы завуалировать свои действия, вначале прекращает уголовное преследование в отношении одного из взяточдателей, а потом принимает аналогичное решение в отношении другого. Принятие следователем двух процессуальных решений в этом случае не делает получение взятки от нескольких лиц совокупностью преступлений. Квалифицировать получение взятки от каждого взяточдателя как самостоятельное преступление невозможно, т.к. подозреваемыми была дана одна взятка (пусть и состоящая из двух «взносов») группой лиц по предварительному сговору, что осознавалось следователем.

Во втором случае следователь одним процессуальным решением прекращает уголовное дело в отношении двух подозреваемых, каждый из которых самостоятельно, втайне от другого передал ему взятку. Несмотря на совершение одного действия, выгодного каждому из взяточдателей (прекращение уголовного дела), вполне очевидно, что в этом случае следователь получил две взятки, которые требуют совокупной уголовно-правовой оценки.

Кстати, последний пример вынуждает признать, что и интересы взяточдателей – это весьма расплывчатый критерий в плане разграничения единичного получения взятки от нескольких лиц и совокупности преступлений (тем более, что точно определить характер интересов взяточдателей на практике бывает довольно непросто). В прекращении уголовного дела за взятку заинтересованы оба подозрева-

емых (в рассматриваемом случае это их совпадающий интерес), однако, как представляется, это не дает оснований для вывода о получении следователем одной взятки, т.к. им были совершены две коррупционные «сделки» с самостоятельно действующими «контрагентами».

Приведенные примеры показывают, что предложенные в п. 21 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 правила разграничения единичного получения взятки от нескольких лиц и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, требуют корректировки, т.к. они не учитывают следующие принципиальные обстоятельства.

Во-первых, одним действием (актом бездействия) должностное лицо может удовлетворить различные интересы не связанных друг с другом взяткодателей, равно как и наоборот – общий интерес взаимодействующих взяткодателей может быть удовлетворен посредством совершения нескольких различных действий (актов бездействия) в отношении каждого из них.

Во-вторых, и это не менее важно, действие (бездействие), совершаемое должностным лицом за взятку, – это, как правило, посткриминальное поведение, которое к тому же находится за рамками состава получения взятки. Получение взятки признается окончанным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей (п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24), а значит, ставить квалификацию этого преступления исключительно в зависимость от действий (бездействия) взяткополучателя, которые в подавляющем большинстве случаев совершаются после юридического окончания преступления, неверно.

Более того, в некоторых случаях это в принципе невозможно. Вернемся к примеру со следователем, который получил взятку сразу от двух подозреваемых за незаконное освобождение обоих от уголовной ответственности. Как квалифицировать его действия, если он был задержан с поличным сразу же после получения взятки от подозреваемых? Очевидно, что в этом случае ориентироваться на количество принимаемых процессуальных решений нельзя.

Полагаем, что при разграничении единичного получения взятки от нескольких лиц и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, уголовно-правовая оценка содеянного должна осуществляться с учетом двух критериев: а) характера взаимодействия взяткодателей (совместности или самостоятельности их действий), передавших взятку одному должностному лицу; б) субъективного

восприятия этого взаимодействия со стороны взяткополучателя.

На основании этих критериев можно сформулировать следующие правила квалификации.

1. Если взяткодатели действуют совместно, в общих интересах, с двусторонней субъективной связью, т.е. в соучастии, то им следует вменять дачу взятки группой лиц по предварительному сговору или, в зависимости от обстоятельств дела, организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 291 УК РФ). В этом случае должностное лицо, осознававшее, что получает взятку от нескольких взяткодателей, действующих в соучастии, вступает в коррупционные отношения с одним групповым субъектом и, таким образом, совершает одно преступление. При этом размер незаконного вознаграждения, полученного от каждого взяткодателя, должен суммироваться.

2. Если взяткодатели действуют самостоятельно, не сговариваясь, и должностное лицо осознает это обстоятельство, получение взятки от каждого взяткодателя требует отдельной уголовно-правовой оценки. Здесь должностное лицо вступает в коррупционные отношения с каждым взяткодателем по отдельности, даже если взятка была получена от одного лица, действующего в качестве посредника.

Предложенные правила квалификации можно продемонстрировать на примере получения преподавателем государственной образовательной организации незаконного вознаграждения от студентов за выставление положительной оценки на экзамене. Если все студенты-взяткодатели действуют самостоятельно, а преподаватель осознает, что берет взятки от нескольких студентов за положительные экзаменационные оценки, то получение взятки от каждого из них необходимо квалифицировать как отдельное преступление, причем даже в тех случаях, когда студенты передают взятки через одного посредника (например, старосту группы). О самостоятельности действий взяткодателей могут, в частности, свидетельствовать следующие объективные обстоятельства: наличие списка студентов, передавших взятки, с указанием суммы взятки и (или) оплаченной оценки; дифференцированный размер взятки, который зависит от желаемой студентами оценки (например, 10 тыс. рублей за оценку «отлично», 8 тыс. рублей за оценку «хорошо», 5 тыс. рублей за оценку «удовлетворительно»); тот факт, что студенты передают преподавателю взятки втайне друг от друга.

С точки зрения перечисленных обстоятельств некоторые сомнения вызывает обоснованность квалификации действий заведу-

ющего кафедрой К., осужденного за получение взятки.

Согласно показаниям студентов перед экзаменом по предмету «Отечественная история» К. дал понять всей группе, что его предмет на экзамене с положительной оценкой будет сдать сложно. В разговоре со студентом А. заведующий кафедрой К. назвал «расценки» за положительные оценки на экзамене. А. сообщил студентам учебной группы о разговоре с К., после чего студенты, желающие получить положительную оценку за взятку, собрали деньги, зачетные книжки и составили список, в котором напротив каждой фамилии стояла соответствующая сданной сумме оценка. Через некоторое время А. и другие студенты решили заявить о планируемой передаче взятки в полицию.

После того, как А. передал К. пакет с деньгами и зачетными книжками, К. был задержан сотрудниками полиции.

Приговором Оренбургского областного суда от 26 марта 2012 г. действия К. квалифицированы как одно преступление по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменений [2].

Как представляется, в этой ситуации обстоятельства дела свидетельствуют о том, что все взяткодатели действовали самостоятельно, преследуя собственные интересы, а должностное лицо осознавало получение взяток от нескольких лиц за совершение отдельных действий в интересах каждого из них. Поэтому содеянное следовало бы квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ.

Иной уголовно-правовой оценки требует получение взятки преподавателем от группы студентов, действующих в соучастии. В этом случае в качестве предмета преступления выступает одна взятка, сформированная за счет взносов соучастников-взяткодателей, и если преподаватель осознает это обстоятельство, то получение взятки от группы лиц, действующих по предварительному сговору, необходимо квалифицировать как единичное преступление.

Студенты Д., В., Г., Д., П., Ф., Ш., Я. 27 июня 2011 г. уговорили преподавателя К. выставить им зачет за взятку, собрали денежные средства по 1 тыс. рублей каждый, после чего указанные денежные средства вместе с зачетными книжками были переданы Г. преподавателю.

После получения от Г. денежных средств К. выставил зачет в принесенные Г. зачетные книжки.

Судом установлены обстоятельства, свидетельствующие о согласованности действий студентов Д., В., Г., Д., П., Ф., Ш., Я. по сбору

денежных средств, предназначенных в качестве взятки преподавателю К. для выставления всем им зачета по предмету, и последующей передаче их преподавателю через Г. Суд указал, что перечисленные обстоятельства свидетельствуют о наличии предварительного сговора на дачу взятки преподавателю в виде денежных средств за выставление зачета по предмету без фактической проверки их знаний.

Приговором Псковского городского суда от 8 декабря 2012 г. студенты Д., В., Г., Д., П., Ф., Ш., Я. осуждены каждый по п. «а» ч. 4 ст. 291 УК РФ, преподаватель К. осужден по ч. 3 ст. 290 УК РФ [3].

Приведенное в качестве примера судебное решение наглядно показывает зависимость квалификации действий взяткополучателя от уголовно-правовой оценки действий взяткодателей. С учетом обстоятельств дела суд обоснованно признал, что должностное лицо получило взятку от группы взяткодателей, действующих по предварительному сговору, и на этом основании верно квалифицировал содеянное как единичное преступление.

Следует оговорить, что сговор группы взяткодателей на передачу совместной взятки должностному лицу в некоторых случаях имеет вынужденный характер. В частности, такая ситуация наблюдается, если преподаватель в качестве условия выставления положительной оценки каждому студенту ставит получение взятки от всей группы либо устанавливает определенный размер взятки для учебной группы в целом. В этом случае студентам, которые могли бы успешно сдать экзамен (зачет) без взятки, приходится объединяться со студентами со слабой успеваемостью и вносить свой вклад в формирование общей взятки. Разумеется, вынужденный характер соучастия в подобных случаях не влияет на уголовно-правовую оценку дачи взятки, которая должна признаваться совершенной группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 4 ст. 291 УК РФ). Соответственно, и преподаватель должен нести ответственность за единичное получение взятки от группового субъекта.

Особую сложность в плане квалификации представляют случаи получения взятки от нескольких лиц при заблуждении взяткополучателя относительно согласованности действий взяткодателей. Рассматривая эту проблему, П.С. Яни приводит два примера такого заблуждения: «Следователь может ошибочно считать, что оба подследственных договорились передать за незаконное прекращение уголовного дела взятку каждый в своей части, не образующей крупный размер, а общая сумма ее будет составлять крупный размер. В дей-

ствительности же подследственные делали это втайне друг от друга. Приняв и от того, и от другого деньги, сколько взяток взял следователь: одну в крупном размере или две не в крупном?». Отвечая на свой вопрос, П.С. Яни пишет, что «для квалификации более важно восприятие должностного лица, убежденного, что он получает взятку в крупном размере» [4, с. 61–62].

Вторым примером П.С. Яни демонстрирует субъективную ошибку другого плана, когда должностное лицо не осознает, что взяткодатель действует в соучастии. «Следователь считает, что получает отдельно от каждого из подследственных взятку за прекращение преследования именно этого лица. На самом же деле подследственные сговорились между собой... В этом случае учету подлежит, прежде всего, интеллектуальная составляющая умысла должностного лица, которое считает, что получает две взятки» [4, с. 62].

Полагаем, что предложенные теоретические рекомендации заслуживают поддержки. Они основаны на принципе субъективного вменения и согласуются с позицией высшей судебной инстанции по другим категориям уголовных дел. В частности, здесь можно провести некую аналогию с подходом Верховного Суда РФ к квалификации открытого хищения чужого имущества, которое, по субъективному представлению виновного, является тайным. В п. 2 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества». Проецируя это разъяснение на рассматриваемую ситуацию, можно заключить, что при заблуждении взяткополучателя относительно согласованности действий взяткодателя квалификацию содеянного следует осуществлять с учетом субъективных представлений должностного лица.

Анализ особенностей квалификации одновременной передачи взятки должностному лицу от нескольких лиц будет неполным, если не затронуть вопрос о квалификации действий посредника во взяточничестве, одновременно оказавшего посреднические услуги двум или

более взяткодателям. Устойчивая судебная практика квалификации подобных посреднических действий еще не сформировалась.

В одних случаях соответствующие действия расцениваются как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ.

В частности, в приговоре Ингодинского районного суда г. Читы отмечается, что Д. обеспечила передачу взятки преподавателю от студентов М., Н., О., П. и Б.

Поскольку такие действия совершены Д. в интересах каждого из указанных студентов, ее действия следует квалифицировать отдельно в отношении каждого взяткодателя, как посредничество во взяточничестве, т.е. непосредственной передаче взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, а также иное содействие взяткодателю и взяткополучателю в достижении и реализации соглашения между ними о получении и даче взятки за совершение заведомо незаконных действий [5; см. также: 6].

Вместе с тем, в других аналогичных ситуациях правоприменительные органы усматривают в содеянном признаки единичного посредничества во взяточничестве.

Так, например, К., выступая посредником в даче взятки, действуя по поручению трех студентов, т.е. в интересах указанных лиц, а также преследуя свои личные корыстные интересы, получив от одного из студентов зачетные книжки и денежные средства, передал их жене заведующего кафедрой автомобилей и автомобильного хозяйства за проставление отметок о сдаче экзаменов и расчетно-графических заданий по дисциплинам «Основы теории надежности и работоспособности технических систем» и «Теоретические основы технической эксплуатации автомобилей» без их фактической сдачи.

Советский районный суд г. Орск Оренбургской области квалифицировал указанные действия К. по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ как посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий [7; см. также: 8; 9].

Оценивая столь противоречивую правоприменительную практику, отметим, что второй вариант квалификации представляется неверным.

Во-первых, он игнорирует тесную взаимосвязь действий субъектов взяточничества, нарушает логику их квалификации. Попробуем проследить эту логику на примере передачи должностному лицу через посредника двух взяток по 100 тыс. рублей от самостоятельно действующих взяткодателей. В соответствии с п. 21 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 действия каждого из взяткодателей сле-

дует квалифицировать по ч. 2 ст. 291 УК РФ (дача взятки в значительном размере), должностному лицу необходимо вменять два факта получения взятки в значительном размере (ч. 2 ст. 290 УК РФ). Почему же в таком случае посредник должен нести ответственность за одно посредничество во взяточничестве в крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ)? Если на «входе» (у взяткодателя) и на «выходе» (у взяткополучателя) было две взятки в значительном размере, то откуда у посредника появляется одна взятка в крупном размере при том, что он осознает характер действий всех участников коррупционного подкупа? Найти вразумительный ответ на этот вопрос крайне непросто.

Во-вторых, при такой квалификации (в качестве единичного преступления) не учитывается, что посредник, передавший чиновнику ряд взяток от двух или более самостоятельно действующих лиц, становится субъектом нескольких параллельно развивающихся коррупционных отношений, участником множества коррупционных «сделок» одного взяткополучателя с различными взяткодателями. И если посредник осознает тот факт, что принимает непосредственное участие в передаче должностному лицу нескольких самостоятельных взяток, то его действия, по нашему убеждению, следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «не может квалифицироваться как единичное посредничество во взяточничестве одновременная передача должностному лицу взятки по поручению нескольких взяткодателей, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (акт бездействия). В этом случае посредник способствует реализации нескольких соглашений о передаче взятки, «обслуживает» несколько самостоятельных коррупционных цепочек, в которых каждый из взяткодателей преследует собственные интересы, что не позволяет говорить ни о функциональной взаимосвязи тождественных посреднических действий, ни о единстве умысла, ни об общности цели. Поэтому посредничество в передаче взяток одному должностному лицу от нескольких взяткодателей за совершение в пользу каждого из них отдельного действия (акта бездействия) образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ» [10, с. 149].

С учетом вышеизложенного напрашивается вывод о том, что квалификация коррупционных посреднических услуг, выразившихся в

одновременной передаче должностному лицу взяток от нескольких взяткодателей, должна осуществляться с учетом результатов уголовно-правовой оценки деяний взяткополучателя и взяткодателей. И если самостоятельно действующие взяткодатели передают через одного посредника взятки для одного должностного лица, то посредник, так же как и взяткополучатель, должен нести ответственность за совокупность преступлений. Кстати, до включения в уголовное законодательство ст. 291.1 УК РФ подобная взаимосвязь была очевидной. Посредничество во взяточничестве квалифицировалось как пособничество в даче или получении взятки [11, с. 30–35], а следовательно, если взяткополучатель признавался виновным в совокупности преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, то и посредник, действовавший в его интересах, привлекался к ответственности за пособничество в получении нескольких взяток.

В завершение статьи немного отвлечемся от квалификационных проблем и обратим внимание на уголовно-правовую природу одновременного получения взятки от нескольких лиц. Если должностное лицо получает взятку от нескольких взяткодателей, действующих в соучастии, содеянное образует единичное преступление. Очевидно, что оно относится к категории сложных единичных преступлений, отличительным признаком которых является наличие внешнего сходства с множественностью преступных деяний (у простых единичных преступлений такое сходство отсутствует) [12, с. 27–29]. Но при этом примечательно, что рассматриваемое преступное деяние не укладывается в рамки известных разновидностей сложных единичных преступлений. В ситуации одновременного получения взятки от нескольких действующих в соучастии взяткодателей прослеживается некоторое сходство с продолжаемым преступлением (тождественность преступных деяний, единство умысла, общность цели), но признать рассматриваемое преступление продолжаемым все же нельзя. Обязательным признаком продолжаемого преступления является дискретность (прерывистость), предполагающая его совершение разновременными противоправными деяниями, тогда как в рассматриваемом случае должностное лицо получает взятку от нескольких лиц одновременно. Похоже на то, что в этой ситуации мы имеем дело с новым видом сложного единичного преступления, признаки которого пока еще не получили должного теоретического осмысления.

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 88-000-10 по делу Салтынского (см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2000 года // Бюл. Верховного Суда РФ. 2001. № 1).

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 мая 2012 г. № 47-О12-24. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2013 г. № 91-О13-3. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Яни П.С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2009.

5. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы по делу № 1-207/2013 от 29 апр. 2013 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-ingodinskij-rajonnyj-sud-g-chity-zabajkalskij-kraj-s/act-473814723/>

6. Приговор Самарского областного суда от 14 авг. 2012 г. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2708408>

7. Приговор Советского районного суда г. Орска Оренбургской области по делу № 1-88/2016 от 15 марта 2016 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-orska-orenburgskaya-oblast-s/act-519336680/>

8. Приговор Баймакского районного суда Республики Башкортостан от 19 марта 2012 г. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2991077>

9. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска по делу № 1-661/2015 от 2 дек. 2015 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-500449786/>

10. Чашин К.В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве. М., 2015.

11. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6.

12. Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. М., 2016.

1. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 88-000-10 on the case of Saltynsky (see: Overview of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2000 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2001. № 1).

2. The appeal decision of the Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. May 31, 2012 № 47-О12-24. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. The appeal decision of the Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 14, 2013 № 91 О13-3. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Yani P.S. Repeated receiving illegal remuneration: concurrence of crimes, continued bribery // Criminal policy, criminal law and criminological problems of struggle against modern crime and corruption: coll. of sci. works / ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2009.

5. The sentence of the Ingoda district court in Chita on case № 1-207/2013 d.d. Apr. 29, 2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-ingodinskij-rajonnyj-sud-g-chity-zabajkalskij-kraj-s/act-473814723/>

6. The sentence of the Samara regional court d.d. Aug. 14, 2012. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2708408>

7. The sentence of the Soviet district court of Orsk of the Orenburg region on case № 1-88/2016 d.d. March 15, 2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-orska-orenburgskaya-oblast-s/act-519336680/>

8. The sentence of the Baimak district court of the Republic of Bashkortostan d.d. March 19, 2012. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/2991077>

9. The sentence of the October district court of Krasnoyarsk on case № 1-661/2015 d.d. Dec. 2, 2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-krasnoyarska-krasnoyarskij-kraj-s/act-500449786/>

10. Chashin K.V. Criminal liability for intermediation in bribery. Moscow, 2015.

11. Obrazhiev K., Chashin K. Criminalization of intermediation in bribery: search for an optimal model // Criminal law. 2013. № 6.

12. Obrazhiev K.V., Chikin D.S. Complex individual crimes. Moscow, 2016.

Чечель Григорий Ивановичдоктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,Северо-Кавказский федеральный университет
(e-mail: ug_pravo11a@mail.ru)

Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения

В статье анализируются особенности применения уголовно-правовых санкций. Итогом проведенного анализа является вывод о том, что мягкие меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений создают представление о слабой защите интересов государства и граждан, формируют убеждение в безнаказанности за совершение указанных преступлений.

Ключевые слова: наказание, общественная опасность преступления, личность виновного, лишение свободы, штраф, принцип индивидуализации наказания.

G.I. Chechel, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, North Caucasus Federal University; e-mail: ug_pravo11a@mail.ru

Criminal-law sanctions and some features of their application

The article analyzes the peculiarities of application of criminal law sanctions. The result of the analysis is the conclusion that mild penalties for committing grave and especially grave crimes create a representation of the weak protection of the interests of the state and citizens, forms the belief in impunity for the commission of these crimes.

Key words: punishment, public danger of the crime, identity of the perpetrator, imprisonment, fines, principle of individualization of punishment.

Назначение законного, обоснованного и справедливого наказания является необходимым средством в борьбе с преступностью, способствует исправлению лица, совершившего преступление, а также предупреждению совершения преступлений другими лицами. Важнейшим средством решения указанных задач является осуществление принципа индивидуализации наказания, в первую очередь, непременно с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а также особенностей личности виновного.

Поэтому разработка вопросов назначения наказания за различные преступления в отношении отдельных категорий преступников является актуальной и имеет как важное теоретическое, так и практическое значение.

Равенство всех перед законом возможно только в том случае, когда главным и единственным в оценке преступной деятельности человека будет его деяние, а не он сам как личность с ее позитивными и негативными качествами. Следует отметить, что еще в дореволюционный период в юридической литературе неоднократно отмечалось, что единственным признаком уголовного наказания является правовое последствие преступления.

Так, С.В. Познышев отмечал, что «от неюридических явлений наказание отчетливо отличается уже своей юридической природой, тем, что оно есть последствие правонарушений, устанавливаемое и отделяемое правом» [1, с. 334]. В настоящее время ряд авторов указали на такой признак уголовного наказания, как следствие, или следование за преступление [2, с. 131]. Таким образом, основанием уголовной ответственности и наказания является лишь состав преступления в деяниях виновного. Назначая тот или иной вид и размер наказания, суд в известной мере обязан прогнозировать дальнейшее поведение осужденного, решать вопрос, какое конкретно назначенное наказание в большей степени будет способствовать его быстрейшему исправлению.

Действующее уголовное право России предлагает рассматривать санкцию как одно из важнейших уголовно-правовых средств в борьбе с преступностью. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, следует назначать справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

Свою роль в борьбе с преступностью санкция уголовно-правовой нормы может выполнить только при условии, если ее минималь-

ный и максимальный пределы с достаточной полнотой соответствуют общественной опасности совершенного преступления. Следовательно, санкция с учетом тяжести совершенного деяния должна быть достаточно строгой, способной объективно сдерживать потенциального правонарушителя от совершения преступления. Достижение санкцией цели предупреждения преступлений возможно лишь в том случае, если за совершение преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, минимальные и максимальные пределы будут достаточно высокими. Однако достичь санкцией цели предупреждения указанных категорий преступлений при отсутствии в Уголовном кодексе относительно-определенных санкций невозможно.

Высказанные положения в полной мере относятся и к видам наказаний, особенно в случае, если в санкции предусмотрены альтернативные виды наказания, которые также должны строго соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления.

На страницах юридической печати высказывается мнение, что в действующем Уголовном кодексе все еще недостаточно альтернативных видов уголовных наказаний. Так, Е.С. Бышевская и О.В. Гайворонская утверждают, что система наказаний, закрепленных в уголовном законодательстве, и сложившаяся практика реализации в современных условиях фактически не создают реальной альтернативы лишению свободы [3, с. 266]. Необоснованность данного вывода подтверждается содержанием ст. 44 УК РФ, где перечислены тринадцать видов наказания, из которых десять видов не связаны с лишением свободы. Из этого видно, что суды наделены правом выбора широкого спектра видов наказания, что и создает реальную альтернативу лишению свободы.

Главное, на наш взгляд, не в количестве санкций, а в точном и жестком соотношении наказания с тяжестью совершенного преступления. «Наказание, – отмечал К. Маркс, – должно явиться в глазах преступника необходимым результатом его собственного деяния, – следовательно, его собственным деянием. Пределом его наказания должен быть предел его деяния» [4, с. 124].

Следовательно, из указанного положения напрашивается вполне определенный вывод: вид и размер наказания должны строго соответствовать характеру и степени общественной опасности содеянного. Характер и степень виновно совершенного общественно опасного

деяния (тяжесть причиненных последствий), бесспорно, являются важнейшим показателем степени общественной опасности и самого виновного.

Одинцовский городской суд Подмосковья приговорил гендиректора крупной инвестиционной компании К. к трем годам лишения свободы и штрафу в размере 500 тысяч рублей. Суд признал его виновным в хищении более одного миллиарда рублей, инвестированных правительством Московской области в строительство жилья. Деяния К. квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, предусматривающей наказание до десяти лет лишения свободы со штрафом в размере до одного миллиона рублей [5].

Возникает вопрос, соответствует ли назначенное наказание характеру и степени общественной опасности совершенного деяния? Ущерб причинен на сумму более миллиарда рублей, а возмещен всего лишь в сумме 500 тысяч рублей. Смягченное наказание назначено на основе признания вины лишь в судебном заседании, хотя вина органами следствия была полностью доказана. Можно сделать единственный вывод о неоправданно смягченном наказании с учетом так называемой «гуманизации» наказания.

Сошлемся еще на примеры из судебной практики. В Северной Осетии председатель правления Банка развития региона Д., начальник отдела кассовых операции С. в период с 2007 по 2013 г. с помощью различных схем похитили около одного миллиарда трехсот миллионов рублей из хранилищ банка. Ленинский районный суд Владикавказа назначил Д. наказание в виде трех лет лишения свободы, но условно [6].

И по данному уголовному делу, как и в предыдущем примере, ущерб, причиненный преступниками, так и остался невозмещенным. Совершенно иное отношение в судебной практике к лицам, которые не относятся к «денежной элите».

В Благодарненском районном суде Ставропольского края рассмотрены два уголовных дела в отношении птицеводов. Г. незаконно проник в хозяйственную постройку, откуда похитил гуся стоимостью 1250 руб., за что ему было назначено наказание в виде одного года реального лишения свободы. М. из другой хозяйственной постройки похитил двух индюков, стоимость которых составила 3500 руб. Приговором мирового судьи ему назначено наказание в виде шести месяцев ограничения свободы [7].

Три года лишения свободы Железноводским районным судом Ставропольского края за покушение на грабёж назначено жителю Железноводска, который пытался похитить в торговом павильоне деньги и несколько пачек сигарет на общую сумму свыше трех тысяч рублей [8].

В судебной практике, что видно из приговоров ставропольских судов, нередки примеры, когда в отношении лиц, совершивших аналогичные преступления, назначаются кардинально различные виды и сроки наказания, что, с точки зрения закона, является недопустимым. Видимо, не зря в народе прижилось изречение: «В России, если красть по-мелкому, то можно увидеть Магадан и Воркуту, а если красть по-крупному – то Лондон и Париж».

При существующей судебной практике уголовный закон, его четкое и единообразное исполнение отодвигаются на второй план, а судьба подсудимого с учетом разнuzданного так называемого усмотрения судьи зависит вовсе не от закона. За миллиардные хищения, за многомиллионные взятки порой назначаются наказания в виде штрафа либо условно, в крайнем случае за данные преступления назначается наказание в виде реального лишения свободы, как и за кражу гуся либо за покушение на грабёж на незначительную сумму.

Профессор криминологии Стокгольмского университета Хенрик отмечал: «Ведь и так ясно, что лица, которым назначаются самые суровые меры наказания, лица, содержащиеся под арестом или в пенитенциарных учреждениях закрытого типа, лишь за небольшим исключением относятся к неимущим слоям общества» [9, с. 108]. С переходом России к рыночным отношениям, точнее к крайне опасной форме капитализма, эти отношения очень четко проявились и у нас. Согласно официальным данным МВД России в 1995 г. темпы прироста числа преступников из лиц, не имеющих постоянного источника доходов, составили 24,3%, а из числа безработных – 43,8%. Данная тенденция нашла отражение и в последующие годы. Жуликов-предпринимателей ждет наказание в виде штрафа либо условно, в отличие от «простых граждан», которых ждут места лишения свободы. Гуманизация уголовного закона и судебной практики при назначении наказания стала навязчивой идеей российских властей, наивно и необоснованно полагающих, что этим можно как решить проблему предупреждения преступности, так и обеспечить развитие предпринимательства и экономики в России.

Бесспорно, чтобы получить возможность предупреждения преступлений, уголовно-пра-

вовые санкции и приговоры в части назначения наказания за тяжкие преступления должны быть достаточно строгими, учитывая, что только объективная строгость возможного наказания способна увеличивать общепредупредительное влияние на лиц, склонных к совершению преступлений.

Суд при назначении наказания обязан действовать не от своего имени, а от имени государства, реализуя его право на индивидуализацию наказания виновному в совершении преступления. Вместе с тем, принцип индивидуализации наказания грубейшим образом нарушен Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в котором законодатель упразднил нижние пределы санкций за совершение большинства не только отнесенных к категории тяжких, но и особо тяжких преступлений [10, с. 22–25].

Для того чтобы понять масштаб проблемы, достаточно привести лишь несколько примеров. Так, например, ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека) наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет (от двух месяцев лишения свободы); ч. 1 ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов войны) предусматривает наказание до двадцати лет лишения свободы; ч. 2 ст. 338 УК РФ (дезертирство с оружием, вверенным по службе, а равно дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) предусматривает наказание до десяти лет лишения свободы; ч. 3 ст. 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией двух и более лиц либо несовершеннолетнего) предусматривает наказание до восьми лет лишения свободы; ч. 4 ст. 158 УК РФ (кража организованной группой либо в особо крупном размере) предусматривает наказание до десяти лет лишения свободы и др.

Это приводит к тому, что суд, решая вопрос о назначении наказания, за одно и то же совершенное преступление, исходя из так называемого «судейского усмотрения», может назначить двум разным подсудимым крайне разное по сроку наказание – от двух месяцев до двадцати лет лишения свободы.

Санкция с такими большими пределами наказания ставит под сомнение необходимость существования самого принципа равенства всех лиц, совершивших преступление, перед уголовным законом.

Тенденция к расширению судейского усмотрения находится в глубоком противоре-

чи с перспективой сокращения преступности. Расширение судейского усмотрения противоречит важнейшим принципам уголовной политики, ибо неизбежно ослабляет авторитет закона, а с ним и авторитет самого приговора, главной основой которого является закон. Слишком широкие границы между низшими и высшими пределами санкции предоставляют суду неоправданную, а порой и вредную свободу, что чревато не только нарушением основополагающего принципа равенства всех перед законом и судом, но и чаще всего вынесением произвольных решений относительно выбора вида и срока наказания.

Кроме того, конструкция большинства уголовно-правовых санкций с их разницей между минимальными и максимальными границами в том виде, в каком они существуют сейчас, является мощнейшим коррупционным фактором.

Санкция – это часть статьи уголовного закона, содержащая указание на вид и размер наказания. Санкция и ее виды могут быть справедливыми лишь тогда, когда полностью соответствуют характеру и степени общественной опасности деяния, отраженного в статье Особенной части уголовного закона.

Анализ санкций статей УК РФ показывает, что установленные в них виды и размеры наказаний чаще всего не соответствуют интересам борьбы с преступлениями, отнесенными к категории тяжких и особо тяжких. Это прежде всего связано с наличием значительного количества альтернативных санкций, в которых альтернативно содержатся четыре, пять и даже шесть основных видов наказаний, не связанных с лишением свободы (преимущественно штраф), которые далеко не одинаковы по строгости видов наказаний. Санкции должны быть внутренне согласованными, чтобы виды наказания в одном и том же составе преступления (части данного состава преступления) полностью соответствовали тяжести совершенного преступления.

Г.В. Верина вполне обоснованно утверждает, что в последние годы наблюдается рост числа корыстных преступлений, но, вместе с тем, по непонятным причинам делает вывод о том, что «в действующем российском уголовном законодательстве наблюдается крен в сторону излишне суровых уголовно-правовых санкций, а возможности дифференциации ответственности зачастую сведены к минимуму. Поэтому сегодня крайне важна гуманизация уголовного законодательства и системы ответственности лиц, совершивших преступления» [11, с. 3–4].

О какой дифференциации и гуманизации уголовной ответственности может идти речь, если практически за все преступления против собственности, преступления коррупционной направленности и т.д. виды наказания альтернативные? Так, ст. 158 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за кражу, где в ч. 1, 2 и 3 предусмотрены, наряду с лишением свободы, такие виды наказания, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы. Аналогичные альтернативные виды наказания предусмотрены также ч. 1, 2 и 3 ст. 159 УК РФ; ч. 1, 2 и 3 ст. 160 УК РФ. При этом следует отметить, что преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ, относятся к категории тяжких.

Характерной особенностью явной либерализации назначения наказания является и то, что за преступления, являющиеся коррупционными, законодатель также предусмотрел значительное количество альтернативных видов наказания. Так, ч. 1 и 2 ст. 285, ч. 1 и 2 ст. 285.1; ч. 1 и 2 ст. 186 УК; ч. 1 ст. 286.1 УК; ч. 1 ст. 290 УК; ч. 1 и 2 ст. 292 УК и др. наряду с лишением свободы предусмотрены такие виды наказания, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и др.

В последние годы на всех уровнях общественно-политической жизни в Российском государстве говорится об усилении борьбы с преступлениями коррупционной направленности. На усиление борьбы с коррупцией направлен очередной Указ Президента РФ «О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы».

И, вместе с тем, за все преступления, отраженные в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», на первом месте (за редким исключением) законодатель отразил такой вид наказания, как штраф, даже за те преступления, которые отнесены к категории тяжких и даже особо тяжких (ч. 6 ст. 290, ч. 4 ст. 291.1 УК РФ). Штраф как основной вид наказания поставлен в альтернативу лишению свободы по подавляющим составам преступлений в Уголовном кодексе и находится на первом месте альтернативных видов наказания.

Изучение судебной практики убеждает, что коррупционные преступления тесно связаны с преступлениями в сфере экономической деятельности. Поэтому вызывает удивление и непонимание воля законодателя, который оказал предпочтение такому виду наказания, как штраф за указанные преступления.

Вряд ли убедительным является мнение В.Ю. Стримова, полагающего, что достоинства такого основного вида наказания, как штраф, очевидны, т.к. штраф выступает источником пополнения государственного бюджета и не требует при этом никаких затрат на его исполнение [12, с. 22]. В чем же автору видится цель наказания: в пополнении государственного бюджета или в исправлении виновного и в предупреждении преступлений?

Верховный суд Татарстана создал прецедент, приговорив бывшего главу администрации Верхнеуслонского района Татарстана Т. к штрафу в триста миллионов рублей за получение им взятки в пять миллионов рублей. Государственный обвинитель считал необходимым назначить виновному наказание в виде девяти лет лишения свободы и штраф на сумму пятьсот миллионов рублей. Однако суд решил, что штраф в триста миллионов рублей – вполне серьезный вид наказания человеку, который, согласно вердикту, не может как минимум три года занимать должности в эшелонах власти [13].

Возникает вопрос, каким образом Т. будет выплачивать указанную сумму штрафа? Государственный обвинитель, предлагавший назначить виновному дополнительное наказание – штраф в сумме 500 миллионов рублей, и суд, назначивший в виде основного наказания штраф в сумме 300 миллионов рублей, выявили в судебном заседании, способен ли осужденный исполнить приговор. Очевидно, что данным вопросом они не интересовались, хотя прекрасно понимали, что приговор не может быть исполнен.

По данным В. Куликова, хронической проблемой правосудия остаются штрафы, которые не удается взыскать с осужденных. По словам В. Лебедева (Председателя Верховного Суда РФ), когда человек не заплатил, это порождает чувство безнаказанности. В прошлом году суды назначили в уголовных делах 1 млрд 800 млн руб. штрафа. Из них 470 млн были выплачены добровольно. 180 млн взыскали принудительно. Еще 1 млрд 140 млн руб. повисло в воздухе. Коррупционеры должны расплачиваться огромными суммами за свои грехи. Но все ли платят? Вопрос требует изучения, ведь от этого зависит и эффективность наказания [14].

Отсюда и другой вопрос: соотносим ли по тяжести штраф в виде основного вида наказания с лишением свободы, отраженным в той или иной уголовно-правовой норме (части статьи) Уголовного кодекса РФ?

В ч. 6 ст. 290 УК РФ сказано: «Деяния, предусмотренные частями первой, третьей, четвер-

той и пунктами “а” и “б” части пятой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере (получение взятки), наказываются штрафом в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки».

Бесспорно, такие суммы штрафа взысканы быть не могут, что подтверждается практикой. Но разве сам штраф в любом размере можно сопоставить с лишением свободы до двенадцати либо до пятнадцати лет? Конечно, невозможно.

Неограниченное право суда выбирать по своему усмотрению ту или иную крайне несовместимую по тяжести альтернативу – это и есть беззаконие, чистейшей воды произвол, поощрение к совершению преступлений. Бездумное смягчение наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, исключение возможности действительной индивидуализации наказания есть не что иное, как выражение в этом законе воли внезапно возникшей из ниоткуда современной буржуазии как нового господствующего класса, возведенной в закон, позволяющей уйти представителю данного господствующего класса от справедливой уголовной ответственности.

Признак общественной опасности деяния лежит не только в основе криминализации, но и в основе определения санкции, которая должна быть адекватной опасности деяния. Санкция всегда должна отражать также и типологию общественной опасности личности преступника. Основной базой для выводов об общественной опасности преступника является совершенное им деяние. Совершенное преступление, особенно умышленное, само по себе свидетельствует об общественной опасности личности.

Лишение свободы на определенный срок и штраф заведомо неравнозначны по своему воздействию на преступников: нижние слои социума будут расплачиваться свободой, а состоятельные лица, нажившие капиталы неправедным путем, будут расплачиваться лишь частью своего капитала, а проще – откупятся от правосудия.

Штраф как основной вид наказания может и должен назначаться только за преступления небольшой или средней тяжести некорыстной направленности. За преступления корыстной и коррупционной направленности, отнесенные к

категории тяжких и особо тяжких, штраф должен назначаться в обязательном порядке в качестве дополнительного наказания.

Санкции статей Особенной части Уголовного кодекса должны устанавливать пределы наказания за отдельные виды преступных деяний в зависимости от характера их общественной опасности: чем опаснее данный вид преступления, тем строже наказание за него [15, с. 43–44], а следовательно, на первом месте должен находиться более строгий вид наказания. Соразмерность наказания, его соответствие опасности преступления должно быть признано в качестве важнейшего принципа уголовного законодательства.

Между тем в УК РФ даже за преступления, относящиеся к категории тяжких, в одном и том же составе преступления соседствуют альтернативные лишению свободы виды наказания, такие как обязательные работы, принудительные работы, исправительные работы, которые, бесспорно, неравнозначны (с лишением свободы) по своему воздействию в отношении лица, совершившего преступление.

Разве сопоставимы такие виды наказания, как принудительные работы на срок до пяти лет и лишение свободы до десяти лет за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 4 ст. 296 УК)?

Можно лишь ответить, что такая альтернатива наказаний является глумлением над истинным правосудием в борьбе с преступностью.

Такая же альтернатива лишению свободы – виды наказания, не связанные с лишением свободы, предусмотренные в ч. 3 ст. 234, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 3 ст. 160 УК РФ и многих других.

Еще больший абсурд в деле индивидуализации наказания представляет уголовно-правовая норма, предусмотренная в ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, в соответствии с которой суду предоставлен необъятный простор в выборе наказания: или арест на срок от четырех до шести месяцев, или лишение свободы до восьми лет. Разве допустимо за одинаковое преступление назначить явно неравные виды и сроки наказания – либо арест всего лишь на несколько месяцев, либо лишение свободы до восьми лет?

Указанные санкции являются явно коррупционными, подрывающими основу индивидуализации наказания.

Кроме того, объективно не могут применяться в наше время такие виды наказания, как обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, при росте безработицы и засилии мигрантов, которые вытесняют представителей коренной национальности с рабочих мест, как выгодная, бесконтрольно используемая рабочая сила.

Представляется, что такие виды наказания, как принудительные работы, исправительные работы, обязательные работы, арест, могут быть применены в качестве основных наказаний лишь за преступления, отнесенные законодателем к небольшой или средней тяжести.

Президент России в своем Послании заявил: «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства» [16]. Мягкие меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений создают у народа представление о слабой защите интересов государства и граждан, формируют убеждение в безнаказанности за совершение указанных преступлений. Если за совершенное преступление не следует справедливое и достаточно суровое наказание, граждане страны перестают верить в способность государства защитить их, в возможность правящих структур обеспечить социальную справедливость.

1. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904.

2. Горобцов В.И. Проблемы теории уголовно-правового принуждения. Красноярск, 2003.

3. Бышевская Е.С., Гайворонская О.В. Реализация принципа гуманизации уголовного права России на современном этапе // Тр. юрид. фак. Северо-Кавказского гос. тех. ун-та. Ставрополь, 2005. Вып. 10.

1. Poznyshev S.V. Basic questions about the punishment doctrine. Moscow, 1904.

2. Gorobtsov V.I. Problems of the theory of criminal law coercion. Krasnoyarsk, 2003.

3. Byshevskaya E.S., Gayvoronskaya O.V. The implementation of the principle of humanization of the criminal law of Russia at the present stage // Works of the law faculty of the North Caucasus state technical university. Stavropol, 2005. Iss. 10.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1.
5. Федосенко В. Миллиард в кармане // Рос. газ. 2011. 13 июля.
6. Емельянова С. Прикарманил банк // Рос. газ. 2015. 3 марта.
7. Александрова В. Наследники Паниковско-го // Ставропольская правда. 2015. 30 апр.
8. За сигареты – под суд // Ставропольская правда. 2011. 28 дек.
9. Там Х. Преступность и уровень жизни. М., 1982.
10. Кибальник А.Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства // Законность. 2011. № 9.
11. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.
12. Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.
13. Брайлоская С. Штраф за взятку назначили в 60-кратном размере // Рос. газ. 2012. 24 янв.
14. Куликов В. Нашли оправдание // Рос. газ. 2012. 15 февр.
15. Кибальник А.Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. 2014. № 3.
16. Рос. газ. 2015. 4 дек.
4. Marx K., Engels F. Works. Moscow, 1955. Vol. 1.
5. Fedosenko V. Billion in the pocket // Rus. newsp. 2011. July 13.
6. Emelyanov S. Pocketed bank // Rus. newsp. 2015. March 3.
7. Alexandrova V. Heirs of Panikovsky // Stavropol pravda. 2015. Apr. 30.
8. For cigarettes – under court // Stavropol pravda. 2011. Dec. 28.
9. Tam H. Crime and standard of living. Moscow, 1982.
10. Kibalnik A.G. To what the «humanization» of the criminal legislation will come // Legality. 2011. № 9.
11. Verina G.V. Differentiation of the criminal liability for crimes against property: theory and practice problems: auth. abstr. ... Dr of Law. Saratov, 2003.
12. Stromov V.Yu. Penal system: the implementation and effectiveness: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2009.
13. Braylovskaya S. Penalty for a bribe was appointed to the 60-fold size // Rus. newsp. 2012. Jan. 24.
14. Kulikov V. Found the justification // Rus. newsp. 2012. Febr. 15.
15. Kibalnik A.G. The Criminal Code of the Russian Federation: the twelfth year of degradation // Library of criminalist. 2014. № 3.
16. Rus. newsp. 2015. Dec. 4.

Бавсун Максим Викторович

доктор юридических наук, доцент,
Омская академия МВД России
(e-mail: kafedramvd@mail.ru)

Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики

В статье рассматриваются проблемы зависимости отечественной уголовно-правовой политики от факторов социокультурного характера, происхождение которых обусловлено идеями постмодернизма и их распространением в России. На конкретных примерах иллюстрируется степень влияния трансформации культурологической составляющей общественных отношений на те процессы, которые происходят в отечественном уголовном законодательстве. Уголовно-политическое направление деятельности государства представляется как необходимое условие формирования новой культурологической реальности.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, постмодернизм, идеология воздействия, факторы социокультурного характера.

M.V. Bavsun, Doctor of Law, Assistant Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kafedramvd@mail.ru

The influence of socio-cultural nature on the formation of penal policy

The article raises the problem of dependence of the domestic penal policy from socio-cultural factors, the origin of which is due to the ideas of postmodernism and their distribution in Russia. Specific examples illustrated the degree of influence the transformation of culturological component of public relations at the processes that occur in domestic criminal law. The criminal policies of the state is presented as a necessary condition for the formation of a new culturological reality.

Key words: criminal policy, postmodernism, exposure ideology, factors of socio-cultural character.

Традиционным является представление, согласно которому культурное наполнение общественных отношений оказывает самое серьезное влияние на содержание всех государственных институтов и направлений его деятельности. Данный тезис в полном объеме находит соответствующее подтверждение и в рамках формирования уголовно-правовой политики, зависимость которой от внешних факторов, в том числе и их культурологического свойства, неоспорима. Важно при этом отметить, что общественное развитие в последние десятилетия прошло несколько крайне важных этапов, в рамках реализации которых в сознание граждан совершенно целенаправленно насаждались идеи различного свойства. Особенно это касается западного общества, где постулаты постмодернизма и мультикультурализма начиная с 70-х гг. XX столетия оказали колоссальное влияние как на сознание каждого индивидуума в отдельности, так и на коллективный разум в целом. Их влияние на общество оказалось настолько мощным, что это в целом предопределило направление

развития западной культуры в сторону смещения традиционных ценностей и их замены псевдокультурными составляющими. Сформировавшийся подход сегодня находит свое проявление на всех уровнях, включая уровень межгосударственных отношений, когда, например, нетерпимость к однополым отношениям в России выступает в качестве одного из официальных поводов для отсутствия Президента Соединенных Штатов Америки на Зимней Олимпиаде в России в 2014 г. По сути, сегодня мы наблюдаем столкновение двух моделей общественного устройства, отличающихся между собой, прежде всего, в плане культурного наполнения, где восприятие одних и тех же ценностей осуществляется принципиально различным образом. Хотя следует при этом отметить, что, несмотря на ожесточенность противостояния, указанные выше идеи, особенно в последние 10–15 лет, все агрессивнее внедряются и на территории всего постсоветского пространства, включая Россию. Эффективно противодействовать им могут лишь религиозно-нравственные начала, являющиеся неотъем-

лемым наполнением культурного состояния общества. В этом отношении более устойчивыми выглядят страны Среднеазиатского региона с их традиционно высоким уровнем религиозности в сочетании с достаточно жестким подходом к любым новшествам, особенно в светской жизни.

В сложившейся ситуации изменения в уголовно-правовой политике также оказываются неизбежными, выступая в роли одного из средств формирования новой культурологической реальности. В частности, через конкретные изменения уголовного законодательства происходит фиксация уже сформировавшегося или только наметившегося нового представления о том или ином явлении. При этом наличие факта ответственности за инакомыслие лишь подчеркивает степень важности именно новой оценки (или, наоборот, прежней) того или иного события или явления и недопустимости их видения в ином ракурсе. Так, появление в УК РФ ст. 354.1, устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма, является прямым следствием происходящих событий геополитического масштаба и возникшей потребности в усиленной охране ценности, ранее не подвергавшейся сомнению. В качестве противоположного примера, указывающего на формирование новой реальности, выступают изменения в УК РФ, направленные на расширение начал ювенальной юстиции. В данном случае, даже несмотря на то, что внесенные в уголовное законодательство новшества явно противоречат российской ментальности и сформировавшемуся представлению о семье, законодатель, основываясь не на реальности, а на все тех же идеях отрицания, характерных для постмодерна, искусственно пытается их внедрить в российское общество. Уголовно-правовая политика в обоих случаях выступает в роли средства формирования общественного сознания в определенных направлениях с той лишь разницей, что в первой ситуации речь можно вести о фиксации уже сформировавшегося ранее подхода, а во втором – о формировании нового представления. Влияние культурологической составляющей на позицию законодателя по каждому из отдельно взятых вопросов зачастую оказывается тотальным, что и предопределяет основные направления уголовно-правовой политики.

Во многом это, кстати, зависит и от состояния самого общества, уровень культуры которого является определяющим как для форми-

рования, так и для восприятия уже принятых изменений. Соответственно, и появление в уголовном законодательстве тех или иных новелл становится возможным лишь в результате произошедшей в обществе трансформации его отношения к существующим ценностям. Культурная составляющая оказывается основной в процессе формирования уголовно-политических идей. Их наполняемость определяется не просто общим уровнем развития законодателя, но и его моральными, ценностными установками, как раз и определяющими содержательную часть принимаемых решений. Следовательно, снижение такого уровня неизбежно влечет за собой и трансформацию уголовно-политических идей, которые в определенный момент перестают соответствовать прежним критериям. В свою очередь, тенденция снижения уровня общественного развития зафиксирована далеко не сегодня. Так, на процесс все усиливающейся инертности общества указывал еще Ж.-Ж. Руссо, который в 1755 г. с горечью отмечал, что в людях его времени развивается «глубокое равнодушие к добру и злу, наряду с пристрастием к высоконаравственным речам, или все сводится к внешности, все становится деланным и притворным, и честь, и дружба, и добродетель, а часто и самые пороки, так как люди открыли в конце концов тайну выдавать их за особые достоинства» [1, с. 107].

В конечном счете это привело к тому, что внушение чувства стыда, о котором говорит австралийский криминолог Дж. Брейтуэйт [2, с. 37], перестало быть тем инструментом, с помощью которого можно было бы убедить граждан соблюдать нормы уголовного права и вызвать у них заинтересованность в законопослушном образе жизни [3, с. 49]. Для этого нет нравственных, моральных оснований, т.к. общественным сознанием прежняя система ценностей была отвергнута, а новая пока находится в стадии формирования. Более того, происходит и отчасти уже произошло приспособление к существующему положению вещей, когда общество не просто молчит, а воспринимает все как норму. Подобное стало возможным, в первую очередь, за счет трансформации культурологического наполнения общественных отношений и такой его составляющей, как идеология. В результате ее полной утраты общество осталось без необходимых ориентиров своего развития, оно стало разрозненным и неодухотворенным или, иными словами, безыдейным.

В свою очередь, образовавшаяся пустота, хотя и с опозданием по сравнению с Западом, начала заполняться постулатами постмодерна, которые постепенно, но достаточно последовательно расшатывают остатки традиционной для России ценностно-ориентационной системы. И в данном случае уголовно-правовая политика выступает, скорее, в роли механизма, средства, за счет использования которого происходит закрепление промежуточных достижений реализации таких идей. Интересно, что на основе анализа действующего уголовного законодательства, а также тех изменений, которые в него вносятся, можно сделать некоторые выводы, во-первых, о существовании таких достижений, а во-вторых, о степени их неоднородности, возникающей за счет столкновения идей принципиально различного рода на уровне органов высшей государственной власти и их продвижения в процессе законотворческой деятельности.

Среди таких «достижений», или промежуточных итогов активного лоббирования именно факторов социокультурного характера принципиально нового свойства, можно с уверенностью выделить новеллы, прежде всего направленные на разрушение представления о государстве как о единственном регуляторе общественных отношений. В частности, это включение в ст. 63 УК РФ пункта «о», официально закрепляющего неравенство уголовного закона на основе статуса лица, совершившего преступление, и ставящего под сомнение сам факт легитимности государства в его деятельности по противостоянию преступности. В ситуации, когда представитель власти оказывается в роли наименее защищенного члена общества, вопрос необходимо ставить именно таким образом. Это и появление совершенно исключительных прав уже у другой категории граждан Российской Федерации – у предпринимателей. На это обстоятельство указывает появление в УК РФ одной только ст. 76.2, не говоря уже об искусственном дроблении нормы о мошенничестве, сопровождающемся соответствующими изменениями в Уголовно-процессуальном кодексе. Эти и многие другие изменения отечественного уголовного законодательства были заданы идеями постмодерна, которые тем и характерны, что в основном направлены на отрицание ранее существовавших ценностей, на разрыв с реальной действительностью, в которой государство, по мнению апологетов постмодернизма, занимает слишком много места.

Основным итогом их продвижения на Западе стало то, что постепенно поведение людей стало определяться не политико-идеологическими концепциями, как это было еще совсем недавно, а тем уровнем культуры, который соответствует каждому индивидууму отдельно [4, с. 23]. Граждане перестали ассоциировать себя с государством в связи с утратой его авторитета в общественном сознании [5, с. 42], и именно это, а не ослабление репрессии является первоосновой роста преступности. Именно такое падение авторитета мы наблюдаем сегодня и в российской реальности, где отношение к Уголовному кодексу РФ со стороны правоприменителя, обывателя и лиц, совершивших преступление и уже осужденных, стремительно ухудшается. Нестабильность уголовно-правовой политики, обусловленная внедрением в ее содержание чуждых нашему обществу идей и их закреплением на официальном уровне, выступает в качестве первопричины нивелирования степени значимости уголовного закона в противодействии преступности. Между тем падение авторитета основного средства такой деятельности приводит далеко не только к имиджевым потерям, но и влечет за собой вполне реальные утраты, позволяя с большей легкостью преступить порог запретного одним и вызывая неверие в кару и возмездие у других. Отсюда и отмеченное выше прекращение или ослабление ассоциирования себя с государством, что находит соответствующее подтверждение в актах самосуда как высшего проявления неверия в закон, власть и государство.

Хотя следует отметить, что на том же Западе, начавшем движение в данном направлении несколько раньше, стали звучать разумные мнения об опасности дальнейшего продвижения идей подобного рода. Долгое время казалось, что апатия масс должна приветствоваться властью. У власти сложилось убеждение, что чем пассивнее массы, тем эффективнее можно ими управлять. «Исходя из него она и действовала в период, когда властные механизмы были централизованы и бюрократизированы. Однако сегодня последствия этой стратегии оборачиваются против самой власти: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. Отсюда радикальная трансформация ее стратегических установок: вместо поощрения пассивности – подталкивание к участию в управлении, вместо одобрения молчания – призывы высказываться. Но время уже ушло. “Масса” стала “критической”, эволю-

ция социального сменилась его инволюцией в поле инертности» [6, с. 21].

Следует отметить, что отечественная уголовно-правовая политика зачастую демонстрирует движение именно в заданном фарватере, что было совсем недавно продемонстрировано законодателем посредством внесения в УК РФ изменений, направленных на разрушение семьи – базовой ценности социокультурного свойства, деформация которой влечет за собой далеко идущие последствия. И в данном случае уголовно-правовая политика выступает, скорее, в роли одного из средств, формирующих новую реальность, а не фиксирующих какие-либо результаты предыдущей деятельности в данном направлении. Следует отметить, что такая ситуация провоцирует столкновение двух культурологических моделей: реальной, отрицающей возможность ответственности за физическое наказание своих детей, и предполагаемой, где такой запрет должен стать прежде всего социально одобряемым. Использование средств уголовно-правовой политики в комплексе с другими мерами, находящими соответствующую поддержку в массмедиа пространстве, направлено именно на формирование новой культурной реальности, в которой не остается места ранее существовавшему представлению о той или иной ценности, взамен которой предлагается новое видение. Это новое видение формируется, в том числе, за счет уголовно-правовой политики, когда конкретным изменениям в уголовном законодательстве предшествуют всевозможные концепции, разрабатываемые на самом высоком уровне и имеющие в связи с этим достаточно серьезное идеологическое воздействие на общественное сознание.

В данном случае уместным будет сказать и о заявленном ранее втором аспекте отечественной уголовно-правовой политики – ее неоднородности, обусловленной как раз противостоянием двух культурологических подходов, объясняющих существо происходящих процессов. Новому видению базовых ценностей традиционно противостоит ортодоксальный взгляд на одни и те же категории, в первую очередь на отношение к государству как основному регулятору общественных отношений. В этом плане неоднородность демонстрируется законодателем, пожалуй, наиболее ярко. На фоне указанных выше изменений, нарушающих столетиями сформировавшиеся представления по тому или иному вопросу, зако-

нодатель также зачастую продолжает действовать и сегодня, исходя из многолетних традиций, пытаясь противостоять новым веяниям за счет реализации типичных для складывающейся ситуации средств, но уже в другой части Уголовного кодекса.

Так, в период с 2012 по 2015 г. законодателем было принято, по сути, беспрецедентное количество изменений в УК РФ, направленных на увеличение объема репрессии за преступления против основ конституционного строя и государственной власти. В указанный отрезок времени в результате правотворческой деятельности было внесено двадцать поправок в нормы, предусмотренные гл. 30 УК РФ. Интересно, что с 1996 г. (с момента принятия Уголовного кодекса РФ) по 2011 г. включительно законодатель всего 17 раз корректировал данную главу. То есть за период, в пять раз превышающий рассматриваемый, законодательная активность в данном направлении была несоизмеримо ниже. И если в последние три года те или иные изменения в главу, регламентирующую ответственность за посяательства на основы конституционного строя, в среднем вносились порядка семи раз в год, то до этого момента активность правотворца равнялась 1,1 изменению в год.

Во многом такой трансформации поспособствовала геополитическая ситуация в мире, вынуждающая законодателя идти по пути самозащиты от внешней угрозы. Как бы то ни было, но охрана традиций представляет собой важное условие сохранения целостности, самобытности и стабильности любого общества с возможным его развитием в дальнейшем. В глобальном масштабе это именно культурологические составляющие, включающие в себя не только исторический аспект, объясняющий роль государства и правящей элиты в жизни общества, а также связанные с ним религиозные начала, но и основанные на них особенности менталитета российского общества. Между тем игнорирование ментальности означает автоматическое игнорирование как исторических, так и религиозных аспектов, что обуславливает высокую конфликтность каждого изменения, вступающего в противоречие с культурным наполнением общества на момент их появления. И в этом отношении уголовно-правовая политика последнего десятилетия демонстрирует по сути феноменальную зависимость от двух принципиально отличающихся представлений о культурном наполнении общественных от-

ношений. Оба видения, как это было показано выше, оказывают серьезное влияние не только на возникновение, но и на реализацию уголовно-политических идей, вплоть до их отражения в конкретных изменениях и дополнениях уголовного законодательства, имеющих зачастую

прямо противоположный характер. Сложившееся положение вещей можно охарактеризовать как противостояние двух культурологических моделей развития общества, которое происходит, в том числе, на уровне уголовно-политических идей.

1. Руссо Ж.-Ж. *О причинах неравенства*. СПб., 1907.

2. Брейтуэйт Дж. *Преступление, стыд и воссоединение: пер. с англ.* М., 2002.

3. Лунеев В.В. *Эпоха глобализации и преступность*. М., 2007.

4. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева*. М., 2007.

5. Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова*. М., 2008.

6. Бодрийар Ж. *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург, 2000.

1. Rousseau J.-J. *On the causes of inequality*. St. Petersburg, 1907.

2. Braithwaite J. *The crime, shame and reunion: transl. from English*. Moscow, 2002.

3. Luneev V.V. *The era of globalization and crime*. Moscow, 2007.

4. Huntington S. *Clash of civilizations / transl. from English by T. Velimeev*. Moscow, 2007.

5. Huntington S. *Who are we? Challenges to America's national identity / transl. from English by A. Bashkirov*. Moscow, 2008.

6. Baudrillard J. *In the shadow of the silent majority, or The end of the social*. Ekaterinburg, 2000.

Колкутин Виктор Викторовичдоктор медицинских наук, профессор,
заслуженный врач РФ,Российский государственный социальный университет
(e-mail: vasil.wert@yandex.ru)**Стешич Елена Сергеевна**кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский юридический институт МВД России
(e-mail: esteshich@mail.ru)

Охрана права на жизнь как высшей конституционной ценности в современной уголовно-правовой и судебно-медицинской экспертной практике: декларации и факты

Авторы приводят факты, показывающие, что законодательная и правоприменительная практика фактически нивелируют конституционную оценку примата значимости человеческой жизни. Причины такого положения авторы видят не только в негативных тенденциях уголовного законодательства, но и в «ползучем» изменении документов, регламентирующих судебно-медицинскую экспертную деятельность. В работе дается подробный анализ одного из таких документов Минздрава России, который, по мнению авторов, несет потенциальную угрозу нарушения высшей конституционной ценности – права человека на жизнь.

Ключевые слова: конституция, высшая ценность, жизнь, статистика, латентность, устоявшаяся практика, причинно-следственная связь, судебно-медицинская экспертиза.

V.V. Kolkutin, Doctor of Medicine, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation, Russian State Social University; e-mail: vasil.wert@yandex.ru;

E.S. Steshich, Master of Law, Assistant Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esteshich@mail.ru

Protection of the right to life as the highest constitutional value in modern criminal law and forensic expert practice: declarations and facts

The authors provide evidence showing that the legislative and law enforcement practice in fact negate the constitutional assessment primate significance of human life. The reasons for this situation the authors see not only in the negative trends of criminal law, but also «creeping» change of documents regulating the forensic expert activities. The paper gives a detailed analysis of one of these documents of the Ministry of Health of the Russian Federation, which, according to the authors, is a potential threat of violation of the highest constitutional value – the right to life.

Key words: constitution, highest value, life, statistics, latency, common practice, causal link, forensic medical examination.

Конституция России провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы (ст. 2), а право на жизнь закрепляется первым в перечне наиболее охраняемых благ (ст. 20). В то же время практика применения правовых норм в Российской Федерации показывает, что декларация какой-либо правовой нормы и ее фактическое применение нередко расходятся. К великому сожалению, не является исключением и сфера реальной охраны высшей конституционной ценности – человеческой жизни.

В мировом рейтинге убийств Россия занимает 154-е место из 219 стран, имея, по официальным статистическим данным, количество убийств 9,2 на 100 тыс. населения [1, р. 9]. Однако реальная картина, как свидетельствуют целенаправленные криминологические исследования, выглядит значительно хуже [2, с. 28; 3, с. 81–86, 399]. Ничем, кроме как ростом латентности, ученые не могут объяснить стремительное, почти трехкратное снижение убийств (ст. 105–108 УК РФ) в стране, где их уровень был всегда относительно стабилен, – с 34,2 тыс. в 2001 г. до 11,8 тыс. в 2015 г.

Искажение картины криминальной смертности косвенно подтверждается сопоставлением отчетов различных ведомств. Так, согласно официальным данным в 2015 г. от воздействия внешних причин, т.е. травм, отравлений и прочих внешних факторов, погибло более 177,5 тыс. человек. Из них почти четверть значатся погибшими от «повреждений с неопределенными намерениями». В эту графу согласно правилам заполнения формы «Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем» (далее – МКБ-10, X пересмотр Всемирной организации здравоохранения 1989 г.) относят случаи, при которых правоохранительные органы не установили связь смерти ни с убийством, ни с самоубийством, ни с несчастным случаем [4, с. 94–96].

Таким образом, род смерти почти 44 тыс. человек, выпавших из окон, утонувших в водоемах, умерших от различных видов механической асфиксии, скончавшихся от огнестрельных и ножевых ранений, остался неустановленным. Если сюда добавить 42,2 тыс. погибших, биологическая причина смерти которых не установлена [5], а также лиц, ежегодно пропадающих без вести, то вырисовываются весьма серьезные «криминально окрашенные» цифры, остающиеся без внимания со стороны органов государственной власти (данное исследование проведено Е.С. Стешич единолично).

Необъяснимым с позиций здравого смысла из года в год остается легковесное отношение к жизни человека, которое проявляется и в тенденциях уголовно-правовых реформ, и в устоявшейся на сегодняшний день следственно-судебной практике, подробный анализ которым дается в работах криминологов [2; 6, с. 86–102, 163–205; 7, с. 93–98].

Не оказывают положительного воздействия на гарантии соблюдения неотъемлемых благ человека (права на жизнь, охрану здоровья) и социально-экономические реформы, ставшие настоящей чередой правовых и социологических неудач последнего времени. Среди них особенно болезненно ощущаются последствия нововведений в области здравоохранения, которые доктором медицинских наук, профессором П.А. Воробьевым были очень точно названы «беспределом» в медицине и «преступным уничтожением здравоохранения». Будучи долгие годы практикующим врачом с серьезным авторитетом и солидным стажем работы, он ставит катастрофический диагноз состоянию госзащиты прав пациентов: «от боли люди пу-

скают себе пулю в лоб, молодые умирают от воспаления легких... гематологические (онкологические) больные месяцами не могут получить лечения... Политика, проводимая властями – впервые за полвека – направлена впрямую на уничтожение населения страны» [8]. Об истоках провала реформ неоднократно с аргументированной критикой выступал и один из авторов настоящей статьи [9].

Вышеизложенное, вне всяких сомнений, свидетельствует о неприкрытом пренебрежении к праву человека на жизнь в нашем государстве, а также очень низкой оценке самой человеческой жизни. Это происходит не только открыто, но и «кулуарно», путем «ползучего» изменения ведомственного законодательства, непосредственно связанного с уголовным судопроизводством.

Предваряя раскрытие вопроса, напомним одно очень важное обстоятельство: содержание правовых норм об уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью, деление преступлений на виды связано со степенью общественной опасности деяния и медицинской оценкой причиненных телесных повреждений. В связи с этим правовая оценка вреда жизни и здоровью всегда преломлялась через их судебно-медицинское определение, некий морфологический эквивалент права в медицине [10, с. 3–6].

Поэтому представителей уголовно-правовой теории и практики, а также судебно-медицинских экспертов различного звена, безусловно, волнует вопрос, касающийся не только повседневного (рутинного), но и научно-методического уровня судебной медицины и судебно-медицинской экспертизы в нашей стране.

Неприглядная картина повседневной жизни районных судебно-медицинских отделений, где встречаются и постоянное убожество интерьера, и затхлый запах гниющих биологических остатков, и скандальные родственники, и хронически пьяный санитар морга, в достаточной степени уже «набила оскомину» тем чиновникам, от деятельности которых как раз и зависит весь этот кошмар. А вот какова эта картина «на самом верху» судебно-медицинской структуры России? Что с ней? Какова она сегодня, и что ждет ее завтра?

Включенное наблюдение за тенденциями развития современной отечественной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее – МЗ РФ), существующей последние два десятилетия в условиях стихийно нарастающей профессиональной «саморегуляции» (т.е. при

полном отсутствии жесткого контроля в отношении «нижестоящих» структур со стороны «вышестоящих»), показывает объективное снижение качественного уровня экспертных исследований.

Вообще «вызовов современной эпохи», которые предстоит преодолеть судебным медикам, в нашей стране весьма немало. Каждая из причин имеет свои глубокие социальные, гносеологические и финансово-экономические истоки происхождения, требующие вдумчивой и всесторонней оценки, что, безусловно, выходит за рамки одной статьи. Представляется целесообразным, вспомнив замечательную поговорку «рыба гниет с головы», остановиться на одной из них, которая связана с вопросами администрирования и организационно-методического обеспечения судебно-медицинской экспертной деятельности в «интеллектуальном периметре» МЗ РФ.

Обратимся, например, к одному из последних документов – методическим рекомендациям «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи» (далее – «Методические рекомендации»), которые в конце 2015 г. МЗ РФ были направлены во все государственные судебно-медицинские экспертные учреждения РФ для «руководства и использования в работе» [11].

Актуальность и необходимость методических разъяснений этапов проведения судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным делам» сомнений не вызывают. Предметные диссертационные исследования (медицинские и юридические) свидетельствуют о том, что качество судебно-медицинских экспертиз по этой категории дел на сегодняшний день оставляет желать лучшего. Современные криминологические исследования профессиональных преступлений медицинских работников показывают их негативные тенденции: рост латентности, увеличение объема и тяжести последствий [12; 13]. Необходимость минимизации вреда от ятрогений является актуальной задачей и в самой медицине, что обуславливает написание предметных научно-практических работ [14].

По замыслу автора, данные «Методические рекомендации» могут быть использованы в повседневной работе судьями, следователями, дознавателями, работниками прокуратуры и адвокатуры. Также рекомендовано использовать их для преподавания на курсах повышения квалификации врачей судебно-медицинских

экспертов в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования.

Прежде чем углубиться в содержательную часть этого документа, необходимо остановиться на ряде формальных моментов. Сразу бросается в глаза тот факт, что данные «Методические рекомендации» по необъяснимой причине называются «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы...».

Известно, что специальной дефиниции «порядки оказания медицинской помощи» действующее законодательство РФ не содержит, но зато оно подробным образом определяет структуру и содержание таких документов. Как указано в п. 3 ст. 37 Федерального закона № 323 [15], порядки оказания медицинской помощи разрабатываются по отдельным видам медицинской помощи, профилям медицинской помощи, заболеваниям или состояниям (группам заболеваний или состояний) и включают в себя: этапы оказания медицинской помощи; правила организации деятельности медицинской организации (ее структурного подразделения, врача); стандарт оснащения медицинской организации, ее структурных подразделений; рекомендуемые штатные нормативы медицинской организации, ее структурных подразделений; иные положения исходя из особенностей оказания медицинской помощи.

При самом благожелательном и объективном рассмотрении ничего из перечисленного выше перечня в рассматриваемом документе не содержится.

В соответствии с подп. 5.2.17 п. 5 разд. 2 Положения о МЗ РФ (утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 608) [16] утверждение «порядков оказания медицинской помощи» является одним из полномочий и обязанностей данного министерства. Так как судебно-медицинская экспертиза в РФ отнесена к одному из видов медицинской деятельности, логично полагать, что на документы, регламентирующие судебно-медицинскую экспертную деятельность, также распространяются приведенные выше положения. В связи с этим представляется абсолютно неправомерным то, что документ, именуемый «Порядок...», утверждает главный внештатный специалист, т.к. он не является субъектом полномочий и обязанностей МЗ РФ. Не надо обладать какими-то специальными юридическими познаниями, чтобы понять, что утверждение документов, названия которых начинаются со слова «Порядок...», в соответствии с буквой закона должно выполнять первое лицо министерства.

Если это так, то продолжением установленного регламента прохождения документа с названием «Порядок...» должна стать регистрация в Минюсте России. Для иллюстрации этого положения достаточно ознакомиться с другим документом – «Порядком организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», который утвержден приказом Минздравсоцразвития от 12 мая 2010 г. № 346н, зарегистрирован в Минюсте России 10 августа 2010 г. (регистрационный № 18111) [17]. Следовательно, правовой статус анализируемого документа весьма сомнителен.

Переходя к специальной части указанных выше «Методических рекомендаций», нельзя пройти мимо некоторых нехитрых арифметических подсчетов.

Текст данного документа изложен на неполных 23 страницах. Уже на 3-й странице автор с необъяснимой целью упоминает термин «ятрогенения» и тут же указывает на тот факт, что уголовное и гражданское законодательство РФ не предусматривает понятий «ятрогенные преступления» и «гражданско-правовые последствия ятрогенных воздействий». Тем более странно выглядит последовавшее затем развернутое определение понятия «ятрогенения» без указаний авторства, из чего можно сделать вывод, что данное определение принадлежит непосредственно создателю документа (хотя это вовсе не так).

Следующий фрагмент документа (с. 11–12) – это попытка автора дать определение таким понятиям, как «бездействие» медицинского работника, «неоказание» и «ненадлежащее оказание» медицинским работником медицинской помощи пациенту. К сожалению, в этой попытке и знание значений слов русского языка, и просто формальная логика напрочь отсутствуют. По мнению автора, сопоставляющего два понятия («неоказание медицинским работником медицинской помощи пациенту» и «бездействие медицинского работника при оказании медицинской помощи пациенту»), «бездействие» – более широкое понятие, нежели «неоказание медицинской помощи», т.к. включает в себя как «полное» неоказание медицинской помощи, так и «частичное» (или «неполное») неоказание медицинской помощи. В качестве «частичного» (или «неполного») неоказания медицинской помощи предлагается рассматривать действие, произведенное «...не в соответствии с общепринятыми порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицин-

ской помощи, утвержденными МЗ РФ, клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанными и утвержденными медицинскими профессиональными некоммерческими организациями».

Завершаются эти рассуждения определением «ненадлежащего оказания медицинской помощи пациенту», под которым предлагается понимать оказание медицинской помощи пациенту «не в соответствии с общепринятыми порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи, утвержденными МЗ РФ, клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанными и утвержденными медицинскими профессиональными некоммерческими организациями», в том числе технические и лечебно-диагностические ошибки при оказании медицинской помощи пациенту. Кавычками обозначены положения, которые являются абсолютно идентичными для обоих понятий, а если они практически равнозначны, то в чем смысл выделения и определения двух понятий вместо одного? Ответа на этот вопрос, естественно, нет.

В чем здесь видится нарушение логики? Прежде всего, необходимо вспомнить, что в юриспруденции существует понятие бездействия. «Бездействие – это несовершение конкретного действия, которое лицо, во-первых, было обязано и, во-вторых, имело возможность совершить» [18, с. 146]. Эти обязанности могут вытекать из предписаний закона, профессиональных и должностных функций. Итак, с одной стороны, есть четкое юридическое определение бездействия как отсутствия действия, с другой – императивно предлагается, игнорируя здравый смысл, расширить понятие «бездействия», включив в него абсолютно неприемлемую с точки зрения смысла и логики формулировку «частичное неоказание медицинской помощи».

Несостоятельность такой позиции очевидна, ибо сразу же возникает вопрос о том, чем «частичное неоказание медицинской помощи» отличается от «частичного оказания медицинской помощи»? Где критерии одного понятия, отличающие его от другого? Когда лицо, устанавливающее сей прискорбный факт, должно заниматься поиском признаков «частичного неоказания», а когда «частичного оказания»? Если помощь частично не оказана, это, по мысли автора документа, плохо, т.к. попадает в лично им волюнтаристским образом расширенную категорию врачебного бездействия.

А если «частично оказана» – тогда как быть? Данная позиция автора беспомощно «повисает в воздухе»...

При этом нужно вспомнить, что на сегодняшний день существуют вполне приемлемые и уже ставшие неотъемлемой частью экспертной деятельности понятия и определения [19]. С точки зрения логики гораздо продуктивнее использовать имеющееся понятие «ненадлежащее оказание медицинской помощи», чем вводить мало аргументированное и ранее никому неизвестное «частичное неоказание медицинской помощи».

А вот теперь самое-самое... Прочтение следующих строк документа повергнет в шок любого эксперта, знающего правовые основы профессиональной деятельности: «В случаях наступления благоприятного исхода при лечении, даже при наличии недостатков оказания медицинской помощи, степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека действием (бездействием) медицинского работника, не устанавливается...» (!).

Каким образом автором принимается решение о том, что реальный вред здоровью, причиненный врачом в ходе оказания медицинской помощи, теперь как вред здоровью не расценивается? Смелый ход, на грани известного упоминания о «космической глупости» в булгаковском «Собачем сердце». Чтобы не быть голословными, приводим выдержку из Приложения к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»: «...25. Ухудшение состояния здоровья человека, обусловленное дефектом оказания медицинской помощи, рассматривается как причинение вреда здоровью. 26. Установление степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в случаях, указанных в пунктах 24 и 25 Медицинских критериев, производится также в соответствии с Правилами и Медицинскими критериями» [20].

И что это за загадочный «благоприятный исход»? Никакого определения ему в рассматриваемом документе не дано, и ссылок на иные документы не имеется.

Анализ дальнейших положений «Методических указаний» (с. 9, 22–26) свидетельствует о попытке автора разъяснить вопросы, явно выходящие за пределы компетенции судебно-медицинского эксперта.

Так, на с. 9 автор, ссылаясь на ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному», указывает: «...законодатель не определяет понятие “не-

оказание” помощи больному, а также четко не устанавливает субъект преступления... Существующая правовая неопределенность в этом вопросе позволяет правоприменителю квалифицировать преступные деяния медицинских работников в соответствии с положениями других статей Уголовного кодекса Российской Федерации», а именно по ст. 109, 111, 118, 122, 236, 237, 238, 293 УК РФ.

Из приведенного суждения следует, во-первых, то, что единственной нормой, предусматривающей уголовную ответственность медработников за профессиональные нарушения, является ст. 124 УК РФ, но вследствие пробелов в уголовном законе действия нарушителей квалифицируются по иным статьям. Такое положение не соответствует действительности, ибо уголовный закон не содержит какой-либо одной специальной нормы, связанной с ятрогенией. Например, объективную сторону ст. 124 УК РФ образует «чистое бездействие», т.е. только полное отсутствие помощи больному охватывается понятием ее «неоказания». Все иные виды так называемого «неполного» оказания медицинской помощи (недостаточная, несвоевременная и неправильная медицинская помощь) не рассматриваются как ее неоказание и должны квалифицироваться по другим статьям (ч. 2 ст. 109 или ч. 2 и 4 ст. 118 УК РФ) [21, с. 282].

Второй вопрос, якобы препятствующий проведению экспертиз, – проблема определения субъекта преступления, т.е. круга лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ. Только каким образом она влияет на процесс и результат любой, в том числе судебно-медицинской, экспертизы? Для чего, например, в ходе почерковедческой экспертизы специалисту задаваться вопросом, кто будет привлечен к уголовной ответственности за служебный подлог (должностное лицо или нет, какого возраста и пр.)? Его задача только в том, чтобы определить автора текста, а установление признаков преступления – исключительная компетенция следователя.

Не выдерживают критики «Методические рекомендации» и в вопросе установления характера причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи, а это, напомним, сердцевина названия документа, определяющая его смысл, содержание и методическую ценность.

Установление причинности, вне всяких сомнений, является сложнейшим вопросом в судебной медицине [22–24]. Однако вместо того, чтобы упорядочить судебно-медицинскую экс-

пертную деятельность в этом актуальнейшем вопросе, автор рекомендаций не только все запутывает, но и прямо игнорирует положения действующих нормативных правовых актов.

Так, на с. 25 формулируется понятие причинной связи, но не в судебной медицине, а в уголовном праве (!), причем без какой-либо ссылки на источник заимствования. Далее в тексте уточняется, что «данная причинная связь всегда должна быть прямой... Как в уголовном, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, и за пределами юридически значимой причинной связи» (!).

Откуда берется безапелляционное утверждение об исключительной значимости «прямой» причинной связи в уголовном праве? Где в таком случае ссылки на закон, мнение авторитетных криминалистов? Как понимать, что вследствие не прямой причинной связи деяние «лежит за пределами данного конкретного случая»?

В уголовно-правовой литературе, а вслед за ней и в учебниках по судебной медицине, действительно, можно встретить требование «прямой» причинной связи между деянием и наступившими последствиями [25, с. 317]. Тем не менее, многие авторитетные криминалисты считают, что прямая причинная связь не является единственным видом связи, имеющим уголовно-правовое значение. Кроме того, вопрос об уголовной ответственности не решается только на основании причинной связи, поскольку дальнейшей предпосылкой уголовной ответственности является вина лица [26, с. 236–237; 27, с. 196–197; 28; 29, с. 37]. Полагаем, что любой вид причинной связи может иметь уголовно-правовое значение, поскольку Уголовный кодекс РФ не содержит понятия причинности и видов причинной связи. Из норм уголовного закона не вытекает, что один вид причинной связи имеет уголовно-правовое значение, а другой – не имеет. Следовательно, утверждение о юридической значимости только прямой причинной связи незаконно и необоснованно.

В связи с изложенным ничего, кроме недоумения, не вызывает следующее содержание «Методических рекомендаций» (с. 23): «При отсутствии причинной (прямой) связи недостатка оказания медицинской помощи с наступившим неблагоприятным исходом степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека действием (бездействием) медицинского работни-

ка, не устанавливается» (!). То есть эксперты наделяются полномочиями следователя (!) в оценке объективной стороны преступления, а именно установления характера юридически значимой причинной связи?! Это же явный выход эксперта за пределы полномочий, установленных законом, в том числе с возможностью привлечения его к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта (ст. 307 УК РФ).

Прописной истиной в судебной медицине является положение о том, что в задачу судебно-медицинского эксперта в процессе определения причинной связи между повреждением и летальным исходом входит установление признаков причинности между явлениями, что позволяет впоследствии констатировать наличие (отсутствие) причинной связи между ними. В соответствии со своей компетенцией, определенной квалификационной характеристикой судебно-медицинский эксперт доказывает наличие свойств и признаков причинной связи между явлениями. В «выводах» он может дать оценку причинной связи травмы с летальным исходом, указав критерии ее признаков [23, с. 219–220; 30, с. 13–16; 31, с. 31–35; 32].

Кроме того, нельзя отождествлять виды причинной связи в судебной медицине и в уголовном праве, ибо они отражают причинность в явлениях разной природы. Судебная медицина исследует механизм (цепи) причинения в тканях, органах и системах живого организма, а уголовное право – причинение на социально-правовом уровне [33, с. 32–37]. Иными словами, установленная в ходе судебно-медицинской экспертизы косвенная причинная связь может лежать в основе привлечения к уголовной ответственности, что подтверждается материалами судебной практики.

Так, судом было указано: «Эксперты... показали, что при отсутствии заболевания у К. менингококкцемии у нее не развились бы осложнения, приведшие к ее смерти. Такую причинно-следственную связь с медицинской точки зрения они называют не прямой. Однако с юридической точки зрения имеются все основания полагать о наличии прямой причинной связи... между дефектами лечения... и тяжелейшими осложнениями, повлекшими смерть» [34].

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Несмотря на декларации о высшей ценности человеческой жизни и гарантиях ее защиты, в реальности дело обстоит иначе. Легковесное отношение к жизни человека проявляется в

неудовлетворительном противодействии убийствам, а также негативных тенденциях уголовного и связанного с ним ведомственного законодательства.

2. Анализ методических рекомендаций «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи», которые в конце 2015 г. письмом МЗ РФ были направлены в судебно-медицинские учреждения страны, показал, что документ не имеет методической ценности, а его содержание явно выходит за пределы предмета регулирования судебно-медицинской экспертной деятельности и противоречит Конституции РФ, уголовному законодательству, «Медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», чем несет потенциальную угрозу нарушения важнейшей

конституционной ценности – права человека на жизнь и его защиту.

3. Основанные на упомянутых в работе «Методических рекомендациях» судебно-медицинские экспертные заключения не отвечают требованию допустимости доказательств. Следовательно, они не могут быть положены в основу процессуальных решений следователя (дознателя), суда и подлежат исключению из круга доказательств по уголовному делу.

4. Авторы выражают надежду на то, что органы прокуратуры РФ совместно с Правовым департаментом МЗ РФ своевременно обратят внимание на анализируемый документ и в кратчайшие сроки примут компетентное решение в отношении его судьбы и порожденных его применением правовых последствий, связанных с нарушением права человека на жизнь и должную охрану здоровья потерпевших от преступлений.

1. *Глобальное исследование убийств 2013: тенденции, контексты, данные / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН). URL: http://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf (дата обращения: 10.10.2016).*

2. *Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1(36).*

3. *Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. М., 2015.*

4. *Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. М., 2015.*

5. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 10.10.2016).

6. *Мониторинг уголовной политики России / под общ. ред. С.В. Максимова. М., 2014.*

7. *Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Гомицид: преступления, связанные с убийством // Уголовное право. 2016. № 1.*

8. *Воробьев П. Преступное уничтожение здравоохранения. URL: <http://rusmedserver.com/?p=1541> Российский медицинский сервер, 25 сент. 2014 г.*

9. *Виктор Колкутин: У реформы здравоохранения нет конкретных целей... URL: <http://jpagazeta.ru/viktor-kolkutin-u-reformyi-zdravoohraneniya-net-konkretnyih-tseley/> (дата обращения: 10.10.2016).*

1. *Global study on homicide in 2013: trends, contexts, data // The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: http://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf (date of access: 10.10.2016).*

2. *Luneev V.V. Theories of law and criminal realities // Criminology: yesterday, today and tomorrow. 2015. № 1(36).*

3. *Law: status and trends in 2010–2014. Activities of the Prosecutor's Office to ensure it: sci. report / gen. ed. by O.S. Kapinus. Moscow, 2015.*

4. *Demographic yearbook of Russia. 2015: statistical coll. Moscow, 2015.*

5. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (date of access: 10.10.2016).

6. *Monitoring of criminal policy of Russia / gen. ed. by S.V. Maksimov. Moscow, 2014.*

7. *Koretsky D.A., Steshich E.S. Homicide: crimes related to murder // Criminal law. 2016. № 1.*

8. *Vorobyev P. Criminal destruction of health care service. URL: <http://rusmedserver.com/?p=1541> Russian medical server, Sept. 25, 2014.*

9. *Victor Kolkutin: In health care reform is no specific goals... URL: <http://jpagazeta.ru/viktor-kolkutin-u-reformyi-zdravoohraneniya-net-konkretnyih-tseley/> (date of access: 10.10.2016).*

10. *Nadtoka E.S. Criminological characteristics of crimes against public health and prevention:*

10. Надтока Е.С. Криминологическая характеристика преступлений против здоровья и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

11. О направлении Методических рекомендаций «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту не оказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи», утверждены директором ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России доктором медицинских наук А.В. Ковалевым: письмо первого заместителя министра здравоохранения РФ от 5 нояб. 2015 г. № 14-1/10/2-6632.

12. Замелеева С.В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

13. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

14. Алиев А.К. Диагностика и лечение ятрогенных повреждений желчевыводящих протоков: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2016.

15. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 дек. 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2016 г.) // Рос. газ. 2011. 23 нояб.

16. Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 608 (ред. от 24 февр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.

17. Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н (зарегистрирован в Минюсте России 10 авг. 2010 г. № 18111) // Рос. газ. 2010. № 186.

18. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010.

19. Сергеев Ю.Д., Канунникова Л.В. Ненадлежащее оказание медицинских услуг и факторы риска его возникновения // Медицинское право. 2007. № 4.

20. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава РФ от 24 апр. 2008 г. № 194н (ред. от 18 янв. 2012 г.) (зарегистрировано в

auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2005.

11. On the direction of the Methodological recommendations «The order of forensics and the establishment of cause-and-effect relationships upon refusal or inadequate medical care», approved by the Director of the Federal State Budgetary Organization «Russian Center of Forensic and Medical Examination» of the Ministry of Health of Russia, Doctor of Medicine A.V. Kovalev: letter from the First Deputy Minister of Health of the Russia Federation d.d. Nov. 5, 2015 № 14-1/10/ 2-6632.

12. Zameleeva S.V. Iatrogenic crimes: concept, system and criminalization issues: auth. abstr. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2016.

13. Ognerubov N.A. Professional crime of medical workers: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.

14. Aliev A.K. Diagnosis and treatment of iatrogenic injury of bile ducts: auth. abstr. ... Master of Medicine. St. Petersburg, 2016.

15. On the basis of public health protection in the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 21, 2011 № 323-FL (as amended on Dec. 29, 2015, rev. and ext., come into legal force on Jan, 2016) // Rus. newsp. 2011. Nov. 23.

16. On approval of the Regulation on the Ministry of Health of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. June 19, 2012 № 608 (as amended on Febr. 24, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 26. Art. 3526.

17. On approval of the order of organization and production of forensic examinations in state forensic institutions of the Russian Federation: order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation d.d. May 12, 2010 № 346n (registered in the Ministry of Justice of Russia on Aug. 10, 2010 № 18111) // Rus. newsp. 2010. № 186.

18. Criminal law. Actual problems of theory and practice: coll. of essays / ed. by V.V. Luneev. Moscow, 2010.

19. Sergeev Yu.D., Kanunnikova L.V. Inadequate health services and risk factors for its occurrence // Medical law. 2007. № 4.

20. On approval of the Medical criteria determine the severity of damage caused to human health: order of the Ministry of Health of the Russian Federation d.d. Apr. 24, 2008 № 194н (as amended on Jan. 18, 2012) (registered in the Ministry of Justice on Aug. 13, 2008 № 12118) // Rus. newsp. 2008. № 188.

21. Korobeev A.I. The criminal encroachment on human life and health. Moscow, 2012.

Минюсте РФ 13 авг. 2008 г. № 12118) // *Рос. газ.* 2008. № 188.

21. Коробеев А.И. *Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека.* М., 2012.

22. Хрусталева Ю.А., Колкутин В.В. *Медико-биологические критерии причинной связи в оценке патологических процессов, обусловленных травмой // Медицинская экспертиза и право.* 2014. № 3.

23. Хрусталева Ю.А. *Причинно-следственные связи в судебной медицине: содержание, способы выявления и их значение при экспертной оценке механической травмы.* М., 2013.

24. Колкутин В.В., Хрусталева Ю.А., Кузнецов С.В. *Правовая оценка установления причинно-следственных связей в судебно-медицинских экспертных исследованиях // Здоровье. Профилактика. Долголетие.* 2013. Т. VIII. № 3.

25. *Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога.* 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

26. Церетели Т.В. *Причинная связь в уголовном праве.* М., 1963.

27. Кузнецова Н.Ф. *Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева.* М., 2007.

28. Малинин В.Б. *Причинная связь в уголовном праве.* СПб., 2000.

29. Зимирева Л.А. *Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2016.

30. Крымова Т.Г., Колкутин В.В. *Общие принципы проведения идентификации личности при массовой гибели людей // Судебно-медицинская экспертиза.* 2007. Т. 50. № 4.

31. Корниенко И.В., Колкутин В.В., Волков А.В. *Молекулярно-генетическая идентификация заложников, погибших в результате террористического акта 1–3 сентября в Беслане // Судебно-медицинская экспертиза.* 2006. Т. 49. № 5.

32. Колкутин В.В., Соседко Ю.И., Фастовцов Г.А. *Судебно-медицинские экспертизы живых лиц.* М., 2004.

33. Стешич Е.С. *Причинно-следственные связи в судебной медицине и оценка их влияния на уголовную ответственность // Медицинская экспертиза и право.* 2016. № 4.

34. *Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 июня 2006 г. // Информ. портал «Частная медицина».* URL: www.anoufrieu.ru/index.php?id=366 (дата обращения: 14.07.2011).

22. Khrustaleva Yu.A., Kolkutin V.V. *Medico-biological criteria of causality in the evaluation of pathological processes caused by trauma // Medical examination and law.* 2014. № 3.

23. Khrustaleva Yu.A. *Causality in forensic medicine: content, methods of detection and their importance in the expert evaluation of mechanical trauma.* Moscow, 2013.

24. Kolkutin V.V., Khrustaleva Yu.A., Kuznetsov S.V. *Legal assessment of establishing causal relationships in the forensic expert studies // Health. Prevention. Longevity.* 2013. Vol. VIII. № 3.

25. *Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / ed. by A.I. Rarog.* 6th ed., ext. and augm. Moscow, 2010.

26. Tseretely T.V. *Causation in criminal law.* Moscow, 1963.

27. Kuznetsova N.F. *Problems of qualification of crimes: lectures on the course «Fundamentals of qualification of crimes» / sci. ed. and forew. by V.N. Kudryavtsev.* Moscow, 2007.

28. Malinin V.B. *Causation in criminal law.* St. Petersburg, 2000.

29. Zimireva L.A. *Causation of crimes against life: diss. ... Master of Law.* Moscow, 2016.

30. Krymova T.G., Kolkutin V.V. *General principles of identification of personality with the mass loss of life // Forensic medical examination.* 2007. Vol. 50. № 4.

31. Kornienko I.V., Kolkutin V.V., Volkov A.V. *Molecular genetic identification of hostages who died in the terrorist act in Beslan on September 1–3 // Forensic medical examination.* 2006. Vol. 49. № 5.

32. Kolkutin V.V., Sosedko Yu.I., Fastovtsov G.A. *Forensic medical examination of living persons.* Moscow, 2004.

33. Steshich E.S. *Causality in forensic medicine and assessment of their impact on the criminal liability // Medical examination and law.* 2016. № 4.

34. *Verdict of the Petrograd district court of St. Petersburg d.d. June 14, 2006 // Information portal «Private medicine».* URL: www.anoufrieu.ru/index.php?id=366 (date of access: 14.07.2011).

Симоненко Андрей Александрович
прокуратура Советского района г. Воронежа
(e-mail: andrey181183@yandex.ru)

Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление

На основании проведенного исследования в статье констатируется неопределенность положений ч. 1 ст. 299 УК РФ, которая дополняется их неоднозначным доктринальным толкованием и противоречивой судебной практикой по уголовным делам о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности; обосновывается, что разрешить эту неопределенность можно только посредством законодательного совершенствования ст. 299 УК РФ; предлагаются конкретные рекомендации в этом направлении.

Ключевые слова: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, привлечение в качестве обвиняемого, неопределенность уголовного закона.

A.A. Simonenko, Prosecutor's Office of the Soviet District of the City of Voronezh; e-mail: andrey181183@yandex.ru

Attraction of obviously innocent to criminal responsibility (article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation): legal uncertainty of the composition and its overcoming

Based on the research in the article stated uncertainty of the provisions of art. 299 of the Criminal Code, which is complemented by their ambiguous doctrinal interpretation and inconsistent jurisprudence in criminal cases involving obviously innocent to criminal liability; substantiates that allow this uncertainty can only be through legislative improvement of art. 299 of the Criminal Code; specific recommendations in this regard.

Key words: attraction of obviously innocent to a criminal liability, attraction to prosecution, criminal law uncertainty.

Приступая к уголовно-правовому анализу состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, отметим, что ст. 299 УК РФ – это одна из немногих статей Особенной части, которая имеет простую (назывную) диспозицию. Часть 1 ст. 299 УК РФ содержит лишь наименование преступления («привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»), т.е. воспроизводит название статьи, не раскрывая при этом признаки состава соответствующего преступного деяния.

Принято считать, что простые диспозиции используются в тех случаях, когда признаки преступного деяния очевидны и не нуждаются в подробном описании в тексте статьи Особенной части УК РФ. Однако, по справедливому замечанию А.В. Наумова, «изучение ошибок в квалификации преступлений, предусмотренных “простыми” диспозициями, и наличие споров в теории и на практике по вопросу по-

нимания некоторых признаков состава, упоминаемых в них, позволяют усомниться в простоте простых диспозиций» [1, с. 83]. Сказанное полностью относится и к диспозиции ч. 1 ст. 299 УК РФ. Ее «простота» порождает неопределенность в плане толкования (доктринального и судебного) многих обязательных признаков состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, что неизбежно отражается на правоприменительной практике.

Дополнительно умножают эту неопределенность грубые нарушения технико-юридического характера, допущенные при конструировании ст. 299 УК РФ. Несмотря на очевидную нормативную взаимосвязь признаков состава рассматриваемого преступления с уголовно-процессуальным законодательством, законодатель по непонятной причине не использовал бланкетный прием формулирования диспозиции, а предпочел включить в нее понятия, которые не имеют нормативного определения

(уголовная ответственность, привлечение к уголовной ответственности, невиновный).

Отмеченная неопределенность в первую очередь проявляется в признаках объективной стороны состава преступления, которая в соответствии с ч. 1 ст. 299 УК РФ выражается в привлечении к уголовной ответственности. Как известно, категория «уголовная ответственность», несмотря на ее базовый, фундаментальный для уголовно-правового регулирования характер, законодательно не определена. В доктрине уголовного права представлено множество несовпадающих подходов к пониманию сущности уголовной ответственности, что делает крайне затруднительным толкование производного понятия «привлечение к уголовной ответственности», используемого в ч. 1 ст. 299 УК РФ.

Практика попыталась найти выход из этой затруднительной ситуации, создав прецедент судебного толкования, т.е. судебное решение по конкретному делу, содержащее определенное понимание уголовно-правовой нормы, обязательное для последующего применения [2, с. 56–58]. В постановлении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу У. разъяснялось, что «под привлечением к уголовной ответственности... следует понимать процессуальный акт о привлечении лица, совершившего преступление, в качестве обвиняемого, а не момент вынесения обвинительного приговора» [3].

Предложенное судебное толкование имеет важнейшее значение, поскольку оно фактически восполняет отсутствующую в законе бланкетную «привязку» ст. 299 УК РФ к уголовно-процессуальному законодательству. Из процитированного решения высшей судебной инстанции с очевидностью следует то, что содержание признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, определяется положениями УПК РФ, регламентирующими порядок привлечения лица в качестве обвиняемого.

Однако при всей важности этого прецедента судебного толкования, который был взят за основу субъектами правоприменительной деятельности и воспринят уголовно-правовой наукой, он окончательно не решил вопрос о содержании объективной стороны привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности. Дело в том, что с позиции действующего уголовно-процессуального законодательства (ст. 171–172, 225, 226.7 УПК РФ) процедура привлечения лица в качестве обвиняемого состоит из двух последовательных этапов:

а) вынесение (составление) процессуального акта (постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления), в котором сформулировано обвинение; б) ознакомление обвиняемого с этим процессуальным актом. Отмеченная особенность процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого создает предпосылки для существования различных подходов к толкованию объективной стороны исследуемого преступления.

Первый из них сводится к тому, что привлечение к уголовной ответственности – это вынесение (составление) процессуального акта, в котором сформулировано обвинение [4, с. 306; 5; 6], т.е. постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления. При таком подходе привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности предлагается считать юридически окончанным с момента вынесения (составления) соответствующего процессуального акта.

Сторонники второго подхода полагают, что привлечение к уголовной ответственности «имеет сложный характер и состоит в вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или составлении обвинительного акта с последующим предъявлением соответствующих процессуальных документов заведомо невиновному лицу» [7, с. 44–46; 8]. Соответственно, вынесение (составление) соответствующего акта, например постановления о привлечении в качестве обвиняемого, предлагается квалифицировать как неоконченное преступление. «Если было вынесено только постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, то состав преступления не будет считаться окончанным, так как без предъявления этого обвинения привлечения еще не произошло» [9].

Противоречия в интерпретации объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, наблюдаются и в судебной практике, причем даже на уровне высшей судебной инстанции.

Так, например, в кассационном определении Верховного Суда РФ от 19 мая 2011 г. № 80-О11-7 отмечается, что объективная сторона ст. 299 УК РФ выражается в действиях, направленных на привлечение заведомо невиновного в качестве обвиняемого. Подобные действия заключаются в вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Нетрудно заметить, что в основу этого решения положен первый подход к толкованию

объективной стороны рассматриваемого преступления. Однако в решении по другому уголовному делу Верховный Суд РФ занял иную позицию.

В определении Верховного Суда РФ от 13 сентября 2007 г. по делу № 47-007-46 указывается, что действующее законодательство (п. 2 ч. 1 ст. 47, ст. 225 УПК РФ) к процессуальным основаниям признания лица обвиняемым относит не только постановление о привлечении в качестве обвиняемого, но и обвинительный акт, который составляется по окончании дознания по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, в том числе по ч. 1 ст. 158 УК РФ, как это имело место в отношении К. и М.

Обвинительный акт является формой объединения в одном документе постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения. Однако официальным процессуальным документом он становится после его предъявления обвиняемому, поскольку в силу ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, получить копию обвинительного акта, возражать против обвинения, а в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ.

Само по себе составление обвинительного акта не может рассматриваться как оконченное преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, поскольку на данной стадии возможен предусмотренный ст. 31 УК РФ добровольный отказ, исключающий уголовную ответственность.

В этой связи не могут быть признаны состоятельными доводы кассационного представления о том, что Т. была полностью выполнена объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, которое, по мнению государственного обвинителя, окончено с момента изготовления и утверждения обвинительного акта.

Таким образом, единообразная правоприменительная практика по делам о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности до настоящего времени не сложилась. Причины противоречивой судебной практики достаточно очевидны. Они кроются в неопределенности положений ч. 1 ст. 299 УК РФ, которая дополняется их неоднозначным доктринальным толкованием. Разрешить эту неопределенность можно только посредством законодательного совершенствования ст. 299 УК РФ. Однако прежде чем предлагать конкрет-

ные рекомендации в этом направлении, необходимо вначале определиться с тем, какой из существующих вариантов толкования ч. 1 ст. 299 УК РФ является более предпочтительным.

Анализ взаимосвязанных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства приводит к выводу, что предъявление обвинения (ознакомление лица с процессуальным актом, в котором сформулировано обвинение) находится за рамками объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ. Иными словами, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности юридически окончено уже с момента принятия процессуального решения о придании лицу статуса обвиняемого. В обоснование этой позиции можно привести следующие уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аргументы.

1. В соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление. Таким образом, лицо получает статус обвиняемого с момента принятия перечисленных в ч. 1 ст. 47 УПК РФ процессуальных решений, даже если обвинение ему не предъявлено. Это подтверждается и предписаниями ч. 2–6 ст. 172 УПК РФ, согласно которым лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, именуется обвиняемым еще до предъявления ему обвинения («следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения...» и т.д.).

2. Между принятием процессуального решения о признании лица обвиняемым и предъявлением обвинения может пройти довольно длительное время, а в некоторых случаях, например когда лицо скрывается от следствия, предъявить ему обвинение фактически невозможно. По этому поводу в ч. 6 ст. 172 УПК РФ указывается, что в случае неявки обвиняемого или его защитника в назначенный следователем срок, а также в случае, когда место нахождения обвиняемого не установлено, обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода при условии обеспечения следователем участия защитника. Следовательно, увязывать момент окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, с предъявлением обвинения нелогично, т.к. возможность совершения этого процессуального действия не всегда зависит от воли следователя или дознавателя.

3. Уже с момента принятия процессуального решения о признании лица обвиняемым к нему могут быть применены меры процессуального принуждения. В частности, обвиняемый, место нахождения которого неизвестно, до предъявления ему обвинения может быть объявлен в розыск (ч. 1–2 ст. 210 УПК РФ); при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения, в том числе и заключение под стражу (ч. 4 ст. 210 УПК РФ).

4. Процессуальное решение о признании обвиняемым заведомо невиновного лица причиняет вред основному непосредственному объекту рассматриваемого преступления, даже если невиновный не был ознакомлен с этим решением. Придание заведомо невиновному лицу уголовно-процессуального статуса обвиняемого само по себе посягает на интересы правосудия, искажает его суть, грубо нарушает нормальную деятельность органов предварительного расследования по обеспечению целей и задач правосудия, т.к. с момента принятия это процессуальное решение изменяет существующие уголовно-процессуальные отношения, направляет их в незаконное русло. Деформирует оно и дополнительный непосредственный объект, т.е. права и свободы заведомо невиновного лица, признанного обвиняемым, поскольку, как упоминалось ранее, признание лица обвиняемым само по себе ограничивает статус личности.

5. Отстаиваемая нами трактовка объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, создает предпосылки для адекватного уголовно-правового реагирования на все возможные варианты и процессуальные формы привлечения заведомо невиновного в качестве обвиняемого. Если же моментом юридического окончания этого преступления считать предъявление обвинения, то должностное лицо органа предварительного расследования может избежать уголовной ответственности по ч. 1 ст. 299 УК РФ лишь по той причине, что не ознакомило заведомо невиновное лицо с процессуальным актом о признании его обвиняемым. Показательным в этом отношении является следующее уголовное дело.

Приговором Оренбургского областного суда от 26 июня 2007 г. старший дознаватель Т. оправдан по двум преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 299 УК РФ, за отсутствием в его действиях составов указанных преступлений.

В кассационном представлении государственный обвинитель просил отменить приго-

вор, полагая, что суд необоснованно оправдал Т. по двум преступлениям, предусмотренным ст. 299 УК РФ.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационного представления, Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что выводы суда, связанные с оправданием Т. по ст. 299 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления, мотивированы.

Суд со ссылкой на нормы закона обоснованно признал, что в соответствии со ст. 225 УПК РФ привлечение лица к уголовной ответственности определяется обвинительным актом. При этом обвиняемый, его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая отметка в протоколе ознакомления с материалами дела.

В судебном заседании на основе исследованных материалов установлено, что К. и М. не были ознакомлены с обвинительными актами и формулировками их обвинения по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Как следует из их показаний в суде, они не были осведомлены о вынесенных в их отношении названных процессуальных документах и о привлечении их к уголовной ответственности.

Изготовление обвинительных актов Т. суд в приговоре расценил как приготовительные действия, ответственность за которые наступает только относительно тяжких и особо тяжких преступлений. При таких обстоятельствах судом сделан обоснованный вывод о том, что привлечение потерпевших по данному делу лиц к уголовной ответственности фактически не имело места, поэтому в содеянном Т. отсутствуют два преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 299 УК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала обоснованным вывод суда об оправдании Т. по ч. 1 ст. 299 УК РФ за отсутствием состава преступления (определение Верховного Суда РФ от 13 сентября 2007 г. по делу № 47-007-46).

Оценивая этот оправдательный приговор, отметим, что в его основу положено неверное толкование объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, которое не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству (как минимум, положениям ч. 1 ст. 47 УПК РФ), не учитывает содержание непосредственного объекта рассматриваемого преступного деяния и механизм причинения ему вреда. Руководствуясь ошибочным толкованием ч. 1 ст. 299 УК РФ, суд признал, что имело место всего лишь

приготовление к привлечению двух заведомо невиновных к уголовной ответственности, т.е. приготовление к преступлению средней тяжести, которое ненаказуемо в силу предписаний ч. 2 ст. 30 УК РФ. И это притом, что дознаватель не только умышленно создал условия для привлечения заведомо невиновных к уголовной ответственности, но и принял юридически значимое процессуальное решение, на основании которого двое невиновных лиц получили статус обвиняемых. То обстоятельство, что обвиняемые не были ознакомлены с обвинительными актами, не делает это преступление неоконченным. Параллели с преступлениями против личности, которые признаются оконченными только после причинения вреда потерпевшему, здесь неуместны, т.к. предусмотренное ч. 1 ст. 299 УК РФ преступление посягает, в первую очередь, на публичные интересы правосудия. А им, безусловно, был причинен вред.

Итак, вышеизложенные аргументы не оставляют сомнений в том, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, выражается в принятии процессуального решения о признании заведомо невиновного лица обвиняемым, т.е. в вынесении (составлении) постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления. Именно с момента принятия указанного процессуального решения преступление следует считать юридически оконченным. Дальнейшие действия, направленные на предъявление обвинения, т.е. ознакомление с процессуальным актом, в котором сформулировано обвинение, находятся за рамками состава оконченного преступления.

Разумеется, этот общий вывод требует конкретизации применительно к различным формам предварительного расследования. Однако прежде чем приступить к рассмотрению специфики различных проявлений исследуемого преступления, следует подчеркнуть, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление – это не просто листы бумаги с текстом соответствующего содержания, а именно процессуальное решение. Таковыми признаются «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответы на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установленных фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и

содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства» [10, с. 26]. Это общее замечание является крайне важным в плане установления момента юридического окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ.

В частности, нужно учитывать, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством обвинительный акт и обвинительное постановление, в которых формулируется обвинение при производстве дознания в общем порядке и в сокращенной форме, должны быть утверждены начальником органа дознания (ч. 4 ст. 225, ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ). Следовательно, до того момента, пока начальник органа дознания не утвердит составленный дознавателем обвинительный акт (обвинительное постановление), этот документ не имеет юридического значения, не порождает никаких уголовно-процессуальных последствий, в связи с чем его нельзя считать процессуальным решением о признании лица в качестве обвиняемого. И если начальник органа дознания по тем или иным причинам не утвердит обвинительный акт (обвинительное постановление), которым обвиняется заведомо невиновное лицо, действия дознавателя следует расценивать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ.

Что же касается постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в котором формулируется обвинение при производстве следствия, то этот процессуальный акт не требует утверждения, а приобретает все свойства процессуального решения с момента его вынесения, что следует учитывать при установлении юридического окончания рассматриваемого преступления.

Подводя итог проведенному исследованию, еще раз отметим, что основная причина противоречивого доктринального и правоприменительного толкования ч. 1 ст. 299 УК РФ и связанных с ним квалификационных ошибок заключается в неопределенности соответствующей уголовно-правовой нормы. Устранить ее можно только путем устранения просчетов, допущенных при ее законодательном конструировании, т.е. посредством внесения изменений в ч. 1 ст. 299 УК РФ.

Представляется, что в ч. 1 ст. 299 УК РФ следовало бы сконструировать описательную диспозицию с бланкетными признаками, включив в нее термины уголовно-процессуального законодательства, которые имеют четкое нормативное определение. В частности, объ-

ективную сторону рассматриваемого преступления предлагается изложить в следующем виде: «Вынесение процессуального решения о признании лица обвиняемым...». Предлагаемая редакция ч. 1 ст. 299 УК РФ позволит полностью устранить существующую неопределенность в плане содержания объективной стороны преступления. Во-первых, она содержит очевидную бланкетную отсылку к ч. 1 ст. 47 УПК РФ, содержащей исчерпывающий перечень процессуальных актов, на основании которых лицо может быть признано обвиняемым, а во-вторых, четко определяет момент юридического окончания преступного деяния. При этом включать в диспозицию

ч. 1 ст. 299 УК РФ перечень соответствующих процессуальных решений (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление) нецелесообразно. Уголовно-процессуальное законодательство весьма динамично, поэтому в перспективе нельзя исключить возможность появления дополнительных форм предварительного расследования, которые будут оканчиваться составлением новых процессуальных актов. С этой точки зрения использование собирательного термина «процессуальное решение о признании лица обвиняемым» выглядит более предпочтительным.

1. Наумов А.В. *Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций*. М., 2000.

2. Ображиев К. *Судебный прецедент в уголовном праве России // Уголовное право*. 2004. № 3.

3. Бюл. Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11.

4. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. *Настольная книга судьи: преступления против правосудия*. М., 2008.

5. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев*. 14-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

6. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова*. 2-е изд. М., 2015. Т. 2.

7. Кузнецов А.В. *Специальные виды служебных преступлений // Законность*. 2012. № 2.

8. *Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой*. М., 2005.

9. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (науч.-практ., постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова*. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015.

10. Лупинская П.А. *Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика*. 3-е изд., стер. М., 2015.

1. Naumov A.V. *Russian criminal law. General part: course of lectures*. Moscow, 2000.

2. Obrazhiev K. *Judicial precedent in criminal law of Russia // Criminal law*. 2004. № 3.

3. Bull. of the Supreme Court of the RSFSR. 1973. № 11.

4. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. *Handbook of judges: crime against justice*. Moscow, 2008.

5. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. V.M. Lebedev*. 14th ed., rev. and augm. Moscow, 2014.

6. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. / ed. by A.V. Brilliantov*. 2nd ed. Moscow, 2015. Vol. 2.

7. Kuznetsov A.V. *Special types of official crime // Legality*. 2012. № 2.

8. *Crimes against justice / ed. by A.V. Galakhova*. Moscow, 2005.

9. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (sci. and pract., item.) / ed. by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov*. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2015.

10. Lupinskaya P.A. *The decisions in the criminal trial: theory, legislation, practice*. 3rd ed., ster. Moscow, 2015.

Норвартян Юрий Сергеевич

кандидат юридических наук,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
(e-mail: norvartyan@yandex.ru)

О квалификации клеветы, соединенной с распространением заведомо ложных сведений о наличии у лица заболеваний, представляющих опасность для окружающих

В статье исследуются отдельные вопросы квалификации клеветы, соединенной с распространением заведомо ложных сведений о наличии у лица заболеваний, представляющих опасность для окружающих, по современному уголовному законодательству России. Особое внимание уделено медицинскому законодательству, предусматривающему перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

Ключевые слова: клевета, оценочное понятие, заболевания, представляющие опасность для окружающих, психические заболевания.

Yu.S. Norvartyan, Master of Law, Samara National Research University of Academician S.P. Kovalev; e-mail: norvartyan@yandex.ru

On the qualification of slander, coupled with the spread of deliberate false information about the existence of person's diseases that pose a danger to the wider public

Separate issues of qualification of slander, coupled with the spread of false information about the existence of person's diseases that pose a danger to the wider public according to the modern criminal legislation of Russia are examined within the article. The special attention is paid to the medical legislation providing a list of diseases that pose a danger to the wider public.

Key words: slander, evaluation, diseases, that pose a danger to the wider public, mental diseases.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] ст. 129 УК РФ «Клевета» была декриминализована. Подавляющее большинство ученых-юристов отнеслось к данному законодательному решению отрицательно, т.к. «предлагаемые поправки свидетельствуют о законодательной девальвации, обесценивании таких прав личности, как честь и достоинство, до уровня степени общественной опасности, оцененной в одну тысячу рублей (в КоАП РФ)» [2].

Спустя семь месяцев Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] клевета была вновь криминализована – в виде ст. 128.1 УК РФ. Законодатель полностью сохранил основной состав клеветы, изменения коснулись квалифицирующего состава, а некоторые квалифицирующие признаки в ранее действующем УК РФ (ст. 129) вообще не существовали. Одним из новшеств квалифицирующих составов кле-

веты выступает ч. 4 ст. 128.1 УК РФ, где законодатель предусмотрел ответственность за «клевету о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих».

Следует отметить, что в первоначальной редакции проекта Федерального закона № 106999-6 предлагалось закрепить такой квалифицирующий состав, как «клевета о болезни, вызывающей отвращение». Однако данная формулировка не нашла отражения в действующем УК РФ, а была изменена на «заболевание, представляющие опасность для окружающих» [4].

Квалифицирующий признак ст. 128.1 УК РФ – «клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих» – является бланкетным. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (ред. от 13 июля 2012 г.) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [5] к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, относятся: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ); вирусные лихорадки, передаваемые членистоно-

гими, и вирусные геморрагические лихорадки; гельминтозы; гепатит В; гепатит С; дифтерия; инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; лепра малярия; педикулез, акриаз и другие инфекции; сап и мелиоидоз; сибирская язва; туберкулез; холера; чума. Соответствующий перечень носит закрытый характер. Несмотря на это, некоторые правоведы предлагают не ограничиваться указанными выше заболеваниями, а наоборот, расширить их круг. Так, О.С. Степанюк и А.В. Степанюк отмечают, что «при толковании понятия “опасность для окружающих” необходимо учитывать не только возможность заражения заболеванием окружающих, но и опасность поведения лица, страдающего заболеванием, для окружающих» [6, с. 28]. С данной позицией не согласны В.Б. Позжалов и М.М. Шахмаев, т.к. перечень данных заболеваний определен постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 и носит закрытый характер [7, с. 50].

Следует иметь в виду, что перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, актуален для 2004 г., когда принималось соответствующее постановление Правительства РФ. Однако, как известно, появляются и получают распространение новые социально опасные инфекционные заболевания человека. Примерами тому могут служить вирус группы А (H1N1), инфекция ЕНЕС (энтерогеморрагическая кишечная палочка) и другие инфекционные заболевания человека, характеризующиеся быстрым распространением среди населения, тяжелым течением, высоким уровнем инвалидности и смертности. Таким образом, становится очевидным, что перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715, со временем будет уточняться.

В связи с этим возникает вопрос: как следует квалифицировать действия лица, распространявшего заведомо ложную информацию о болезни, не входящей в вышеуказанный перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Например, А. из неприязни, заведомо осознавая ложность сообщаемых сведений и преследуя цель опорочить Б., ложно обвинила его в присутствии Г. и Д. в том, что якобы А., будучи зараженным вирусом Эбола, ведет беспорядочный половой образ жизни.

Одним из распространенных способов передачи вируса Эбола является контакт с кровью и любыми выделениями: слезами, слюной, спермой, а также воздушно-капельный путь. Медики отмечают, что даже после смерти человека можно заразиться посредством соприкосновения с телесными жидкостями [8]. Это заболевание вызывает у общества опасение

за свое здоровье, а у некоторых – брезгливость и отвращение. Однако такое отношение представляется недостойным для воспитанного человека (общества). Порочащим может быть не сам факт наличия болезни, т.к. человек может заразиться указанной болезнью, когда он заботился о больном или занимался похоронами человека, зараженного данным вирусом, а действия, способствующие распространению данной болезни, когда, например, больной целуется, вступает в половую связь, выступает в качестве донора крови и т.д.

Считаем, что вышеуказанное деяние следует квалифицировать по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ либо по ч. 3 ст. 128.1 (если лицо использовало свое служебное положение), т.к. лицо четко отметило способ передачи вируса Эбола. Кроме того, виновный заведомо осознавал ложность сообщаемых им сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и желал их распространить. Квалифицировать по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ мы не имеем права, т.к. данное заболевание не входит в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, предусмотренных в постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

В случае если лицо добросовестно заблуждалось в том, что тот или иной субъект болен вышеуказанным заболеванием, оно освобождается от уголовной ответственности, т.к. добросовестное заблуждение относительно подлинности распространяемых сведений исключает состав клеветы [9, с. 156].

В юридической литературе обсуждается вопрос о привлечении к уголовной ответственности за клевету, соединенную с распространением заведомо ложных сведений о психическом заболевании лица. Авторы этой позиции приводят следующие аргументы: «Учитывая то, что лицами, страдающими психическими заболеваниями, совершается значительное количество общественно опасных деяний, у значительной части населения сформировалось стойкое убеждение в их опасности для окружающих». Также они предлагают дополнить ст. 128.1 УК РФ примечанием, в котором будет указан перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, или сделать ссылку на нормативный правовой акт, как это сделано в примечании к ст. 228 УК РФ [6, с. 28].

С первым предложением авторов мы не можем согласиться. По нашему мнению, сам факт болезни не должен унижать честь и достоинство потерпевшего или подрывать его репутацию. Порочащим может быть не само за-

болевание, а действия, способствовавшие его распространению [11, с. 451]. Второе предложение выглядит весьма убедительно и уместно.

Еще один вопрос квалификации: как следует квалифицировать деяния лица, если оно распространяло заведомо правдивые сведения? Например, И., будучи лечащим врачом М., заведомо осознавая достоверность сообщаемых сведений и преследуя целью подорвать деловую репутацию М., в присутствии Ш. и Э. сообщила, что М., будучи больным туберкулезом, ведет прием граждан в многофункциональном центре города.

Квалификация по ст. 128.1 УК РФ исключается, т.к. закон указывает на заведомость ложных сведений, а в примере указано, что И. осознавала достоверность (правдивость) распространяемых ею сведений.

Таким образом, действия И. следует квалифицировать по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ (в редакции от 23 мая 2016 г.) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» «лица, находящиеся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, при оказании им противотуберкулезной помощи имеют право на: сохранение врачебной тайны» [12].

Резюмируя вышеизложенное, считаем целесообразным дополнить ст. 128.1 УК РФ примечанием в следующей редакции: «Перечень инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в статье настоящего Кодекса утверждается Правительством Российской Федерации».

1. Собр. законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

2. Овчинский В.С. Уголовное цунами. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami/>

3. Собр. законодательства РФ. 2012. Ст. 4330.

4. Стенограмма обсуждения законопроекта № 106999-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/106999-6>

5. Собр. законодательства РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

6. Степанюк О.С., Степанюк А.В. Вопросы толкования понятия «заболевание, представляющее опасность для окружающих» как квалифицирующего признака клеветы // Рос. следователь. 2013. № 3.

7. Поезжалов В.Б., Шахмаев М.М. Клевета: спорные вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2015. № 2(32).

8. Лихорадка Эбола в мире и в Африке: обзор фактов заболевания. URL: <http://moskovskaya-medicina.ru/lihoradka-ebola/lihoradka-ebola-v-mire-i-v-afrike-obzor-faktov-zabolevaniya.html>

9. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть (главы I–X). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

10. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008.

11. Собр. законодательства РФ. 2001. № 26. Ст. 2581.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7362.

2. Ovchinsky V.S. Criminal tsunamis. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami/>

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. Art. 4330.

4. Transcript of the discussion of the bill № 106999-6 «On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation». URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/106999-6>

5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 49. Art. 4916.

6. Stepanyuk O.S., Stepanyuk A.V. Questions of interpretation of the concept of «diseases representing a danger to others» as qualifying signs slander // Rus. investigator. 2013. № 3.

7. Poeszhalov V.B., Shakhmaev M.M. Slander: controversial issues of differentiation of criminal responsibility and individualization of punishment // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 2(32).

8. Ebola in the world and in Africa: review of the facts of disease. URL: <http://moskovskaya-medicina.ru/lihoradka-ebola/lihoradka-ebola-v-mire-i-v-afrike-obzor-faktov-zabolevaniya.html>

9. Naumov A.V. Russian penal law: course of lectures: in 3 vol. Vol. 2: Special part (chapters I–X). 4th ed., rev. and augm. Moscow, 2010.

10. Full course of criminal law: in 5 vol. / ed. by A.I. Korobeev. Vol. II: Crimes against the person. St. Petersburg, 2008.

11. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 26. Art. 2581.

Бойко Сергей Яковлевич

Университет потребительской кооперации

(e-mail: mnn_nn@mail.ru)

Мошенничество в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья

В представленной статье проводится компаративистское исследование норм об уголовной ответственности за мошенничество в странах ближнего зарубежья, особое внимание обращается на сходства и отличия при конструировании данного состава преступления.

Ключевые слова: компаративистика, мошенничество, уголовное законодательство, ближнее зарубежье.

S.Ya. Boyko, Russian University of Cooperation; e-mail: mnn_nn@mail.ru

Fraudulent in criminal legislation of neighbouring countries

The comparative study of criminal standards of fraudulent in criminal laws of neighbouring countries is presented in the article, with focusing on similarities and differences in structure of the elements of the crime.

Key words: comparativistics, fraudulent, criminal legislation, neighbouring countries.

Введение в проблему. История развития юридической науки свидетельствует, что сравнительному правоведению в последнее время ученые стали уделять повышенное внимание. Объяснение этому видится в том, что сравнительное правоведение как один из теоретических методов способствует научному поиску, позволяет познать процессы общественного развития, расширить границы сферы применения полученных знаний.

В научном аспекте компаративистика, во-первых, позволяет изучить национальное право; во-вторых, облегчает понимание зарубежных правовых систем и институтов; в-третьих, повышает культурный уровень; в-четвертых, разрушает правовую ксенофобию [1, с. 12].

В практическом плане сравнительное правоведение позволяет: законодателю – осуществить заимствование конкретного зарубежного опыта в процессе правотворческой деятельности; экспертам или специалистам – использовать законодательное положение для подготовки заключения о содержании нормы зарубежного уголовного права; судам – разъяснить иностранные уголовно-правовые предписания; следствию – правильно применить отдельные положения для привлечения лица к уголовной ответственности в соответствии с принципом двойного вменения [2, с. 8].

Отмечая важность и значимость сравнительного правоведения как для теории, так и для практики, следует предостеречь исследователя, занимающегося компаративистикой, от слепого копирования зарубежных парадигм,

некритического их заимствования. Такое предостережение является неслучайным, т.к. в последнее время наблюдаются перекосы в использовании сравнительного метода: при исследовании отдается предпочтение проблемам, далеким от российской действительности, не имеющим практического прикладного значения для юридической науки и практики [3, с. 358–389].

Собственность как объект уголовно-правовой охраны. Преступления против собственности традиционно выделяются в структуре уголовного законодательства всех стран. Не являются исключением и страны ближнего зарубежья. Такой подход обуславливается не только сходством их уголовно-правовых систем, криминологической характеристикой, но и тем, что собственность, как одна из социальных ценностей, является важнейшим социальным благом личности. Посягательство на собственность расценивается как разновидность посягательства на интересы личности. Общественная опасность преступлений против собственности заключается в том, что они подрывают основу рыночной экономики, дестабилизируют экономическую деятельность государства в сфере производства, распределения, потребления материальных благ, создают условия для незаконного обогащения, причиняя вред личности. Поэтому обращение к исследованию уголовного законодательства стран ближнего зарубежья вообще и института защиты собственности в частности является оправданным. Избранный методологический прием позволит выявить положительный

опыт в сфере противодействия преступлениям против собственности, правильно оценить его уровень и эффективность и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию законотворческой и правоприменительной деятельности. Отметим, что в системе преступлений против собственности всех стран ближнего зарубежья мошенничество занимает особое место.

Регламентация ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве стран западного региона (Беларусь, Молдова, Украина). Среди стран западного региона только в Республике Беларусь при разработке нового уголовного закона был взят за основу Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ [4]. Молдова и Украина создавали свои уголовные кодексы самостоятельно, хотя длительное пребывание в составе бывшего СССР и совместное развитие правовых систем не могли не оказать влияния на этот процесс. В связи с изложенным уголовное законодательство перечисленных государств обладает более заметными различиями между собой, нежели законодательство других регионов бывшего СССР, это проявляется в структуре уголовных законов и правовых норм. В то же время сохраняется сходство в формулировании основных и квалифицирующих признаков составов преступлений.

Уголовная ответственность за мошенничество предусмотрена в ст. 190 УК Республики Молдова (УК РМ) [5], ст. 190 УК Украины [6] и ст. 209 УК Республики Беларусь (УК РБ) [7]. В отличие от УК РБ, структуризация которого аналогична УК РФ, УК РМ и УК Украины не предусматривают включения глав в разделы (УК РМ) и деления разделов на главы (УК Украины). Тем не менее, во всех трех государствах мошенничество отнесено к преступлениям против собственности (гл. 24 УК РБ, гл. VI УК РМ, разд. 6 УК Украины).

Структурная иерархия мошенничества законодателями указанных стран в системе преступлений против собственности определяется по-разному: ст. 190 УК РМ и ст. 209 УК РБ расположены на пятом месте после кражи, грабежа, разбоя и вымогательства (шантажа), ст. 190 УК Украины – на шестом после кражи, грабежа, разбоя, демонтажа электрических сетей и вымогательства.

Формулировка диспозиций норм об ответственности за мошенничества заметно различается. Прежде всего, следует отметить, что мошенничество четко отнесено к хищениям только в УК РБ, где в примеч. 1 к гл. 24 это дея-

ние указывается при определении понятия хищения как одна из его форм. С признаками завладения имуществом (чужим имуществом) и приобретения права на имущество (чужое имущество) мошенничество связано по УК РБ и УК Украины. По УК РМ мошенничество – это незаконное получение имущества другого лица. Способ мошенничества – путем обмана или злоупотребления доверием – предусмотрен во всех трех государствах.

Система квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков мошенничества в законодательстве рассматриваемых государств обладает значительным сходством, однако имеет и ряд отличительных черт, обусловленных их расположением внутри нормы, поскольку ст. 190 УК РМ содержит пять частей, а ст. 190 УК Украины и ст. 209 УК РБ – четыре части.

Общими квалифицирующими признаками, закрепленными во всех рассматриваемых нормах, выступают совершение преступления по предварительному сговору группой лиц (в той или иной формулировке), организованной группой, в крупных размерах и в особо крупных размерах. Повторность в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрена в УК РБ и УК Украины, причинение значительного ущерба – в УК Украины и УК РМ.

Отличительными признаками, отсутствующими в аналогичных нормах других государств, выступают: использование служебного положения и совершение преступления преступной организацией (УК РМ), совершение мошенничества путем незаконных операций с использованием электронно-вычислительной техники (УК Украины). Следует отметить, что использование служебного положения в УК РБ предусмотрено в качестве самостоятельной формы хищения (ст. 210 УК РБ), в силу чего этот признак и не включен в ст. 209 УК РБ.

Несмотря на заметное сходство в наборе квалифицирующих признаков, оценка их общественной опасности законодателем существенно различается.

Сроки лишения свободы, предусмотренные в рассматриваемых странах за квалифицированные виды мошенничества при наличии одних и тех же признаков, имеют значительное расхождение.

Виды основных наказаний, назначаемых за мошенничество, по уголовному законодательству стран западного региона в целом одинаковы: штраф, исправительные работы, лишение свободы. В УК Украины и УК РБ основным наказанием выступает также ограничение свободы (привлечение к общественно полезному

труду). По УК РБ и УК РМ лицу могут быть назначены общественные работы (неоплачиваемый труд в пользу общества). УК РБ предусматривает возможность назначения ареста за мошенничество. Дополнительными наказаниями являются конфискация имущества (УК РБ и УК Украины) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (УК РМ).

Регламентация ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве стран Закавказья. Характерной особенностью уголовного законодательства стран Закавказья является то, что в основу его построения был положен Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Подтверждением этому могут служить сходство структуры уголовного закона, закрепление типичных институтов уголовного права, криминализация однородных деяний, установление системы ответственности и наказания и освобождения от них.

Все это относится и к исследованию проблемы ответственности за мошенничество.

Нормы, закрепляющие состав рассматриваемого деяния, расположены в разделах «Преступления в сфере экономики» (разд. IX УК Азербайджанской Республики (УК АР) [8]), «Преступления против собственности, экономики и экономической деятельности» (разд. 8 УК Республики Армения (УК РА) [9]), «Экономические преступления» (разд. 8 УК Грузии [10]). Несмотря на это, во всех уголовных кодексах мошенничество относится к преступлениям против собственности и размещается в главах, именуемых «Преступления против собственности» (гл. 23 УК Азербайджана, гл. 21 УК Армении, гл. XXV УК Грузии). Структурная иерархия мошенничества законодателями указанных стран в системе преступлений против собственности определяется по-разному: в Азербайджане ст. 178 расположена на втором месте после кражи, в Армении (ст. 178) и Грузии (ст. 180) – на четвертом после кражи, грабежа и разбоя.

Формулировка диспозиций норм об ответственности за мошенничество заметно различается. Так, мошенничество связано с признаками завладения чужим имуществом (УК АР) или чужой вещью (УК Грузии) и приобретения права на чужое имущество путем обмана (УК АР, УК РА, УК Грузии) или злоупотребления доверием (УК РА и Грузии). Как хищение чужого имущества мошенничество описывается только в УК Армении. Специфическими признаками выступает указание на цель завладе-

ния – противоправное присвоение чужой вещи (УК Грузии) и значительный размер хищения (УК Армении). Система квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков мошенничества в законодательстве рассматриваемых государств обладает значительным сходством, однако имеет и ряд отличительных черт. Квалифицирующим признаком, общим для всех трех стран, выступает совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору. Существенный (значительный) ущерб включен в ч. 2 ст. 178 УК АР и ч. 2 ст. 180 УК Грузии. Неоднократность (повторность) совершения преступления является квалифицирующим признаком по УК Армении и Азербайджана и особо квалифицирующим по УК Грузии (ч. 3 ст. 180). В свою очередь, ч. 2 ст. 178 УК РА в качестве квалифицирующего признака определяет крупный размер, а также совершение деяния лицом, ранее совершившим хищение любой формы или вида либо вымогательство. Использование служебного положения включено в ч. 2 ст. 178 УК АР и в ч. 3 ст. 180 УК Грузии.

Особо квалифицирующим признаком по ч. 3 ст. 178 УК АР и УК РА является совершение мошенничества организованной группой, а также лицом, ранее два или более раза судимым за хищение или вымогательство. Эти же признаки закреплены в ч. 4 ст. 180 УК Грузии. В Азербайджане третьим особо квалифицирующим признаком считается причинение крупного ущерба, в Армении – особо крупный размер, в Грузии – крупный размер.

Виды основных наказаний, назначаемых за мошенничество, по уголовному законодательству стран Закавказья в целом одинаковы: штраф, исправительные работы, лишение свободы. В УК Армении и Грузии основным наказанием выступают также общественные работы (привлечение к общественно полезному труду). Конфискация имущества и штраф как дополнительные наказания предусмотрены только в Армении.

Таким образом, в странах Закавказья, с одной стороны, наблюдается схожесть в установлении основных и квалифицирующих признаков мошенничества, а с другой – имеются различия в оценке их общественной опасности, что сказывается на структуре соответствующих норм и в расположении отягчающих обстоятельств в статье.

Регламентация ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве стран среднеазиатского региона. Особенностью уголовного законодательства стран Средней Азии, входивших в состав бывшего СССР, как и

в странах Закавказья, является то, что в основу их уголовных кодексов положен Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Поэтому для государств рассматриваемого региона также свойственны сходная структура уголовного закона, закрепление типичных институтов уголовного права, криминализация однородных деяний, установление системы ответственности и наказаний и освобождения от них.

Общими признаками обладают и нормы о мошенничестве. Соответствующие статьи расположены в главе «Преступления против собственности» раздела «Преступления в сфере экономики» УК Кыргызской Республики [11] (разд. VIII, гл. 21), УК Республик Таджикистан [12] (разд. XI, гл. 26) и Туркменистан [13] (разд. XI, гл. 26), разд. III «Преступления в сфере экономики» гл. X «Хищение чужого имущества» УК Республики Узбекистан [14], гл. 6 «Уголовные правонарушения в сфере собственности» УК Республики Казахстан [15]. Таким образом, во всех уголовных кодексах мошенничество относится к посягательствам на собственность. Структурная иерархия мошенничества законодателями указанных стран в системе преступлений против собственности определяется по-разному: в Таджикистане ст. 228 помещена на второе место после кражи, в Кыргызии ст. 166 расположена на третьем месте после кражи и скотокрадства, в Казахстане ст. 190 находится на четвертом после мелкого хищения, кражи, присвоения или растраты, аналогично в Таджикистане ст. 247 следует после кражи, присвоения или растраты, хищения средств, выданных в качестве кредита, в Узбекистане ст. 168 указывается на пятом месте после разбоя, вымогательства, грабежа, хищения путем присвоения или растраты.

Формулировка диспозиций норм об ответственности за мошенничества имеет как сходства, так и различия. Тождественно УК РФ, т.е. как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, мошенничество понимается в УК Казахстана, Таджикистана и Туркменистана. Как завладение чужим имуществом или правом на чужое имущество (приобретение права на чужое имущество) путем обмана или злоупотребления доверием мошенничество понимается в УК Кыргызии и Узбекистана. При этом в УК Узбекистана мошенничество неоспоримо относится к хищениям, поскольку расположено в главе с соответствующим названием. Из изложенного следует, что различие в терминологии (хищение или завладение) не имеет принципиального характера, и

в целом подход к пониманию мошенничества в странах среднеазиатского региона одинаков.

Система квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков мошенничества в законодательстве рассматриваемых государств также обладает значительным сходством, хотя присутствует и ряд специфических черт. Квалифицирующим признаком, общим для всех пяти стран, выступает совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору. Неоднократность (повторность) закреплена в частях вторых рассматриваемых статей во всех уголовных законах, кроме УК Кыргызии. Значительный ущерб (ущерб гражданину в значительном размере) включен в ч. 2 ст. 166 УК Кыргызии, ч. 2 ст. 247 УК Таджикистана, ч. 2 ст. 228 УК Туркменистана. Использование служебного положения предусмотрено в ч. 2 ст. 190 УК Казахстана, в ч. 2 ст. 247 УК Таджикистана и в ч. 4 ст. 166 УК Кыргызии, что означает более высокую оценку общественной опасности данного обстоятельства в последнем случае. Крупный и особо крупный размер, а также совершение преступления организованной преступной группой рассматриваются в качестве отягчающих обстоятельств во всех пяти исследуемых нормах, однако их расположение различно. В последних частях рассматриваемых статей, что свидетельствует о наивысшей степени общественной опасности, расположены признаки организованной группы в УК Казахстана (ч. 4 ст. 190), УК Кыргызии (ч. 3 ст. 166), УК Узбекистана (ч. 3 ст. 168). Этот же признак указан в предпоследних частях статей в УК Таджикистана (ч. 3 ст. 247) и Туркменистана (ч. 3 ст. 228). Крупный размер указан в ч. 2 ст. 190 УК Казахстана, ч. 3 ст. 166 УК Кыргызии, ч. 2 ст. 168 УК Узбекистана, ч. 3 ст. 247 УК Таджикистана и ч. 3 ст. 228 УК Туркменистана, т.е. этот признак трактуется как квалифицирующий, особо квалифицирующий и особо квалифицирующий второй степени. Особо крупный размер предусмотрен во всех рассматриваемых нормах, кроме ст. 166 УК Кыргызии, и является особо отягчающим обстоятельством.

Уголовные кодексы Кыргызии, Узбекистана и Таджикистана в качестве квалифицирующих признаков рассматривают опасный и особо опасный рецидив, при этом в Кыргызии идет речь о специальном рецидиве – совершении деяния лицом, два или более раз судимым за хищение либо вымогательство.

В УК Кыргызии и Узбекистана квалифицирующим признаком в том или ином виде выступает сопряженность мошенничества с использованием средств компьютеризации.

Виды основных наказаний, назначаемых за мошенничество, по уголовному законодательству стран Средней Азии в целом одинаковы: штраф, исправительные работы, лишение свободы. В УК Киргизии основным наказанием выступают также общественные работы или тройной айып (возмещение ущерба в трехкратном размере, при котором две трети возмещения выплачиваются потерпевшему, а одна треть перечисляется в доход государства), в Узбекистане – арест, в Казахстане и Таджикистане – ограничение свободы. Конфискация имущества как дополнительное наказание предусмотрена в Киргизии, Казахстане и Туркменистане. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – в Казахстане и Таджикистане в случаях, когда деяние совершено с использованием служебного положения.

Размер назначаемых санкций заметно отличается. Наиболее строгим наказанием выступает лишение свободы, максимальный срок которого составляет до 15 лет. Разница в сроках лишения свободы по одному и тому же признаку колеблется от двух до пяти лет.

Таким образом, в странах среднеазиатского региона имеют место как сходство в установлении основных и квалифицирующих признаков мошенничества, так и различия в оценке их общественной опасности, что сказывается на структуре соответствующих норм и на расположении отягчающих обстоятельств в статьях.

Регламентация ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве стран Балтии. Исследование правовой регламентации уголовной ответственности за мошенничество в Эстонии, Латвии и Литве позволяет прийти к выводу о том, что в этих странах имеются существенные отличия как в понимании криминообразующих признаков мошенничества, так и в самой структуре норм. Уголовная ответственность за мошенничество предусмотрена в четырех статьях УК Латвии [16] (ст. 177 (мошенничество), 177.1 (компьютерное мошенничество), ст. 178 (страховое мошенничество), ст. 180 (мелкие кража, мошенничество, присвоение)), расположенных в гл. XVIII «Преступления против собственности». Мошенничество находится на третьем месте после норм о краже и разбое. УК Литвы [17] закрепляет состав мошенничества в ст. 182, находящейся в гл. XXVII «Преступления и уголовные проступки против собственности, имущественных прав и имущественных интересов». В Пенитенциарном кодексе Эстонии [18] подразд. 1 «Мошенничество» размещен в разд. 2 «Преступ-

ные деяния против имущества в целом». Этот подраздел содержит ст. 210–213 и закрепляет составы мошенничества, мошенничества при получении льгот, инвестиционного мошенничества, страхового мошенничества, компьютерного мошенничества. Фактически подход законодателей Балтии аналогичен действующей редакции УК РФ, закрепляющей специальные виды мошенничества, причем санкции за специальные виды мошенничества практически идентичны санкциям в квалифицированном составе простого мошенничества.

Под мошенничеством понимается приобретение чужого имущества или прав на такое имущество путем злоупотребления доверием или обмана (ст. 177 УК Латвии, 182 УК Литвы), уклонение от имущественного обязательства или его отмена (ст. 182 УК Литвы), получение имущественной выгоды путем создания заведомо ложного представления о фактических обстоятельствах (ст. 209 ПК Эстонии). Очевидно, что подход балтийских законодателей принципиально отличается от существующего в странах СНГ, поскольку в сферу уголовно-правовой регламентации попадают отношения, считающиеся в России и СНГ гражданско-правовыми. Кроме того, мошенничество не считается хищением.

Квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками простого мошенничества по УК Латвии и ПК Эстонии выступают: совершение деяния группой лиц (по предварительному сговору) или организованной группой (преступным сообществом). Крупный размер (большая ценность) является отягчающим обстоятельством во всех трех странах Балтии.

Отличительной чертой ст. 182 УК Литвы выступает то, что в этой норме содержатся привилегированный, основной и квалифицированный составы мошенничества, отличительным признаком которых является исключительно размер: в привилегированном составе – небольшая ценность, в квалифицированном, соответственно, большая ценность.

Особенностью ст. 177 УК Латвии выступает выделение в качестве особо квалифицирующего признака цели – приобретение наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых или радиоактивных веществ, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или боеприпасов.

Статья 177.1 УК Латвии и ст. 213 ПК Эстонии предусматривают ответственность за компьютерное мошенничество, под которым понимается мошенничество, совершенное путем сознательного введения в систему автомати-

зированной обработки данных ложных сведений (незаконное вмешательство в процесс обработки данных). Санкции за компьютерное мошенничество не отличаются от таковых в общих нормах, таким образом, способ совершения преступления фактически не влияет на степень общественной опасности.

Страховым мошенничеством считается умышленное уничтожение, повреждение или сокрытие своего имущества в целях получения страховой суммы (ст. 178 УК Латвии) либо содействие наступлению страхового случая или создание ложного представления о наступлении страхового случая с целью получения от страховщика страхового возмещения (ст. 212 ПК Эстонии). Таким образом, страховое мошенничество – это обман относительно страхового случая. Однако понимание страхового мошенничества по ПК Эстонии несколько шире, нежели по УК Латвии, поскольку создание ложного представления о наступлении страхового случая не предполагает действительного причинения какого-либо ущерба застрахованному благу.

Два вида мошенничества, предусмотренные ст. 210 и 211 ПК Эстонии, не имеют аналогов в Латвии и Литве. В ст. 210 установлена ответственность за мошенничество при получении льгот. От сходной ст. 159.2 УК РФ эта норма отличается тем, что перечень льгот существенно ограничен и связан с осуществлением субъектом хозяйственной деятельности. Такими льготами считаются безвозмездные или частично безвозмездные выплаты участвующему в хозяйственной деятельности лицу за счет средств государственного бюджета, местного самоуправления или иных общественных средств либо налоговые льготы, предоставленные с целью оказания содействия хозяйственной деятельности. При этом мошенничеством считается как само получение льгот путем обмана, так и использование их не по целевому назначению.

Инвестиционное мошенничество (ст. 211) также может быть совершено только субъектом хозяйственной деятельности и представляет собой получение инвестиций путем представления ложных сведений в эмиссионном проспекте или в иной предназначенной для общественности информации.

Система санкций за мошенничество в уголовном законодательстве стран Балтии не имеет такого сходства, как в странах СНГ. Общими являются лишь подходы к формулировке санкций в целом.

В Латвии, как указывалось выше, идентичны наказания за простое мошенничество и компьютерное мошенничество. В основном составе предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет либо краткосрочного лишения свободы (краткосрочное лишение свободы, согласно ч. 2 и 2.1 ст. 38 УК Латвии, может быть назначено на срок от 15 дней до 3 месяцев), или принудительных работ, или штрафа. При наличии квалифицирующих признаков назначается лишение свободы на срок до пяти лет либо краткосрочное лишение свободы, или принудительные работы, или денежный штраф с конфискацией имущества или без таковой. В особо квалифицированном составе закреплены лишение свободы на срок от двух до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой и испытательный надзор (испытательный надзор назначается прокурором, а не судом и аналогичен испытательному сроку при условном осуждении по УК РФ; минимальный предел не указывается, но испытательный срок не может быть менее 1 года (ст. 45-1 УК Латвии); испытательный надзор применяется дополнительно к любому виду основного наказания) на срок до трех лет или без такового.

Страховое и мелкое мошенничество представляют собой привилегированные составы. Виды назначаемых наказаний за эти деяния одинаковы: лишение свободы, краткосрочное лишение свободы, принудительные работы или штраф. Различаются сроки лишения свободы: за мелкое мошенничество – до одного года, за страховое мошенничество без отягчающих обстоятельств – до двух лет. Санкции в квалифицированном и особо квалифицированном составе идентичны санкциям в основном и квалифицированном составе простого мошенничества.

Общей чертой уголовных законов Литвы и Эстонии является то, что за мошенничество к уголовной ответственности привлекаются как физические, так и юридические лица.

В ст. 182 УК Литвы видами наказаний за мошенничество выступают публичные работы, штраф, ограничение свободы, арест или лишение свободы. За мелкое мошенничество лишение свободы и арест не назначаются, за крупное мошенничество предусматривается только лишение свободы. Срок лишения свободы в основном составе – до трех лет, в квалифицированном – до восьми лет.

В Эстонии за мошенничество назначается тюремное заключение или денежное взыскание. Для юридических лиц предусмотрено только денежное взыскание.

Эстонский законодатель одинаково оценивает степень общественной опасности квалифицированного мошенничества и специальных видов мошенничества. В отличие от отечественного законодателя, специальные виды мошенничества наказываются по ПК Эстонии строже, нежели мошенничество обычное, совершенное без отягчающих обстоятельств.

Вывод. Исследование уголовного законодательства стран бывшего СССР позволяет заключить, что в понимании мошенничества существуют как сходства, обусловленные длительным историческим периодом применения унифицированного законодательства, так и различия. Мошенничество относится к посягательствам на собственность, его предметом выступают: чужая вещь, чужое имущество, право на чужое имущество, имущественное обязательство. Как хищение имущества мошенничество определяется в Армении, Беларуси, Казахстане, Таджикистане и Туркменистане. Мошенничество как завладение понимается в Грузии, Азербайджане, Украине, Беларуси, Кыргызстане, Узбекистане. Термин «приобретение» применяется в УК Латвии и Литвы, а «получение» используется в Молдове и Эстонии. Приобретение права на чужое имущество выступает формой мошенничества по УК Армении, Грузии, Азербайджана, Беларуси, Украины, Кыргызстана. Способами совершения мошенничества во всех странах, кроме Эстонии, выступают обман и злоупотребление доверием. В Эстонии фактически речь также идет об обмане, но используется не само понятие обмана, а его определение – предоставление ложных сведений.

Наиболее распространенными квалифицирующими признаками мошенничества выступают размер (во всех исследуемых государствах) и совершение преступления в соучастии, как правило, группой лиц по предварительному

сговору или организованной группой (во всех странах бывшего СССР, кроме Литвы). Однако следует отметить, что виды размера (значительный, крупный, особо крупный) используются не везде. Отягчающим обстоятельством во всех рассмотренных государствах выступает только крупный размер. Значительный и особо крупный размеры применяются реже.

Неоднократность (повторность) как квалифицирующий признак предусмотрены законодательством Украины, Беларуси, Армении, Грузии, Азербайджана, Эстонии. Судимость (общий или специальный рецидив) закреплена в Армении, Грузии, Азербайджане и Эстонии. Использование служебного положения также выступает квалифицирующим признаком по УК Азербайджана, Грузии, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Эстонии.

Однако следует отметить, что, несмотря на сходство в использовании квалифицирующих признаков, оценка их общественной опасности в изученных уголовных законах различна.

Санкции за мошенничество в странах бывшего СССР отличаются заметным разнообразием, при этом, как правило, примерно одинаковы размеры и виды наказаний в пределах одного региона. Наказаниями, применяемыми во всех без исключения государствах, выступают лишение свободы и штраф. Сроки лишения свободы различны, однако следует отметить, что их максимальный предел в основном составе колеблется от одного года до четырех лет. Наиболее строгое наказание за мошенничество варьируется от десяти до пятнадцати лет лишения свободы.

В числе прочих основных наказаний можно назвать общественные, исправительные, принудительные работы, как дополнительные наказания назначаются конфискация имущества или лишение права занимать определенную должность.

1. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная часть. М., 2000.

2. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право: учеб. М., 2014.

3. Кузнецов А.П. Часть II. Раздел II. Принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление: акад. курс: в 10 т. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

4. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ: принят поста-

1. Osakve K. Comparative law in charts: general and special parts. Moscow, 2000.

2. Malinovsky A.A. Comparative criminal law: textbook. Moscow, 2014.

3. Kuznetsov A.P. Part II. Section II. Principles of criminal law: comparative analysis // Criminal law. General part. Crime: academic course: in 10 vol. Vol. II: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2016.

4. Model Criminal Code for the CIS Member States: adopted by the Interparliamentary Assembly of CIS Member States on Febr. 17,

новлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

5. Уголовный кодекс Республики Молдова. Кишинев, 2002. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 21.08.2015).

6. Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-8> (дата обращения: 21.08.2015).

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2008. URL: <http://www.tamby.info/kodeks/uk.htm> (дата обращения: 21.08.2015).

8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=37;-250&sel_link=1001078612_2 (дата обращения: 03.08.2015).

9. Уголовный кодекс Республики Армения. Ереван, 2004. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#9> (дата обращения: 22.08.2015).

10. Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. URL: https://matsne.gov.ge/index.php?option=com_ldm_ssearch&view=docView&id=16426&publication=137&lang=ru (дата обращения: 22.08.2015).

11. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000871465 (дата обращения: 21.08.2015).

12. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs> (дата обращения: 21.08.2015).

13. Уголовный кодекс Республики Туркменистан. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=330150 (дата обращения: 22.08.2015).

14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_10 (дата обращения: 21.01.2015).

15. Уголовный кодекс Казахстана от 3 мая 2014 г. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 03.08.2015).

16. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=88966> (дата обращения: 22.08.2015).

17. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107737,100107745,100108058#text> (дата обращения: 21.08.2015).

18. Пенитенциарный кодекс Эстонии. URL: <http://zakony.ee/index.php?id=7> (дата обращения: 22.08.2015).

1996 // Supplement to the CIS bulletin. 1997. № 10.

5. Criminal Code of the Republic of Moldova. Kishinev, 2002. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (date of access: 21.08.2015).

6. Criminal Code of Ukraine. St. Petersburg, 2001. URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-8> (date of access: 21.08.2015).

7. Criminal Code of the Republic of Belarus. Minsk, 2008. URL: <http://www.tamby.info/kodeks/uk.htm> (date of access: 21.08.2015).

8. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. St. Petersburg, 2001. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=37;-250&sel_link=1001078612_2 (date of access: 03.08.2015).

9. Criminal Code of the Republic of Armenia. Erevan, 2004. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#9> (date of access: 22.08.2015).

10. Criminal Code of Georgia. St. Petersburg, 2002. URL: https://matsne.gov.ge/index.php?option=com_ldm_ssearch&view=docView&id=16426&publication=137&lang=ru (date of access: 22.08.2015).

11. Criminal Code of the Kyrgyz Republic. St. Petersburg, 2002. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1000871465 (date of access: 21.08.2015).

12. Criminal Code of the Republic of Tajikistan. St. Petersburg, 2001. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs> (date of access: 21.08.2015).

13. Criminal Code of the Republic of Turkmenistan. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=330150 (date of access: 22.08.2015).

14. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. St. Petersburg, 2001. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_10 (date of access: 21.01.2015).

15. Criminal Code of Kazakhstan d.d. May 3, 2014. URL: <http://online.zakon.kz> (date of access: 03.08.2015).

16. Criminal Code of the Republic of Latvia. St. Petersburg, 2001. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=88966> (date of access: 22.08.2015).

17. Criminal Code of Lithuania. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107737,100107745,100108058#text> (date of access: 21.08.2015).

18. Penal Code of Estonia. URL: <http://zakony.ee/index.php?id=7> (date of access: 22.08.2015).

Москвичев Алексей Александрович
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79649324815)

Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество преступлению в дореволюционный период

В статье осуществлен историко-правовой анализ основных этапов формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество преступлению. Автор отмечает, что пособничество в совершении преступления, его способы и ответственность были законодательно сформированы к концу XIX в. и в дальнейшем использовались в разных вариациях в последующих уголовных законах. По итогам проведенного исследования автор делает вывод о том, что дореволюционному уголовному законодательству, помимо общего пособничества, были известны примеры особенного (специального) пособничества, которое фактически находилось за рамками института соучастия.

Ключевые слова: уголовная ответственность, общее пособничество, специальное пособничество, посредничество в преступлении.

A.A. Moskvichev, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79649324815.

Historical and legal analysis of formation and development of domestic criminal legislation on liability for aiding and abetting in the pre-revolutionary period

The article presents the historical and legal analysis of the basic stages of formation and development of domestic legislation on criminal liability for aiding and abetting the crime. The author notes that complicity in the commission of the crime, its methods and responsibilities have been legally formed to the end of the XIX century and subsequently used in different variations in subsequent criminal laws. According to the results of the research the author concludes that the pre-revolutionary criminal law, in addition to the general complicity, were known examples of special complicity, which in fact was outside the scope of participation of the Institute.

Key words: criminal liability, general aiding, special abetting, mediation in the crime.

Одним из наиболее древних институтов уголовного права является институт соучастия в совершении преступления. Его функция выражалась в установлении уголовной ответственности лиц, которые как в субъективном, так и в объективном отношении оказывали содействие исполнителю преступления. Не последнее место в указанном институте занимало пособничество в преступлении.

Так, еще в первых памятниках отечественного уголовного законодательства пособничество и прикосновенность наказывались наравне с главным виновничеством, что подтверждает содержание ст. 121 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому I списку) [1, с. 137]. Аналогичный подход к установлению равной ответственности соучастников пре-

ступления содержался в Губной Белозерской грамоте 1539 г. В Судебнике 1550 г. норм, регламентирующих вопросы ответственности пособников преступления, содержалось больше, о чем свидетельствует закрепление в ст. 56–61 Судебника специальной ответственности попутителей и укрывателей [2, с. 107–108].

В более позднем «правовом памятнике» – Соборном уложении 1649 г. впервые прослеживается дифференциация ответственности соучастников преступления. Так, ст. 198 гл. X для главного виновника предусматривала наказание в виде смертной казни, в то время как для его «товарищей» (второстепенных субъектов преступления) применялось более мягкое наказание в виде битья кнутом или ссылкой. Вместе с тем, закон отличал от второстепенных субъектов преступления лиц, действия

или бездействие которых хотя и были связаны с совершением преступления, но не являлись соучастием в нем. Такими лицами считались пособники, создававшие условия для совершения преступления; попустители, обязанные предотвратить преступление и не сделавшие этого; недоносители, не сообщившие о подготовке и совершении преступления; укрыватели, скрывшие преступника и следы преступления. Так, например, в ст. 2 гл. II, посвященной уголовно-правовой защите личности монарха, говорилось об ответственности пособников в государственной измене, действия которых выражались в сообщении необходимых сведений, советах, указаниях и предоставлении другой помощи главным виновникам преступления. В ст. 6 и 9 той же главы Соборного уложения уголовно наказуемым признавалось недонесение о политических преступлениях. Кроме этого, в Соборном уложении особо отмечалось укрывательство преступления (ст. 63 гл. XXI) и выделялись следующие его виды: стан, т.е. постоянное пристанодержательство, или становщичество, и проезд – временное предоставление убежища. Во всех перечисленных случаях пособники наказывались так же, как и главные виновники преступления [3, с. 399].

В Артикуле воинском 1715 г., содержащем статьи о преступлениях не только воинских, но и политических, общеуголовных, довольно подробно перечислены пособнические действия и ответственность лиц за деяния, совершенные в соучастии: содействие совершению преступления путем сокрытия его следов (артикул 206), советы, предоставление какой-либо помощи главным виновникам преступления (артикул 19), укрывательство (артикулы 90 и 190). Аналогичные положения содержались в артикулах 59, 138, 178, 185 и некоторых других. Ответственность соучастников преступления, как правило, была солидарной независимо от степени их участия. Вместе с тем, в Артикуле воинском содержались нормы, устанавливающие более мягкую ответственность для пособников, чем для главных виновников преступления. (артикул 149) [4, с. 86, 102–103, 339, 352, 354, 361]. Особенностью упомянутого источника является то, что нормы о пособничестве в преступлении получили более широкое распространение по сравнению с предыдущим законодательством.

Авторы Уголовного уложения 1754–1766 гг. стремились провести дальнейшее деление отдельных соучастников (сообщников) по внешней роли их деятельности. Так, в главе «Об от-

раве» говорилось: «Кто такому злодею в таком преступлении сообщником был и отравы оные, которыми кого отравил и, ведая злое его в том умышление, продал или на то, как отравить кого научал, и иному учинить такую и равноммерную казнь, как и самому убийце» [5].

В введенном в действие в 1833 г. Своде законов Российской империи в разд. I кн. I гл. XV впервые даны понятия видов соучастия: соисполнительство, пособничество, попустительство. К пособникам и попустителям применялся принцип индивидуализации наказания в зависимости от степени их вины [6].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые прослеживается деление закона на Общую и Особенную части, в каждой из которых можно встретить нормы, регулирующие вопросы пособничества в преступлении. В соответствии со ст. 15 главы первой пособниками признаются те, «которые также, хотя не принимали прямого участия в самом совершении преступления, но из корыстных или иных личных видов, помогали или обязались помогать умыслившим оное, советами или указаниями и сообщением сведений, или же доставлением других каких-либо средств для совершения преступления, или устранением представлявшихся к содеянию оного препятствия, или заведомо, пред совершением преступления, давали у себя убежище умыслившим оное, или же обещали способствовать сокрытию преступников или преступления после содеяния оного». Понятие пособника в Уложении дано наиболее развернуто и содержит исчерпывающий перечень способов пособнических действий по сравнению с предыдущими источниками отечественного права.

В отделе второе «О мере наказания» главы третьей «Об определении наказаний по преступлениям» раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» были включены ст. 117–127, которые содержали особые меры государственного принуждения, отражающие принцип дифференциации ответственности соучастников. Статья 127 Уложения определяла наказание для пособников оконченного преступления в зависимости от характера пособнических действий.

Помимо общего пособничества, разделы Уложения содержали нормы об особом пособничестве, закреплявшие ответственность за пособнические действия в конкретном преступлении. Фактически такое особенное (или специальное) пособничество находилось за рамками института соучастия. Конструкции дан-

ных норм строились на основе способов, перечисленных в ст. 15 раздела первого Уложения.

Так, например, согласно ст. 265 главы первой «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» раздела третьего «О преступлениях государственных» равной ответственности с главными виновниками подлежали все соучастники совершения государственного преступления: «Все участвовавшие в злоумышлении или преступном действии против священной особы государя императора, или против прав самодержавной власти его, в виде сообщников, пособников, подговорщиков, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновных в сем, и те, которые, зная и имея возможность донести о злоумышлении или о злоумышлении, не исполнили сей обязанности...» приговариваются к «лишению всех прав состояния и смертной казни». Кроме этого, согласно ст. 266 такому же наказанию подвергались те же лица за деяния (предусмотренные ст. 265), совершенные в отношении наследника престола, супруги государя и других членов императорского дома. Аналогичную конструкцию имела ст. 271 «О бунте против власти верховной и о государственной измене», в которой говорилось о таком способе пособничества, как предоставление средств для совершения преступления в виде раздачи оружия.

В ст. 265–278 Уложения речь шла о государственной измене и преступлениях против государственного суверенитета России. В ст. 275 Уложения государственной изменой названы действия лица, которое «...во время войны будет способствовать или благоприятствовать неприятелю в военных или других враждебных против отечества или против союзников России действиях, чрез явное в сих действиях участие, или же советом, открытием тайн, или сообщением иных каких-либо сведений... или сообщит неприятелю план крепости, порта, гавани, арсенала, или же укрепленного или иного стана (лагеря), или тех мест, где происходят военные действия, или даст известие о расположении и движении войск, или о состоянии армии и других средствах нападения или обороны, или... приняв от неприятеля возмутительные манифесты или объявления, будет распространять оные в России или в областях ее союзников, или же в распространяемых им сочинениях утверждать мнимые права другой державы на какую-либо часть областей империи, или... будет доставлять неприятелям, или готовить или хранить для них оружие, деньги, съестные и другие припасы или иные

какие-либо пособия, или будет принимать к себе, сопровождать или укрывать неприятельских лазутчиков (шпионов), или отряды их войск, отправленных для рекогносцирования, или же давать им в чем-либо помощь...» [7, с. 176, 232–233, 235, 237–238, 311]. В данной статье перечислены почти все пособнические действия, закрепленные ст. 15 Уложения (предоставление советов, сообщение и распространение сведений, доставление средств и орудий для совершения преступления, устранение препятствия или сокрытие преступников и оказание им какой-либо помощи).

Нормы Особенной части Уложения содержали первое упоминание о пособнических действиях, выраженных в посредничестве в преступлении (ст. 405, 408, 409, 411). Кроме перечисленных статей, ответственность за пособничество в виде посредничества содержалась в нормах отделения десятого «О запрещенных играх, содержании мест для игры сего рода и недозволенных потерях» главы третьей «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» раздела восьмого. В соответствии со ст. 1276 Уложения ответственности подлежал виновный, который в своем доме или ином месте устроил или дозволил устроить заведения для запрещенных игр (в редакции Уложения 1845 г.). В последующей редакции Уложения 1866 г. и принятом Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав о наказаниях) нормы о запрете организации и участия в азартных играх подверглись существенным изменениям. В частности, ответственности подлежали не только виновные, устроившие или открывшие игорное заведение у себя в доме или ином месте на постоянной основе (ст. 990 Уложения в редакции от 1866 г.), но и устроившие запрещенные игры не в виде игорного дома, а, так сказать, «случайно» (ст. 46 Устава о наказаниях) [8, с. 163]. Таким образом, наряду с главными виновными, организовавшими игру, ответственности подлежали лица, которые в своем доме или заведении давали пристанище игрокам, зная цель, для которой они собрались. При этом не требовалось, чтобы хозяин дома извлекал выгоду из игры или заведение было устроено исключительно для азартной игры. На основании этого можно сделать вывод, что законодатель признавал преступным пособничество в виде посредничества путем предоставления помещения для организации и участия в азартных играх.

В XX в. поступательное развитие отечественного уголовного законодательства нашло свое

отражение в нормах Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уголовное уложение), которое значительно превосходило ранее действовавшее Уложение как в технико-юридическом отношении, так и по воплощению в нем прогрессивных уголовно-правовых принципов. Наиболее юридически четко были сконструированы нормы о соучастии, сформулировано определение названного института и существенно упрощена система его видов. В ст. 51 Уголовного уложения указано: «В преступном деянии, учиненном несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признавались те, которые: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его исполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, доставлявшими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное».

Анализ определения пособника, представленного в ст. 51 Уголовного уложения, позволяет сделать вывод о том, что оно включало в себя гораздо меньший перечень способов совершения преступления по сравнению с предыдущим уголовно-правовым законом. Из понятия «пособника» законодатель исключил лиц, сообщивших сведения, а также физических укрывателей преступников, тем самым вывел перечисленные способы содействия совершению преступления за рамки общего понятия пособничества. Отсюда следует, что пособниками признавались лишь те лица, которые сами не принимали участия в исполнении преступления, а только помогали выполнявшим. Комментируя указанную норму, Н.С. Таганцев разделял все средства помощи на две группы: 1) помощь словом – интеллектуальные пособники, которые разными средствами и способами содействовали созданию преступного умысла, давая, например, советы и указания, когда и где удобнее выполнить преступление, укрепляли решимость главных виновников или своими указаниями облегчали выполнение преступного деяния, давали обещание не препятствовать учинению преступления или скрыть следы и т.д.; 2) помощь делом – пособники физические, которые осознанно и по соглашению вкладывались в преступное деяние физической деятельностью.

Кроме этого, сложился принципиально новый подход к определению уголовной ответственности соучастников в преступлении,

которая зависела от тяжести совершенного деяния: «Соучастники тяжкого преступления или преступления подлежат наказанию, в законе за учиненное преступное деяние положенному, но для пособника, коего помощь была несущественна, наказание смягчается на основаниях, статьею 53 установленных. Из соучастников проступка наказывается только непосредственно учинивший или участвовавший в выполнении оного; подстрекатель же и пособник подлежат наказанию только в случаях, особо законом указанных». Таким образом, уголовная ответственность соучастников, с одной стороны, зависела от действий исполнителя преступления, с другой стороны, к ним применялся принцип индивидуализации ответственности в пределах выполненного каждым соучастником действия, т.к. всякое действие, не входившее в область соглашения, могло быть вменено только тем соучастникам, которые непосредственно участвовали в его совершении. Из этого общего правила о равной ответственности всех соучастников делалось исключение для пособников, чья помощь в совершении преступления в некоторых случаях признавалась судом несущественной [9, с. 149]. Отсутствие в законе уголовной ответственности за «маловажное пособничество», на наш взгляд, является не вполне обоснованным. В этом вопросе следует согласиться с Г.Е. Колоколовым, который критически относился к выделению несущественного пособничества. По его мнению, соучастником мог быть субъект, обусловивший своими действиями осуществление преступного результата, поэтому всякое пособничество являлось необходимым предшествующим по отношению к конкретному последствию, и более чем необходимым конкретное соучастие быть не могло [10, с. 40]. Таким образом, разграничение пособничества существенного и несущественного нельзя признать обоснованным.

Как и в ранее действовавшем уголовно-правовом законе, в Уголовном уложении сохранилась регламентация рассматриваемого вида соучастия в нормах Особенной части, заключающаяся в конструировании квалифицированных составов пособничества в преступлении на базе общего учения о соучастии. В частности, уголовно наказуемым являлось различного рода содействие другому государству во враждебных делах против России (ст. 108–119 главы четвертой «О государственной измене»). Уголовной ответственности наравне с другими участниками подлежали лица, которые в собственном жилище, каком-либо помещении или

ином месте, ими управляемом, допускали собрание заведомо противозаконного сообщества, тем самым оказывали пособничество в преступлении в виде предоставления таких помещений (ст. 127 главы пятой «О смуте»). Вместе с тем, нормы Особенной части Уголовного уложения содержали ответственность за укрывательство преступного деяния (замытие следов крови, исправление повреждения, перенос трупа из одного места в другое, перемещение предметов и перестановка мебели с целью изменения обстановки и т.д.) или преступника (отправка за границу путем предоставления повозки, лошади, фальшивого паспорта и т.д.) от правосудия, предполагавшее какую-либо активную физическую деятельность виновного (ст. 167–168 главы седьмой «О противодействии правосудию»). Кроме этого в ст. 173 той же главы Уголовного уложения преступным признавалось содействие побегу или освобождение арестанта из-под стражи или из места заключения, которое заключалось в подкупе стражи или приведении ее в бессознательное состояние, в доставлении необходимых средств для побега (пилы или иных инструментов для взлома, одурманивающих веществ) с целью приведения в бесчувственное состояние стражи, в доставлении оружия, одежды и т.п. [11].

В качестве самостоятельного деяния уголовно наказуемым признавалось содействие взяточничеству, выражавшееся в передаче взятки, принятии ее или ином посредничестве [12]. Виновный в этих действиях подлежал ответственности как пособник взяточничества (ст. 660 главы тридцать седьмой «О преступных деяниях

по службе государственной и общественной» Уголовного уложения). Его пособнические действия выражались в посредничестве, заключающемся в одном из альтернативных действий: а) в передаче предложений, просьб или требований дара, в определении, что именно и за что дается, и вообще в посредничестве по заключению взяточнической сделки; б) в передаче дара, т.е. в фактическом вручении взятки взяточнику или иному лицу по его указанию или условленному в договоре с лиходателем; в) в принятии взятки под своим именем, которое могло быть совершено с целью маскировки преступности дара или же с целью сокрытия истинного виновника взяточничества [11, с. 1028, 1050].

Историко-правовой анализ дореволюционного уголовного законодательства России позволяет сделать вывод о том, что наряду с «общим» пособничеством существовали другие специальные статьи об ответственности за содействие совершению преступления в форме пособничества, исключающие тем самым возможность применения к ним постановлений о соучастии Общей части. Это безусловное свидетельство того, что ответственность пособника не ставилась в абсолютную зависимость от ответственности исполнителя, поскольку деяние само по себе содержало элементы самостоятельного состава преступления. В последующем уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов такое укрепление принципа личной вины вылилось в более отчетливую дифференциацию ответственности соучастников преступления.

1. Зимин А.А. Памятники права Киевского государства. М., 1952.

2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

5. Проекты Уголовного уложения 1754–1766 гг. Россия. Законы и постановления. СПб., 1882.

6. Свод Законов Российской Империи. СПб., 1833. Т. XI, XII.

1. Zimin A.A. Monuments to the law of the Kievan state. Moscow, 1952.

2. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984.

3. Vladimirovsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Moscow, 2005.

4. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 3: Acts of the Zemsky Sobor / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984.

5. Projects of the Criminal Law Code of 1754–1766. Russia. The laws and regulations. St. Petersburg, 1882.

6. The Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1833. Vol. XI, XII.

7. *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984.*

8. *Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г., с доп. по продолжению 1902 г., с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. 16-е изд., доп. СПб., 1907.*

9. *Фон-Резон А.К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом. СПб., 1903.*

10. *Колоколов Г.Е. Новое Уголовное уложение. Толкование и критический разбор. М., 1904.*

11. *Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904.*

12. *Финогентова О.Е. Понятие и ответственность за взятку по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовному уложению 1903 года // Вестн. Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9.*

7. *Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. Vol. 6: Legislation of the first half of the XIX century / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984.*

8. *Tagantsev N.S. The Charter of the penalties imposed by magistrates. Edition of 1885, with additions to continue in 1902, with the motivation and application of extracts from earlier cassation departments of the Senate. 16th ed., augm. St. Petersburg, 1907.*

9. *Fon-Rezon A.K. Criminal Law. A summary of its main provisions in relation to the applicable law. St. Petersburg, 1903.*

10. *Kolokolov G.E. The new Criminal Code. Interpretation and critique. Moscow, 1904.*

11. *Tagantsev N.S. Criminal code d.d. March 22, 1903. St. Petersburg, 1904.*

12. *Finogentova O.E. Concept and responsibility for bribery according to the Code about criminal and penitentiary punishments of 1845 and the Criminal Code of 1903 // Bull. of I. Kant Baltic Federal University. 2015. Vol. 9.*

Некрасова Анна Александровна
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79284876205)

Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера

В статье рассматриваются отдельные специальные нормы УК РФ об ответственности за организацию, подстрекательство, пособничество, соучастие, прикосновенность к преступлениям террористического характера. Раскрываются проблемы регламентации ответственности соучастников и лиц, прикосновенных к терроризму.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористического характера, соучастники преступления, прикосновенность к преступлениям террористического характера, регламентация ответственности.

A.A. Nekrasova, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79284876205.

Problems of systematization of criminal legal regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature

The article discusses some special rules of the Criminal Code of the Russian Federation on the responsibility for organization, instigation, aiding and abetting, complicity implication in crimes of a terrorist nature. The problems associated with the regulation of liability of accomplices and persons involved in terrorism are disclosed.

Key words: terrorism, crimes of a terrorist nature, accomplices in the crime, implication in crimes of a terrorist nature, regulation of responsibility.

Борьба с терроризмом является одним из приоритетных направлений деятельности органов власти и реализуется в числе прочего в совершенствовании уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с преступлениями террористического характера. Учитывая, что «справиться с террористической угрозой... можно, только объединив усилия всего мирового сообщества и опираясь на международные нормы» [1], Россия принимает активное участие в международной антитеррористической деятельности. Одним из результатов такого сотрудничества стала Международная конвенция ООН «О борьбе с финансированием терроризма» [2]. Данная Конвенция, помимо ответственности за соучастие в терроризме, регламентирует обязанность установить ответственность за прикосновенность к таким преступлениям в форме финансирования деятельности террористической группы.

Так, ч. 1 ст. 2 Конвенции предписывает признать преступлением поведение лица, «если оно любыми методами, прямо или косвенно,

незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

а) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

б) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [2].

Во исполнение международных обязательств, связанных с ратификацией Конвенции [3], был принят ряд федеральных законов [4], в

соответствии с которыми УК РФ был дополнен новой нормой – ст. 205.1 УК РФ [5].

Институт соучастия в преступлении, предусматривающий в ч. 1 и 4 ст. 33 УК РФ ответственность за подстрекательство к преступлению, признает подстрекателем «лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом». В соответствии со ст. 34 УК РФ подстрекатель подлежит ответственности наряду с другими соучастниками преступления. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ его ответственность определяется «характером и степенью фактического участия в совершении преступления» [6]. Регламентация специальной нормы, предусматривающей подстрекательство к совершению преступления террористического характера, с нашей точки зрения, не вызванный необходимостью шаг, «перегружающий» УК РФ излишними нормами.

То же самое можно сказать о новой редакции ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей в ч. 1 ответственность за «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса» [7]. Кроме того, новая редакция ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, учитывая требования Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма [8], регламентировала ответственность не только за вовлечение лица в совершение преступления террористического характера, но и за склонение к такому преступлению, и за вербовку террористов. При этом ч. 1 ст. 6 данной Конвенции определяет, что «вербовка террористов означает «привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений» [8]. Анализ данного определения позволяет сделать вывод, что «вербовка» и регламентированное УК РФ «склонение» и «вовлечение» являются, по сути, синонимами. Представляется, что подстрекательство к преступлению, т.е. склонение другого лица к его совершению, содержательно охватывает термины «вербовка» и «вовлечение», в связи с чем их специальная регламентация в ст. 205.1 УК РФ является, на наш взгляд, излишней, равно как и специальная регламентация в качестве исполнительства подстрекательских действий, которые и без такой специальной регламентации, в соответствии с УК РФ, признавались преступными.

При этом, учитывая тяжесть преступлений террористического характера, подстрекательство к их совершению влечет уголовную ответственность вне зависимости от степени реализации преступного умысла подстрекателя и стадии совершения преступления.

Аналогичные выводы можно сделать в отношении ч. 4 ст. 205.1 УК РФ об ответственности за «организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма». В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором преступления признается «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением». Данное лицо, наряду с другими соучастниками, подлежит уголовной ответственности, определяемой характером и степенью его участия в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ).

Тяжкая категория любого преступления террористического характера обосновывает законную возможность справедливого уголовного преследования организатора террористического преступления на любой стадии его совершения вне зависимости от фактического осуществления теракта.

Представляется, что можно было бы согласиться с обоснованностью названных специальных норм УК РФ, если бы они предусматривали какой-либо особый порядок или условия назначения наказания за подстрекательство или организацию теракта. Вместе с тем, в процессе назначения наказания за соучастие в терроризме российский правоприменитель не скован какими-либо ограничениями, отличными от общих начал назначения наказания в виде справедливого и правосудного приговора на основе относительно-определенных, альтернативных и кумулятивных санкций уголовно-правовых норм об ответственности за преступления террористического характера.

Аналогичные выводы можно сделать в отношении ч. 3 ст. 205.1 УК РФ об ответственности за пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, под которым, в соответствии с примеч. 1.1 к ст. 205.1 УК РФ понимается «умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы пре-

ступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы». Представляется, что дублирование общих положений ч. 5 ст. 33 УК РФ о пособничестве в диспозиции рассматриваемой специальной нормы не вызвано объективной необходимостью, как и дублирование вышеобозначенных положений о подстрекательстве и организации преступления, если бы не один, на первый взгляд, незаметный нюанс.

В соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, практически совпадающей по содержанию с примеч. 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, «пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы». Пособничество теракту, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ, в отличие от общей нормы о пособничестве, признает таковым любое (включая не только оглашенное заранее, но и данное после совершения преступления) «обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы».

Подобный подход, отождествляющий соучастие и прикосновенность к преступлению, к тому же буквально именующий прикосновенность к преступлению пособничеством в его совершении, противоречит институту соучастия и справедливой оценке характера и степени опасности прикосновенности к преступлению, которые отличны от характера и степени опасности пособничества.

Соглашаясь с необходимостью исполнения международных обязательств, сознавая обязанность регламентации в УК РФ ответственности за прикосновенность к террористической деятельности, мы считаем, что такая регламентация не может быть реализована посредством подмены понятий в основных институтах уголовного права Российской Федерации. Учитывая тяжкий и особо тяжкий характер преступлений террористического характера, можно с уверенностью утверждать, что в УК РФ до принятия ст. 205.1 УК РФ уже существовал необходимый инструментарий для обеспечения уголовного преследования как пособников террористов, так и лиц, прикосновенных к

преступлениям террористического характера. В частности, независимо от тяжести преступления ответственность за пособничество в его совершении, в соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ, «наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса». Кроме того, учитывая, что террористический акт, предусмотренный ст. 205 УК РФ, относится к категории особо тяжких преступлений, ответственность за прикосновенность к нему в формах, регламентированных действующей редакцией примеч. 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, до ее принятия всегда предусматривалась ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений», а также, вне зависимости от тяжести преступления, – положениями ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем». Заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого (предусмотренного ст. 205 УК РФ) преступления и заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (в результате преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ), вполне соответствуют требованиям международного права об установлении в национальных правовых системах возможности уголовного преследования лиц, не только являющихся соучастниками, но и прикосновенных к совершению террористического акта.

Кроме того, с точки зрения структуры УК РФ не вполне обоснованным представляется размещение нормы об ответственности за укрывательство преступления в иной главе УК РФ, нежели «Преступления против правосудия». Представляется очевидным, что если преступление уже совершено, то укрывающее террориста лицо посягает не на общественную безопасность, а на интересы правосудия, что и должно определять место соответствующей нормы в структуре УК РФ.

Таким образом, не вызванное объективной необходимостью, по сути, «слепое» исполнение требований международных соглашений о регламентации ответственности соучастников и лиц, прикосновенных к терроризму, способствовало появлению в УК РФ новых специальных норм, фактически бесосновательно дублирующих его отдельные положения и перегружающих УК РФ излишней информацией, не соответствующей устоявшимся представлениям об основных институтах уголовного права, что, в числе прочих явных и скрытых проблем подобного рода дублирования, влечет противоречивость процессуальных решений в процессе правоприменения таких норм.

Вместе с тем, регламентация отдельных специальных норм в УК РФ об ответственности за организацию, подстрекательство и пособничество, а также прикосновенность к преступлениям террористического характера, с нашей

точки зрения, представляется не вполне обоснованной, в связи с чем положения УК РФ о специальных видах соучастия и прикосновенности к терроризму, на наш взгляд, требуют редактирования.

1. В.В. Путин призвал объединить усилия в борьбе с терроризмом // Рос. газ. 2015. 15 нояб. URL: <http://rg.ru/2015/11/15/usiliya-site.html> (дата обращения: 20.05.2016).

2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята в г. Нью-Йорке 9 дек. 1999 г. // Бюл. международных договоров. 2003. № 5.

3. О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма: федер. закон от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ // Рос. газ. 2002. № 127.

4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3418.

5. О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ // Парламентская газ. 2002. № 140–141.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 марта 2016 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2016).

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 7 февр. 2011 г.) URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.05.2016).

8. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196): заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г. // Бюл. международных договоров. 2009. № 9. С. 30–57.

1. V.V. Putin urged to join efforts in the fight against terrorism // Rus. newsp. 2015. Nov. 15. URL: <http://rg.ru/2015/11/15/usiliya-site.html> (date of access: 20.05.2016).

2. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism: adopted in New York on Dec. 9, 1999 // Bull. of international agreements. 2003. № 5.

3. On the ratification of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism: fed. law d.d. July 10, 2002 № 88-FL // Rus. newsp. 2002. № 127.

4. On counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime and terrorist financing: fed. law d.d. Aug. 7, 2001 № 115-FL (as amended on Dec. 30, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 33, pt. I. Art. 3418.

5. On amendments to the Laws of the Russian Federation: fed. law d.d. July 24, 2002 № 103-FL // Parliamentary newsp. 2002. № 140–141.

6. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on March 30, 2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 05.15.2016).

7. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law «On ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism» and the Federal Law «On Combating Terrorism»: fed. law d.d. July 27, 2006 № 153-FL (as amended on Febr. 7, 2011). URL: <http://base.consultant.ru/> (date of access: 15.05.2016).

8. The Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (CETS № 196): enclosed in Warsaw on May 16, 2005 // Bull. of international agreements. 2009. № 9. P. 30–57.

Тарасенко Галина Владимировна
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru)

Уголовно-правовой аспект освобождения от уголовной ответственности в случаях добровольной сдачи оружия

В статье рассмотрены спорные вопросы, связанные с условиями освобождения от уголовной ответственности в случаях добровольной сдачи оружия. Проведен сравнительный анализ уголовно-правовых норм отечественного и зарубежного законодательства.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, добровольная сдача, незаконный оборот оружия.

G.V. Tarasenko, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: galina.tarasenko.78@mail.ru

The criminal law aspect of exemption from criminal liability in cases of voluntary surrender of weapons

The article deals with controversial issues related to the conditions of exemption from criminal liability in cases of voluntary surrender of weapons. The author carried out comparative analysis of the criminal law norms of domestic and foreign legislation.

Key words: weapon, ammunition, explosive substances, explosive devices, voluntary surrender, illegal arms traffic.

Одним из основных направлений борьбы с насильственной преступностью является организация противодействия незаконному обороту оружия. По данным МВД России, в 2013 г. количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило 26965 (возросло по сравнению с 2012 г. на 1,8%). Несмотря на снижение количества таких преступлений в 2014 г. (-2,8%), их показатель остается высоким: совершено 26465 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, из них 19937 составили незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, 4883 – незаконное изготовление оружия. Незаконный оборот оружия создает условия для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Оружие как квалифицирующий признак содержится во многих составах преступлений в УК РФ. С использованием оружия в 2013 г. совершено 7576 преступлений (их количество возросло по сравнению с 2012 г. на 0,5%), в 2014 г. – 7281 преступление [1].

В этой ситуации нормы уголовного права, предусматривающие уголовную ответственность за противоправное обращение с оружием, рассматриваются многими учеными в качестве положений с «двойной превенцией»,

которые позволяют не только пресекать преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, но и предупреждать совершение иных тяжких преступлений [2, с. 3].

Вместе с тем, двойного эффекта следует ожидать не только от существования диспозиций ст. 222, 223, 222.1, 223.1 УК РФ [3], но и от тех положений, которые предусматривают основания и условия освобождения от уголовной ответственности и закреплены в примечаниях к названным статьям [4, с. 127]. Добровольная сдача оружия является обязательным условием освобождения лица от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные названными статьями.

Добровольная сдача оружия представляет собой посткриминальную деятельность. Она приводит к изъятию оружия из нелегального оборота, исключает возможность его дальнейшего использования, предотвращает совершение иных преступлений с использованием оружия.

Объектом данных преступлений является общественная безопасность в сфере оборота оружия и боеприпасов к нему. Предметы преступлений, на которые указывают примечания к ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ, – это огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, газовое оружие, холодное

оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства.

Первым условием, которое ставит законодатель при освобождении от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к названным статьям УК РФ, является добровольность сдачи таких предметов. Законодатель устанавливает, что не может признаваться добровольной сдачей предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию (примечание к ст. 222 УК РФ). Это правило распространяется и на добровольную сдачу предметов, указанных в ст. 222.1, 223, 223.1 УК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (в редакции от 3 декабря 2013 г. № 34) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5) [5] под добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей либо комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, предусмотренной примечаниями к ст. 222, 223 УК РФ, понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщении органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения названных предметов (абз. 1 п. 19). Таким образом, результатом действий виновного является изъятие соответствующих предметов при осознании им реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов либо возможности распорядиться ими иным способом [6, с. 65].

В правоприменительной практике привлечения к уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ, возникают спорные вопросы, связанные с толкованием примечаний к названным нормам, прежде всего с добровольностью выдачи предметов преступного посягательства. В качестве иллюстрации сказанного можно привести следующий пример из судебной практики.

В Краснодарский краевой суд в интересах П. обратился его адвокат с кассационной жалобой на постановление Горячеключевского районного суда Краснодарского края, которым оставлена без удовлетворения жалоба на постановление дознавателя о возбуждении уголовного дела. В кассационной жалобе адвокат М. просил постановление районного суда отменить, а уголовное дело прекратить. По мнению М., за-

конодатель специально ввел поощрительную норму, предусматривающую освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего предметы, указанные в ч. 1 ст. 222 УК РФ, чтобы стимулировать выдачу и держать под контролем оборот оружия и боеприпасов. В жалобе указано, что П. до начала обыска для изъятия наркотиков добровольно выдал оружие и боеприпасы, найденные им накануне, и сообщил об этом письмом в полицию и главе администрации. Адвокат считает, что если работники полиции не знали о наличии оружия у П., то тот факт, что он выдал его добровольно до начала обыска, освобождает его от уголовной ответственности. Также указано, что суд неверно трактовал положение постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда, рассмотрев материалы дела, пришла к выводу, что районный суд обоснованно сослался на п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», который гласит, что добровольная сдача оружия имеет место только тогда, когда у лица есть реальная возможность его дальнейшего хранения. Однако П. выдал оружие и другие предметы после того, как к нему в дом пришли работники правоохранительных органов с санкционированным постановлением о производстве обыска [7].

Тем не менее, судебная практика в этих ситуациях является достаточно противоречивой. Так, по приговору Люберецкого городского суда М. осужден за вымогательство, а также незаконное приобретение, хранение огнестрельного оружия и боеприпасов. При неустановленных обстоятельствах без соответствующего разрешения М. приобрел автоматический пистолет, являющийся боевым огнестрельным нарезным оружием, пригодным для стрельбы, а также 8 пригодных для производства выстрелов патронов, являющихся боевыми припасами. Пистолет и патроны он хранил по месту жительства, и, когда перед обыском ему было предложено выдать запрещенные предметы, он выдал пистолет и патроны.

Как усматривается из материалов дела, в связи с расследованием обстоятельств вымогательства органами предварительного расследования было принято решение о проведении обыска по месту жительства М. Перед началом обыска ему было предложено выдать

документы, оружие и предметы, имеющие значение для дела, после чего он выдал пистолет и 8 патронов. Эти данные зафиксированы в протоколе обыска, что свидетельствовало о том, что оружие и боеприпасы были выданы представителям власти добровольно, поскольку были переданы до начала обыска и обнаружения этих предметов.

Вместе с тем, суд первой инстанции пришел к выводу, что действия М. не являлись добровольными, поскольку у него отсутствовала дальнейшая возможность хранения пистолета и боеприпасов, т.к. в ходе обыска их несложно было обнаружить. Вышестоящей судебной инстанцией приговор в части осуждения М. по ч. 1 ст. 222 УК РФ отменен и производство по делу прекращено [8].

Следует учитывать, что примечание к ст. 222 УК РФ можно применить в отношении лиц, совершивших не все действия, названные в диспозиции ст. 222 УК РФ. Так, для добровольной сдачи виновным оружия необходимо, чтобы оно фактически у него находилось. В случаях сбыта или передачи указанных предметов сдавать нечего. Таким образом, исходя из конструкции объективной стороны преступления, примечание к ст. 222 УК РФ возможно применить только к лицам, совершившим незаконные приобретение, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Приобретение предметов, указанных в диспозиции ст. 222 УК РФ, считается оконченным в момент получения виновным реальной возможности владения, пользования и распоряжения. Хранение, перевозка и ношение таких предметов являются длящимися преступлениями. В юридической литературе выделяют два момента окончания преступления для этих случаев – юридическое и фактическое. К первому отнесено начало совершения указанных деяний, ко второму – прекращение их совершения. Таким образом, преступления считаются оконченными с момента начала их совершения. Именно с этого момента возможно применение примечания к ст. 222 УК РФ [9, с. 108].

Примечание к ст. 222 УК РФ применяется и к квалифицированным составам преступления. При этом отдельными авторами справедливо отмечается недостаток законодательной конструкции ч. 3 ст. 222 УК РФ. В ней речь идет о тех же деяниях, которые предусмотрены ч. 1 и 2 названной статьи, совершенных организованной группой. В ч. 2 ст. 222 УК РФ ска-

зано о деяниях, совершенных группой лиц по предварительному сговору. В результате получается следующее: деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, совершенное организованной группой. Отсюда напрашивается вывод о том, что законодателью необходимо исключить из положений ч. 3 ст. 222 УК РФ указание на ч. 2. Аналогичное несоответствие имеется и в ст. 223, 223.1 УК РФ [9, с. 108].

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 223 УК РФ, составляют незаконные изготовление, переделка или ремонт огнестрельного оружия и его основных частей; незаконное изготовление боеприпасов, газового оружия, холодного оружия, метательного оружия, а также незаконные изготовление, переделка или снаряжение патронов к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 223.1 УК РФ, включает в себя незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделку или ремонт взрывных устройств. Преступление считается оконченным с момента ремонта, переделки, изготовления названных предметов. Освобождение от уголовной ответственности будет возможно в случае сдачи виновным лицом изготовленного или переделанного (отремонтированного) предмета преступления.

При назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, суд исходит из общих начал, предусмотренных ст. 60 УК РФ. В соответствии с критериями, установленными ч. 3 данной статьи, при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Добровольная сдача оружия, находящегося в незаконном владении лица, не относится к признакам состава преступления (ч. 3 ст. 61 УК РФ), следовательно, может считаться обстоятельством, смягчающим наказание в случае совершения иного состава преступления (предусмотренного иными статьями УК РФ, а не ст. 222, 222.1, 223, 223.1).

Как справедливо отмечается отдельными авторами, действия лица после совершения им преступления не могут изменить характера и юридической оценки деяния, уничтожить преступление и превратить преступное в непроступное, но положительное постпреступное поведение лица может свидетельствовать

о снижении или утрате им общественной опасности [10, с. 14].

Аналогичной позиции придерживаются и суды в своей правоприменительной практике. В частности, Большемуртинским районным судом Красноярского края К. был признан виновным в совершении тайного хищения чужого имущества с незаконным проникновением в жилище и тайного хищения огнестрельного оружия (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 226 УК РФ). При назначении наказания суд признал смягчающим обстоятельством осуществление виновным добровольной сдачи похищенного оружия правоохранительным органам [11].

В юридической литературе предлагается в целях стимулирования виновного к добровольной сдаче оружия предусмотреть такую превентивную меру, как снижение наказания лицу, добровольно сдавшему оружие и совершившему иные преступления (не более половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующими статьями Особенной части УК РФ) [4, с. 127].

На наш взгляд, представляется целесообразным в примечании к ст. 222 УК РФ предусмотреть иное правило, в соответствии с которым добровольную сдачу оружия лицом, совершившим иные преступления, считать обстоятельством, смягчающим наказание, учитывая что ч. 1 ст. 61 УК РФ содержит открытый перечень таких обстоятельств, а в ч. 2 сказано, что при назначении наказания в качестве смягчающих могут учитываться и иные обстоятельства.

Следует обратить внимание и на перечень отягчающих обстоятельств. В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств является отяг-

чающим обстоятельством. Безусловно, применение оружия и других названных предметов значительно повышает степень общественной опасности совершенного преступления. Однако добровольная сдача оружия свидетельствует о сознательном прекращении виновным своей преступной деятельности, соответственно, снижении общественной опасности личности преступника. Полагаем, что в целях стимулирования виновного лица к добровольной сдаче оружия необходимо сделать оговорку о том, что при отсутствии наступления тяжких последствий суд вправе не признать совершение преступления с использованием оружия в качестве отягчающего обстоятельства.

На основании изложенного предлагаем:

Дополнить ст. 63 частью 1.2 следующего содержания: «Не признается в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств в случае добровольной сдачи таких предметов, если преступление не повлекло за собой тяжких последствий».

Исключить примечания к ст. 222.1, 223, 223.1 УК РФ, а примечание к ст. 222 УК РФ изложить в следующей редакции: «Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в статьях 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности. Под добровольной сдачей понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения названных предметов. Не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в настоящей статье, а также в статьях 222.1, 223 и 223.1 настоящего Кодекса, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию».

1. *Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 г., за январь – декабрь 2014 г.* URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>

2. *Невский С.А. Борьба с незаконным оборотом оружия.* М., 2003.

3. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ, № 265-ФЗ, № 267-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4354; Ст. 4391; Ст. 4393.*

1. *The state of crime in Russia in January – December 2013, in January – December 2014.* URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>

2. *Nevsky S.A. Combating illicit trafficking of arms.* Moscow, 2003.

3. *Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 64-FL (as amended on July 13, 2015 № 228-FL, № 265-FL, № 267-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954; 2015. № 29, pt. 1. Art. 4354; Art. 4391; Art. 4393.*

4. Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

5. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (в ред. от 3 дек. 2013 г. № 34) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2002. № 5; 2014. № 2.

6. Башинская И.Г. Уголовно-процессуальный аспект добровольной сдачи оружия // Современные проблемы уголовной политики: V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014.

7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 29 февр. 2012 г. по делу № 22К-1414/2012 // Архив Краснодарского краевого суда.

8. URL: <http://profsovetnik.ru/index.php?doc=765>

9. Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности при совершении деяний, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222 и 223 УК РФ) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 313.

10. Галстян И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

11. Приговор Большемуртинского районного суда Красноярского края от 21 июля 2008 г. по делу № 1-114/2008. URL: http://murta.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=263

4. Surkova O.G. Voluntary surrender of objects in the illegal possession of a person who committed a crime and its criminally-legal value: diss. ... Master of Law. Volgograd, 2014.

5. On judicial practice in cases of theft, extortion and trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 12, 2002 № 5 (as amended on Dec. 3, 2013 № 34) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2002. № 5; 2014. № 2.

6. Bashinskaya I.G. Criminal procedure aspect of voluntary surrender of weapons // Modern problems of criminal policy: V Intern. sci. and pract. conf. / ed. by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2014.

7. The appeal decision of the judicial board on criminal cases of the Krasnodar Regional Court d.d. Febr. 29, 2012 in the case № 22K-1414/2012 // Archive of the Krasnodar Regional Court.

8. URL: <http://profsovetnik.ru/index.php?doc=765>

9. Antonov A.G. Exemption from criminal liability for acts committed with illegal arms trafficking, its basic parts, ammunition, explosives or explosive devices (art. 222 and 223 of the Criminal Code) // Bull. of Tomsk state university. 2008. № 313.

10. Galstyan I.Sh. Exemption from criminal liability in connection with the positive postcriminal behaviour of the perpetrator: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2007.

11. The sentence of Bolshemurtinsky District Court of Krasnoyarsk Region d.d. July 21, 2008 in case № 1-114/2008. URL: http://murta.krk.sudrf.ru/modules.php?Name=docum_sud&id=263

Цебоев Алексей ПавловичКраснодарский университет МВД России
(тел.: +79182138778)

Общее (родовое) понятие криминального насилия: вопросы доктринального толкования

В статье рассматриваются вопросы общего (родового) понятия «насилие» применительно к уголовно-правовым отношениям. Отмечается, что институт насилия в уголовном законе не имеет достаточного системного регулирования, что диктует необходимость его дальнейшего научно-осмысления. Автор обосновывает свою трактовку общего (родового) понятия криминального насилия.

Ключевые слова: криминальное насилие, уголовное право, принуждение, физическое насилие, психическое насилие, субъект насилия, объект насилия.

A.P. Tseboev, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182138778.

General (generic) concept of criminal violence: issues of doctrinal interpretation

The article deals with issues of general (generic) concept of «violence» in relation to criminal legal relations. It is noted that the institution of violence in the criminal law is not a sufficient system of regulation that dictates the need for further scientific understanding. The author justifies his interpretation of general (generic) concept of criminal violence.

Key words: criminal violence, criminal law, coercion, physical violence, mental violence, subject of violence, target of violence.

В сфере уголовного права вопросы, связанные с насилием как признаком преступного деяния, уже давно находят как теоретическое осмысление, так и определенное правовое регулирование. Соответствующие доктринальные выводы и правовые нормы, связанные с криминальным насилием, используются в правоприменительной практике (мы полагаем возможным использовать термин «криминальное насилие», ограничивая его областью уголовно-правовых отношений). Тем не менее, в данной сфере еще остаются вопросы, которые трактуются неоднозначно и поэтому требуют дополнительного научного осмысления. Достаточно, например, указать на то обстоятельство, что при всей важности категории «насилие» (от нее в значительной степени зависит квалификация деяния и мера уголовной ответственности) законодатель до сих пор не формулировал понятие насилия, отсутствуют и четкие критерии разграничения видов и форм криминального насилия, хотя признак насилия присутствует во многих составах преступлений. Особенной части УК РФ [1].

Следует отметить, что законодатель, используя в УК РФ термин «насилие», имеет в виду физическое насилие, поскольку психическое насилие отражается посредством тер-

мина «угроза применения насилия». При этом бесспорным является то обстоятельство, что, хотя и физическое насилие, и психическое насилие обладают своей спецификой, они имеют общую основу. Однако именно этот аспект, т.е. общее (родовое) понятие криминального насилия, не имеет достаточного освещения в уголовно-правовой литературе, и авторы, как правило, его обходят, исследуя по отдельности физическое или психическое насилие либо насилие, не опасное для жизни (здоровья), насилие, опасное для жизни (здоровья), а также выделяют иные весьма спорные виды насилия (например, имущественное насилие [2]), не акцентируя внимания на общем понятии криминального насилия.

Рассмотрим несколько характерных точек зрения по заявленной теме. Представляет интерес достаточно подробно раскрываемая дефиниция, которую предлагает Ф.М. Абубакиров. По его мнению, криминальное насилие представляет собой умышленное, противоправное воздействие (физическое или психическое) на человека со стороны другого лица, которое осуществляется помимо воли потерпевшего и способно причинить ему физиологическую, органическую или психическую травму, а также определенным образом ограничить свободу его волеизъявления или действий [3].

Вместе с тем, несколько положений являются неоднозначными. Во-первых, нельзя исключать случаи, когда насилие осуществляется с согласия потерпевшего (например, при эвтаназии). Во-вторых, свобода волеизъявления или действий человека, к которому применено насилие, также не всегда ограничивается, во всяком случае не сразу (например, при отравлении). Соответственно признак насилия, связанный с воздействием на потерпевшего помимо воли последнего, не следует абсолютизировать, хотя, бесспорно, в абсолютном большинстве случаев применения насилия он имеет место. В-третьих, термин «противоправное» представляется излишним, поскольку понятие «насилие», рассматриваемое в криминальном значении, само по себе предполагает противоправность, т.е. не существует непротивоправного насилия, оно по своей природе противоправно в отличие от «принуждения» (включая физическое воздействие, например надевание наручников с использованием физической силы, которое применяется сотрудниками правоохранительных органов). Мы не можем согласиться с А.П. Рыжаковым в том, что «полиция реализует насилие» на законных основаниях [4, с. 34], т.к. полиция использует «меры принуждения» от имени государства, защищая охраняемые законом общественные и личные интересы [5].

С точки зрения Ю.В. Радостевой, насилие применительно к уголовно-правовым отношениям представляет собой «умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, направленное на нарушение физической и психической неприкосновенности» [6, с. 10]. Заметим, что в этой дефиниции представляется дискуссионным указание на целеполагание в виде нарушения физической или психической неприкосновенности. Дело в том, что насилие в уголовном праве не является самостоятельной категорией, оно вплетается в состав общественно опасного деяния, которое должно получить соответствующую юридическую квалификацию по нормам уголовного закона. Указание же на цель насилия в представленном виде предполагает осознание деятелем насильственных действий и, кроме того, показывает некую завершенность этих действий, в то время как цель при осознании осуществляемого насилия состоит в совершении преступления, т.е. насилие может быть признаком преступления и не может оцениваться безотносительно последнего, соответственно, целеполагание применимо

не к насилию, а к преступлению в целом [7, с. 45]. Не нужно также забывать, что насилие может совершаться лицом, которое не осознает характера своих действий и их последствий (невменяемым лицом), и тогда об умышленности насильственных действий говорить не приходится.

В этом контексте мы не можем согласиться с позицией методологического характера Н.К. Семерневой. По ее мнению, нет необходимости «изобретать» отдельное уголовно-правовое значение термина «насилие», поскольку оно в необходимой мере разъясняется в словарях русского языка [8, с. 63]. При этом делается ссылка на известный словарь В. Даля, определяющий насилие как «физическое воздействие на кого-либо». Безусловно, уголовное право не может не вбирать в свою материю общеупотребительные термины, значение которых раскрыто в словарях русского языка. Это вполне естественно, поскольку и сам уголовный закон излагается русским языком (в России). Однако очевидно и то, что для уголовного закона уточнение многих терминов необходимо, и термин «насилие» здесь едва ли не на первом месте, учитывая, что нормами уголовного права определяется наибольший объем праволишений и правоограничений для человека. Следует согласиться с О. Афанасьевой, полагающей, что многообразие трактовок понятия «насилие» в гуманитарных науках и, соответственно, невозможность выделения для них универсальных признаков насилия неприемлемы для уголовного права, где требуется предельная конкретность [9].

Фактически это признает и упомянутый автор Н.К. Семернева, в определенной степени противореча своей методологической позиции (не нужно «изобретать»). Так, она обосновывает «ряд сходных моментов, свойственных насилию вообще», которые заслуживают внимания. По поводу одного из них (насильственные действия совершаются против (помимо) воли потерпевшего) наш комментарий дан выше. Еще один признак, который выделяет данный автор, заключается в том, что «для стимуляции поведения потерпевшего в нужном для преступника направлении применяется как откровенная физическая, так и другая сила... психическое давление со стороны субъекта, стремящегося заставить потерпевшего выполнить какие-то действия» [8, с. 64]. Однако вряд ли указание на известные формы насилия можно считать общим признаком этого понятия в его обобщенном виде.

Далее, по мнению Н.К. Семерневой, насилие в уголовно-правовых отношениях может

применяться только к человеку, а именно к потерпевшему, т.е. неодушевленные предметы и животные не могут быть объектом насилия. С этим мы согласны. Однако представляется неоднозначным указание на то, что не может быть объектом насилия в уголовно-правовом смысле лицо, которое не способно воспринимать адекватно направленные в отношении его насильственные действия, поскольку для установления самого факта насилия восприятие самого потерпевшего значения не имеет, здесь решающий фактор заключается в осознании виновным того, что он своими насильственными действиями посягает на охраняемые законом жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность другого человека [8, с. 64]. Такой подход неправильный в принципе, потому что вызывает по меньшей мере следующие вопросы: а) если невменяемое лицо не является объектом насилия, то кто (что) является таковым; б) при отсутствии объекта насилия (потерпевшего) отсутствует и уголовно-правовая квалификация насильственных действий как преступного деяния [10, с. 40]. Оба вопроса предполагают, что среди физических лиц не может быть исключений с точки зрения потенциальной принадлежности их к объекту насилия в уголовно-правовом смысле.

В данном контексте нельзя не согласиться с О.К. Зетелепиным в том, что криминальное насилие следует рассматривать не иначе как на личностном уровне, поскольку оно применяется при совершении конкретного преступления против личности в широком смысле этого слова [11, с. 152]. И одновременно нельзя согласиться с О.Л. Крайновой, которая считает, что объектом криминального насилия может быть животное, т.к. насильственными действиями может причиняться вред здоровью животного, ограничиваться его свобода, последовать гибель (за исключением случаев, когда животное представляет угрозу для человека, его истребление и отлов разрешены законом, а содержание в условиях неволи обусловливается необходимостью научного изучения и/или разведения) [12, с. 10].

Это достаточно оригинальная точка зрения, основанная на расширительном толковании ст. 245 УК РФ, определяющей уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, и она, конечно же, дискуссионна. Мы полагаем, что, несмотря на внешнюю схожесть фактических действий в отношении человека и животного, например удары палкой, и даже схожесть реакции (болезненные ощущения), формальная, т.е. юридическая, составляющая

соответствующих действий все же различна, так же, как, например, все те же удары палкой в отношении человека могут быть в зависимости от обстоятельств и преступным деянием, и не преступными действиями в рамках необходимой обороны. Здесь же речь идет об уголовно-правовой защите определенных ценностей (жизни, здоровья) не вообще любого живого существа, а только человека. Закон не защищает жизнь и здоровье животного, которое является в гражданско-правовом отношении вещью, т.е. разновидностью собственности, как бы цинично это ни звучало для защитников животных. И не случайно диспозиция ст. 245 УК РФ предполагает, что уголовная ответственность наступает, во-первых, только в том случае, если в результате жестокого обращения с животным последнее погибло или получило увечье, во-вторых, если соответствующие действия совершены из хулиганских побуждений, или из корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних. При отсутствии указанных признаков уголовная ответственность может наступить лишь по ст. 167 УК РФ, т.е. за умышленное уничтожение чужого имущества при наличии необходимых для данного состава преступления признаков.

В целом же, криминальное насилие чаще всего понимается как воздействие (физическое или психологическое) одного человека на другого с целью принудить потерпевшего к совершению определенных действий в интересах лица, осуществляющего насилие, ограничить свободу волеизъявления потерпевшего. Такой подход достаточно распространен в российской уголовно-правовой литературе [13, 14, с. 4; 15, с. 56; 16, с. 20]. Однако в данных определениях ряд позиций не находит отражения, в частности, авторы по-разному трактуют взаимосвязь насилия и смерти потерпевшего как его следствия. Не имея цели подробно останавливаться на данном аспекте, отметим, что, например, убийство (ст. 105 УК РФ) может совершаться не иначе как путем применения насилия (так, в одном из решений Верховного Суда РФ говорится о «применении насилия при совершении убийства» [17], в другом решении говорится о «насилии, выразившемся в убийстве» [18]). Однако насильственные действия при совершении этого преступления в уголовно-правовой литературе, как правило, выпадают из трактовки понятия «насилие», поскольку в случае смерти потерпевшего не может быть речи о цели принудить его к совершению определенных действий или о цели ограничить

свободу его волеизъявления. В этом же ряду неоднозначный тезис о том, что понятие «насилие» никогда не охватывает собой причинение смерти и требует дополнительной квалификации [19, с. 502]. Кроме того, при раскрытии понятия «насилие» как правило, отсутствует указание на то обстоятельство, что насилие является составным элементом общественно опасного деяния (преступления), т.е. частью его объективной стороны, соответственно, отсутствуют ссылки на уголовный закон.

В этой связи заметим, что в действующем уголовном законе насильственные действия как признак преступного деяния находят отражение путем использования следующих терминов: «насилие»; «насилие, опасное для жизни или здоровья»; «насилие, не опасное для жизни или здоровья»; «угроза применения насилия»; «непосредственная угроза применения насилия»; «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». При этом способы реализации насилия законодатель закрепляет следующими терминами: «садистские методы» (ст. 245 УК РФ), «садизм» (ст. 63 УК РФ), «издевательство» (ст. 63, 107, 111, 112, 113, 302, 335 УК РФ), «мучения» (ст. 63, 111, 112 УК РФ), «побои» (ст. 116, 117 УК РФ), «пытка» (ст. 117, 302 УК РФ), «иные насильственные действия» (ст. 116, 117, 132, 278, 296, 334 УК РФ) и

др. Во всех этих случаях законодатель не дает каких-либо дефиниций, и в целом при регулировании применительного насилия, как видно, не наблюдается в достаточной мере системного подхода, не учитывается и то обстоятельство, что насилие может иметь смешанный характер, т.е. быть физическим и психическим одновременно (условно его можно обозначить как «психофизическое» насилие). Все это лишний раз подтверждает необходимость более четкого доктринального понимания насилия.

С учетом изложенного мы полагаем, что в уголовно-правовом смысле понятие «насилие» целесообразно определить следующим образом: это составная часть объективной стороны предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, заключающаяся в таком внешнем воздействии на физиологию и/или психику потерпевшего, которое может повлечь за собой его смерть, причинить вред его здоровью либо вынудить потерпевшего совершать действия помимо его воли. Исходя из этого общего (родового) понятия «насилие», следует конкретизировать его виды и формы (физическое насилие; психическое насилие; психофизическое насилие; насилие, опасное для жизни или здоровья; насилие, не опасное для жизни или здоровья, и др.).

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 марта 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.05.2016).

2. Упоров И.В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение. М., 2015.

3. Абубакиров Ф.М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Рос. судья. 2011. № 8. С. 19–22.

4. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О полиции». М., 2011.

5. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар, 2007.

6. Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

7. Упоров И.В. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 3.

1. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on March 30, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.05.2016).

2. Uporov I.V. Criminal property violence: concept, criminal legal regulation and prevention. Moscow, 2015.

3. Abubakirov F.M. Criminal-legal assessment of violence in the criminal law and judicial practice // Russian judge. 2011. № 8. P. 19–22.

4. Ryzhakov A.P. Article-by-article commentary to the Federal law «On police». Moscow, 2011.

5. Kurduyk P.M., Uporov I.V., Akopyan A.V. Crime as a socially dangerous phenomenon and state coercion as a method to neutralize it. Krasnodar, 2007.

6. Radosteva Yu.V. Criminal-legal concept of violence: diss. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2006.

7. Uporov I.V. Goal setting for individual kinds of punishment in Russian criminal law // Criminal law. 2001. № 3.

8. Семернева Н.К. *Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие.* М.; Екатеринбург, 2010.
9. Афанасьева О. *Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право.* 2014. № 5. С. 13–15.
10. Упоров И., Хун А. *Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право.* 2003. № 4.
11. Зателепин О.К. *Квалификация преступлений против военной безопасности государства.* М., 2009.
12. Крайнева О.Л. *Криминологическая характеристика форм криминального насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Саратов, 2009.
13. Грошев А.В., Упоров И.В. *Уголовное право России. Общая часть: краткий учеб. курс.* Ростов н/Д, 2006.
14. Иващенко А.Е., Марченко А.И. *Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием.* Омск, 1996.
15. *Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова.* М., 1997.
16. Шарапов Р.Д. *Физическое насилие в уголовном праве.* СПб., 2001.
17. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 мая 2002 г. № 206п2002.* URL: <http://www.lawmix.ru/vas/144808> (дата обращения: 30.05.2016).
18. *О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 (ред. от 28 сент. 2010 г.) (недействующее).* Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.05.2016).
19. *Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой.* М., 2014.
8. Semerнева N.K. *Qualification of crimes (General and Special parts): sci. and pract. manual.* Moscow; Yekaterinburg, 2010.
9. Afanasyeva O. *The concept and content of criminal violence // Criminal law.* 2014. № 5. P. 13–15.
10. Uporov I., Hun A. *The object of criminal-legal relations: the substance and the difference with similar concepts // Criminal law.* 2003. № 4.
11. Zatelepin O.K. *Qualification of crimes against military security of the state.* Moscow, 2009.
12. Kraineva O.L. *Criminological characteristics of forms of criming violence: auth. abstr. ... Master of Law.* Saratov, 2009.
13. Groshev A.V., Uporov I.V. *Criminal law of Russia. General part: short course.* Rostov-on-Don, 2006.
14. Ivashchenko A.E., Marchenko A.I. *Methodology of legal violence studies // Socio-legal problems of fight against violence.* Omsk, 1996.
15. *Violent crime / ed. by V.N. Kudryavtsev and A.V. Naumov.* Moscow, 1997.
16. Sharapov R.D. *Physical abuse in criminal law.* St. Petersburg, 2001.
17. *Judgment of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. May 15, 2002 № 206п2002.* URL: <http://www.lawmix.ru/vas/144808> (date of access: 30.05.2016).
18. *About court practice on affairs about contraband: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. May 27, 2008 № 6 (as amended on Sept. 28, 2010) (invalid).* Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.05.2016).
19. *The estimated signs of the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: sci. and pract. guide / Yu.I. Antonov, V.B. Borovikov, A.V. Galakhova, et al.; ed. by A.V. Galakhova.* Moscow, 2014.

Сидоренко Элина Леонидовна
 доктор юридических наук, доцент,
 Московский государственный институт международных отношений
 Министерства иностранных дел РФ
 (e-mail: 12011979@list.ru)

К вопросу о современных направлениях криминологического исследования коррупции

В работе рассмотрены основные криминологические подходы к измерению коррупции. На основе обобщения существующих приемов исследования взяточничества предложена авторская методика, основанная на изучении политической, социологической и экономической составляющих взяточничества. Апробация данной методики позволила выявить ряд устойчивых закономерностей в динамике коррупции и обозначить перспективные направления ее предупреждения.

Ключевые слова: коррупция, криминологический анализ, системная методика оценки коррупции, корреляция, экономика коррупции, цена коррупции.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: 12011979@list.ru

On the question of modern criminological studies of corruption

This paper considers the main criminological approaches to measuring corruption. The author examines the political, sociological and economic characteristics of bribery. This allowed to identify patterns of corruption and to identify measures to prevent corruption.

Key words: corruption, criminological analysis, systemic corruption assessment methodology, correlation, economy of corruption, price of corruption.

В последние два десятилетия произошла качественная трансформация представлений об общественной опасности коррупции: из разряда привычных криминальных явлений она трансформировалась в глобальную правовую, социальную и политическую проблему современного государственного устройства и мощный рычаг давления со стороны международного сообщества.

Как любая удачно найденная идея, способная объяснить социальные и экономические катаклизмы, проблематика коррупции очень скоро приобрела идеологическое звучание, а вектор научных исследований сместился на изучение ее отдельных последствий: стагнации общества, трансформации социальных структур, институциональной экспансии коррупции в традиционные общественные институты и др. [1, с. 3].

Дефицит научной проработки природы коррупции отразился на качестве ее прогнозирования. Говоря о приоритетных направлениях профилактики взяточничества, большинство специалистов сосредоточивают внимание на сравнении отдельных статистических данных (регистрация преступлений, выявленные и осужденные лица) за прошедшие годы. Сформулированные на основе такой оценки управленческие решения имеют характер *ad hoc* (от

лат. – после того как) и не предполагают предупреждение потенциальных угроз.

Для того чтобы стратегия противодействия коррупции была более продуманной, а результаты ее реализации прозрачными и очевидными, важно объединить усилия специалистов и кардинально изменить угол оценки коррупции как исключительно правового явления.

Наиболее ярко односторонность научного анализа проявляется при выборе методики измерения коррупции.

В зависимости от концептуальных моделей, объясняющих механизм возникновения и воспроизводства взяточничества, можно выделить три основных направления в его криминологическом изучении:

1. Экономическая модель исследования коррупции. Начало ее развитию было положено в трудах таких известных западных экономистов, как М. Фридмен, Д. Стиглер, Дж. М. Бьюкенен, В. Ландс, П. Рубин, М. Олсон, Г. Таллок, Л. Туроу и др. [2, с. 15].

В основу теории закладывается экономическая выгода коррупции, а участники криминальных отношений рассматриваются сквозь призму отношений «производитель – потребитель», где государственный служащий предлагает соответствующую услугу, а другое лицо ее приобретает (А. Шлейфер, П. Чандер и др.).

В зависимости от того, какой из компонентов коррупции видится разработчикам определяющим, выделяются отдельные направления экономической теории.

Клиент-ориентированный подход направлен на изучение процесса коррумпирующей организации – потребителя коррупции, начиная от ее внутренней структуры и заканчивая внешними проявлениями хозяйственной политики. Данное направление получает активное развитие в рамках социологического исследования комплаенс-процедур отдельных мероприятий. На основе сопоставления факторов воспроизводства коррупции в отдельных секторах экономики прогнозируется ее дальнейшее развитие и определяются перспективные направления профилактической деятельности.

Не менее интересной является динамическая модель экономического анализа. Она сосредоточена на изучении переходных процессов в системе государственного управления и позволяет оценить коррупцию одновременно на макро-, мезо- и микроуровнях. Известным примером данной теории является модель коррупции как оппортунистического поведения [3, с. 18].

Кроме того, динамическая теория хорошо зарекомендовала себя в рамках исследования региональной коррупции. В 2016 г. была анонсирована методика оценки полифакторного индекса коррупции (ПИК), слагаемого из показателей корреляции взяточничества и инвестиционного климата, производственного потенциала, природно-ресурсного комплекса, потребительской активности и прожиточного уровня населения, а также показателя безработицы [4, с. 64].

Апробация этой методики позволила ранжировать субъекты Российской Федерации на дотационные и инвестиционно привлекательные и установить устойчивые системные зависимости между экономической спецификой региона и характером коррупции в нем.

В частности, было отмечено, что в инвестиционно привлекательных регионах уровень бытовой коррупции заметно ниже, чем в дотационных (в среднем на 12%) [5, с. 160]. В экономически развитых регионах бытовое взяточничество уступало место так называемой «верхушечной» коррупции, непосредственно связанной с экономической деятельностью и сферой государственных закупок.

Не менее важным является подход, ориентированный на оценку коррупции сквозь призму транзакционных издержек (Л. Олсон) [6, с. 21]. Он основывается на изучении коррупции в плоскости ее экономической и конъюнктур-

ной выгоды. В этом случае на первое место выступает проблема цены преступности и выявления рисков быть выявленным и осужденным за коррупционные правонарушения.

2. Перспективными представляются и политические модели оценки коррупции.

Функциональный подход основывается на изучении полезности коррупции на том или ином этапе развития системы государственного управления. По мнению М. Вебера, именно взяточничество «усиливает позицию высших слоев общества (элит) и является основным двигателем социальной эволюции и снятия конфликта между низами и верхами» [7, с. 11]. Несмотря на спорность и известную скандальность данного утверждения, оно тем не менее позволяет оценить, насколько коррупция способна изменить систему государственного управления.

Развивая эту идею, институционалисты основную цель изучения коррупции видят в поиске оптимальной модели экономического развития. Как утверждает С. Хантингтон, во взяточничестве проявляется несоответствие принятых норм, утвержденных в обществе, моделям поведения. И именно через анализ этого несоответствия возможно определить перспективные направления развития социальных институтов [8, с. 101].

3. В отдельную группу методов целесообразно выделять собственно социологические приемы изучения коррупции: статистический анализ, опросы и экспертные оценки.

На основе изучения статистических данных о регистрируемых преступлениях коррупционной направленности, выявленных и осужденных лицах можно провести криминологический анализ коррупции и выявить ее статистические тренды. Но данный метод может быть информативным только при соблюдении следующих методологических требований: анализ длинных динамических рядов, унификация систем отчетности по форме 1-Корр ГИАЦ МВД России; систематичность сбора и полнота анализируемой информации.

Социологические опросы в настоящее время являются одним из наиболее востребованных методов оценки коррупции. Это объясняется их доступностью и простотой применения. Однако при более внимательном анализе достоинства социологического опроса оборачиваются его недостатками.

Большинство из проводимых опросов восприятия коррупции страдают односторонностью и не соответствуют требованиям валидности и надежности измерений (методики

ВЦИОМ, Левада-Центра, Ро-Мир, Transparency International, Общественной приемной «Чистые руки» и др.).

Но выявляемые недостатки не должны дискредитировать саму идею опросных оценок. Напротив, они должны подтверждать необходимость перевода социологических опросов в плоскость трехмерных измерений следующих параметров:

понимание и объяснение коррупции населением;

оценка своей готовности дать взятку;

оценка готовности окружающих дать (получить) взятку.

Совокупная оценка предложенных индикаторов позволяет существенно расширить базовую версию изменений и выявить два важных психологических компонента коррупционного поведения: конформизм и самооправдание.

Каждый из рассмотренных выше методологических подходов позволяет рельефно подчеркнуть лишь один из аспектов коррупции. И только взятые в совокупности они позволяют предложить описание данного явления в комплексе его социальных, правовых и политических составляющих.

С учетом изложенного целесообразным представляется внедрение такой методики оценки коррупции, которая бы позволяла одновременно оценивать и политические, и экономические, и социологические аспекты коррупции.

Полагаем, что она должна основываться на трех основных модулях.

Экономический компонент. В данном контексте коррупция рассматривается как специфический вид социально-экономических отношений, построенных на основе корыстной мотивации и направленных на извлечение прибыли. Прогнозирование преступности в рамках предложенного подхода предполагает оценку выгоды коррупционного поведения, соотношение возможной прибыли и рисков быть выявленным и осужденным, а равно установление корреляционных связей между уровнем взяточничества и основными социально-экономическими показателями развития региона.

Отметим наиболее заметные результаты измерения экономического компонента коррупции.

1. Исследование динамических рядов зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в период с 2008 г. по 2015 г. в их соотношении с экономическими и социальными показателями благополучия населения выявило устойчивую корреляционную зависимость (+0,7) между уровнем коррупции, с одной стороны, и уровнем внутреннего валового про-

дукта и объемом федеральных бюджетных средств, с другой (корреляция в пределах от 1 до 0,7 говорит о наличии между явлениями устойчивой причинной связи, показатель в границах – от 0,3 до 0,7 – о средней связи, более низкие значения могут быть рассмотрены как погрешности учета, отрицательные корреляционные показатели свидетельствуют о наличии между явлениями обратной зависимости).

Это свидетельствует о том, что коррупция в России по-прежнему имеет преимущественно потребительский характер и развивается в рамках отношений «чиновник – гражданин».

Исключения составляют отдельные инвестиционно привлекательные регионы (Москва, Краснодарский край, Московская область), где большой объем частных инвестиций привел к стремительному развитию бизнес-коррупции. Неслучайно основная доля преступных доходов в этих регионах приходится на сферы государственных закупок.

Говоря об экономическом компоненте коррупции в России, нельзя не отметить наличие обратной корреляции между взяточничеством и материальными ожиданиями населения. Улучшение представлений людей о своем материальном положении приводит к сокращению показателей коррупции, а ухудшение представлений, напротив, сопровождается ее ростом. Эта закономерность выводит на один из важнейших криминологических выводов: российская коррупция – это не просто правовое явление, а установка готовности населения разрешать свои материальные затруднения при помощи коррупционных механизмов.

2. К интересным выводам приводит анализ криминологических рисков быть выявленным и осужденным за коррупционные преступления.

По данным официальной статистики (форма 1-Корр ГИАЦ МВД России), ежегодно регистрируется около 8000 деяний, предусмотренных ст. 290 УК РФ, но выявляется только 2000 лиц, получивших взятку. Таким образом, риск быть осужденным за получение подкупа составляет в России 1/4, что является самым низким показателем результативности выявления коррупции по сравнению с европейскими странами.

Заметно лучше показатели риска быть выявленным за дачу взятки. Среднегодовой показатель регистрации преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ, составляет 5300 деяний, а показатель выявляемости лиц – 3800. Таким образом, риск быть выявленным по данной категории преступлений составляет 2/3.

Приведенные выше выводы свидетельствуют о высоком уровне искусственной латентно-

сти коррупции и указывают на то, что взяточничество по-прежнему остается экономически выгодной моделью поведения.

3. В пользу данного вывода говорит соотношение предполагаемых доходов от коррупционной деятельности и сумм изъятых у преступников денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем.

Только за январь – сентябрь 2015 г. размер причиненного вреда от преступлений коррупционной направленности составил 36311295 рублей, при этом добровольно был погашен ущерб в размере 4958323 рублей и изъято имущество на сумму 7832100 рублей. Фактически сумма возвращенных средств составила только одну треть от преступного дохода. А поскольку уровень латентности коррупции высок, показатель доходности взяточничества может быть увеличен более чем на 1000%. В этом случае экономические преимущества коррупционного поведения кажутся еще более значительными.

Таким образом, с позиции транзакционных издержек коррупция в России может рассматриваться как экономически выгодный способ решения возникающих вопросов, поскольку уровень криминологических и экономических рисков коррупционного поведения ничтожно мал по сравнению с ее потенциальной выгодой.

Политический модуль коррупции может быть оценен на основе корреляционного сравнения уровня коррупции и показателей результативности системы государственного управления.

Корреляционное соотношение коррупции и численности государственного аппарата выявило новый тренд сосредоточения коррупции в средних секторах государственного управления на федеральном уровне и в верхних эшелонах власти в субъектах Российской Федерации.

Применительно к федеральным государственным служащим корреляция коррупции находится в средних значениях (около 0,5), тогда как применительно к представителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации она составляет более 0,8.

Важно обратить внимание и на приобретение коррупцией кластерного характера. Если десять лет назад очагом воспроизводства взяточничества являлись органы внутренних дел, то сейчас они уступают место органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Вопреки ожиданиям повышение уровня антикоррупционного образования чиновников приводит к повышению уровня коррупции. Данная закономерность подтверждает вывод о том, что коррупционное поведение в России

является устойчивой формой поведения, а антикоррупционное образование используется чиновниками для усложнения и совершенства преступных схем.

В целом, исследование политического компонента взяточничества позволило говорить об институализации коррупции на уровне высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и среднем уровне федеральных органов власти.

К интересным выводам привел и анализ социологического модуля, слагаемого из трех параметров: понимания коррупции населением, оценки собственной готовности дать взятку и оценки готовности окружающих дать (получить) взятку.

Эмпирическую основу исследования составили результаты опроса 300 человек, относящихся к различным социальным, возрастным и гендерным группам.

Ограниченный круг респондентов не позволяет говорить о высокой репрезентативности и объективности представленных ниже данных. Но в то же время проведенный нами опрос выявляет ряд интересных закономерностей, которые могут быть подтверждены в рамках более масштабных опросов.

В частности, было установлено, что чуть менее половины респондентов (46%) рассматривают коррупцию как форму передачи взятки гражданином чиновнику с целью разрешения какого-либо конфликта или ускорения решения вопроса. 25% видят в ней злоупотребление чиновником своей властью с корыстной целью.

14% рассматривают коррупцию как результат слияния государства и бизнеса, и, наконец, 15% оценивают ее с позиции порождающих коррупцию причин. Характерно то, что за последние три года наметилось заметное увеличение последней группы мнений.

Что же касается готовности дать взятку, то здесь распределение мнений является стабильным. 53% респондентов считают для себя возможным дать взятку, если «иного выхода нет», 32% считают коррупцию незаконным, но удобным способом общения с чиновниками. И только 15% заявили о категорическом неприятии для себя дачи взятки.

Не менее информативной является и оценка готовности окружающих брать или давать взятки. 68% респондентов убеждены, что граждане России готовы участвовать в коррупционных схемах. 22% убеждены, что окружающие готовы дать взятку под давлением чиновников, и 10% отметили, что не считают население готовым добровольно участвовать в коррупционных схемах.

Показательным является тот факт, что на вопрос «Как Вы оцениваете готовность российских чиновников получать взятку?» 92% респондентов подтвердили эту готовность, 6% затруднились ответить, и только 2% отметили неподкупность чиновников.

Анализ ответов респондентов позволил говорить о коррупционной стигмации госслужащих. И выявленная закономерность только на первый взгляд может показаться безобидной. В действительности же она является мощным фактором воспроизводства коррупции, ибо позволяет потенциальным взяточполучателям вовлекать чиновников в коррупцию, пользуясь принципом «так все делают».

Установление данной закономерности позволяет поставить под сомнение утверждение о том, что вовлечение во взяточничество идет от взяточполучателя к взяточдателю. В действительности же в более чем 30% случаев именно взяточдатель формирует модель поведения взяточполучателя, особенно на уровне низовой бытовой коррупции.

Отмеченные выше криминологические тенденции являются результатом апробации системной методики оценки коррупции и могут быть рассмотрены как новые межвые знаки в научном измерении коррупции, которым только предстоит быть подтвержденными.

1. Куприянов И.С. *Бытовая коррупция в современной России: социальное содержание и основные тенденции: дис. ... канд. социол. наук.* Н. Новгород, 2001.

2. Лагов Ю.В., Ковалев С.Н. *Теневая экономика.* М., 2006.

3. Кузьминов Я.И. *Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития / отв. ред. Ю.А. Тихомиров.* М., 2002. С. 18–32.

4. Сидоренко Э.Л. *Система виктимологической профилактики преступлений: быть или не быть? // Библиотека уголовного права и криминологии.* 2014. № 4(8). С. 64–74.

5. Сидоренко Э.Л. *Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии.* 2015. № 2(10). С. 155–162.

6. Олейник А.Н. *Институциональная экономика.* М., 2000.

7. Чечуров А.В. *Коррупция: историко-философская ретроспектива // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии.* 2010. № 3. С. 11–15.

8. Хантингтон С. *Третья волна демократизации в конце XX века.* М., 2003.

1. Kupriyanov I.S. *Home corruption in modern Russia: social content and key trends: diss. ... Master of Law.* Nizhny Novgorod, 2001.

2. Lagov Yu.V., Kovalev S.N. *Shadow economy.* Moscow, 2006.

3. Kuzminov Ya.I. *The mechanisms of corruption and their special manifestation in the state apparatus // Administrative law: theory and practice. Strengthening the state and the dynamics of social and economic development / ed. by Yu.A. Tikhomirov.* Moscow, 2002. P. 18–32.

4. Sidorenko E.L. *System of victimological crime prevention: to be or not to be? // Criminal law and criminology library.* 2014. № 4(8). P. 64–74.

5. Sidorenko E.L. *Monitoring of corruption in Russia: first results and prospects // Criminal law and criminology library.* 2015. № 2(10). P. 155–162.

6. Oleynik A.N. *Institutional economy.* Moscow, 2000.

7. Chechurov A.V. *Corruption: historical and philosophical retrospective // Bull. of Volgograd state university. Ser. 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies.* 2010. № 3. P. 11–15.

8. Huntington S. *The third wave of democratization in the late XX century.* Moscow, 2003.

Буткевич Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: butkevich-sa@mail.ru)

Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы

Рассмотрены условия и предпосылки для распространения идеологии терроризма и экстремизма в современных условиях. Детально проанализированы ключевые понятия в данной сфере, охарактеризованы основные причины возникновения этих деструктивных мировоззрений, в том числе в молодежной среде. Основное внимание уделено деятельности уполномоченных органов и их должностных лиц по предупреждению и пресечению распространения идей и догм терроризма и экстремизма в различных сферах жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: деятельность, идеология, информация, проблема, противодействие, проявления, распространение, терроризм, экстремизм.

S.A. Butkevich, Master of Law, Senior Reseracher, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: butkevich-sa@mail.ru

Ideology of terrorism and extremism: explicit and implicit threats

The conditions and prerequisites for propagation of ideology of terrorism and extremism in the modern conditions are considered. The key concepts in this field, described the main causes of these destructive outlooks, including youth are analyzed in details. Main attention is paid on activity of authorized bodies and their officials for prevention and clampdown to propagation of ideas and dogmas of terrorism and extremism in various spheres of vital activity of society.

Key words: activity, ideology, information, problem, counteraction, manifestations, propagation, terrorism, extremism.

Историко-правовой экскурс в суть проблемы свидетельствует о том, что проявления террора и терроризма сопровождали человечество на всех этапах его развития, осуществлялись в различных формах, противоречивых интерпретациях и восприятиях, разнообразными приемами и способами, а также на разных уровнях. Вместе с тем, процессы распространения террористической и экстремистской идеологии, прикрывающейся религией, в последнее время практически во всем мире приобрели характер эпидемии. В частности, отчетливо наблюдается угрожающая интенсификация радикального ислама, подкрепленного миграционными процессами. Как пример можно привести эскалацию исламского фундаментализма в государствах Ближнего Востока, который основывается на идеологии религиозной нетерпимости и имеет ярко выраженную военно-политическую окраску и корыстно-насильственную направленность. Поэтому первоочередной задачей государств в данной сфере становится организация комплексной профилактической работы, нацеленной на формирование общественного и индивидуального сознания, отторгающего идеи терроризма и экстремизма.

Сегодняшний терроризм и экстремизм – это определенным образом сложившаяся ситуация (общественно-политическая, социально-экономическая, психологическая, религиозно-нравственная, этнонациональная и т.п.), спроецированная на конкретные идеи и идеологемы. Данные явления – одни из ипостасей нашей современности в виде особой формы насилия, точка пересечения реальной обстановки и миропонимания.

Следует согласиться с В.Ю. Верещагиным и М.И. Лабунец, трактующими экстремизм как идеологию, предусматривающую: во-первых, принудительное распространение ее принципов; во-вторых, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление [1]. Кроме того, в современных условиях крайним проявлением экстремизма становится терроризм, который основывается на экстремистской идеологии. Угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения этих убеждений. То есть экстремистская идеология представляет основу, объединяющую членов экстремистских организаций, формирующую характер и направленность их деятельности, а также средство

вовлечения в экстремистскую деятельность различных слоев населения.

Иными словами, идеология экстремизма является системой взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов. А проявления экстремизма (экстремистские проявления) – общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а также деяния, способствующие возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов. При этом радикализм – это глубокая приверженность идеологии экстремизма, способствующая совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации [2].

Из понятия «терроризм» (см.: п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму») следует, что он отличается от всех других видов насилия не просто жестокостью, а высшей степенью аморальности, цинизмом, неразборчивостью в средствах и приемах достижения целей, беспритязательностью форм и методов осуществления деятельности, неконтролируемостью и, как следствие, непредсказуемостью последствий. Терроризм опровергает неотъемлемое право каждого человека – право на жизнь, а резонанс от теракта для террориста обычно важнее, чем сам акт.

В свою очередь, под идеологией терроризма (террористической идеологией) понимается совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в этой деятельности [3]. К тому же внешним фактором, способствующим возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, является наличие в иностранных государствах теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма. Соответственно, актуализируются задачи по противодействию распространению идеологии терроризма и активизации информационно-пропагандистского обеспечения антитеррористических мероприятий. Предупреждение (профилактика) терроризма предполагает создание системы противодействия идеологии терроризма (обеспечение защиты единого ин-

формационного пространства России, совершенствование системы информационного противодействия терроризму), а информационные меры в данной области – разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, привлечение граждан к участию в противодействии терроризму [4].

Анализируя условия и причины совершения террористических актов, ряд авторов приходит к выводу, что их мотивы можно объединить в две группы – личные и идеологические. Причем среди личных мотивов выделяются: эмоциональные; психологические (получить популярность, прославиться, оставить след в истории); этические (достижение «справедливости»); самоутверждение; потребность «принадлежности к группе»; экономические (устранение конкурентов); корыстные (государства, организации и лица, поддерживающие террористическую деятельность, стабильно и щедро ее финансируют). А идеологические мотивы разделяются следующим образом: социально-политические (насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя); сепаратистские и националистические; религиозные (отстаивание «чистоты» и исключительности своей веры, ортодоксальных взглядов).

Также подчеркивается, что личные мотивы, как правило, переплетаются с идеологическими в различных пропорциях. Их преимущества и недостатки зависят от конкретного случая, но вместе они составляют мотивационную основу экстремистского сознания. Что касается идеологических мотивов, то мотивационная основа националистического и сепаратистского терроризма часто значительно крепче социально-политической, поскольку связана с кровными узами и семейными традициями, передается из поколения в поколение и закладывается с самого детства [5, с. 60–62].

Бесспорно, одно из главных условий повышения результативности борьбы с терроризмом – получение упреждающей информации о планах террористических организаций и/или отдельных лиц по совершению терактов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и устройствами, иными средствами для осуществления террористической деятельности. Но в рамках этой проблемы особое значение имеет информационное противодействие (контрмеры), поскольку эмиссары экстремистской и террористиче-

ской идеологии строят ее на неких идеях или ими вуалируются. Более того, идейные (идеологические) установки служат воспроизводству экстремистских и террористических сил, вовлечению новых групп, формированию резервов и потенциала из числа «сочувствующих» [6, с. 120]. Именно поэтому начали разрабатываться и реализовываться федеральные стратегические программные документы по информационному противодействию терроризму, а потом и его идеологии. В то же время преференции должны отдаваться использованию методов «мягкой силы» и форм «непрямого» воздействия, чтобы не получить обратный эффект.

Что касается регионального уровня, то, например, в новейшей истории Республики Крым (помимо ликвидации последствий актов международного терроризма, дестабилизирующей активности Меджлиса, парамилитарных групп, националистических батальонов и вооруженных сил Украины в отношении жителей полуострова) информационное противодействие распространению террористической и экстремистской идеологии приобрело особую актуальность и значимость [7]. И если до недавнего времени такие угрозы для Крыма исходили преимущественно из государств Ближнего Востока, то сегодня основной «поставщик» такой идеологии, провокатор и разжигатель межнациональной и межконфессиональной розни – это Украина [8]. В связи с этим в субъектах Федерации необходимы: мониторинг антироссийской активности в СМИ и средствах печати; защита интернет-пространства от деятельности вербовщиков, проникновения террористических и экстремистских материалов, деструктивной информации, призывов к совершению террористических актов и др.; выявление и оперативное блокирование сайтов, содержащих террористический и экстремистский контент; подготовка и трансляция на телеканалах, радиостанциях, размещение на информационных ресурсах сети Интернет, форумах, в социальных сетях и блогах специализированных передач, интервью, сюжетов по вопросам профилактики данных явлений, пропаганды социально значимых ценностей и создания условий для мирного межнационального и межрелигиозного сосуществования (см.: указ главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У). А с учетом важности сети Интернет, как одного из наиболее используемых идеологами (интернет-имамами) и организаторами террора каналов распространения информации, заслуживает внимания тезис о системном, комплексном, последовательном, наступательном и регулиру-

ном применении возможностей патриотически настроенных и популярных блогеров, готовых к диалогу и взаимодействию в противодействии терроризму и экстремизму [9].

Проанализировав законодательство других субъектов Федерации в области идеологического (информационного) противодействия терроризму и экстремизму, считаем, что практическими результатами таких программных документов должны быть: обеспечение информационной открытости органов публичной власти; повышение эффективности работы пресс-служб органов безопасности и правопорядка в этой сфере; активизация информационно-пропагандистской работы муниципалитетов, СМИ и образовательных организаций с целью изменения общественного мнения в сторону неприятия всеми слоями общества любых проявлений терроризма и экстремизма; усиление факторов формирования общероссийской идентичности, укрепления государственности, межнациональных отношений, снижения уровня религиозного противостояния; вовлечение молодежи в мероприятия по профилактике экстремизма и терроризма; сокращение пособнической базы, имеющихся сторонников и потенциальных неофитов данных деструктивных течений; формирование гражданского, патриотического сознания, духовно-нравственной основы личности, укрепление дружбы между народами; повышение правовой грамотности специалистов по работе с молодежью муниципалитетов и кадровых подразделений образовательных организаций. Также разделяем выводы А.А. Коноплевой и Н.В. Чудиной-Шмидт, аргументирующих целесообразность привлечения институтов гражданского общества к противодействию дестабилизирующей риторике [10; 11].

В контексте данной проблематики интересной выглядит идея о создании новой идеологии, способной противостоять идеям терроризма и экстремизма. Например, А.П. Даниловым и А.Д. Сухенко предлагается развивать идею родолюбия как осознания принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нем глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины, принятие на себя ответственности за ее настоящее и будущее. Следовательно, родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности может выступать весомым антикриминальным фактором [12, с. 93]. В свою очередь, В.А. Васильев и О.В. Сорокин настаивают на провозглашении и практической реализации в государственной политике российской идеоло-

гии – совокупности идей, выражающих основные интересы большинства граждан страны и провозглашающих социальную справедливость, единство входящих в Российскую Федерацию наций и народностей, богатства самобытных культурных традиций, религиозных взглядов и духовных ценностей [13, с. 132]. Однако идеи утверждения государственной или обязательной идеологии (даже призванной пропагандировать единство и неделимость государства, солидарность, дружбу, братство, взаимопонимание между народами, территориальную целостность и др.) прямо противоречат ст. 13 Конституции РФ.

Таким образом, идейную, нематериальную почву терроризма составляют радикализм, экстремизм и фанатизм, иногда – фундаментализм экстремистского толка, доходящий до фанатизма. Иными словами, терроризм – это реальный экстремизм, но только уже не в теоретических рассуждениях, а в непосредственных практических действиях, осуществляемых во имя абсолютных радикальных идей и ценностей. Итак, экстремизм – более широкое и полисемантическое явление, чем терроризм, который, в свою очередь, является его крайней, пиковой формой, логическим, но не обязательным этапом развития экстремистской деятельности.

СМИ стали ключевым фактором в конфронтации между государством и террористами. Последним необходима широкая аудитория, поскольку благодаря вниманию масс-медиа осуществляется «информационная легализация» террористических и экстремистских организаций. Например, международные террористические организации государств Ближнего Востока через деятельность различных групп, движений и идеологических течений стремятся внедрить в общественное сознание мысль о том, что победа радикального ислама очевидна, причем любой ценой. Поэтому органам власти нельзя допускать превращение СМИ в объекты манипулирования такими организациями, а также следует оперативно пресекать использование масс-медиа в роли рупора экстремизма как идейной базы последующей террористической деятельности.

Не секрет, что в условиях идеологического вакуума, социально-политической и экономической нестабильности прежде всего молодежь становится самым уязвимым звеном, легкой добычей вербовщиков террористических и экстремистских организаций. В силу подросткового максимализма, субъективного восприятия действительности и отсутствия

общепризнанных морально-нравственных ориентиров не единичны случаи, когда молодежь, как наиболее активная и мобильная часть социума, увлекается различного рода радикальными политическими, религиозными, националистическими и другими деструктивными идеями. Учитывая подверженность молодежьей среды негативному влиянию различных антисоциальных и криминальных групп, приоритетными направлениями деятельности органов безопасности и правопорядка в этой области должны быть выявление и нивелирование последствий противоправных действий: участников вооруженных конфликтов на территории Северо-Кавказского федерального округа, непризнанных и иностранных государств, а также их пособников; популяризаторов террористической, экстремистской идеологии и информации, дискредитирующей Российскую Федерацию; активных членов и идеологов нетрадиционных религиозных организаций и сект, ультрарадикальных оппозиционных сил и общественных объединений.

Е.О. Кубякин также фокусирует внимание на лабильности молодежного сознания, которое отражает преимущественно спонтанно возникающие взгляды, эмоциональную реакцию, подвержено влиянию внешних факторов и зачастую неспособно адекватно рефлексировать экстремистскую направленность своего поведения. Из-за этого неадекватное отражение экстремизма в сознании молодежи не только не снижает общественной опасности подобных проявлений, но, наоборот, придает им непредсказуемый, а значит, общественно не управляемый характер [14]. И даже несмотря на то, что экстремистские настроения в различных социальных группах молодежи существуют преимущественно в потенциальной форме, считаем необходимым организовывать в образовательных организациях:

научно-представительские, спортивно-массовые, воспитательные и культурно-просветительские мероприятия с целью привития и культивирования у подростков и молодежи идей межнациональной и межрелигиозной толерантности, гражданственности и гуманизма, патриотизма, соблюдения общепринятых моральных норм и нравственных принципов, повышения уровня этносоциальной комфортности;

классные часы, круглые столы, семинары, встречи с ветеранами, представителями традиционных конфессий, деятелями культуры и искусства, журналистами, ведущими религиозными и политологами с целью духовно-нрав-

ственного и гражданско-патриотического воспитания молодежи, а также сотрудниками правоохранительных, следственных и судебных органов для разъяснения ответственности за совершение правонарушений экстремистской направленности и террористического характера;

развитие различных направлений волонтерства с целью формирования у обучающихся общих ценностей на базе близости возрастных и социальных предпочтений, интересов, культуры и т.п. на фоне позитивных эмоций;

внедрение в образовательный процесс учебно-методических и научно-популярных материалов, раскрывающих преступную сущность идей терроризма и экстремизма, межнациональной и межконфессиональной розни;

повышение квалификации (переподготовку) сотрудников кадровых подразделений и преподавателей-кураторов, осуществляющих в пределах компетенции работу в данном направлении среди обучающихся.

Вместе с тем, опыт Турецкой Республики (попытка военного переворота, июль 2016 г.) свидетельствует о тенденциях проникновения религиозно-экстремистской и террористической идеологии в среду военнослужащих вооруженных сил, других войск и воинских формирований, органы безопасности и правопорядка. То есть работа по противодействию данным постулатам актуальна и для образовательных организаций силовых министерств и ведомств.

Подводя итог, приходится констатировать, что разработка новых и дальнейшее продвижение состоявшихся идеологий терроризма и экстремизма, в том числе с использованием религиозных постулатов, позволяют расширять географию, масштабы и формы их про-

явлений, добиваться их идеологам и активным участникам политических, корыстных и других целей. Именно поэтому целью разработки и принятия комплексных региональных планов противодействия данным явлениям должно быть совершенствование мер профилактики экстремизма и терроризма, направленных на формирование в обществе толерантного сознания и иммунитета к радикальной религиозной, политической и другой деструктивной риторике, включая адресную профилактическую работу среди целевых групп населения, подверженных или уже попавших под воздействие такого мировоззрения. При этом стоит учитывать, что любая из идеологий не может развиваться сама по себе как таковая, ей нужны идейный вдохновитель, модераторы, сторонники и неофиты, информационное обеспечение и стабильное финансирование.

Проблема организации комплексной профилактической работы, ориентированной на восприятие террористической и экстремистской идеологии как чуждой и неприемлемой, остается актуальной для любой из сфер общественной жизнедеятельности. По нашему убеждению, государство не может оставаться в стороне от данных угроз и вызовов национальной безопасности, сложившаяся ситуация требует оперативного вмешательства и постоянного мониторинга. Уполномоченные органы и должностные лица должны не только безотлагательно принимать меры по нормализации всех затронутых и смежных сфер жизнедеятельности общества, но и с помощью правового инструментария создавать условия для минимизации последствий распространения идеологии терроризма и экстремизма и, как утопия, недопущения их в дальнейшем.

1. Верещагин В.Ю., Лабунец М.И. Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности // *Философия права*. 2002. № 2. С. 79–84.

2. *Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753. М., 2014.*

3. *Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы: утв. Президентом РФ 26 апр. 2013 г. № Пр-1069. М., 2013.*

4. *Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.*

1. Vereshchagin V.Yu., Labunets M.I. *Political extremism in context of modernization of contemporary Russian statehood // Philosophy of law*. 2002. № 2. P. 79–84.

2. *Strategy of counteraction to extremism in the Russian Federation till 2025: approved by the President of the Russian Federation, Nov. 28, 2014 № Pr-2753. Moscow, 2014.*

3. *Complex plan of counteraction to ideology of terrorism in the Russian Federation for 2013–2018 years: approved by the President of the Russian Federation, Apr. 26, 2013 № Pr-1069. Moscow, 2013.*

4. *Concept of counteraction to terrorism in the Russian Federation: approved by the President*

5. *Терроризм: теоретико-прикладные аспекты: учеб. пособие / под общ. ред. В.К. Грищука. Львов, 2011.*

6. Маркин В.В. *Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект // Власть. 2014. № 6. С. 120–127.*

7. Бельский В.Ю. *Терроризм в информационном пространстве как фактор обострения идеологической борьбы на современном этапе // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 54–63.*

8. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. *Проблемы профилактики преступлений экстремистской и террористической направленности в Крымском федеральном округе // Мир юрид. науки. 2015. № 10. С. 47–53.*

9. *Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Попова. М., 2013.*

10. Чудина-Шмидт Н.В. *Социальный диалог как механизм преодоления экстремального поведения личности // Инновационная наука. 2016. № 4–4. С. 79–82.*

11. Коноплева А.А. *Роль гражданского общества в предупреждении экстремизма в Республике Крым // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 502–506.*

12. Данилов А.П., Сухенко А.Д. *Идеология родолюбия как основа противодействия терроризму // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы науч.-практ. конф. Ставрополь, 2015. С. 88–93.*

13. Васильев В.А., Сорокин О.В. *Противодействие идеологии терроризма со стороны субъектов гражданского общества // Вестн. МГЛУ. 2012. Вып. 11(644). С. 121–138.*

14. Кубякин Е.О. *Готовность молодежи к совершению экстремистских поступков по идейным соображениям // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010. № 3. С. 76–77.*

of the Russian Federation, Oct. 5, 2009 // Rus. newsp. 2009. Oct. 20.

5. *Terrorism: theoretical and applied aspects: study aid / gen. ed. by V.K. Grischuk. Lvov, 2011.*

6. Markin V.V. *Formation of Russian identity as a factor of counteraction to ideology of extremism and terrorism: regional aspect // Power. 2014. № 6. P. 120–127.*

7. Belskiy V.Yu. *Terrorism in information area as factor of aggravation of ideological struggle at present stage // Counteraction to extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects: proc. of II All-Russian sci.-pract. conf. Krasnodar, 2015. P. 54–63.*

8. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. *Problems of prevention of crimes of extremist and terrorist nature in the Crimea Federal District // World of jurisprudence. 2015. № 10. P. 47–53.*

9. *Guidelines for improvement of advocacy in field of counteraction to ideology of terrorism in subjects of the Russian Federation / gen. ed. by V.V. Popov. Moscow, 2013.*

10. Chudina-Schmidt N.V. *Social dialogue as a mechanism to overcome extreme behaviour of person // Innovative science. 2016. № 4–4. P. 79–82.*

11. Konopleva A.A. *Role of civil society in prevention of extremism in the Republic of Crimea // Actual problems of law and law enforcement activity at present stage: proc. of intern. sci.-pract. conf. Krasnodar, 2015. P. 502–506.*

12. Danilov A.P., Suhenko A.D. *Ideology of kind of love as basis of counteraction to terrorism // Problems of theory and practice of fight against extremism and terrorism: proc. of sci.-pract. conf. Stavropol, 2015. P. 88–93.*

13. Vasilev V.A., Sorokin O.V. *Counteraction to ideology of terrorism on part of civil society subjects // Bull. of the MSLU. 2012. Iss. 11(644). P. 121–138.*

14. Kubyakin E.O. *Readiness of youth for a fulfillment of extremist acts for ideological reasons // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2010. № 3. P. 76–77.*

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

«Криминология завтра» нужна уже сегодня

Рассматривается проблема поиска путей криминологического обеспечения безопасности человека и человечества в новых условиях цивилизационного развития. Обосновывается необходимость развития на основе конвергенции гуманитарных и естественных наук форсайт-криминологии как одной из отраслей криминологии. Указывается, что одним из основных направлений данной отрасли должна стать NBIC-криминология.

Ключевые слова: криминология, развитие, безопасность, человек, человечество, NBIC-технологии.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

«Criminology tomorrow» is necessary today

The author discusses the problem of the search for ways of criminological human and humanity security in the new conditions of civilization development. It is substantiated the necessity of development based on the convergence of Humanities and Sciences Foresight criminology, as one of the industries criminology. One of the main directions of this industry should be NBIC-criminology.

Key words: criminology, development, security, human, humanity, NBIC-technologies.

Рассуждая о здравом смысле и будущем нашей страны, Н.П. Шмелев отмечает, что «человеку, прожившему долгую, насыщенную жизнь, свойственно не только оглядываться на прошлое и постоянно ворошить это прошлое, но и пытаться иногда заглянуть в будущее, т.е. в то время, когда его самого, скорее всего, уже не будет. Как будут жить тогда без него мир, страна, люди, его прямые и не прямые потомки? Конечно, если судить по опыту прошлых поколений, любые и дальние, и даже ближние прогнозы есть дело безнадежное или почти безнадежное. Утверждал же наш выдающийся математик и футуролог Н. Моисеев, что гадать дальше, чем на дистанцию в 15–20 лет, бесполезно: за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что “перевернет все с ног на голову”. Ну, а если все же попробовать заглянуть хотя бы в этот кратчайший по историческим меркам период? Может быть, все-таки можно учуять, отгадать что-то важное, что надвигается уже сегодня? И если это важное опасно для мира, для страны, для людей, то попытаться уже сейчас подсказать или даже предпринять какие-то меры, которые могли бы если не отвести, то хотя бы минимизировать надвигающиеся опасности?» [1, с. 9]. С такой постановкой вопроса и его важностью невозможно поспорить. Однако стремление заглянуть в будущее, учитывая опыт прошлого, должно быть свойственно не только людям, прожившим долгую, насыщен-

ную жизнь. Есть люди, которым задумываться о перспективах и безопасности человека и человечества свойственно и необходимо в силу призвания и профессии. Среди таких людей особая роль принадлежит криминологам.

Сегодня нет другой такой науки, которая в рамках своего предмета так бы нуждалась в конвергенции знаний и достижений других гуманитарных и естественных наук. И задавать ориентиры, рамки и управлять процессом данной конвергенции должны сами криминологи, от проницательности и прорицательности которых зависит прагматичность криминологических знаний и жизнеспособность криминологии как таковой.

Как отмечает Ю.М. Антонян, «криминологи не составляют закрытого и недоступного общества, они открыты для всех. Но особенностью ученых этого профиля является то, что в большинстве своем они знают только одну науку, в лучшем случае еще и уголовное право или уголовный процесс, однако не в полном объеме, а лишь фрагментарно. Криминологи, как правило, не знают психологию, психиатрию, экономику, историю, биологию, этнологию и ряд других областей научных знаний, имеющих важное значение для решения сугубо криминологических задач. В криминологии большой редкостью являются комплексные исследования с другими науками, но исключения составляют, конечно, демографические, причем весьма традиционные, изыскания» [2,

с. 68]. Не вступая в полемику о широте и качестве познаний современных криминологов и причинах этого, на наш взгляд, полностью следует согласиться с тем, что, как отмечает В.В. Лунеев, «аналитики и футурологи в криминальной и деликтологической сферах пока не имеют государственного и общественного спроса, а потому они и не рождаются, а вырождаются» [3, с. 75].

Как результат, сегодня, несмотря на все достижения в развитии криминологии, мы архаично цепляемся за соотношение понятий «причины и условия преступности» и «факторы/детерминанты преступности»; выясняем соотношение социального и биологического в личности преступника, считая при этом должным очередной раз «пнуть» ломброзианство; спорим о месте криминологии в системе наук «уголовно-правового» или «антикриминального» цикла либо упорно отстаиваем социологическую природу криминологии (социологии преступности) и т.д.

Развитию криминологии долгое время было свойственно традиционное следование определяемому политической конъюнктурой курсу «охоты на ведьм» (от поиска причин преступности в пережитках буржуазного прошлого до поисков врагов социализма, демократов или либералов). А тем временем «ведьмы» эволюционируют, геополитизируются (выпячиваясь, в частности, в Гидру международного терроризма), технологизируются и виртуализируются, противопоставляя стремлению создания сверхчеловека (постчеловека) угрозу потери духовной и физической идентичности человека как вида.

Мы сознаем, что решение «профильных» задач криминологии объективно требует опоры на определенную сумму криминологических знаний и, соответственно, криминологической информации, прежде всего, о состоянии преступности. При этом сегодня мы топчемся на месте, рассуждая об усовершенствовании отечественной системы учета (регистрации) преступности, и тщательно, критически, со вкусом анализируем мировые отчеты (UNODC и т.п.) об уровне преступности, построенные на «местных» официальных отчетах о регистрируемой органами власти преступности.

А тем временем международный терроризм, например, просто требует учета, обмена и анализа данных о преступной активности как террористических и экстремистских организаций (международного и локального уровня), так и отдельных лиц. При этом примечательно, что в случае необходимости, например для при-

менения международными оппонентами друг к другу персонафицированных санкций, известны и персональные данные, и материальное положение, и адрес вплоть до почтового индекса.

Современный период в истории человечества характеризуется возрастанием интенсивности и степени плотности международных отношений в самых различных сферах жизнедеятельности общества. В криминологическом отношении он демонстрирует такие особо значимые тенденции в развитии преступности, как транснационализация ее различных традиционных видов и форм, с одной стороны, и активизация международной преступности, в статистическом плане понимаемой как совокупность преступлений против мира и безопасности человечества, – с другой [4, с. 13–15]. Говоря о терроризме как наиболее остром и масштабном проявлении преступности, следует учитывать, что современный международный терроризм, несмотря на всю его общественную опасность, – это своего рода атавизм трансформирующегося человечества. С одной стороны, это агония грубой силы отдельных радикальных групп населения завоевать комфортные, в их религиозном, социальном, политическом и прочем представлении, условия существования. С другой стороны, современный международный терроризм – это грубая обкатка технологий силовой конкуренции мировых акторов, в частности корпораций (государствообразующих, государственных, надгосударственных). Террористическое движение бесперспективно с позиции эффективности и полученных результатов связи с противостоянием (хотя не без противостояния в самих силах противостояния) ему мирового сообщества. Однако терроризм эффективен с точки зрения разработки новых технологий силового конкурентного противостояния и преодоления противодействия ему. Угроза кроется в смене массового использования (открытого или скрытого, как волны беженцев и прочее) живой силы внедрением достижений NBIC-технологий как в сфере уничтожения ресурсов и людей, так и управления последними.

Следует отметить, что ярким примером необходимости «адаптации» криминологии к криминальным угрозам нового типа является технологическое противостояние мировых акторов, которое сегодня ярко, символично проявилось на спортивной арене. Допинг – это не только и не столько запрещенные субстанции и методики, сколько биотехнологическая культура, паразитирующая на спорте. Так или иначе, эта

культура – составляющая культуры сотворения сверхчеловека. И судя по высоким достижениям в мире спорта, технологический прорыв одних вызывает крайние формы реакции других. Суть реакций – не наказать, а любым способом «притормозить» конкурентов на этапе показательно-соревновательных испытаний биотехнологических достижений.

Мы говорим о значимости (в степени необходимости) кооперации криминологии с другими науками, но при этом не замечаем или не хотим замечать их достижений.

Учитывая тенденции нарастания технологических угроз в XXI в., можно утверждать, что человечество не готово к разработке технологий шестого уклада (в привязке понятия и типов технологических укладов к модели экономических циклов Н.Д. Кондратьева) и их широкому использованию. В четвертом технологическом укладе без должного контроля оказались разработки ядерного оружия. К ядерному оружию человечество было не готово. В пятом технологическом укладе был ярко продемонстрирован пример того, что наиболее значимые для человечества инновации могут рождаться не в недрах крупных компаний, а в маленьких автономных группах изобретателей, вне какого-либо контроля со стороны мирового сообщества. Персональный компьютер был придуман и создан двумя инженерами-одиночками, с начальным капиталом несколько тысяч долларов. А весьма эффективное асоциальное его использование было продемонстрировано тоже одиночками – хакерами, о которых в эпоху гегемонии больших компьютеров не было и речи. В условиях следующего технологического уклада, если не будут созданы адекватные защитные механизмы, последствия от неконтролируемой изобретательской деятельности потенциально могут привести к несопоставимым по масштабам негативным последствиям для человечества. В шестом технологическом укладе вызовы становятся масштабнее и приобретают новые формы, в первую очередь, в связи с разработками в области нанотехнологий и биотехнологий. В итоге, если сегодня не поставить и не начать серьезно решать проблемы социогуманитарного обеспечения инновационного развития, то могут возникнуть необратимые асоциальные процессы [5, с. 16]. Сегодня темпы развития информационных технологий опережают мышление самых смелых фантастов, создавая огромное поле возможностей и вызовов для всего человечества. Уже сейчас многие продукты ИКТ-революции, такие как 3D-печать, интернет вещей, квантовые

вычисления, нейрокомпьютерный интерфейс и суперкомпьютеры, создают почву для революции в привычном нам укладе войны, экономики, торговли и производства, быта. Более того, сам человек стоит перед перспективой конвергенции с машиной как в социально-коммуникативном, так и в непосредственном биологическом смысле [6, с. 19]. Как следствие, в контексте развития биотехнологии сама человеческая биология понимается как ценность. Угроза потери генетической границы, отделяющей мир человека от окружающей природы, вызывает к жизни особого рода заботу о сохранении или спасении человеческой биоидентичности как формы мы-идентичности [7, с. 103]. Более того, можно предвидеть, что в отдаленном будущем техника настолько возвысит власть разума над природой, что человек сделается почти равным древним богам. Тогда уже существующее противоречие между концептуальными системами вследствие роста знания, с одной стороны, и сохранением традиционной религиозной веры у значительной (если не большей) части населения, с другой стороны, станет неустранимым. Неизбежным станет сближение современной теистической (или деистической) концепции с научной моделью мира [8, с. 171].

В результате, не решив базовых проблем биосоциальной природы преступного поведения и преступности как таковой [9], роли биологических [10] и природных [11] факторов в их детерминации, криминологи уже сейчас, вследствие высокоинтенсивного научно-технического развития человечества, вынуждены решать проблему сохранения и развития человека как биовида и как целостного телесно-психодуховного существа, т.е. человека как биосоциального существа, в части обеспечения его безопасности от соответствующих криминальных угроз. Тем временем с горизонта в упор рассматривает нас отнюдь не призрак рисков в сфере биотехнологий. И это уже на афишируемые сегодня скромные удачные результаты по клонированию домашних питомцев или выведению флуоресцентных или скрещенных со шпинатом свиней. Нам уже практически дышат в затылок химеры, гибриды, киборги и прочие так называемые сегодня «миксморфные» [12, с. 3–4] существа.

Развитие NBIC-технологий (нано-, био-, информационных и когнитивных технологий), помимо прочих рисков, через персонифицированную медицину и прочие индивидуально-сервисные блага несет угрозу выстраивания нового классового общества. Доступ к техноло-

гиям есть и будет доступным не для всех и уж точно не для широких народных масс. А прогрессивный отрыв в качестве жизни (долголетие, способности, медицинское обслуживание и прочее) сделает отрыв класса технологически от остального населения колоссальным, следовательно, приведет к порабощению или уничтожению последнего.

Осознание такого рода перспектив не должно восприниматься криминологами как страшилка для провоцирования попыток реанимации классовой теории причин преступности. Сегодня реально необходим поиск путей криминологического обеспечения безопасности человека и человечества в новых условиях цивилизационного развития.

Отметим, что справедливы будут замечания тех, кто скажет о риске «заиграться» в прогнозах будущего, о критическом отношении к практичности таких прогнозов. Как указывает Н.П. Шмелев, «ну, а если вдруг, откуда ни возьмись, на Землю спустятся столь долгожданные инопланетяне? Или человек все же сможет сам установить хотя бы первые контакты с иными мирами? Или столь частые теперь пророчества о вероятном резком изменении климата Земли окажутся реальностью в ближайшие несколько десятилетий? Понятно, что в любом таком случае все в мире именно “перевернется с ног на голову”, и все наши нынешние прогнозы и расчеты окажутся просто-напросто ерундой» [1, с. 11]. Но и надеяться на то, что никакое завтра не наступит, опасно и минимум наивно. Справедлив В.С. Овчинский в том, что «...занимать “страусиную позицию” и не обращать внимание на результаты битехнологической революции криминология не может. Либо действительно наступит конец криминологии, либо криминологам необходимо овладеть новейшими знаниями в области психиатрии, психологии, психогенетики, медицинской генетики и других естественных наук» [13, с. 28].

И не следует забывать об уголовно-правовом аспекте футурологии криминального потенциала развития человечества. Следует учитывать, как отмечает В.Е. Новичков, возможности уголовно-правовой футурологии выступать в качестве одного из источников правотворчества и уголовной политики в сфере борьбы с преступностью, поскольку содержание прогноза преступности (а он в уголовно-правовой футурологии первичен, материален) зависит в первую очередь от того, какие деяния подпадают под действие уголовного закона и вследствие этого учитываются как преступления. Наиболее интенсивное непосредственное влияние

на характер прогностических выводов оказывают уголовный закон, его нормы, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения. В свою очередь, последнее влияет на пенитенциарное регулирование и соответствующие прогнозы [14, с. 127].

Хотя об уголовно-правовом регулировании взаимоотношений с инопланетянами в обозримом будущем рассуждать не приходится, о правоспособности и дееспособности, а соответственно, и об уголовно-правовой охране и уголовной ответственности клонов рано или поздно задуматься придется. Еще актуальнее является проблема трансформации институтов вины и субъекта уголовной ответственности в связи с эскалацией корпоратократии, при которой коллегиальное управление порождает массу проблем привлечения к ответственности за принимаемые коллективные решения. Невозможно игнорировать (с точки зрения уголовно-правовой оценки – конструирования составов и квалификации соответствующих деяний) и проблему интенсивной трансформации насилия, вечно сопровождающего человечество на пути его цивилизационного развития, из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного) [15]. Это неизбежно происходит в силу технологизации и информатизации, в частности виртуализации, нашей жизни. Параллельное существование, наряду с обычной реальностью, виртуальной реальности предполагает и виртуальную социализацию, криминогенность которой обусловливается заменой обычных социальных норм (сегодня крайне нестабильных и малоликвидных, особенно среди молодежи) нормами киберпространства (виртуального мира). Введенное американским психологом Джоном Сулером (John Suler) понятие «эффект он-лайн дезингибиции» (англ. online disinhibition effect) емко характеризует эффект, оказываемый киберпространством, которое дает человеку возможность действовать более свободно, чем в реальном социуме [16]. Под воздействием таких факторов, как диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроекция, диссоциативное воображение, минимизация власти и пр., в сочетании с личными качествами пользователя происходит эффект ослабления психологических барьеров, ограничивающих выход скрытых чувств и потребностей, который заставляет людей вести себя в Интернете так, как они обычно не поступают в реальной жизни. Возможность трансформации собственной личности или создания альтернативной личности (при одно-

временной постепенной потере собственного реального «Я»), отсутствие необходимости применять реальные физические усилия для совершения различных действий, отсутствие реального ощущения последствий их совершения приводят не только к появлению новых виртуальных форм деликвентного поведения, но и к перенесению в реальную жизнь субъективного ощущения вседозволенности и безнаказанности. В результате последствиями троллинга в Сети являются реальные жертвы суицида, и нас пока еще шокируют выходы стрелков-игроманов, расстреливающих по сценарию любимой «игрушки» людей на улицах, в торговых центрах или школах.

Таким образом, не изменив направление криминологического мышления в сторону будущего, на уровне идеологии криминологии не преодолев хроническое отставание данной науки от фактического развития преступности (которое неотрывно от развития человечества), мы рискуем не заметить ту или иную точку невозврата. Но в нынешних условиях развития человечества это чревато не возвратом криминологии к технической роли обслуживающего репрессивно-ретроспективную уголовную ответственность инструментария, а полной утратой функциональной дееспособно-

сти криминологии как фундаментальной антикриминальной науки.

Уже сегодня стоит острая потребность в развитии форсайт-криминологии (от англ. foresight – предвидение, в данном случае в контексте прогнозирования научно-технологического и социального развития) как одной из отраслей криминологии. Научно-технический прогресс обуславливает необходимость формирования в качестве одного из направлений указанной отрасли NBIC-криминологии – криминологии высоких технологий. В целом же криминология должна обрести статус и наполнение конвергентной (от лат. convergo – сближаю) науки безопасностиведения человека и человечества от криминальных угроз.

При этом следует учитывать и риск возможного ухода от рационального предвидения к увлекательной, но губительной фантастике. Изменение криминологического мышления должно происходить в трезвых рамках накопленного криминологического знания, а разгульное фантазирование способен сдерживать имеющийся сегодня и динамически развивающийся криминологический методологический инструментарий, инновационно консолидирующий в себе общенаучную и конкретно-научную методологию.

1. Шмелёв Н.П. *Здравый смысл и будущее России: да или нет?* // *Мир перемен*. 2012. № 4. С. 9–27.

2. Антонян Ю.М. *Криминология будущего: междисциплинарные научные связи* // *Юрид. наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4(30). С. 67–75.

3. Лунеев В.В. *О проблемах уголовной политики и криминальных реалий в России* // *Вестн. Акад. Следственного комитета РФ*. 2015. № 3.

4. Пудовочкин Ю.Е. *Концепция столкновения цивилизаций как теоретическая основа мировой криминологии (опыт криминологического прочтения произведений С. Хантингтона и П. Бьюкенена)* // *Криминологический журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права*. 2010. № 4. С. 10–19.

5. Лепский В.Е. *Проблема «Биотехнология и общество» в контексте VII социогуманитарного технологического уклада* // *Биотехнология и общество: сб. материалов форума «Биотехнология и Общество», ассоциированное мероприятие II междунар. конгресса «ЕвразияБио», 12 апр. 2010 г., Москва / под ред. Р.Г. Василовой, В.Е. Лепского. М., 2010.*

1. Shmelev N.P. *Common sense and the future of Russia: yes or no?* // *The world changes*. 2012. № 4. P. 9–27.

2. Antonyan Yu.M. *Criminology of future: interdisciplinary scientific relations* // *Jurisprudence and law enforcement practice*. 2014. № 4(30). P. 67–75.

3. Luneev V.V. *On the problems of criminal policy and criminal realities in Russia* // *Bull. of Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2015. № 3.

4. Pudovochkin Yu.E. *Clash of civilizations concept as the theoretical foundation of the world criminology (criminological experience of reading the works of S. Huntington and P. Buchanan)* // *Criminology journal of Baikal national university of economics and law*. 2010. № 4. P. 10–19.

5. Lepsky V.E. *Problem «Biotechnology and Society» in the context of socio-humanitarian VII technological order* // *Biotechnology and society: proc. of materials of forum «Biotechnology and Society», an associated event of the II International Congress «EurasiaBio», Apr. 12, 2010 Moscow / ed. by R.G. Vasilov, V.E. Lepsky. Moscow, 2010.*

6. Dave Evans: *«We should expect the merger of man and machine, as long as we do not get a*

6. Дэйв Эванс: «Следует ожидать слияния человека и машины, пока мы не получим единый биокомпьютерный организм» // *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19. № 4(107). С. 19–23.
7. Тищенко П.Д. *Био-власть в эпоху биотехнологий*. М., 2001.
8. Шафиков С.Г. *Вера в эпоху сверхразвитого общества* // *Символ науки*. 2016. № 4–3. С. 170–175.
9. Игнатов А.Н. *О биосоциальной природе преступности* // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 14: Право*. 2016. Вып. 1. С. 63–73.
10. Игнатов А.Н. *Биологические факторы детерминации насильственной преступности* // *Криминологический журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права*. 2015. Т. 9. № 2. С. 223–233.
11. Игнатов А.Н., Григорьев П.Е. *Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности* // *Общество и право*. 2016. № 2(56). С. 189–196.
12. Кожевникова М. *Проблемы природы человека в контексте развития биотехнологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. М., 2013.
13. Овчинский В.С. *Криминология и биотехнологии*. М., 2005.
14. Новичков В.Е. *Уголовно-правовая футурология – источник правотворчества и уголовной политики в сфере борьбы с преступностью* // *Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: История и право*. 2012. № 2–2. С. 127–132.
15. Игнатов А.Н. *Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность* // *Форум права*. 2010. № 3. С. 144–151.
16. John Suler. *The Psychology of Cyberspace*. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html>
- single organism bio-computer» // *Security Index*. 2013. Vol. 19. № 4(107). P. 19–23.
7. Tishchenko P.D. *Bio-power in the biotechnology era*. Moscow, 2001.
8. Shafikov S.G. *Faith in the era of the overdeveloped society* // *Symbol science*. 2016. № 4–3. P. 170–175.
9. Ignatov A.N. *On bio-social nature of crime* // *Bull. of St. Petersburg university. Ser. 14: Law*. 2016. Iss. 1. P. 63–73.
10. Ignatov A.N. *Biological factors of determination of violent crime* // *Criminology journal of Baikal national university of economics and law*. 2015. Vol. 9. № 2. P. 223–233.
11. Ignatov A.N., Grigoriev P.E. *Heliogeophysical influence factors on the state of crime* // *Society and law*. 2016. № 2(56). P. 189–196.
12. Kozhevnikova M. *Problems of human nature in the context of the development of biotechnology: auth. abstr. ... Master of Philosophy*. Moscow, 2013.
13. Ovchinsky V.S. *Criminology and biotechnologies*. Moscow, 2005.
14. Novichkov V.E. *Criminal legal futurology – the source of legislative drafting and penal policy in the sphere of struggle against criminality* // *Proc. of the South-Western state university. Ser.: History and law*. 2012. № 2–2. P. 127–132.
15. Ignatov A.N. *Violence as a way of committing a crime: the concept and essence* // *Forum of law*. 2010. № 3. P. 144–151.
16. John Suler. *The Psychology of Cyberspace*. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/psycyber.html>

Башинская Инна Геннадьевна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России

Башинская Ольга Михайловна

ООО «Аякс»

(e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru)

Криминологический аспект мошенничества в сфере недвижимости

В статье осуществляется криминологический анализ мошенничества в сфере оборота недвижимости. По итогам исследования авторы предлагают меры предупреждения мошенничества в данной сфере.

Ключевые слова: недвижимость, оборот недвижимости, сделка, мошенничество, криминологический анализ.

I.G. Bashinskaya, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru;

O.M. Bashinskaya, LLC «Ayaks».

Criminological aspect of frauds in real estate industry

The subject of the research in this article is criminological analysis of fraud in real estate turnover. According to the results, the authors suggest measures to prevent fraud in this area.

Key words: real estate, real estate turnover, transaction, fraud, criminological analysis.

Появление у граждан юридически закрепленного права приобретать недвижимость в собственность, рост жилищного строительства повлекли за собой, наряду с увеличением количества сделок, ряд мошеннических действий в данной сфере. Высокая степень общественной опасности преступных деяний в сфере недвижимости объясняется причинением крупного и особо крупного имущественного ущерба потерпевшим. Изучение криминологических аспектов мошенничества в сфере недвижимости является важнейшим шагом в разработке эффективных мер предупреждения данных преступлений.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] нормы о мошенничестве закреплены в разд. VIII «Преступления в сфере экономики». Диспозиция ст. 159 УК РФ определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В связи с этим достаточно дискуссионным в отечественной доктрине является вопрос о том, можно ли считать приобретение права на имущество формой хищения. С лингвистической точки зрения разделительный союз «или» выражает отношения взаимоисключения, поэтому приобретение права на имущество формой хищения не является [2, с. 15].

Проблема возникает и с понятием права на имущество. Толкование норм гражданского права позволяет сделать вывод, что право на имущество включает в себя как вещные права (например, правомочия собственника), так и обязательственные (в частности, права требования по различным договорам: банковского вклада, аренды и т.д.). Полагаем, что приобретение права на имущество следует понимать как наделение определенного лица правомочиями собственника, иного законного владельца независимо от того, имело ли место фактическое изъятие вещей из законного владения в момент совершения мошенничества.

Для мошенничества в сфере оборота недвижимости характерным является то обстоятельство, что преступник обычно внешне действует открыто и окружающие не осознают противоправности действий виновного. При этом волеизъявления потерпевшего и виновного внешне совпадают, мошенническая сделка имеет вид обычного договора (купли-продажи, мены недвижимости и т.д.). Мошенничества в сфере оборота недвижимости могут совершаться при заключении договоров участия в долевом строительстве жилых домов. Виновные лица в сделке могут выступать как в качестве стороны, которая приобретает право на недвижимое имущество, так и в качестве стороны, которая

отчуждает эти права с целью получения денежных средств. Из этого следует, что предметом мошенничества в сфере оборота недвижимости могут быть: 1) недвижимое имущество; 2) денежные средства.

В соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3] к недвижимости (недвижимому имуществу) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, или объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, включая здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Таким имуществом являются и подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, а также суда внутреннего плавания. К недвижимому имуществу относится предприятие как имущественный комплекс, используемый для ведения предпринимательской деятельности (ст. 132 ГК РФ). В настоящее время подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части вовлечения в гражданский оборот площадей, являющихся частями здания или сооружения)» [4], а значит, в ближайшее время может появиться новый объект недвижимости – площадка, т.е. неизолированные части нежилых помещений, расположенных в зданиях, сооружениях (в том числе парковочные места, торговые и офисные помещения).

В юридической литературе отмечается, что самое большое количество мошенничеств в сфере оборота недвижимости (около 85%) совершается в отношении жилых помещений, около 10% – в отношении нежилой, коммерческой недвижимости, наименьшее количество (около 5%) осуществляется в отношении земельных участков [5].

Обратимся к понятию денег (валюты). В соответствии со ст. 140 ГК РФ законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории РФ, является рубль. Денежные расчеты могут быть наличными и безналичными. Законодатель относит иностранную валюту к деньгам с оговоркой: порядок и условия ее использования определяются законом или в установленном им порядке. Это означает, что иностранную валюту можно отнести к вещам, ограниченным в гражданском обороте. Понятие иностранной валюты дано в ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [6]. Однако именно национальная валюта является единственным платежным средством

внутри страны, а не иностранная валюта. Следует учитывать, что иностранная валюта может выполнять функцию меры стоимости. Так, ст. 317 ГК РФ установлено, что в денежном обязательстве может указываться, что оно подлежит оплате как в рублях, так и в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте либо в условных денежных единицах.

К мошенническим действиям в сфере оборота недвижимости, имеющим предметом денежные средства, можно отнести действия виновных под видом оказания услуг по обороту недвижимости (услуги по подбору жилья, сдача в аренду чужой недвижимости и т.д.). Понятие «оборот недвижимости», исходя из содержания норм ГК РФ, можно представить как переход вещных прав на недвижимое имущество путем совершения возмездных и безвозмездных сделок.

Общим признаком мошенничества является причинение потерпевшему имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Данные понятия разъясняются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [7]. Обман может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (п. 2). Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением, личными или родственными отношениями лица с потерпевшим (п. 3).

Основными разновидностями обмана и злоупотребления доверием, применяемыми при совершении мошенничества в сфере оборота недвижимости, являются следующие: приобретение недвижимого имущества по поддельным документам; многократная продажа одного объекта недвижимости; продажа или аренда чужой недвижимости; рейдерские захваты недвижимости предприятий; присвоение денежных средств без выполнения условий сделки

и т.д. В частности, по одному из дел установлено, что Ш.В., являясь пенсионером, инвалидом, нуждаясь в силу возраста и состояния здоровья в уходе, изъявил желание заключить договор ренты с пожизненным содержанием и иждивением. В ходе судебного заседания установлено, что в действительности был заключен договор купли-продажи квартиры. Как следует из показаний потерпевшего, он полагал, что заключает договор ренты с К., молодой и энергичной женщиной, которая обещала осуществлять уход за ним. На самом деле К. являлась генеральным директором ООО, осуществляющего деятельность в сфере оборота недвижимости. При этом установлено, что денежные средства Ш.В. не передавались, документов, подтверждающих передачу денежных средств, К. не предоставила [8].

Мошеннические действия в сфере оборота недвижимости могут характеризоваться различной степенью латентности в зависимости от конкретного вида. Например, посягательства, предметом которых является само недвижимое имущество, менее латентны, поскольку неотъемлемой частью общественно опасного деяния является совершение сделки, подлежащей государственной регистрации.

Анализ социально-территориальной распространенности мошенничества в сфере оборота недвижимости показывает, что преступный бизнес сосредоточен в крупных областных (краевых) центрах, где цены на недвижимое имущество являются достаточно высокими. Данная преступность, как правило, является организованной, иногда легализованной под «вывеской» риэлторских фирм, созданных при них служб безопасности. Организованные группы зачастую используют следующие преступные схемы: 1) преступник путем обмана убеждает потерпевшего выдать ему генеральную доверенность или подделывает доверенность от лица потерпевшего; 2) преступник после смерти владельца квартиры путем подделки документов либо с помощью подставного лица завладевает недвижимостью; 3) преступник, выдавая деньги под залог недвижимости, вынуждает потерпевшего подписать договор купли-продажи квартиры и т.д. [2, с. 96].

Деятельность мошеннических групп в сфере недвижимости предполагает наличие коррумпированных связей (связи с сотрудниками правоохранительных и регистрирующих органов, нотариусами).

Мошенники в сфере оборота недвижимости – это лица в возрасте от 31 года до 50 лет, как правило, с высоким уровнем образования (84% составляют лица, имеющие высшее или среднее специальное образование), корыстной направленностью личности [5]. Чаще всего,

преступник действует с обдуманным, конкретизированным умыслом, т.к. обман при совершении операций с недвижимостью требует значительного времени на подготовку, связанную с поиском объекта недвижимости, разработкой последовательности действий, изготовлением поддельных документов, подбором соучастников и т.п. Следует отметить, что 14,3% преступников, совершивших мошенничество в сфере оборота недвижимости, были ранее судимы, из них 3,5% – за мошенничество.

Изучение виктимологического аспекта мошенничества в сфере оборота недвижимости показало, что потерпевшими от преступлений чаще становятся граждане в возрасте от 21 года до 30 лет, желающие улучшить жилищные условия, а также одинокие пенсионеры, инвалиды, алкоголики, наркоманы, лица, страдающие психическими заболеваниями, доля которых составляет 60% от общего количества потерпевших [9, с. 169]. Доля юридических лиц среди потерпевших составляет 14% [5].

Рассмотрим причины и условия совершения преступлений в сфере оборота недвижимости, образующие в криминологическом понятии «криминогенные детерминанты». Классификация детерминант является достаточно условной, она осуществляется по самым различным критериям. По сфере действия можно выделить несколько групп детерминант, которые способствуют совершению мошенничества в сфере оборота недвижимости. Экономические детерминанты обусловлены высокой стоимостью недвижимого имущества, когда возможности приобрести жилье в собственность для большинства граждан являются минимальными, и высокой доходностью от совершения преступления в данной сфере. Правовые причины связаны с несовершенством действующего законодательства (гражданского, земельного, жилищного, уголовного). Если говорить о духовно-нравственной сфере, то причинами совершения преступления в сфере оборота недвижимости являются низкая юридическая грамотность населения, неспособность защищать свои права и законные интересы. Существуют причины организационного характера, например недостатки в деятельности регистраторов, нотариусов, а также в профилактической деятельности правоохранительных органов.

Резюмируя сказанное, можно назвать основные меры, способные предупредить мошенничества в сфере оборота недвижимости: 1) усиление государственного контроля в исследуемой сфере путем законодательной регламентации обязанности государственных регистраторов уведомлять сотрудников правоохранительных органов об обнаружении

признаков подделки в документах, поданных на государственную регистрацию, выявлении совершения нескольких сделок с одним объектом недвижимости и т.д.; 2) профилактические мероприятия, связанные с информированием

населения о мошеннических действиях с недвижимым имуществом; 3) совершенствованные работы правоохранительных органов по профилактике мошенничества в сфере оборота недвижимости.

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 329-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Теплова Д.О. Криминологическая характеристика и предупреждение организованного мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части вовлечения в гражданский оборот площадок, являющихся частями здания или сооружения): проект Федерального закона. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2016).

5. Огарь Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества в сфере оборота недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.

6. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 дек. 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г. № 430-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; 2016. № 1, ч. 1. Ст. 50.

7. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

8. Апелляционное определение Московского городского суда от 4 дек. 2015 г. по делу № 33-45862/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Хапов К.Г. Проявление мошеннических действий в жилищной сфере как предмет криминологического анализа // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2.

1. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 3, 2016 № 329-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

2. Teplova D.O. Criminological characteristics and prevention of organized fraud: diss. ... Master of Law. Moscow, 2014.

3. Civil Code of the Russian Federation (part one) d.d. Nov. 30, 1994 № 51-FL (as amended on July 3, 2016 № 354-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (regarding involvement in the civil circulation areas, which are parts of the building or structure): draft of fed. law. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 15.05.2016).

5. Ogar T.A. Criminally-legal and criminological characteristics of fraud in real estate turnover: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2009.

6. On currency regulation and currency control: fed. law d.d. Dec. 10, 2003 № 173-FL (as amended on Dec. 30, 2015 № 430-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4859; 2016. № 1, pt. 1. Art. 50.

7. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 2007 № 51 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 2.

8. Appeals determination of the Moscow City Court d.d. Dec. 4 2015 in the case № 33-45862/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus»

9. Khapov K.G. Manifestation of fraud in the housing sector as a subject of criminological analysis // Society: politics, economics, law. 2008. № 2.

Вертепова Татьяна Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

Свириденко Роман Вадимович

Краснодарский университет МВД России

(тел.: +78612583563)

Проблемы противодействия незаконному строительству на территории Краснодарского края

Авторы анализируют проблемные вопросы противодействия незаконному строительству, раскрывают отдельные преступные схемы привлечения денежных средств граждан для строительства недвижимого имущества, предлагают пути оптимизации законодательного регулирования указанной сферы.

Ключевые слова: незаконное строительство, самовольная постройка, застройщик, дольщики, жилище, хищение денежных средств, долевое строительство.

T.A. Vertepova, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

R.V. Sviridenko, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Problems of counteraction to illegal construction on the territory of Krasnodar region

The authors analyzed the problematic issues of counteraction to illegal construction, disclosed some criminal schemes to raise funds for the citizens of the construction of real estate, as well as the ways of optimizing the legal regulation of this sphere.

Key words: illegal construction, unauthorized construction, builder, real estate investors, housing, embezzlement of funds, equity building.

17 декабря 2010 г. Правительством РФ было принято постановление № 1050 «О федеральной целевой программе “Жилище” на 2015–2020 годы». Основная цель данной государственной программы – формирование рынка доступного жилья экономкласса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности [1].

Динамически развивающаяся экономика, рост потенциальных инвесторов в сферу строительства и, как результат, большой оборот денежных средств, направленных в данную отрасль производства, способствовали значительной криминализации данной сферы, появлению различных хищений денежных средств и материалов, что, в свою очередь, стало причиной удорожания и нарушения качества объектов строительства.

Сегодня в крупных городах России серьезный характер приняла проблема незаконного строительства. В Краснодарском крае ситуация с так называемыми «самостроями» имеет ужасающие масштабы.

Краснодар признан одним из наиболее стремительно развивающихся городов России. По итогам первого полугодия 2015 г. он занял первое место по объему возведенного жилья, обогнав даже Москву, за это время сдано в эксплуатацию 4,6 млн кв. м жилой площади [2].

При этом по состоянию на ноябрь 2016 г. в городе Краснодаре было незаконно возведено около 580 тыс. кв. м жилья.

Основную борьбу с растущим незаконным строительством осуществляет Росреестр при отлаженном взаимодействии с администрацией города, управлениями муниципального контроля департамента строительства Краснодарского края, прокуратурой и управлением Государственного строительного надзора края. Борьба проводится в основном путем проверки, результатами которых являются либо подача в суд иска о сносе самовольных построек либо привлечение застройщика к административной ответственности. Деятельность данных органов направлена на недопущение регистрации незаконных объектов, введена практика

запрашивания информации о сооружениях, регистрация прав на которые вызывает у властей сомнение.

На сегодняшний день в службе судебных приставов находится 2076 исполнительных листов о сносе незаконно возведенных строений.

При этом практически ни в одном судебном решении о сносе не разрешены последствия прекращения жилищных прав граждан, которые остались без жилья, в строительство которого вложили миллионы рублей. ФЗ-214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» лишь формально защищает права пострадавших по вине застройщика граждан, предоставляя право требовать немедленного возврата денежных средств, уплаты процентов в двойном размере и возмещения убытков, причиненных гражданину. Однако, как показывает практика, даже положительное решение суда не гарантирует возврата денежных средств, например, из-за начала процедур ликвидации или банкротства застройщика.

Стремительное развитие экономических отношений, в том числе и в сфере строительства, стало причиной возникновения у правоохранительных органов больших проблем при квалификации преступных деяний, осуществляемых застройщиками.

В Уголовном кодексе РФ нет специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконное возведение зданий, поэтому при квалификации действий лиц, осуществляющих незаконное возведение строительного объекта, учитываются все обстоятельства совершения действий этими лицами, умысел и цели, которыми они руководствовались, а также наступившие в результате последствия. При анализе судебно-следственной практики было установлено, что в г. Краснодаре за прошедший год было возбуждено 45 уголовных дел по факту незаконного строительства, большинство из них по ст. 159 УК РФ «Мошенничество». При этом судебно-следственные органы руководствуются постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором сказано, что о наличии умысла, направленного на хищение, в частности, может свидетельствовать заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение обязательств по делу [3].

С каждым годом правоохранительные органы встречаются с более изощренными и сложными преступными схемами в организациях инвестиционно-строительной деятельности. Так, незаконное строительство может быть осуществлено по принципу финансовой пирамиды, которая действует следующим образом: на проекты с неоформленной проектно-сметной и разрешительной документацией привлекаются денежные средства граждан. На этапе оформления документов полученные денежные средства направляются на иные цели. После оформления разрешений имитируется начало работ на строительном объекте, а после максимально возможно затягивается срок начала строительства, при пике недовольства граждан финансирование осуществляется за счет средств, привлеченных с других объектов. Так произошло с ЖСК «Восход-2» по адресу: Куликово поле, 13, возводимой компанией ООО «Юг-Газ Строй Инвест», где жилищный комплекс суд признал незаконным и наложил арест на дальнейшее привлечение денежных средств. При этом данной компании принадлежит еще один самострой – ЖСК «ЕЛЕНА» по адресу: ул. Тверская, 1.

Другая преступная схема неисполнения договорных обязательств строится по принципу хищения денежных средств самими застройщиками. Примером может служить дело по незаконному строительству десяти многоэтажных домов, принадлежащих строительной компании «Родина», руководители которой похитили 8 млрд руб. и на сегодняшний день находятся в международном розыске [4].

Так же недобросовестные застройщики в договоре долевого участия указывают в качестве одной стороны не компанию как юридическое лицо, а физическое лицо, в роли которого выступает один из основателей компании. Эти договоры не подлежат государственной регистрации согласно ст. 4 Федерального закона № 214-ФЗ [5], и в случае признания объекта строительства самовольной постройкой покупатели квартир не будут являться даже обманутыми дольщиками, т.к. данные правоотношения не попадают под действие ФЗ-214 о долевом строительстве.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев любая преступная схема в сфере строительства заканчивается официальным банкротством компании-застройщика.

Зачастую отдельные застройщики осознанно ведут строительные работы без необходимых разрешительных документов, надеясь на

легализацию возведенного ими объекта через суд.

Примером возможной легализации объекта самовольного строительства является 4-этажное здание площадью 337 кв. м, расположенное в Геленджике, принадлежащее Х [6].

В настоящее время прорабатывается вопрос о заключении мирового соглашения между истцом и ответчиком. Согласно условиям мирового соглашения истец отказывается от требований по сносу объекта самовольного строительства, а ответчик обязуется получить и выполнить техусловия по подключению объекта к инженерным сетям, обустроить гостевую автостоянку, площадку для сбора ТБО, оборудованную контейнером, осуществить озеленение прилегающей к объекту территории, принять меры по оформлению права собственности на объект самовольного строительства и эксплуатировать объект только после проведения указанных мероприятий.

Однако следует отметить, что в Краснодарском крае работа по легализации объектов капитального строительства все-таки находится на достаточно низком уровне по сравнению с другими регионами нашей страны.

Так, в «черном списке» города Краснодара в 2015 г. было 33 долгостроя, более 5 тыс. семей не могли получить свои квартиры. На их поддержку администрация Краснодарского края выделила 300 млн рублей.

Осуществление самовольного строительства нарушает государственные интересы, касающиеся регулирования отношений собственности на землю, обеспечения безопасности выполняемых строительно-монтажных работ, нарушает нормы охраны окружающей среды, регулирования инвестиционной деятельности, а также затрагивает права и законные интересы частных лиц.

1 мая 2016 г. в Уголовный кодекс РФ введена уголовная ответственность за привлечение денежных средств в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов (ст. 200.3 УК РФ) [7]. Однако данная статья не распространяет свое действие на лиц и организации, которые привлекают денежные средства граждан для строительства многоквартирных домов посредством заключения договоров инвестирования, вступления в жилищные нако-

пительные кооперативы и т.п. На наш взгляд, данная позиция законодателя требует доработки в вопросах защиты лиц, вкладывающих денежные средства в строительство объектов капитального строительства.

В связи с этим необходимо разработать единый Федеральный закон «О жилищном строительстве в Российской Федерации», который в полном объеме смог бы урегулировать все правоотношения в жилищно-строительной сфере, четко определить виды договоров по приобретению первичной недвижимости, страхование ответственности застройщика, а также обязанность строительных компаний иметь счета только в банках с государственным участием.

Как показывает практика, гражданские и административные методы борьбы с незаконным строительством не оказывают должного влияния на сложившуюся ситуацию в сфере противодействия незаконному строительству, а действующие уголовно-правовые средства не достаточно эффективны, в связи с чем считаем необходимым дополнить Уголовный кодекс РФ ст. 171.3 «Незаконное строительство», предусматривающей уголовную ответственность за возведение самовольной постройки в случаях, если это деяние повлекло причинение существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом общества или государства.

Также необходимо усилить надзор над деятельностью строительных компаний, повысить требования к их уставному капиталу, увеличить количество внеплановых проверок.

В целях своевременного выявления незаконного возведения здания (сооружения), а также для регулярного и планового мониторинга территории города, осмотра строящихся объектов следует предусмотреть использование органами государственного строительного надзора беспилотных летательных устройств. Данная практика широко применяется в Москве и Санкт-Петербурге.

В заключение, возвращаясь к проблемам противодействия незаконному строительству, хотелось бы отметить, что вопрос юридически проблемных объектов, незавершенныхстроек и афер на рынке недвижимости, к сожалению, пока далек от разрешения и требует более серьезного научного обоснования и согласования с законодателем.

1. О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы: постановление Правительства РФ от 17 дек. 2010 г. № 1050 (ред. от 26 мая 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://krsdstat.gks.ru>

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Интерпол объявил в розыск экс-руководителей краснодарской СК «Родина». URL: <https://www.opentown.org/news/61116/>

5. Об участии в долевым строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 214-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Решение Геленджикского городского суда Краснодарского края по делу № 2 129/14 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/s91jJNzpPRZY/>

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевым строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости: федер. закон от 1 мая 2016 г. №139-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On the federal target program «Housing» for 2015–2020 years: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 17, 2010 № 1050 (as amended on May 26, 2016.). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Federal State Statistics Service. URL: <http://krsdstat.gks.ru>

3. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 2007 № 51. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Interpol declared wanted ex-leaders of the Krasnodar «Motherland». URL: <https://www.opentown.org/news/61116/>

5. On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 30, 2004 № 214-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. The decision of the City Court of Gelendzhik of Krasnodar Region in the case № 2 129/14. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/s91jJNzpPRZY/>

7. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation to establish criminal liability for violation of the law on participation in the shared construction of apartment buildings and (or) other real estate: fed. law d.d. May 1, 2016 № 139-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Стукалов Вячеслав Владимирович

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79183623746)

Запорожец Екатерина Владимировна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79184970822)

Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет

В статье рассматриваются особенности борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет. Исследуются ряд правовых организационных проблем в данной области. Анализируются изменения действующего законодательства, направленного на борьбу с преступлениями экстремистского характера в сети Интернет.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, информационные сети, Интернет, пропаганда, международный договор, материально-техническое обеспечение.

V.V. Stukalov, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183623746;

E.V. Zaporozhets, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184970822.

Problems of counteraction to extremism in the Internet

The article discusses the features of the fight against extremism in the Internet. Examines a number of legal organizational problems in this area. Analyzes the changes of the current legislation aimed at combating crimes of extremist nature in the Internet.

Key words: extremism, terrorism, information networks, Internet, propaganda, international contract, logistics.

Борьба с экстремизмом в настоящее время является одной из приоритетных задач МВД России, которые обусловлены событиями, происходящими как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами [1].

Если еще 15–20 лет назад деятельность экстремистских движений, групп была локализована пространственными границами города, района или области, то сейчас благодаря Интернету экстремистская деятельность становится элементом медийной повестки дня в масштабах страны или даже всего русскоязычного сегмента средств массовой коммуникации [2].

Члены экстремистских движений получили возможность вступать в дискуссии, спорить, отстаивать свою идеологию, убеждения в интернет-ресурсах, где численность аудитории может колебаться от нескольких десятков до сотен тысяч человек.

Анализ практики противодействия экстремизму показал, что значительная часть лиц,

совершающих преступления экстремистской направленности, были вовлечены в них с использованием сети Интернет.

К наиболее значимым международным террористическим организациям, активно использующим ресурсы сети Интернет, относятся «Аль-Каида», ХАМАС («Движение исламского сопротивления»), «Хезболла» («Партия Аллаха»), «Аль-Джихад» («Египетский исламский джихад»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Народный фронт освобождения Палестины», «Конграел» (бывшая Рабочая партия Курдистана), «Революционные вооруженные силы Колумбии», «Имарат Кавказ», «Хизб ут-Тахрир» и ряд других. Они, как правило, пропагандируют политические идеи, проводят агитационную и вербовочную деятельность, направленную на увеличение числа их сторонников [3].

В основном такая пропаганда связана с очагами тлеющих этнических конфликтов, прежде всего в республиках Северного Кавказа.

В ближайшей перспективе прогнозируется еще большая активизация экстремистской и террористической активности в информационных сетях. Причиной этого являются известные внешнеполитические события, последовавшие за государственным переворотом в Украине (начало 2014 г.), а также боевые действия российской авиации по уничтожению объектов запрещенной в России организации ИГИЛ в Сирии в конце 2015 г.

Приведем несколько примеров пропаганды терроризма в сети Интернет, которые явились следствием указанных выше событий.

3 марта 2014 г. Следственный комитет РФ возбудил в отношении лидера украинской радикальной группировки «Правый сектор» Д.А. Яроша уголовное дело по факту размещения в феврале 2014 г. на странице «Правого сектора» в социальной сети «ВКонтакте» призыва, обращенного к лидеру чеченских террористов Д. Умарову, совершать террористические акты на территории России. По данному делу Д.А. Ярош объявлен в международный розыск Интерполом.

7 октября 2015 г. после осуществления боевых вылетов российских летчиков в Сирию для уничтожения объектов ИГИЛ советник министра внутренних дел Украины А.Ю. Геращенко на своей странице в «Фейсбуке» обратился с призывом к пользователям сайта «Миротворец» выкладывать в сети Интернет сведения о российских летчиках, чтобы организация ИГИЛ смогла отомстить им по канонам шариата. По данному факту Следственным комитетом РФ также возбуждено уголовное дело, А.Ю. Геращенко объявлен в международный розыск.

Эксперты, отмечая высокую латентность преступлений экстремистского характера в сети Интернет, предполагают, что удастся выявить и раскрыть только 30–35% из них.

Одна из причин этого – недостатки ресурсного обеспечения противодействия экстремизму в сети Интернет. Чтобы это противодействие было эффективным, необходимы три основных ресурса:

- 1) правовая основа противодействия экстремизму в сети Интернет;
- 2) квалификация сотрудников оперативных подразделений;
- 3) материально-техническое обеспечение.

К сожалению, по каждому из этих ресурсов обнаруживается дефицит. За последние три года законодательство Российской Федерации претерпело значительные изменения в части, касающейся наделяния правоохрани-

тельных органов соответствующими полномочиями.

Так, в российское законодательство внесена норма, позволяющая Генеральному прокурору РФ и его заместителям в случае обнаружения в сети Интернет информации экстремистского характера направлять в Роскомнадзор требования о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам. Направлять уведомления Генеральному прокурору РФ могут и подразделения по противодействию экстремизму МВД России в ходе решения своих оперативно-служебных задач.

Следующим важным этапом усовершенствования законодательства, направленного на борьбу с преступлениями экстремистского характера в сети Интернет, стало принятие в 2014 г. так называемого антитеррористического пакета законов. Приведем лишь некоторые из них.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] обязывает владельцев интернет-ресурсов с аудиторией свыше трех тысяч пользователей в сутки регистрироваться в Роскомнадзоре и накладывает ряд ограничений на содержимое этих ресурсов.

В вышеназванный закон была внесена норма, которая сняла проблему квалификации преступлений экстремистской направленности, т.к. ранее к случаям совершения преступлений экстремистского характера с использованием ресурсов сети Интернет относились только преступления, совершенные «публично» или «с использованием средств массовой информации». Затруднения на практике вызвало то, что не все действия, совершаемые в сети, имеют характер публичных (например, переписка по электронной почте), а к категории «средств массовой информации» относятся лишь немногие ресурсы.

Таким образом, можно заключить, что только за последний год принят ряд законодательных актов, прямо или косвенно направленных на борьбу с использованием информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности.

Вместе с тем, анализ практики противодействия указанным преступлениям в сети Интернет показывает необходимость решения еще ряда правовых, а также организационных проблем, которые негативно сказываются на практике противодействия экстремистской деятельности.

1. Первая проблема – недостаточно эффективное взаимодействие с иностранными госу-

дарствами и компаниями в вопросах борьбы с экстремистской и террористической деятельностью в информационных сетях.

Одна из причин этого – отсутствие единых правовых подходов к криминализации деяний. Следует отметить, что в уголовном законодательстве большинства государств понятия экстремизма и экстремистской деятельности отсутствуют, предусматриваются лишь некоторые отдельные деяния, такие как возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды; оскорбления, угрозы и насилие по признакам принадлежности к каким-либо группам; распространение нацистской и расистской идеологии и литературы; использование соответствующей символики и т.п.

Борьбе с подобными преступлениями уделяется повышенное внимание во всех развитых странах, т.к. повсеместно отмечается четко выраженная восходящая динамика их количества.

Однако до настоящего времени не существует всеобъемлющего международного договора по борьбе с терроризмом и экстремистскими преступлениями, который был бы применим к максимально широкому перечню их проявлений.

С 2000 г. государства – члены ООН ведут переговоры о необходимости заключения всеобъемлющей конвенции о борьбе с терроризмом, в которую будет включено определение терроризма.

Разумеется, не существует и универсальной конвенции, специально направленной на предотвращение и пресечение использования террористами и экстремистами информационных сетей, прежде всего сети Интернет.

При ООН существует Рабочая группа по борьбе с использованием Интернета в террористических целях. Рабочая группа изучает методы использования террористами сети Интернет, определяет масштабы создаваемой этим угрозы и изучает возможные действия по противодействию этой угрозе на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Вопрос же принятия международного договора по противодействию террористической деятельности в Интернете ООН пока не рассматривает.

Единственным юридически обязывающим многосторонним документом по борьбе с преступной деятельностью, осуществляемой с использованием Интернета, в настоящее время является Конвенция Совета Европы о компьютерной преступности [5], принятая в 2001 г. (так называемая Будапештская конвенция).

Конвенция открыта для подписания государствами – членами Совета Европы, а также государствами, которые участвовали в ее разработке, но не являются членами Совета Европы. В частности, ее подписали США, Япония, Канада, ЮАР и ряд других неевропейских стран. Конвенция содержит классификацию компьютерных преступлений и подробно описывает механизмы взаимодействия правоохранительных органов отдельных государств в ситуациях, когда преступник и жертва находятся в разных странах. Россия пока не планирует присоединяться к конвенции.

Взаимодействие с государствами дальнего зарубежья в настоящее время в целом осложняется не только недостаточностью имеющейся договорной базы, но и внешнеполитическими проблемами, возникшими в последнее время.

2. Вторая проблема связана с тем, что большинство протоколов и технологий сети Интернет разработаны в США. Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами создана при участии американского правительства и находится на территории США. Управляющие подразделения, основной персонал и вычислительные мощности наиболее популярных мировых сетевых сервисов, таких как Google (поисковая система, почта Gmail, видеохостинг YouTube и т.д.), Microsoft (самая популярная операционная система, поисковая система Bing, система телефонии Skype и т.д.), Facebook (крупнейшая социальная сеть), Amazon и др., сосредоточены на территории США. Соответственно, сведения о пользователях перечисленных систем находятся в распоряжении американских компаний и спецслужб. В связи с этим получение информации у них для российских правоохранительных органов представляет сложнейшую задачу, чаще всего невыполнимую.

Следует, вероятно, ожидать, что правительство США и далее будет препятствовать попыткам отдельных государств усилить контроль за национальными сегментами всемирной сети.

3. Третья проблема – высокая анонимность, защищенность и скрытность связи и обмена информации в сети Интернет. Существует значительное количество различных технологий и технических решений, позволяющих обеспечить анонимность использования ресурсов сети Интернет, а также защитить от перехвата передаваемую по сети информацию. Приведем лишь некоторые из них.

Электронная почта – технология по пересылке и получению электронных сообщений. Проблема состоит в том, что при использовании электронной почты в преступной деятельности участниками переписки часто применяется так называемое асимметричное шифрование. Корреспонденты заранее обмениваются собственными «открытыми» ключами, которыми зашифровывают содержимое сообщений. Расшифровка такого сообщения возможна с использованием «закрытого» ключа, известного только получателю.

Правоохранительными органами в настоящее время контролируются только крупные российские сервисы электронной почты. При нахождении сервиса за границей контроль за его абонентами практически невозможен. Иностранные компании сведения о своих абонентах предоставляют крайне неохотно и тем более не оказывают содействия при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Так, например, сотрудничество компании Google, владеющей системой электронной почты Gmail, с российскими правоохранительными органами находится практически на нулевом уровне. Согласно собственному отчету компании за 2014 г. и первое полугодие 2015 г. от российских правоохранительных органов поступило более 200 запросов, из которых было удовлетворено чуть более 30. А в 2011 и 2012 г. из нескольких десятков российских запросов компанией не был удовлетворен ни один.

Аналогичная ситуация складывается и с различными системами голосовой и видеосвязи, которые предлагаются многочисленными операторами.

Самые распространенные системы – Skype (принадлежит Microsoft), Sipnet (Российский аналог Skype), Google Talk, Windows Live Messenger (Microsoft), TeamTalk, RaidCall, Viber, QIP 2012.

Например, представители компании Microsoft еще с 2012 г. заявляют о тесном сотрудничестве с российскими правоохранительными органами, однако большинство их ответов содержат следующее: «По запросу суда Skype может предоставить регистрационные данные и e-mail пользователя, историю финансовых транзакций за год, место нахождения абонентов телефонной сети общего пользования, говоривших с пользователем Skype. Компания не ведет централизованную запись голосовой почты. Звонки, сообщения и другие контакты между абонентами Skype не вносятся в биллинг». Другими словами, Microsoft предоставляет только ограниченный объем сведений о клиентах.

В связи с этим существует объективная необходимость совершенствования правовой

базы борьбы с экстремизмом в сети Интернет на межгосударственном уровне.

В заключение остановимся на проблемах материально-технического обеспечения деятельности оперативных подразделений Центров по противодействию экстремизму, в чью компетенцию входит выявление и раскрытие преступлений экстремистского характера в сети Интернет.

Автоматизация мониторинга сети Интернет в целях выявления фактов использования ресурсов в интересах экстремистской и террористической деятельности по-прежнему остается нерешенной проблемой оперативных подразделений по противодействию экстремизму.

На данный момент в их распоряжении отсутствуют какие-либо автоматизированные системы поиска и мониторинга сайтов в сети Интернет, в связи с чем эта работа ведется оперативными сотрудниками с использованием стандартных технических средств путем поиска информации общедоступными средствами и визуального просмотра страниц сайтов.

Поиск и отслеживание проявлений экстремистской и террористической активности силами оперативных сотрудников подразделений по противодействию экстремизму «вручную» с использованием стандартных персональных компьютеров заведомо имеет серьезные ограничения по скорости, охвату и эффективности. Данная работа является трудозатратной и требует много времени, поэтому задача разработки и применения специальных поисковых и аналитических систем является сегодня актуальной и перспективной.

В настоящее время существует ряд аппаратно-программных решений, предназначенных для автоматического мониторинга сети Интернет, разработанных российскими производителями программного обеспечения. Однако в силу их дороговизны и других обстоятельств не все оперативные подразделения правоохранительных органов имеют возможности ими пользоваться.

Необходимо отметить, что в Краснодарском университете МВД России в 2015 г. установлен программно-аппаратный комплекс, позволяющий «мониторить» сеть Интернет, а также средства сотовой связи на предмет содержания в них материалов экстремистского характера.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что складывающаяся международная обстановка, внутривнутриполитическая ситуация и тенденции развития информационно-телекоммуникационных технологий позволяют прогнозировать дальнейшее нарастание объемов использования информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности.

Своевременное предотвращение и пресечение имеющихся угроз зависит от эффективности, систематичности и согласованности проводимых мероприятий, а также от

качества взаимодействия всех правоохранительных органов Российской Федерации и всех заинтересованных иностранных государств.

1. Стукалов В.В., Горбунов А.Н. Борьба с преступлениями террористической и экстремистской направленности на современном этапе // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2015. № 4(30).

2. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 4.

3. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Сети и терроризм // *Аналитический доклад*. 2015. URL: http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub%2Fsundiev%2825-07-13%29.htm&oper=read_file#1 (дата обращения: 24.06.2016).

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // *Рос. газ*. 2006. 29 июля.

5. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации – ETS N 185: принята в Будапеште 23 нояб. 2001 г.

1. Stukalov V.V., Gorbunov A.N. Fight against crimes of terrorist and extremist orientation in modern times // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2015. № 4(30).

2. Kubyakin E.O. Youth extremism in the Internet as a social problem // *Historical and socio-educational thought*. 2011. № 4.

3. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A. Networks and terrorism // *Analytical report*. 2015. URL:http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub%2Fsundiev%2825-07-13%29.htm&oper=read_file#1 (date of access: 24.06.2016).

4. On information, information technologies and information protection: fed. law d.d. July 27, 2006 № 149-FL (as amended on July 13, 2015) // *Rus. newsp*. 2006. July 29.

5. Convention on crime in the sphere of computer information – ETS N 185: adopted in Budapest on Nov. 23, 2001.

Хаджимурадов Идрис Баутдинович
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79388912300)

К вопросу о молодежном экстремизме

В статье рассматриваются некоторые аспекты, касающиеся современного состояния молодежной среды России. Автор кратко характеризует разновидности проявления экстремизма.

Ключевые слова: органы внутренних дел, предупреждение преступлений, раскрытие преступлений, молодежный экстремизм.

I.B. Khadzhimuradov, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79388912300.
On the issue of youth extremism

The article deals with some aspects concerning contemporary state of Russian youth. The author briefly describes the varieties of extremism.

Key words: law-enforcement bodies, prevention of crimes, detection of crimes, youth extremism.

В настоящее время одной из первоочередных задач, стоящих перед нашим государством в целом и сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел в частности, является профилактика преступлений и правонарушений. Одной из опаснейших форм проявления противоправного поведения граждан на современном этапе являются деяния экстремистской направленности.

Молодежная среда, в свою очередь, крайне восприимчива к радикальным идеям, а поэтому всегда была и будет крайне благоприятной «почвой» для развития различных идеологий экстремизма. Проводя анализ такого сложного и противоречивого явления, как молодежный экстремизм, необходимо понимать, что это известная проблема, решить которую невозможно, более того, «радикализм» в какой-то мере является серьезным стимулом прогрессивного развития общества в целом. Но радикализм в его крайних проявлениях может уничтожить единое социокультурное пространство общества. Очень актуален этот вопрос в стране с многонациональной и многоконфессиональной культурой, а также федеративным принципом устройства, т.к. в ней легко развиваются идеи экстремизма, особенно в условиях переходного этапа развития. Можем предположить, что изучение экстремизма как явления в целом и молодежного экстремизма в частности должно базироваться на анализе его содержания применительно к основным сферам жизни общества. Если говорить об основных формах проявления молодежного экстремизма, то это явление в большинстве своем носит временный характер. Молодежный экстремизм – это, прежде всего, проблема государственного уровня. Государство имеет возможности

«отмахнуться» от проблемы, к кому перейдет власть при отсутствии надежного «противовеса» в лице среднего слоя и довольно высоком уровне политического безразличия основной части населения страны.

Под экстремизмом чаще всего понимают идеологию и практику некоторых течений, групп и отдельных личностей. Порождается это явление самыми различными факторами: социально-экономическими, деформацией политических институтов, тоталитарным режимом правления, подавлением властями оппозиционных проявлений, стремлением различных общественных групп ускорить и силовыми методами осуществить выдвигаемые ими идеи. Социальную основу экстремизма составляют, как правило, члены националистических, религиозных объединений, недовольная политическая реальностью интеллигенция, учащиеся и студенты, военные.

На современном этапе развития в рамках нашего государства выделяют несколько разновидностей проявления экстремизма: политический, религиозный, националистический, экономический, экологический, духовный и т.д.

Политический экстремизм можно разделить на правый и левый. Правый основан на пропаганде и борьбе за сохранение, развитие консервативных ценностей, ранее существовавших форм политического устройства. К основным формам проявления правого экстремизма отнесем фашизм, религиозный фанатизм. Левые же экстремисты призывают к идеям левого толка, провозглашают в качестве источника общественной мудрости и истины «трудящиеся» классы и слои. Их убеждения основаны на установлении противоречия между «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми» в качестве главного приоритета жизни общества.

Особенностью религиозного экстремизма является провозглашение своего исключительного превосходства над окружающими. Члены религиозных экстремистских объединений противостоят тем, кто не разделяет их крайних взглядов и признает происходящие в обществе перемены. На данном этапе деятельность религиозных экстремистов направлена не только против идеологических оппонентов, но и против государства, господствующего строя, существующих законов и норм, регулирующих, в том числе, отношения между государством и религиозными организациями, и в этой связи она может выражаться в сфере политики, культуры, межнациональных отношений и т.д. На территории современной России наряду с «исламскими экстремистами» усиливают свое влияние и другие тоталитарные секты (Сайентологическая церковь, некоторые течения Общества свидетелей Иеговы).

Если говорить о националистическом экстремизме, то он отрицает интересы и права других наций (национальностей). Зачастую он ставится на одну ступень с сепаратизмом, поскольку имеет своей целью уничтожение многонационального государства, провозглашение превосходства какой-либо нации. Националистический экстремизм всегда присутствует в многонациональном обществе.

Экономический экстремизм пропагандирует уничтожение многообразия и провозглашение какой-либо одной из форм собственности, единых методов ведения хозяйства, полный отказ от принципов государственного регулирования экономики, сокращение расходов на социальные нужды, устранение конкуренции в сфере предпринимательской деятельности.

Широкое распространение в последнее время получил экологический экстремизм, основным отличием которого являются выступления против не только эффективной политики по охране природы, но и научно-технического прогресса в целом. По мнению экологических экстремистов, ликвидация неблагоприятных в экологическом отношении производств – единственная возможность улучшения качества окружающей среды.

Корни основных причин экстремизма уходят в прошлое России, в менталитет россиян, в их представления о демократии, правовой культуре. Современный же этап развития Российской Федерации, вхождение ее в рыночные отношения, демократизация общественной жизни сопровождались разрушениями традиционных культурных, экономических, политических укладов жизни многочисленных слоев обще-

ства. Большое количество людей не только лишились материального достатка, но и были вынуждены по-новому осмыслить историю государства, отбросить привычные стереотипы мышления и поведения. Если ранее тоталитарная система контролировала поведение человека мощной идеологической обработкой и подавлением любой инициативы, то демократическая форма предполагает развитие свободы человека во всех областях. Демократия с трудом усваивается широкими слоями общества и порой воспринимается как вседозволенность, полная свобода человека от общества и законов. Именно поэтому радикальные и экстремистские проявления на данном этапе развития государства являются вполне понятными.

По числу и сплоченности участников выделяются:

- экстремистские сообщества;
- экстремистские группы (сформированные или спонтанные);
- одиночки (личности с психическими отклонениями и иными аномалиями).

Особенностями современного экстремизма являются: рост масштабности, позволяющий увеличить потенциал и превратить экстремистские группировки во влиятельные элементы политической жизни; ужесточение действий экстремистов, использование достижений науки и техники, многообразие форм деятельности, желание добиться серьезного общественного резонанса.

В настоящий момент политика государственно-правового регулирования в области противодействия экстремистской деятельности направлена, прежде всего, на организационно оформленные группы, а механизм, позволяющий противостоять мелким объединениям, не выработан, хотя заниматься предупреждением экстремистских проявлений, в частности в молодежной среде, необходимо именно на этой стадии, не дожидаясь, пока мелкие группы объединятся в серьезные структуры.

Профилактическая работа должна осуществляться по следующим направлениям:

- среди молодежи (общие профилактические мероприятия);
- среди организаторов и подстрекателей противоправных действий (индивидуальные профилактические мероприятия);
- с отдельными небольшими группами молодежи, настроенными на участие в противоправных действиях.

Профилактикой в масштабе субъекта страны занимаются многие службы органов внутренних дел. Уголовный розыск осуществляет

предупреждение противоправных деяний экстремистской направленности. Подразделения уголовного розыска собирают сведения и устанавливают контакты с лидерами неформальных молодежных организаций. На основе данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, осуществляется оперативно-профилактическая работа как с молодежными формированиями, так и с жертвами таких экстремистов. Основной упор сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел при профилактике преступной деятельности экстремистского характера делается на предсказание развития ситуации, а также на выработку возможных предупреждающих действий. В решении этих задач необходимо установление прямых оперативных контактов с лидерами неформальных молодежных организаций, представителями диаспор и групп иностранцев, которые могут служить объектом нападения.

Очевидно, что основой профилактики в отношении неформальных молодежных группировок экстремистской направленности является индивидуальный подход к их участникам, что обуславливает необходимость изучения особенностей личности с использованием знаний совокупности соответствующих признаков. Успешный исход деятельности по перевоспитанию молодых правонарушителей также предполагает обязательное сочетание индивидуальной профилактики с применением предусмотренных законом мер воздействия как в отношении самих несовершеннолетних, состоящих на учете, так и в отношении иных лиц, оказывающих негативное влияние на молодежь.

Для выявления преступных намерений лидеров той или иной экстремистской организации сотрудникам оперативных подразделений органов внутренних дел необходимо эффективнее осуществлять весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в том числе проводить оперативное внедрение в указанные организации, хотя, учитывая фактор омоложения группировок, произошедшего в последние

годы, выполнение данной задачи представляется весьма трудным.

До сих пор практически отсутствует необходимый государственный контроль над изданиями националистического характера, в которых открыто пропагандируются радикальные идеи, представляющие собой основу идеологии многих молодежных группировок экстремистской направленности. Участники таких группировок называют себя патриотами, а свои преступные деяния выдают за ведение классовой борьбы. Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел с общественными формированиями, а также со СМИ тоже находится на низком уровне, поэтому граждане получают искаженную, а иногда и неверную информацию об идеологии и методах самовыражения представителей молодежных группировок экстремистской направленности. Умалчивается большой процент фактов проявления агрессивного поведения с их стороны, недооценивается общественная опасность данного явления.

Рассмотрен далеко не исчерпывающий перечень проблем, имеющих в области борьбы с проявлениями экстремистского характера в молодежной среде. Конечно же, для полного искоренения экстремистских проявлений усилий только органов внутренних дел недостаточно. Для полноценного развития молодого поколения необходимо создание благоприятных социальных условий, решение проблемы проведения досуга, возрождение и развитие различных спортивных секций, молодежных спартакиад, предоставление возможности молодому поколению развиваться духовно, т.е. осуществление комплекса мер по оздоровлению социально-психологического климата в молодежной среде. Помимо этого, постоянно должна проводиться разъяснительная работа в учебных учреждениях, в ходе которой будет сделан упор на недопустимость возникновения националистических идеологий и разъяснены вопросы, касающиеся ответственности, предусмотренной российским законодательством за подобного рода проявления.

Михайловская Ольга Валентиновна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: olichka_miha@mail.ru)

Узгорская Ирина Александровна

Краснодарский университет МВД России
(e-mail: irina-uzgorskaja@rambler.ru)

Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления

В статье рассматриваются вопросы статуса лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления. Проанализированы основания возникновения статуса подозреваемого и статуса лица после отмены меры пресечения, избранной в порядке ст. 100 УПК РФ. Изучаются проблемы производства следственных действий с лицами, в отношении которых мера пресечения отменена, а другие основания привлечения лица к участию в уголовном деле в качестве подозреваемого отсутствуют.

Ключевые слова: подозреваемый, свидетель, участник уголовного судопроизводства, мера пресечения, расследование уголовных дел.

O.V. Mikhailovskaya, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: olichka_miha@mail.ru;

I.A. Uzgorskaya, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: irina-uzgorskaja@rambler.ru

The suspect or witness: about the status of the person in a criminal case initiated by the fact of committing crime

The article is about the status of the person in a criminal case initiated by the fact of committing crime. There were analyzed grounds for the appearance of the suspect and personality after the cancellation of a preventive measure. We studied the problem of investigatory actions, conducted with those persons, against whom preventive measure is canceled, and other reasons to attract a person to participate in a criminal case as a suspect missed.

Key words: suspect, witness, criminal proceedings participant, preventive measure, investigation of criminal cases.

В последние годы в России произошли качественные изменения характера и структуры преступности, в значительной части она стала профессиональной и организованной. По статистическим данным МВД России, в 2015 г. совершено на 202,1 тыс. преступлений больше, чем в 2014 г. [1]. Преступники достаточно осведомлены о методах работы следственных и оперативных подразделений, поэтому используют новейшие достижения техники и принимают все возможные меры для сокрытия следов преступлений: уничтожают документы и вещественные доказательства, запугивают очевидцев и потерпевших лиц и т.д. Большая часть преступлений совершается в условиях неочевидности. В связи с этим значительное количество уголовных дел возбуждается не в отношении конкретных

лиц, а по факту совершения преступлений. Если следственным либо оперативным путем установлено лицо, совершившее преступление, перед следователем возникает вопрос о наделении этого лица статусом подозреваемого для производства следственных действий с его участием.

В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, или которое задержано по подозрению в совершении преступления (в порядке ст. 91–92 УПК РФ), или к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в порядке ст. 100 УПК РФ, т.е. в исключительных случаях сроком на срок не более 10 суток [2].

Авторы сознательно не рассматривают положение, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК

РФ, т.к. в статье будут рассматриваться проблемные вопросы, касающиеся деятельности следственных органов. Дознаватель же в отличие от следователя в ходе расследования уголовного дела может придать статус подозреваемого лицу, совершившему преступление, также путем уведомления последнего о совершении преступления.

Положение, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, в данной ситуации применяться не может, т.к. уголовное дело возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления.

Применять такую меру уголовно-процессуального принуждения, как задержание подозреваемого, лишь только с целью надения лица статусом подозреваемого не всегда целесообразно, особенно при отсутствии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ (когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены следы преступления) [2].

По преступлениям же небольшой и средней тяжести, совершенным лицом, ранее не судимым и имеющим постоянное место жительства, принятие процессуального решения о задержании будет незаконным и необоснованным, т.е. невозможным.

В связи с этим следователи нередко используют возможность, предусмотренную ст. 100 УПК РФ, которая позволяет в исключительных случаях избрать в отношении подозреваемого в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении. Как показывает следственная практика, данная мера пресечения часто применяется, если доказательств, необходимых для обвинения лица в совершении преступления, недостаточно.

Бесспорно, мера пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ избирается при наличии соответствующих оснований (подозреваемый может скрыться от органов предварительного следствия, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу) и с учетом тяжести преступления, сведений о личности подозреваемого, его возраста, состояния здоровья, семейного положения, рода занятий и других обстоятельств согласно ст. 99 УПК РФ. При этом обвинение должно

быть предъявлено подозреваемому не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в указанный срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения немедленно отменяется. Исключение составляет избрание данной меры пресечения в отношении лиц, совершивших преступления террористической и экстремистской направленности. В таких случаях срок составляет 30 суток [2].

После избрания меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ лицо, совершившее преступление, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ приобретает статус подозреваемого. Соответственно, следователь проводит ряд следственных и процессуальных действий с его участием в качестве подозреваемого в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Не получив в течение 10 суток с момента избрания меры пресечения доказательств, дающих основание для предъявления обвинения, следователь отменяет меру пресечения в отношении подозреваемого. В ходе досудебного производства отмена меры пресечения производится по постановлению лица, в производстве которого находится уголовное дело.

Проблематичным представляется дальнейшее процессуальное оформление участия данного лица в уголовном судопроизводстве. В случае, когда следователю необходимо провести следственные действия с лицом (с его участием либо в его присутствии), совершившим преступление, которому, однако, обвинение в настоящее время не предъявлено, а мера пресечения, избранная в порядке ст. 100 УПК РФ, отменена, возникает вопрос, в качестве кого – свидетеля или подозреваемого – привлечь указанное лицо.

Изучив ряд уголовных дел, авторы установили, что на практике при производстве предварительного следствия не существует единого подхода к решению данной проблемы. В 60% случаев следователь повторно избирал в отношении лица, совершившего преступление, меру пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ, чтобы придать ему статус подозреваемого.

По 25% уголовных дел следователь без вынесения повторного постановления об избрании меры пресечения в отношении лица, совершившего преступление, допрашивал его в качестве подозреваемого. В 5% от общего числа изученных уголовных дел следователь в указанной ситуации допрашивал лицо, совершившее преступление, в качестве свидетеля. При этом по нескольким таким уголовным делам (7%) руководителем следственного органа либо прокурором показания подозреваемого,

в отношении которого отменена мера пресечения, избранная в порядке ст. 100 УПК РФ и повторно не избранная на момент допроса, признаны недопустимым доказательством в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Аналогичные решения принимались и судьями (по 3% уголовных дел).

Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ (событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и др.) [2].

Авторы полностью согласны с позицией должностных лиц, признавших полученные указанным способом доказательства недопустимыми. При допросе в качестве свидетеля «потенциального подозреваемого» (когда обвинение лицу предъявлено не было в связи с недостатком времени для сбора доказательств, однако впоследствии лицо будет привлечено к уголовной ответственности) права лица грубо нарушаются. В уголовно-процессуальном праве подозреваемый и свидетель отнесены к разным видам участников (сторона защиты и иные участники). И это не случайно, т.к. их права и обязанности значительно разнятся. Если подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний, то свидетель обязан давать правдивые показания, в связи с чем он предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ.

Таким образом, при допросе в качестве подозреваемого лицо вправе отказаться от дачи

показаний, однако в случае повторного допроса в качестве свидетеля не только не может отказаться от дачи показаний, но и должно давать правдивые показания под угрозой привлечения к уголовной ответственности. Лицо будет лишено права на осуществление своей защиты (речь идет не о присутствии защитника в уголовном деле), что является нарушением одного из принципов уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 16 УПК РФ. Кроме того, наделение такого лица статусом свидетеля не может быть обосновано никакими доводами, в случае если такое лицо участвует не в допросе, а в ином следственном или процессуальном действии (следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования), т.к. в соответствии с УПК РФ свидетель – лицо, которое вызвано для дачи показаний.

Проанализировав нормы уголовно-процессуального законодательства РФ, следственную и судебную практику, авторы пришли к выводу, что в случае если уголовное дело возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления, то лицо, совершившее преступление, приобретает статус подозреваемого либо после его задержания, либо в случае избрания в отношении его меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ, но в срок до десяти суток.

Если в течение 10 суток после избрания меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ обвинение лицу не предъявлено, статус подозреваемого утрачивается.

В целях соблюдения законности и исключения фактов признания недопустимым доказательством показаний подозреваемого авторы считают целесообразным повторное избрание меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ в отношении лица, совершившего преступление, для определения его статуса и соблюдения его процессуальных прав и обязанностей.

1. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics> (дата обращения: 17.06.2016).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 мая 2016 г. № 139-ФЗ).

1. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics> (date of access: 17.06.2016).

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 № 174 (as amended on May 1, 2016 № 139-FL).

Титова Кристина Александровна
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kristi2005@yandex.ru)

Жолтоног Татьяна Владимировна
Барнаульский юридический институт МВД России
(e-mail: matresha-2010@mail.ru)

Проблема установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, на стадии возбуждения уголовного дела

В статье проанализированы различные мнения о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Автором обозначен ряд проблем, неизбежно возникающих на стадии возбуждения уголовных дел, в которых лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Ключевые слова: судопроизводство, уголовное дело, уголовное преследование, стадия возбуждения уголовного дела, установление лица, потерпевший, свидетель, обвиняемый.

K.A. Titova, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kristi2005@yandex.ru;

T.V. Zholtanog, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: matresha-2010@mail.ru

The problem of establishing person who is subject to attraction as accused at the stage of initiation of criminal case

The article analyzes different opinions on the elimination stage of a criminal case. The author outlines a number of issues that inevitably arise at the stage of initiation of criminal cases in which a person is subject to attraction as accused, is not established.

Key words: judicial proceedings, criminal case, criminal prosecution, stage of initiation a criminal case, identity of the person, victim, witness, accused.

В последнее время в юридической литературе развернулись острые дебаты по обсуждению проблемы, связанной с необходимостью упразднения стадии возбуждения уголовного дела. Ученые, иницирующие ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела, опираются на положение о том, что существующая процедура начала производства предварительного расследования вынесением органами предварительного расследования и органами дознания постановления о возбуждении уголовного дела ограничивает конституционное право граждан на доступ к правосудию (С.Е. Вицин, Б.Я. Гаврилов, Ю.В. Деришев и др.).

В качестве другой, не менее значимой причины, по которой следует отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, ученые отмечают резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (Л.М. Володина, Б.Я. Гаврилов, П.Г. Марфицин, В.Н. Нарядчиков и др.).

Так, заместитель председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия доктор юридических наук, профессор С.Е. Вицин отмечает, что в соответствии с положениями ст. 108–116 гл. 8 УПК РСФСР 1960 г. «в советском уголовном процессе появились по существу неправовые, квазисудопроизводственные процедуры в виде так называемой предварительной доследственной проверки, реализуемой за пределами уголовного процесса. В результате уголовный процесс, так сказать, “обогатился” новыми явно неправовыми и, по сути, противозаконными видами деятельности правоохранительных органов». На практике это привело к появлению большого объема отказных материалов, ценность которых, подчеркивает автор, с доказательственной точки зрения равна нулю, при этом специалисты тратят напрасно огромное количество сил и времени, т.к. следствие затем повторяет ранее проделанную работу [1, с. 56].

Доктор юридических наук Б.Я. Гаврилов негативным последствием существующей про-

цедуры возбуждения уголовного дела считает необходимость повторного вызова органом расследования потерпевшего, свидетелей для их допроса, проведения экспертных исследований, поскольку первоначально по абсолютному большинству уголовных дел указанные действия производятся в форме получения объяснений, справок об исследовании, актов изъятия документов, не имеющих процессуального значения [2].

Доктор юридических наук П.Г. Марфицин и В.Н. Нарядчиков обращают внимание на то, что в отечественном уголовном судопроизводстве необходимость данной стадии обосновывалась обеспечением прав, свобод граждан в процессе проверки сообщения о преступлении. Значимость внимания к защите прав граждан в этой части уголовного судопроизводства объясняется тем, что при поступлении сообщения о преступлении не известно, действительно ли оно имело место. Однако при проверке информации необходимо применять меры принуждения, которые могут повлечь нарушение прав лиц, вовлеченных в процесс. В связи с этим законодатель ограничил следователя в средствах проверки сообщения о преступлении, которые в науке уголовного процесса именуются проверочными действиями. Именно поэтому, как отмечают авторы, многие ученые рассматривают данную стадию как одну из важнейших гарантий защиты личности от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения. Однако, по мнению П.Г. Марфицина и В.Н. Нарядчиков, в результате этого возникла другая проблема: следователь, не имея необходимого круга проверочных действий, во многих случаях не может своевременно и эффективно рассмотреть и разрешить сообщение о преступлении [3].

Доктор юридических наук Л.М. Володина полагает, что наличие стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России мешает оперативному ходу расследования преступления и ведет к утрате доказательственного материала [4, с. 84].

Член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Ю.В. Деришев пишет, что чем больше накапливается практика досудебного производства возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, тем «очевиднее становится впечатление о некоторой формальности («бумажности») возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства» [5].

Вместе с тем, ряд других не менее известных ученых высказывают мнение о необходимости

сохранения стадии предварительного расследования. Так, в частности, доктор юридических наук, профессор Н.С. Манова не отрицает наличие проблем, связанных с применением стадии возбуждения уголовного дела, однако считает, что «столь категоричное решение проблемы, как отказ от стадии возбуждения уголовного дела, представляется неприемлемым». Вместе с тем, Н.С. Манова отмечает, что «в Законе должна содержаться четкая формулировка о том, что в случаях, когда налицо достаточные основания для возбуждения уголовного дела, решение об этом должно приниматься немедленно». При этом автор ссылается на анализ практики, который «показывает, что по 21% изученных уголовных дел решение об их возбуждении было принято на второй или третий день после поступления первичной информации о преступлении, несмотря на то, что ни одного проверочного действия совершенно не было» [6].

Однако мы считаем, что приведенные автором статистические показатели лишней раз свидетельствуют о предоставляемых возможностях органам дознания и предварительного расследования несвоевременно приступать к раскрытию преступления. Сама же формулировка «достаточные основания для возбуждения уголовного дела» не исключает субъективную оценку органами предварительного расследования полученной информации, что в результате может также привести к несвоевременному реагированию и нарушению прав граждан, потерпевших от преступления.

Кандидат юридических наук, профессор Г.П. Химичева рассматривает возбуждение уголовного дела как обязательную стадию уголовного процесса и обязательный этап движения конкретного уголовного дела в силу того, что данная стадия служит правовым основанием для всех процессуальных действий и решений при расследовании и разрешении уголовного дела, поэтому ликвидация данной стадии, по мнению автора, представляется нецелесообразной [7].

Доктора юридических наук Р.А. Александров, С.А. Роганов, кандидаты юридических наук В.И. Безрядин и И.Н. Кондрат в своей статье анализируют основополагающие доводы ученых и практиков «за» и «против» стадии возбуждения уголовного дела и предлагают альтернативную возможность решения данной проблемы. По их мнению, целесообразно на законодательном уровне закрепить требование о том, что перед началом осуществления предварительной проверки органы предвари-

тельного расследования обязаны вынести постановление о производстве предварительной проверки сообщения о преступлении. Данный процессуальный документ, с точки зрения ученых, будет свидетельствовать о возникновении уголовно-процессуальных отношений и позволит должностным лицам до возбуждения уголовного дела на законных основаниях производить следственные действия [8].

Таким образом, теоретический анализ изучения вопроса о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела позволяет сделать выводы о том, что подавляющее большинство ученых и практиков, независимо от того, выступают ли они за ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела или против нее, признают существование проблем, связанных с введением в уголовное судопроизводство данной стадии. Эти проблемы в первую очередь обусловлены ограничением конституционного права граждан на доступ к правосудию, снижением эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, неоправданным увеличением объема процессуальных действий и т.п. Признавая наличие всех вышерассмотренных проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела, мы хотели бы отметить, что они становятся наиболее острыми в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Сторонники сохранения стадии возбуждения уголовного дела исходят из положений о том, что данная стадия является своеобразным фильтром, ее наличие препятствует необоснованному применению мер уголовно-процессуального принуждения и тем самым обеспечивает соблюдение прав личности, т.к. позволяет избежать необоснованного вовлечения граждан в уголовное судопроизводство (учитывается также дороговизна процедуры реформирования). В рамках данной проблемы следует уточнить, чьи права и по каким основаниям могут нарушаться при условии упразднения данной стадии. С нашей точки зрения, на этапе возбуждения уголовного дела могут быть затронуты права потерпевших лиц или свидетелей. О правах подозреваемого на данном этапе расследования уголовного дела речь не идет, т.к. дело возбуждается в отношении неустановленного лица даже в тех случаях, когда имеется информация о лице, совершившем преступление. Таким образом, закон предусматривает защиту прав лица от необоснованного привлечения его к уголовной ответственности.

Потерпевший – это лицо, которое в большей степени заинтересовано в оперативной деятельности правоохранительных органов, в быстром и качественном проведении всех процессуальных действий, направленных на раскрытие преступления, что возможно лишь в случае незамедлительного возбуждения уголовного дела. Таким образом, получается, что права потерпевшего в основном могут нарушаться на этапе возбуждения уголовного дела вследствие ограничений в полномочиях органов предварительного расследования, повышения степени возможности утраты доказательств, собранных до возбуждения уголовного дела, возможности изменения некоторыми свидетелями первоначальных показаний.

Из 100 изученных нами уголовных дел в 7 делах зафиксирована смена показаний, в 5 делах – смена показаний самим потерпевшим.

Нарушение прав потерпевшего усматривается и в том случае, когда правоохранительные органы не видят в материалах предварительной проверки состава преступления и выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Нами были опрошены 50 потерпевших, по заявлению которых было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Они все без исключения считают, что их права были нарушены и что по их заявлениям сотрудниками не проводилась надлежащая работа. По мнению тех же опрошенных потерпевших, их права были бы соблюдены в случае незамедлительного возбуждения уголовного дела правоохранительными органами.

Нарушение прав свидетелей чаще всего выражается в том, что они вынуждены затрачивать свое личное время на дачу показаний как на этапе возбуждения уголовного дела, так и на этапе предварительного расследования.

Таким образом, устранение данной стадии никаким образом не может повлиять на законные права свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

Проведенный нами анализ статистики, представленной прокуратурой Российской Федерации, об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела позволяет придерживаться точки зрения ученых, выступающих за упразднение стадии возбуждения уголовного дела.

Органами прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2012 г. было отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела – 31012; отменено прокурором и по его инициативе поста-

новлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2585732.

За январь – декабрь 2013 г. было отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела – 23498; отменено прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2575024.

За январь – декабрь 2014 г. было отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела – 19066; отменено прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2518508.

За январь – февраль 2015 г. было отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела – 2771; отменено прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 377191.

На основе приведенных показателей видно, что органами предварительного расследования в 2012 г. было вынесено в 82 раза больше необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, чем необоснованных постановлений о возбуждении уголовного дела. В 2013 г. эта разница возросла до 108 раз. В 2014 г. зафиксировано увеличение в 131 раз. За январь – февраль 2015 г. – в 135 раз.

Таким образом, мы видим, что наблюдается резкий рост числа вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по сравнению с необоснованно возбужденными уголовными делами. Это приводит к несвоевременному розыску лиц, совершивших преступления, и, как следствие, нераскрытию преступлений. Так, в 2012 г. 989,1 тыс. преступлений остались нераскрытыми по причине неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В 2013 г. число таких дел составило 926,8 тыс. В 2014 г. нераскрытыми осталось 925,3 тыс. дел.

Прослеживаемая тенденция увеличения числа отказов органами предварительного расследования в возбуждении уголовных дел и, как следствие, несвоевременного реагирования на совершенное преступление, которое, в свою очередь, ведет к утрате доказательств, свидетельствует об актуальности проблемы, связанной с рассмотрением возможности упразднения стадии возбуждения уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела в первые часы после поступления заявления о преступлении потребует от правоохранительных органов незамедлительно приступить к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и сбору доказательств его виновности в совершении преступления, что позволит значительно ускорить процесс расследования уголовного дела. В настоящее время сообщение о преступлении может рассматриваться до 10 суток. Это достаточно продолжительный период времени, за который лицо, совершившее преступление, может скрыться, обеспечить себе ложное алиби, оказать давление на свидетелей и потерпевших. Потерпевшие за это время также могут передумать давать правдивые показания, поменять место жительства. Все это приводит к затягиванию предварительного расследования, утрате вещественных доказательств, к неустановлению лица, совершившего преступления, а следовательно, и к нераскрытию преступления.

Кроме того, незамедлительное возбуждение уголовного дела обеспечит законность всех проводимых правоохранительными органами в первые часы после сообщения о преступлении следственных процедур и возможность оперирования полученными материалами в суде с целью доказательства вины лица, совершившего преступление. Допрос потерпевшего и свидетелей также будет осуществляться в рамках возбужденного уголовного дела, что в дальнейшем позволит:

без необходимости не дублировать данные следственные действия;

не отвлекать людей от их личных дел;

снизить количество случаев смены показаний участниками уголовного судопроизводства по причине их подкупа, запугивания, т.к. при допросе, в отличие от объяснения, они предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать выводы о возможности и целесообразности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, а также о значимости ее устранения для процесса установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

1. Вицин С.Е. *Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2003. № 6.*

1. Vitsin S.E. *Institute of initiation of proceedings in criminal legal proceedings // Russian justice. 2003. № 6.*

2. Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7–10.
3. Нарядчиков В.Н., Марфицин П.Г. Правовые аспекты регионального развития проблемы стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе // Культура и образование. 2014. № 6. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1999> (дата обращения: 08.06.2014).
4. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Томск, 1999.
5. Дерисhev Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 34–36.
6. Манова Н.С. Проблемы правовой регламентации и практики осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1(16). С. 24–30.
7. Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2003. № 2. URL: <http://k-press.ru/bh/2003/2/himicheva/himicheva.asp> (дата обращения: 24.07.2015).
8. Александров Р.А., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Роганов С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: самостоятельна ли она в уголовном процессе? // Юрид. наука: история и современность. 2012. № 11. С. 83–88.
2. Gavrilov B.Ya. Realities and myths of initiation of legal proceedings // Criminal proceedings. 2010. № 2. P. 7–10.
3. Naryadchikov V.N., Marfitsin P.G. Legal aspects of regional development of a problem of a stage of initiation of legal proceedings in criminal trial // Culture and education. 2014. № 6. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1999> (date of access: 08.06.2014).
4. Volodina L.M. The mechanism of protection of the rights of the personality in criminal trial. Tomsk, 1999.
5. Derishev Yu.V. A stage of initiation of legal proceedings – a relict of «socialist legality» // Russian justice. 2003. № 8. P. 34–36.
6. Manova N.S. Problems of a legal regulation and practice of implementation of activity in a stage of initiation of legal proceedings // Law. Legislation. Personality. 2013. № 1(16). P. 24–30.
7. Himicheva G.P. Initiation of legal proceedings: problems of a legal regulation and improvement of activity // «Black holes» in the Russian legislation. 2003. № 2. URL: <http://k-press.ru/bh/2003/2/himicheva/himicheva.asp> (date of access: 24.07.2015).
8. Alexandrov R.A., Bezryadin V.I., Kondrat I.N., Roganov S.A. Stage of initiation of legal proceedings: whether it is independent in criminal trial? // Jurisprudence: history and present. 2012. № 11. P. 83–88.

Куюмжиева Светлана Александровна

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кубани,

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(тел.: +78612215893)

Особенности первоначального этапа расследования торговли детьми

В статье раскрыты отдельные вопросы организации первоначального этапа расследования торговли детьми. Исследованы исходные элементы криминалистической характеристики и следственные ситуации начального этапа расследования. Изложены первоначальные следственные действия по установлению обстоятельств преступления.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования, торговля детьми, следственные ситуации, неотложные следственные действия.

S.A. Kuyemzhiyeva, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; tel.: +78612215893.

Features of the initial stage of the investigation of child trafficking

The article covers certain issues of the organization of the initial stage of investigation of children trafficking. The initial elements of criminalistic characteristics and investigating situations of the initial stage of the investigation are considered. The initial investigative actions on establishment of circumstances of crime are set out.

Key words: initial stage of the investigation, children trafficking, investigating situation, urgent investigative actions.

Успешное расследование преступлений во многом обусловлено знанием основных способов его совершения и типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования [1].

Анализ судебно-следственной практики по делам о торговле несовершеннолетними позволяет произвести разделение способов совершения указанного преступления на две основные группы. Первую группу составляют действия по непосредственной купле-продаже несовершеннолетних, вторую – иные сделки с ними.

Важными классификационными критериями, непосредственно влияющими на формирование способа совершения преступления по торговле несовершеннолетними, являются следующие.

1. Наличие или отсутствие личностных связей между преступником и объектом преступного посягательства. Для совершения преступления родителями или лицами, находящимися в личностной связи с передаваемыми несовершеннолетними, характерной особенностью является ненасильственный характер производимых действий, в большинстве случаев передаваемый ребенок вводится в заблуждение относительно осуществля-

емого. Так, как правило, личность покупателя представляется ребенку в виде родственника или иного лица, вызывающего его безусловное доверие, истинная цель передачи маскируется действиями, желательными для самого несовершеннолетнего.

При продаже несовершеннолетних третьими лицами, напротив, характерным является применение действий насильственного характера, направленных на подавление воли ребенка. Важной особенностью совершения преступления данной группой лиц является тот факт, что само нахождение в их распоряжении несовершеннолетнего является, как правило, результатом совершенных ранее преступных действий, сам характер которых предопределяет необходимость скрытого содержания несовершеннолетнего в целях предотвращения его обнаружения посторонними лицами.

Способы совершения действий по торговле несовершеннолетними, разделяемые по указанному выше критерию, активно корректирует показатель возраста несовершеннолетнего. Введение в заблуждение, как и насильственное удержание, характерно только в процессе осуществления сделок с несовершеннолетними, достигшими возраста, позволяющего им осознавать сущность происходящего и совер-

шать определенные действия, способные воспрепятствовать осуществлению преступного замысла.

2. Цели приобретения несовершеннолетнего. По данному критерию можно выделить приобретение ребенка в целях дальнейшего воспитания как собственного и приобретение для использования его в низменных целях. В первом случае жертвой преступного посягательства становятся, как правило, новорожденные дети. Приобретение несовершеннолетних из низменных побуждений обычно продиктовано соображениями их последующей эксплуатации.

Характер избранного способа совершения преступления предопределяет узловые моменты слеодообразования рассматриваемого преступления. Важнейшим уязвимым местом деятельности по торговле несовершеннолетними является необъяснимое появление либо исчезновение ребенка. В случае продажи родителями собственного ребенка последние склонны объяснять отсутствие ребенка отъездом к родственникам, выездом на лечение, учебу и т.п. В некоторых случаях родители несовершеннолетнего могут прибегнуть к ложному заявлению о его пропаже. Важным факультативным признаком совершения преступления является изменение материального положения лиц, обращающихся с подобными заявлениями.

Лица, приобретающие ребенка в целях воспитания его как собственного, испытывают сложности как с объяснением появления у них ребенка, так и с последующей его легализацией. В связи с этим указанные лица могут предпринимать действия по приобретению справки из медицинского учреждения о родах для получения свидетельства о рождении ребенка либо самого свидетельства.

При торговле несовершеннолетними, осуществляемой лицами, не состоящими с ними в личностных связях, важнейшим слеодообразующим источником являются предшествующие действия, совершенные в целях приобретения возможности распоряжения судьбой ребенка. В качестве таких действий, помимо покупки, обычно выступает похищение ребенка.

В случаях эксплуатации приобретенного несовершеннолетнего важнейшим слеодообразующим фактором являются результаты подобной эксплуатации, а иногда и ее непосредственный процесс. Подобные следы могут быть обнаружены в виде записей с элементами детской порнографии, аппаратуры для их производства, информации о действиях прито-

нов, предоставляющих услуги с участием несовершеннолетних, иных случаях эксплуатации детей.

Иные следы деятельности организованных преступных групп, специализирующихся на торговле детьми, возникают, как правило, при совершении действий, направленных на обеспечение вывоза детей за пределы Российской Федерации по подложным документам или при совершении иных действий, направленных на придание несовершеннолетнему легального статуса.

Поводом для возбуждения уголовных дел по торговле несовершеннолетними (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) преимущественно являются сообщения граждан, ставших случайными свидетелями преступления, либо результаты оперативно-розыскной деятельности. Эти два повода встречались в 72% случаев. Заявления от родственников ребенка поступают гораздо реже, что зачастую объясняется наличием их непосредственного преступного замысла.

В ситуации, когда информация о продаже ребенка, независимо от источника информации, поступила вскоре после ее совершения, расследование осуществляется «по горячим следам». Цель – задержать подозреваемого и обнаружить местонахождение несовершеннолетнего. В случае успеха осуществляются личный обыск подозреваемого, осмотр изъятых предметов, допрос. При необходимости производится освидетельствование ребенка. Производится допрос ребенка, его родителей, свидетелей.

Для проверки следственных версий о причастности к продаже ребенка его родителей (законных представителей) необходимо произвести: допрос заявителя или иного лица, сообщившего о преступной сделке; осмотр помещения, где проживал ребенок; допрос родителей несовершеннолетнего; выемку документов ребенка, предметов с его следами; выявление и допрос иных свидетелей, осведомленных о сделке; объявить несовершеннолетнего в розыск.

При проверке следственной версии о сокрытии родителями продажи ребенка посредством подачи заявления о его похищении или гибели в результате несчастного случая (например, утопления) необходимо: произвести осмотр места происшествия; выявить и допросить свидетелей; выявить лиц, знающих семейные взаимоотношения, образ жизни, материальное положение подозреваемых; проверить состояние и изменение финансового статуса подозреваемых.

На первоначальном этапе расследования уголовных дел по торговле несовершеннолетними, в зависимости от информационной насыщенности исходного материала, представляется возможным выделить несколько типичных следственных ситуаций, которые условно подразделяются на простые и сложные (проблемные) [2, с. 228–229].

Простые следственные ситуации образуются в случаях, когда уже на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела следствие располагает данными о лицах, причастных к совершению указанного преступления, а в большинстве случаев о способе его совершения и местонахождении возмездно переданного несовершеннолетнего. Широко распространена типичная следственная ситуация, возникающая в результате поступления информации о совершенном преступлении от родственников или знакомых лиц, продавших собственного ребенка. В указанных случаях следствие, как правило, изначально достоверно располагает данными о лицах, передавших несовершеннолетнего, реже – о его настоящем местонахождении и о покупателе. У следователя имеется реальная возможность восполнения недостающей информации как путем получения сведений от родителей, возмездно передавших собственного ребенка, так и путем уточнения и конкретизации сведений заявителей. В большинстве случаев следствие оперативным путем устанавливает лиц, завладевших несовершеннолетним, обеспечивает их розыск и привлечение к уголовной ответственности.

Вторая следственная ситуация состоит в том, что основанием возбуждения уголовного дела служит задержание преступников непосредственно в момент совершения ими преступных действий. Источником сведений могут быть как заявления граждан, так и результаты ОРД. В данных случаях до принятия решения о возбуждении уголовного дела в рамках предварительной проверки материала представляется возможным проведение оперативных экспериментов, которые в случаях доброкачественности поступивших сведений позволяют осуществить задержание преступников с полным.

Разновидностью указанной следственной ситуации являются случаи, когда задержание преступников непосредственно после совершения преступных действий производится в рамках возбужденного уголовного дела, на основе установления за ними оперативного наблюдения. Чаще всего данная следственная

ситуация возникает в результате разработки деятельности организованных преступных групп. Направление дальнейшего расследования состоит в проверке и уточнении доказательственной информации относительно обстоятельств совершения преступной сделки, выявлении возможных соучастников, а также установлении иных эпизодов преступной деятельности задержанных лиц.

При расследовании преступлений, связанных с торговлей несовершеннолетними, могут складываться проблемные следственные ситуации. Подобные ситуации возникают в случаях, когда лица, осуществляющие передачу несовершеннолетнего, прибегают к имитациям, инсценировкам для обеспечения сокрытия самого события преступления. Распространенными являются ложные заявления о похищении несовершеннолетнего, его пропаже либо гибели в результате несчастного случая. Основное направление расследования в данном случае определяется необходимостью выявления дополнительной информации. Особое значение имеет тщательный осмотр места происшествия.

Наиболее затруднительными для производства последующего расследования являются ситуации, складывающиеся при обнаружении результатов преступной эксплуатации несовершеннолетних или следов принудительного удержания ребенка. Основными направлениями следственных действий будут являться установление круга лиц, имеющих доступ и возможность использования обнаруженного места принудительного удержания, установление потребителей результатов эксплуатации несовершеннолетних с последующим выявлением лиц, предоставляющих им их услуги, розыск возможных свидетелей преступной деятельности.

Промежуточное место между проблемными и простыми типичными следственными ситуациями занимает ситуация, когда уголовное дело возбуждается в результате обнаружения свершившихся фактов незаконной легализации несовершеннолетних либо попыток осуществить такую легализацию. В этой ситуации данные о лице, подозреваемом в совершении преступления, имеются, но способ его совершения, а также происхождение несовершеннолетнего, как правило, неизвестны. Легализация несовершеннолетнего обычно производится путем получения различного рода документов, свидетельских показаний и т.п. Необходимо установить юридические основания находде-

ния ребенка у данных лиц, его истинное происхождение. Существенным препятствием на пути производства следственных действий является тот факт, что в большинстве случаев попытки легализации осуществляются в отношении новорожденных, которые не могут служить источником информации.

Сложности при производстве расследования могут возникнуть и в случаях возбуждения уголовных дел на основании поступления информации непосредственно от очевидцев преступной сделки либо от осведомленных лиц. В данном случае установленными явля-

ются обстоятельства, свидетельствующие о купле-продаже и иных сделках с несовершеннолетними, однако отсутствуют сведения о лицах, их совершивших, данные о личности ребенка, его настоящем местонахождении. Усилия следователя должны быть направлены на получение возможно большей ориентирующей информации для выявления лиц, причастных к совершению преступления.

Знание изложенных ситуаций позволяет успешно планировать необходимые следственные действия и активно проводить расследование.

1. Зеленский В.Д., Спружевников В.К. Организация первоначального этапа расследования преступлений. Краснодар, 2013.

2. Хмыров А.А. Исходные следственные ситуации и роль косвенных доказательств их разрешения // Ситуационный подход в современной науке и правоохранительной деятельности. Калининград, 2012.

1. Zelensky V.D., Spruzhevnikov V.K. Organization of initial stage of investigation of crimes. Krasnodar, 2013.

2. Hmyrov A.A. Initial investigating situations and the role of circumstantial evidence of their solution // Situational approach in modern science and law enforcement activity. Kaliningrad, 2012.

Кольчурин Андрей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kag63@list.ru)

Определение времени реакции водителя при расследовании дорожно-транспортных преступлений

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями производства автотехнической экспертизы. Проанализированы критерии оценки реакции водителя в момент возникновения опасности.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, автотехническая экспертиза, время реакции, водитель.

A.G. Kolchurin, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kag63@list.ru

The timing of the driver's reaction during the investigation of road traffic offenses

The article considers the questions connected with the peculiarities of production of autotechnical expert appraisal. Analyzed the criteria for assessing the reaction of the driver at the time of danger.

Key words: road traffic offenses, auto-technical expertise, reaction time, driver.

При проведении автотехнической экспертизы одним из основных является вопрос о наличии или отсутствии технической возможности водителя предотвратить дорожно-транспортное преступление (ДТП) в тех или иных условиях. Производя соответствующие расчеты, эксперт в качестве одной из составляющих использует время реакции водителя. Эта величина играет исключительную роль при решении вопроса о виновности того либо иного водителя. Использование разных значений времени реакции водителя при прочих одинаковых условиях может привести к совершенно противоположным выводам о технической возможности либо невозможности водителя предотвратить ДТП.

В большинстве случаев определение времени реакции водителя следователи предоставляют экспертам-автотехникам. Согласно проведенным исследованиям так поступают 88% респондентов [1]. На наш взгляд, такая практика является неверной. Остановимся на этом подробнее.

При производстве автотехнической экспертизы эксперты, в соответствии с «Методическими рекомендациями по использованию в экспертной практике экспериментально-расчетных значений времени реакции водителей», используют при расчетах, как правило, среднее дифференцированное значение времени реакции водителя, равное 0,8 сек. Между тем, в зависимости от особенности характеристики

конкретной дорожно-транспортной ситуации время реакции водителя может изменяться в пределах от 0,6 до 1,4 сек. [2]. Выделяют следующие дорожно-транспортные ситуации в зависимости от их особенностей и сложности для восприятия.

1. Водитель имеет возможность заранее обнаружить признаки возникновения опасности для движения и достаточно точно определить место и момент появления препятствия (время реакции – 0,6 сек):

выход пешехода из-за скрытого объекта вслед за другим пешеходом;

движение пешехода в направлении полосы движения транспортного средства;

движение ребенка в направлении полосы движения транспортного средства;

выезд транспортного средства, имевшего преимущественное право, на полосу движения и др.

2. Водитель имеет возможность заранее обнаружить признаки возникновения опасности для движения, но не может заранее с достаточной точностью определить место и момент появления препятствия (время реакции – 0,8 сек.):

выход пешехода на пешеходный переход;
выход пешехода, движущегося в попутном направлении, на проезжую часть;

выход пешехода из-за неподвижного объекта или транспортного средства;

движение пешехода к общественному транспорту;

движение транспортного средства по неразрешенному направлению;

экстренное торможение или изменение направления движения движущегося впереди транспортного средства и др.

3. Водитель не имеет возможности заранее обнаружить признаки возникновения опасности для движения, но в поле его зрения появились объекты, которые могут создать опасность для движения. При этом у водителя не было возможности определить место и время появления препятствия (время реакции – 1,0 сек.):

выход пешехода на проезжую часть вне зоны пешеходного перехода;

выход пешехода из-за неподвижного объекта или транспортного средства;

маневр транспортного средства с нарушением Правил дорожного движения и др.

4. Водитель имеет возможность обнаружить те или иные объекты, но нет признаков, указывающих на то, что они могут стать препятствием для движения (время реакции – 1,2 сек.):

выход пешехода на проезжую часть с обочины вне населенного пункта;

выход пешехода на проезжую часть на запрещающий сигнал светофора;

выезд транспортного средства на запрещающий сигнал светофора;

экстренное торможение следовавшего впереди транспортного средства при неработающем стоп-сигнале и др.

5. В поле зрения водителя не было объектов, создавших впоследствии опасную ситуацию (время реакции – 1,4 сек.):

выход пешехода на проезжую часть с обочины вне населенного пункта из-за объекта, ограничивающего видимость;

разрушения проезжей части;

нахождение на проезжей части объектов, не относящихся к участникам дорожного движения, и др.

Из рассмотренных ситуаций, на наш взгляд, особого внимания заслуживают случаи появления детей вблизи проезжей части.

Как следует из материалов судебной практики, «нахождение малолетних детей вблизи дороги требует от водителя особой осторожности и предусмотрительности» [3]. Вероятно, понятия «особая осторожность» и «предусмотрительность» предполагают, что водитель в случае нахождения детей вблизи проезжей части обязан принять соответствующие меры не в момент, когда ребенок начнет движение в направлении полосы движения транспортного

средства, а раньше (например, когда увидел детей на обочине дороги; когда ребенка не видно, но на проезжую часть выкатился мяч, шар и т.п.; когда въехал в зону действия дорожного знака 1.21 «Дети» и т.д.). Соответственно, по нашему времени, время реакции водителя при движении ребенка в направлении полосы движения транспортного средства должно быть меньше рекомендуемого – 0,6 сек.

В некоторых ситуациях в связи с особенностями организма человека, неподвластными его сознанию и воле, возможно время реакции более 1,4 сек.

К таким ситуациям, на наш взгляд, можно отнести следующие:

продолжительность управления транспортным средством и наличие полноценного отдыха накануне (время реакции водителя вследствие утомления будет увеличиваться);

время суток (как правило, ночью у человека замедляются все жизненные процессы, что притупляет его восприятие, быстроту мышления, психомоторные реакции и т.п.);

увеличение скорости движения транспортного средства (чем выше скорость, тем больше время реакции);

дорожные условия (снижает бдительность движение по автобану, за пределами населенного пункта);

климатические условия (жара, холод) и т.д.

Как верно отмечают Г.П. Аринушин и А.Р. Шляхов, «лицо с замедленной реакцией можно не допустить к управлению транспортным средством, но нельзя вменить ее ему в вину. Поэтому расчеты возможностей водителя избежать происшествия должны вестись с включением в расчетные формулы фактического времени реакции данного водителя» [4].

Таким образом, при определении времени реакции водителя недостаточно руководствоваться только «Методическими рекомендациями по использованию в экспертной практике экспериментально-расчетных значений времени реакции водителей». Устанавливать время реакции необходимо индивидуально для каждого конкретного водителя и с учетом обстоятельств совершения ДТП. С этой целью целесообразно проведение психофизиологической экспертизы водителей.

При этом необходимо тщательно изучить и учесть характеристики различных психофизиологических свойств водителя (возраст, состояние здоровья, зрительные способности, состояние в разные периоды времени и в различных дорожных ситуациях и т.д.). Кроме этого, имеют

значение водительский стаж, перерывы в вождении, виды транспортных средств, которыми управлял водитель, его место жительства и т.п.

При проведении психофизиологической экспертизы эксперту могут быть заданы следующие вопросы:

Каково время реакции водителя?

Соответствует ли время его реакции времени реакции среднестатистического водителя?

Имеются ли у водителя какие-либо индивидуальные психологические особенности, которые могли бы повлиять на время его реакции в момент ДТП?

Имелись ли какие-либо иные условия, которые могли бы повлиять на время реакции водителя в момент ДТП и др.?

Следует отметить, что заключение эксперта является одним из доказательств, которое должно оцениваться наряду с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле.

1. Кольчурин А.Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

2. Суворов Ю.Б. Применение дифференцированных значений времени реакции водителя в экспертной практике: метод. рекомендации. М., 1987.

3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 30 авг. 1967 г. // Бюл. Верховного Суда РСФСР. 1968. № 3.

4. Аринушин Г.П., Шляхов А.Р. Назначение и производство судебных экспертиз. М., 1988.

1. Kolchurin A.G. Features of investigation of road traffic offenses committed in the countryside: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2004.

2. Suvorov Yu.B. The use of differentiated values of the driver's reaction time in expert practice: methodical recommendations. Moscow, 1987.

3. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the RSFSR d.d. Aug. 30, 1967 // Bull. of the Supreme Court of the RSFSR. 1968. № 3.

4. Arinushin G.P., Shlyakhov A.R. Designation and production of judicial examinations. Moscow, 1988.

Ховавко Сергей Михайловичкандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79787234560)

Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий

В статье проведен анализ норм действующего законодательства, гарантирующих соблюдение конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрены права, обязанности и ответственность должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, надзорно-контрольных органов и суда, лиц, в отношении которых осуществляются оперативно-розыскные мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, права и свободы человека и гражданина, оперативно-розыскное законодательство.

S.M. Khovavko, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787234560.

Legal guarantee of provision constitutional rights of human and citizen during operative-search measures

The article analyzes the norms of present legislation, which guarantee provision constitutional rights of human and citizen during operative-search measures. The article deals with rights, duties and responsibility of the officials of the organs realizing operative search activity, supervisory-control organs and court concerning maintenance of constitutional rights of the person and citizen during operative-search activities performance and also persons who are effected operative-search activity.

Key words: operative-search activities, operative-search measures, rights and freedoms of human and citizen, operative-search legislation.

В ст. 2 Конституции РФ закреплено положение, в соответствии с которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В то же время в Конституции РФ предусмотрены случаи правомерного ограничения некоторых прав и свобод человека и гражданина, в частности это ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), права на неприкосновенность жилища (ст. 25) [1]. Ограничение перечисленных выше прав происходит только на основании судебного решения при осуществлении правоохранительной деятельности, одним из видов которой является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). В перечне оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), осуществление которых составляет сущность ОРД, содержатся такие ОРМ, осуществление которых при любых обстоятельствах ограничивает права и свобо-

ды человека и гражданина, а именно: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 8 ч. 1 ст. 6 № 144-ФЗ), контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (п. 9 ч. 1 ст. 6 № 144-ФЗ), прослушивание телефонных переговоров (п. 10 ч. 1 ст. 6 № 144-ФЗ), снятие информации с технических каналов связи (п. 11 ч. 1 ст. 6 № 144-ФЗ) [2].

Применение в ходе осуществления ОРД негласных ОРМ в современном обществе вызывает неоднозначную реакцию. Некоторые правозащитные организации и другие институты гражданского общества обосновывают необходимость запрета или максимального ограничения полномочий оперативных подразделений на проведение негласных ОРМ в целях недопущения нарушений и ограничений прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, необходимость применения негласных ОРМ доказана временем – задачи ОРД объективно не могут быть решены исключительно гласными ОРМ.

В этой сфере общественных отношений главной задачей как законодателя, так и правоприменителя, на наш взгляд, является разработка, внедрение в практику и безукоризненное соблюдение правовых норм, обеспечивающих, с одной стороны, выполнение функций государства по обеспечению национальной и общественной безопасности, защите прав физических и юридических лиц от противоправных посягательств, а с другой стороны, исключая необоснованное нарушение или ограничение конституционных прав и свобод человека.

Одной из ключевых гарантий соблюдения законодателем прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД является деятельность Конституционного Суда РФ и право лица, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, на непосредственное обращение в Конституционный Суд РФ [3]. По инициативе заинтересованных лиц (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых) вопрос о соответствии норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Конституции РФ регулярно является предметом проверки Конституционного Суда РФ. При этом граждане подвергали сомнению соответствие Конституции России норм, содержащихся в ст. 2–17 и ст. 19 указанного Закона, устанавливающих полномочия на проведения ОРМ в целом, а также регулирующих основания и порядок проведения отдельных ОРМ. По результатам рассмотрения обращений граждан Конституционный Суд признал соответствующими Конституции РФ обжалуемые нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4].

Тенденцией законодательной практики в сфере ОРД в последние годы стало активное внедрение в оперативно-розыскное законодательство правовых норм, гарантирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, в частности при проведении ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере ОРД, является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Также правоотношения, возникающие при осуществлении ОРД, регулируются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ), Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ), федеральными законами, регулирующими деятельность государственных органов, уполномоченных на осу-

ществление ОРД, а также их ведомственными нормативными актами. Анализ норм оперативно-розыскного законодательства дает основания говорить о наличии системы гарантий, обеспечивающих соблюдение прав человека и гражданина при проведении ОРМ.

В ФЗ «Об ОРД» предусмотрена правовая обязанность органов (должностных лиц), осуществляющих ОРД, при проведении ОРМ обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (ч. 1 ст. 5 № 144-ФЗ). Соблюдение этой обязанности, в свою очередь, обеспечивается наличием в УК РФ соответствующих статей, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни лица (ст. 137 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ).

В то же время в оперативно-розыскном законодательстве предусмотрена возможность проведения ОРМ только для решения задач ОРД (ст. 2, ч. 2 ст. 5 № 144-ФЗ) и при наличии предусмотренных ФЗ «Об ОРД» оснований (ст. 7 № 144-ФЗ). При этом ОРМ, которые ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, могут проводиться только на основании судебного решения, полученного в установленном ФЗ «Об ОРД» порядке. Законодатель максимально ограничил круг фактических оснований (перечисленных в ч. 2, ч. 4 ст. 8 № 114-ФЗ), при наличии которых возможно проведение ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения. Кроме того, прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях. Исключение составляют случаи проведения контртеррористических операций [5, с. 185–190]. Несмотря на то, что в ФЗ «Об ОРД» предусмотрен порядок получения разрешения суда на проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграф-

ных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, при реализации этого полномочия возникают проблемы, связанные с подтверждением обоснованности проведения таких ОРМ. Для проведения соответствующих ОРМ необходимо как формальное основание, которым является мотивированное постановление судьи, так и фактическая обоснованность проведения таких ОРМ со стороны руководителя органа, осуществляющего ОРД, которая формально подтверждается мотивированным постановлением руководителя органа-инициатора ОРМ. При этом судья вправе ознакамливаться с материалами ОРД, касающимися оснований для проведения соответствующего ОРМ, за исключением данных, указанных в ч. 4 ст. 9 ФЗ «Об ОРД». Проблема в правоприменительной практике заключается в том, что орган – инициатор ОРМ в постановлениях на проведение ОРМ, как правило, указывает недостаточно полные сведения о признаках преступной деятельности, в которой подозревается проверяемое лицо, не называет источники имеющихся сведений, не подтверждает их проверку. В дальнейшем это является поводом для обжалования результатов проведенных ОРМ, а в ряде случаев является основанием для обжалования заинтересованными лицами в Конституционный Суд РФ соответствующих положений ФЗ «Об ОРД». Из решений Конституционного Суда РФ по такого рода жалобам (постановление от 9 июня 2011 г. № 12-П, определения от 14 июля 1998 г. № 86-О, от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 6 марта 2001 г. № 58-О и др.) следует, что судья при решении вопроса о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, не может дать разрешение на проведение ОРМ лишь на основе поступившего к нему постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, если не придет к выводу об обоснованности необходимости и законности с учетом требований ст. 1, 2, 3, 5, 7 и 8 ФЗ «Об ОРД». Обязанность же обосновывать перед судом необходимость ОРМ, влекущих ограничение прав, гарантированных ст. 23 и ст. 25 Конституции РФ, возлагается на органы, осуществляющие ОРД.

Сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, ставшие известными в процессе проведения ОРМ, запрещено разглашать органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмо-

ренных федеральными законами (ч. 8 ст. 5 № 144-ФЗ). Кроме того, эти сведения составляют государственную тайну, т.к. фактически являются результатом ОРД (ст. 5 Закона РФ № 5485-1) [6], и подпадают под правила защиты информации, составляющей государственную тайну.

Оперативно-розыскным законодательством предусмотрен ограниченный срок хранения оперативно-розыскных материалов, полученных в результате проведения ОРМ в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана (ч. 7 ст. 5 № 144-ФЗ). Кроме того, лицо, признанное в установленном законом порядке невиновным в совершении преступления, которое располагает информацией об осуществлении в отношении его ОРМ и полагает, что при осуществлении этих ОРМ были нарушены его права, имеет право потребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации, в порядке и объеме, не нарушающих требования конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. Этой нормой ФЗ «Об ОРД» обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 24 Конституции РФ об обязанности органов государственной власти, в том числе органов, осуществляющих ОРД, обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. В свою очередь, обязанность предоставления по требованию лица информации о проведенных в отношении его ОРМ, затрагивающих его права и свободы, обеспечивается уголовно-правовой нормой, предусмотренной ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении лицу информации».

Гарантией соблюдения прав человека и гражданина при проведении ОРМ, в том числе ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения, является право лица на обжалование. Право на обжалование предполагает возможность лица обжаловать в судебном порядке отказ в предоставлении указанных выше сведений или если лицо сочтет, что сведения предоставлены не в полном объеме (ч. 4 ст. 5 № 144-ФЗ). Лицо, полагаящее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд (ч. 3 ст. 5 № 144-ФЗ). В соответствии с действующим законодательством лицо при подаче жалобы на действия сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих в отношении

его ОРД, не должно быть уверенным в существовании факта нарушения его прав и свобод – с его стороны достаточно одного лишь предположения о таком нарушении. Также в соответствии с действующим оперативно-розыскным законодательством не требуется в качестве основания для подачи жалобы причинения какого-либо материального, физического или морального вреда проведенными в отношении лица ОРМ. Такое положение оперативно-розыскного законодательства, с одной стороны, выступает дополнительной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении в отношении его ОРМ, а с другой стороны, создает предпосылки для злоупотребления лицом правом на обжалование, что может создавать искусственные препятствия в решении задач ОРД.

ФЗ «Об ОРД» предусмотрена обязанность вышестоящего органа, осуществляющего ОРД, прокурора либо судьи принять меры по восстановлению нарушенных органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц, возмещению причиненного вреда (ч. 9 ст. 5 № 144-ФЗ) [7, с. 107–112].

В случае если лицо не удовлетворено результатами административного или судебного рассмотрения его жалобы на решения или действия (бездействия) органа (должностного лица), в том числе осуществляющего ОРД, оно вправе обратиться к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации [8]. Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является дополнительной гарантией государственной защиты прав и свобод человека, их соблюдения и уважения государственными органами и должностными лицами, в том числе при проведении ОРД.

Важнейшей гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ, в том числе ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения, является прокурорский надзор за ОРД (ст. 21 № 144-ФЗ). Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРД осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры. Предметом прокурорского надзора за осуществлением ОРД в соответствии со ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [9] является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения ОРМ, а также законность решений, принимаемых

органами, осуществляющими ОРД. Важность прокурорского надзора за ОРД обусловлена негласным характером ОРД, а также ограниченной возможностью привлечения адвоката лицом, в отношении которого проводятся ОРМ [10, с. 126–132]. Прокурор при осуществлении надзора за оперативно-розыскной деятельностью обладает широкими полномочиями и может осуществлять проверки как по обращениям лиц, так и по собственной инициативе, в плановом порядке или внезапно [11].

Кроме прокурорского надзора за ОРД, существует ведомственный контроль – закон возлагает персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении ОРМ на руководителей органов, осуществляющих ОРД (ст. 22 № 144-ФЗ). Субъектами ведомственного контроля являются как руководители органов, уполномоченных на проведение ОРД, так и руководители соответствующих оперативных подразделений. Эффективность ведомственного контроля обусловлена высокой квалификацией и большим опытом практической оперативно-розыскной деятельности соответствующих руководителей, а также непрерывностью и всеобъемлющей полнотой такого контроля. Ведомственный контроль при проведении ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения, охватывает этапы подготовки к проведению соответствующего ОРМ, непосредственного проведения ОРМ и последующей оперативно-розыскной работы по результатам проведенного ОРМ. При осуществлении ведомственного контроля за ОРД руководители соответствующих органов принимают комплекс мер, обеспечивающих законность и обоснованность проведения ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения. Ведомственный контроль может предшествовать судебному контролю и прокурорскому надзору при осуществлении конкретного ОРМ, осуществляться во время и по окончании проведения соответствующего ОРМ. Особое внимание при ведомственном контроле за проведением ОРМ, осуществляемым на основании судебного решения, уделяется вопросам формальной и фактической обоснованности проведения такого ОРМ, соблюдению порядка и сроков проведения соответствующего ОРМ, выполнению требований по охране государственной тайны и тайны частной жизни лица, в отношении которого проводится ОРМ, осуществляемое на основании судебного решения. Организация осуществления ведомственного контроля ре-

гулируется ведомственными нормативными актами государственных органов, уполномоченных на проведение ОРД.

В качестве отдельной гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ, в том числе ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения, можно назвать уголовно-правовую защиту прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД. В соответствии с уголовным законодательством совершение преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина должностным лицом, осуществляющим ОРД, образует квалифицированные составы соответствующих преступлений (ч. 2 ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ч. 2 ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ч. 3 ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища») [12; 13, с. 44–47].

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации предусмотрен комплекс положений, гарантирующих соблюдение конституционных прав человека и гражданина при проведении ОРМ, в том числе осуществляемых на основании судебного решения, который включает в себя: 1) совокупность прав, обязанностей и мер ответственности субъектов, осуществляющих ОРД; 2) права и обязанности субъектов, осуществляющих контроль и надзор за ОРД; 3) права лиц, в отношении которых проводятся ОРМ, в том числе осуществляемые на основании судебного решения. Гарантии, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ,

осуществляемых на основании судебного решения, условно можно разделить на общие и специальные. Общие гарантии – это такие положения законодательства, которые относятся ко всем ОРМ и к ОРД в целом. Специальные гарантии – положения законодательства, которые регулируют основания, порядок подготовки и проведения ОРМ, осуществляемых на основании судебного решения, а также последующие правоотношения сторон (орган (должностное лицо), проводивший ОРМ, субъекты контроля и надзора за ОРД, лица, в отношении которых проводились ОРМ, осуществляемые на основании судебного решения).

Основным правом лиц, в отношении которых проводятся ОРМ, является право на обжалование. При этом основание для обжалования действий сотрудников оперативных подразделений возникает у лица при наличии одного лишь предположения о том, что при осуществлении в отношении его ОРМ могли быть нарушены его права и свободы, что значительно укрепляет гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ. Кроме того, у лица существует альтернативная возможность обжалования (в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокуратуру или в суд) и дополнительная возможность обжалования (Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации). Важной гарантией соблюдения прав человека и гражданина при осуществлении ОРМ является система контроля и надзора: конституционный контроль, контроль Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, судебный контроль, прокурорский надзор, ведомственный контроль.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.). URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.05.2016).

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181943> (дата обращения: 20.05.2016).

3. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 20.05.2016).

4. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: правовые позиции

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by national vote on Dec. 12, 1993. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 20.05.2016).

2. About operative-search activity: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 № 144-FL. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181943> (date of access: 20.05.2016).

3. About Constitutional Court of the Russian Federation: fed. constitutional law d.d. July 21, 1994 № 1-FCL. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (date of access: 20.05.2016).

4. Podmarev A.A. Restriction of rights and freedoms of the human while effecting operative search activity: legal positions of Constitutional court of Russia // Antidrug security. 2015. № 1(4).

Конституционного Суда России // *Антинаркотическая безопасность*. 2015. № 1(4).

5. Буткевич С.А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2015. № 4(30).

6. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150/ (дата обращения: 20.05.2016).

7. Гусев В.А. Восстановление нарушенных прав и возмещение вреда, причиненных гражданину действиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // *Вестн. С.-Петербурга. ун-та МВД России*. 2012. № 1(53).

8. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 20.05.2016).

9. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 20.05.2016).

10. Илюшин А.А., Маркушин А.Г. Судебный и прокурорский контроль по обеспечению законности оперативно-розыскной деятельности // *Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России*. 2012. № 17.

11. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: приказ Генпрокуратуры России от 15 февр. 2011 г. № 33. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113652/ (дата обращения: 20.05.2016).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174173> (дата обращения: 20.05.2016).

13. Иванов С.И. Нарушение прав и свобод человека сотрудниками уголовного розыска в условиях раскрытия неочевидных преступлений // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2015. № 3(29).

5. Butkevich S.A. Operative-investigative provision of the interior organs activity in special conditions: problems of theory and practice // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2015. № 4(30).

6. About state secret: law of the Russian Federation d.d. July 21, 1993 № 5485-1. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150/ (date of access: 20.05.2016).

7. Gusev V.A. Restoration of the violated rights and damage recovery, inflicted to the citizen by the activity of the organs, effecting operative search activity // *Bull. of St. Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia*. 2012. № 1(53).

8. About the Authorized on human rights in the Russian Federation: fed. constitutional law d.d. Febr. 26, 1997 № 1-FCL. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (date of access: 20.05.2016).

9. About Prosecutor's Office of the Russian Federation: fed. law d.d. Jan. 17, 1992 № 2202-1. URL: http://base.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (date of access: 20.05.2016).

10. Ilyushin A.A., Markushin A.G. Court and prosecutor's control to provide legality of the operative-search activity // *Judicial science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2012. № 17.

11. About organization of the Prosecutor's supervision to enforce the laws while effecting operative search activity: order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation d.d. Febr. 15, 2011 № 33. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113652/ (date of access: 20.05.2016).

12. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174173> (date of access: 20.05.2016).

13. Ivanov S.I. Violation of the rights and freedoms of man and citizen by employees of the criminal investigation department under the disclosure of non-obvious crimes // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2015. № 3(29).

Горбанев Владимир Михайлович
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79298400048)

Оперативно-розыскная характеристика мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи

В статье исследуются элементы оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи. Такая характеристика имеет высокую степень информативности и позволяет выдвигать версии в отношении как обстоятельств совершения преступления, так и личности потерпевшего и преступника.

Ключевые слова: мошенничество, средства сотовой связи, личность потерпевшего, личность мошенника.

V.M. Gorbanev, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79298400048.

Operative and detective characteristic of fraud connected with the use of means of cellular communication

This article examines the elements of operative detective characteristic of fraud connected with the use of means of cellular communication. This feature is highly informative and allows you to push a new version about the circumstances of the crime and the personality of the victim and the perpetrator.

Key words: fraud, means of cellular communication, identity of the victim, identity of the fraudster.

За последнее десятилетие произошла резкая модернизация средств сотовой связи, в результате чего они преобразовались из примитивных аппаратов с очень ограниченным набором функциональных возможностей в мощные гаджеты с большим потенциалом. Совокупность свойств, которыми обладают в настоящее время средства сотовой связи, открывает широкие возможности для реализации преступных замыслов мошенниками. Предупреждение и раскрытие мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, являются непосредственными задачами оперативных подразделений органов внутренних дел. Как отмечает министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев, «...особую актуальность в современных условиях приобретает защита имущественных интересов граждан от воров и мошенников. По распространенности и темпам роста совершаемые ими преступления намного опередили остальные виды противоправных деяний» [1].

Невозможно отрицать и тот факт, что в нашей стране ежедневно растет количество пользователей Всемирной сети. Стремительными темпами происходит адаптация людей к современным условиям существования, неотъемлемой частью которых является Интернет. Различные взаимоотношения между людьми, ранее немыслимые без личного присутствия, за короткий промежуток времени при помощи

средств сотовой связи и Интернета перешли из разряда реальных в виртуальные. В настоящее время наблюдается необратимый процесс сращивания средств сотовой связи и сети Интернет, превращения их в единое целое. Не явилась исключением и кредитно-денежная сфера деловой, бытовой и других видов социальной активности. Негативным последствием данного процесса стало распространение мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи.

Согласно ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации под мошенничеством понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [2].

Мошеннические действия рассматриваемого вида являются преступлениями новой формации, характеризуются дистанционностью, т.е. они совершаются без непосредственного контакта с лицом, которое предполагается обмануть, ввести в заблуждение с целью получения денежных средств.

Для предупреждения и раскрытия мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, сотрудники оперативных подразделений используют обладающие определенной спецификой средства и методы. Организация и тактика раскрытия мошенничеств рассматриваемого вида опираются на характерные общие черты этих преступлений

(способы совершения, личности потерпевшего, преступника и др.) [3, с. 8]. Поэтому данная специфика, а именно совокупность информационных данных о мошенничествах, связанных с использованием средств сотовой связи, находит свое отражение в оперативно-розыскной характеристике преступлений этого вида.

Основоположниками теории оперативно-розыскной характеристики являются такие известные ученые, как А.М. Абрамов, В.М. Аتماжитов, К.К. Горяинов, Д.В. Гребельский, П.И. Иванов, И.А. Климов, В.Н. Кнайкин, В.Д. Ларичев, А.А. Парамонов, К.М. Тарсуков, Ю.М. Худяков, В.П. Шиенок и др. Указанные авторы не отрицают, что элементы уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и иных характеристик являются составными частями оперативно-розыскной характеристики, но при этом необходимо отметить, что для получения обобщенных знаний о личностях мошенников и потерпевших, способах посягательств, обстановке их совершения и следах, приемах ухода от уголовного преследования, а также для решения иных задач оперативно-розыскной деятельности по противодействию данным преступлениям следует рассматривать уголовно-правовую, криминологическую, криминалистическую и иные характеристики не обособленно, а в связи с оперативно-розыскной характеристикой.

Д.В. Гребельский в конце 70-х гг. XX в. одним из первых предложил определение оперативно-розыскной характеристики. Различными авторами в ее содержание вносятся разноплановые элементы, которые непосредственно раскрывают ее понятие. У таких ученых, как С.Н. Иванов, В.М. Аتماжитов, Ю.М. Худяков, П.И. Иванов, В.Н. Кнайкин, А.А. Парамонов, А.М. Абрамов, содержание оперативно-розыскной характеристики различается по структуре, перечню элементов, а также взаимосвязи частей.

Обобщив научные позиции указанных выше авторов, считаем необходимым выделить следующие основные элементы оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи:

- структура и динамика этого вида преступлений;
- характеристика потерпевших;
- характеристика лиц, совершающих преступления;
- способы совершения преступлений.

Данная структура, на наш взгляд, наиболее полно и последовательно отражает сущность рассматриваемого противоправного явления, что не может не послужить основой для приня-

тия рационального решения руководителями оперативных подразделений об использовании имеющихся сил, средств, методов, проведении необходимых мероприятий.

Рассматривая оперативно-розыскную характеристику мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, необходимо отметить, что для данного вида преступлений характерны определенные свойства и признаки, присущие преступности в целом. Преступность как сложное социально-правовое явление характеризуется рядом качественных и количественных показателей. Основным качественным показателем преступности является ее структура, раскрывающая внутреннее содержание данного явления, соотношение различных форм или отдельных видов преступности в общем числе зарегистрированных преступлений [4, с. 30]. Изменения преступности во времени фиксируются с помощью такого ее показателя, как динамика.

Структура и динамика мошенничества как элемента оперативно-розыскной характеристики является одним из факторов, влияющих на распределение сил и средств оперативно-розыскной деятельности по раскрытию рассматриваемых преступлений (закрепление сотрудников, осуществляющих деятельность по раскрытию мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, формирование и расстановка негласного аппарата и др.).

Структура мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, в исследуемом регионе выглядит следующим образом. Около 97% зарегистрированных мошенничеств были осуществлены с помощью звонков на сотовые телефоны потерпевших (здесь и далее приведены обобщенные данные уголовной статистики МВД России, ГУ МВД, УМВД по Республике Башкортостан, Удмуртской Республике, Чувашской Республике, Краснодарскому и Ставропольскому краям, Воронежской, Нижегородской, Самарской областям за период 2012–2015 гг.). По мнению 82% опрошенных сотрудников оперативных подразделений, проблема раскрытия мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, становится в последнее время для ОВД одной из самых острых.

В 2015 г. мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, приобрели массовый характер и стали исчисляться тысячами. Так, 2306 таких преступлений зарегистрировано в Удмуртской Республике, 3020 – в Краснодарском крае, 1001 – в Ставропольском крае, 1063 – в Ростовской области и 2439 –

в Самарской области. Динамика их прироста не снижается и составляет в среднем 50–100% в год. Это обстоятельство позволяет сделать вывод об отсутствии стабилизации количества совершаемых мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, в последние годы.

Если рассматривать не доленое соотношение мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, а их количественные показатели, то следует обозначить этап резкого увеличения числа данных преступлений, который пришелся на 2015 г. Достаточно сказать, что в 2015 г. прирост рассматриваемых преступлений в Краснодарском крае составил 30% по сравнению с предыдущим годом.

При опросе оперативных сотрудников были названы следующие причины большого количества мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой: виктимное поведение потерпевших (54%); широкая распространенность средств сотовой связи для населения (29%); низкая раскрываемость данного вида мошенничеств (21%); легкая возможность смены средств сотовой связи (42%); возможность использования незарегистрированной либо зарегистрированной на юридическое лицо или по украденному паспорту sim-карты (58%) (общая сумма превышает 100%, т.к. респондентам предлагалось указать несколько вариантов ответов).

Характеристика личности потерпевшего от данного вида мошенничества является важным элементом оперативно-розыскной характеристики. Следует отметить, что мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, как и многие другие составы преступлений (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, хулиганство и т.д.), являются виктимными составами.

Возраст потерпевших от таких мошенничеств распределялся следующим образом: до 45 лет – 12%; от 45 до 63 лет – 67%; от 63 до 79 лет – 16%; старше 79 лет – 5%.

Рассматривая личность потерпевшего, необходимо отметить, что при совершении мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, чаще потерпевшими оказываются женщины (86%).

Таким образом, особенности личности потерпевшего связаны с его виктимным поведением, впечатлительностью, невнимательностью, эмоциональностью. В процессе сбора информации о личности потерпевшего и при тактически обоснованном использовании данной информации появляется возможность не только распознавания потенциальной жертвы, но

и принятия мер по предупреждению и раскрытию мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи.

Личность преступника, совершающего мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, является одним из основных элементов оперативно-розыскной характеристики. Пол, возраст, образование, место жительства, наличие судимости – это сведения, необходимые для составления характеристики личности преступника, совершающего такие мошеннические действия.

Изучение материалов уголовных дел показало, что лицами, совершающими мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, в основном являются мужчины (86%).

Возраст преступников данной категории колеблется от 18 до 35 лет, что объясняется общностью интересов по физиологическим признакам, преемственностью поколений (данные лица имеют примерно одинаковое воспитание, социальный статус, идеологическое мышление, уровень восприятия окружающей действительности и др.).

Высшее и неоконченное высшее образование имели 26% таких мошенников; большинство мошенников имели среднее, среднее специальное образование – 41%; неполное среднее – 33%. Наличие образования позволяет лицам, совершающим мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, легко и быстро адаптироваться к техническому прогрессу, использовать возможности гаджетов для успешной реализации своих преступных планов.

На момент совершения преступления 74% преступников находились в местах лишения свободы.

В ходе проведенного исследования установлено, что около 88% мошенников ранее уже имели судимость либо привлекались к уголовной ответственности. Наличие криминального прошлого у лиц, совершающих такие мошенничества, говорит о стойкой противоправной направленности личности и активном противодействии раскрытию преступлений. Необходимо отметить, что указанные лица знакомы с приемами, способами и методами оперативно-розыскной деятельности, что должно учитываться оперативными сотрудниками ОВД.

Важным элементом оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, который необходимо наиболее полно и подробно рассмотреть, является способ совершения

данного вида преступлений. Под способом совершения мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, мы понимаем те действия преступника, посредством которых он реализует свой преступный умысел, направленный на завладение чужими денежными средствами или получение права на их использование и распоряжение ими по своему усмотрению.

У преступников, специализирующихся на таких мошенничествах, на вооружении имеется несколько способов их совершения. Рассмотрим наиболее часто используемые способы.

1. Происшествие с родственником. Лицо, как правило, осужденное за ранее совершенное преступление и отбывающее наказание в исправительном учреждении ФСИН России, звонит на стационарные или сотовые телефоны, выбирает по голосу женщин преклонного возраста, т.к. они наиболее эмоциональны, впечатлительны и подвержены внушению, и, представляясь родственником (сыном, внуком), взволнованным приглушенным голосом сообщает, что задержан сотрудниками правоохранительных органов за совершение тяжкого преступления (сбыт наркотиков, хранение оружия, дорожно-транспортное происшествие, нанесение тяжких телесных повреждений). После данного короткого сообщения в разговор вступает якобы сотрудник полиции и уверенным доверительным тоном уведомляет собеседника о том, что данную проблему можно решить за деньги, но в ограниченные сроки. Жертве не дают опомниться, держат в психологическом напряжении, делается это для того, чтобы жертва не могла подумать о том, где может находиться представившийся родственник, и позвонить ему. Если потерпевший соглашается на условия, то мошенник сообщает, каким образом необходимо передать деньги. В основном за ними приезжает курьер, т.е. человек, который даже не подозревает о совершающемся преступлении, например таксист, но приехать может и сообщник мошенника. Также жертве могут предложить перевести денежные средства на указанную мошенником банковскую карту через терминал банка или посредством приложения «Мобильный банк», установленного на сотовом телефоне или ином средстве сотовой связи; внести денежные средства через терминал оплаты, например QIWI, на абонентский номер сотового телефона.

2. Sms-просьба. Абонент получает на сотовый телефон сообщение: «У меня проблемы, позвони по такому-то номеру, если номер не-

доступен, положи на него определенную сумму денег и перезвони».

3. Платный код. Поступает звонок якобы от сотрудника службы технической поддержки оператора сотовой связи с предложением подключения новой эксклюзивной услуги или перерегистрации во избежание отключения связи из-за технического сбоя либо для улучшения качества связи. Для этого абоненту предлагается набрать под диктовку код, который является комбинацией для осуществления мобильного перевода денежных средств со счета абонента на счет злоумышленников [5].

4. Дешевый товар в сети Интернет. Абонент с помощью своего гаджета находит в сети Интернет, например на сайте «Авито.ру», объявление о продаже какого-либо товара (велосипед, автомобиль, бытовая техника) по заниженной цене, не соответствующей рыночной цене на товар данной марки и производителя. Позволив по указанному в объявлении абонентскому номеру сотового телефона, предполагаемый покупатель узнает от предполагаемого продавца о том, что данный товар продается срочно в связи с какими-то серьезными проблемами у продающего или его родственников (например, необходимость срочной дорогостоящей операции), а также что позвонивший уже не первый и, чтобы данный товар достался именно ему, необходимо внести задаток, перечислив денежные средства на абонентский номер сотового телефона или на банковскую карту.

5. Мнимая купля-продажа товара в Интернете. Мошенник находит в сети Интернет объявления о продаже и покупке определенного вида товара разными лицами. Он звонит по указанным в объявлении абонентским номерам сотовых телефонов продавцу и покупателю. С продавцом договаривается о цене и объеме покупаемого продукта, при этом сообщает, что фактическую часть сделки в ближайшее время проведет его помощник, с которым нет необходимости обсуждать вопрос стоимости товара. В данной ситуации мошенник с продавцом больше не созванивается. С покупателем мошенник договаривается о продаже якобы принадлежащего ему товара по более низкой стоимости по сравнению с рыночной, для усиления эффекта заинтересованности и усыпления бдительности он также говорит об отсутствии необходимости обсуждения цены с лицом, т.к. это вне его компетенции, в месте, где оговоренный продукт будет предоставлен в качестве материального носителя для оценки его качества покупателем. Если подобный сценарий срабатывает, мошенник объясняет

жертве, как перевести денежные средства за понравившийся товар.

Перечисленные способы совершения мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, являются наиболее распространенными, они постоянно совершенствуются, трансформируются с учетом действительности, приобретают новые черты, которые необходимо учитывать для противодействия им.

Следует отметить, что обман и злоупотребление доверием являются обязательным признаком мошеннических посягательств, соответственно, мошенник совершает комплекс обманных действий с целью ввести в заблуждение собственника имущества или лицо, в ведении которого оно находится. Независимо от того, какой целью руководствуется субъект

преступления, он сознательно вводит в заблуждение другого, рассчитывая на соответствующее изменение (или сохранение) состояния, мыслей, оценок действий последнего [6, с. 134].

Таким образом, структура и динамика, характеристика потерпевших, характеристика лиц, совершающих данные преступные деяния, способы совершения рассматриваемых преступлений являются важными и значимыми элементами оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи, которая обладает значительной степенью информативности, позволяющей выдвигать версии в отношении как обстоятельств совершения самого преступления, так и личности потерпевшего и преступника.

1. *Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России (15 марта 2016 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (дата обращения: 28.03.2016).*

2. *Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 нояб. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.*

3. *Ударцев С.Ю. Раскрытие хищений средств сотовой связи подразделениями уголовного розыска. Хабаровск, 2012.*

4. *Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. М., 2005.*

5. *Расследование и раскрытие преступлений, совершенных посредством смс-сообщений: метод. рекомендации / Н.А. Жукова и др. М., 2014.*

6. *Ударцев С.Ю., Давыдов С.И. Способы хищений средств сотовой связи, совершаемых путем мошенничества // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2006.*

1. *The speech of the minister of internal affairs of the Russian Federation V.A. Kolokoltsev at the enlarged meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs (March 15, 2016). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (date of access: 28.03.2016).*

2. *Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on Nov. 28, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.*

3. *Udartsev S.Yu. Disclosure of theft of the cellular by units of the criminal investigation. Khabarovsk, 2012.*

4. *Alekseev A.I. Criminology: course of lectures. 5th ed., rev. and augm. Moscow, 2005.*

5. *The investigation and disclosure of crimes committed by means of SMS messages: guidelines / N.A. Zhukova et al. Moscow, 2014.*

6. *Udartsev S.Yu., Davydov S.I. Methods of theft of the cellular means perpetrated by fraud // Problems of the theory and practice of operational-investigative activity of the criminal police: interuniv. coll. of sci. works. Barnaul, 2006.*

Скрипка Арминэ Арамовна

Тулский государственный университет

(e-mail: armina-g@mail.ru)

Особенности предъявления для опознания при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы

В статье рассмотрены факторы, предопределяющие специфику предъявления для опознания живых лиц по делам о преступлениях против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам лицами подросткового возраста. Представлены рекомендации по повышению результативности данного следственного действия, в том числе с учетом характерных для процесса опознания проблемных следственных ситуаций.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, экстремизм, экстремистская деятельность, субъекты преступления, мотивы, признаки внешности, предъявление для опознания, следственное действие, опознающий, опознаваемый.

A.A. Skripka, Tula State University; e-mail: armina-g@mail.ru

Features of the identification parade during the investigation of crimes against life and health of minors committed on motives of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity or on motives of hatred or enmity concerning any social group

The article examines the determinants of the specificity of the identification parade of living persons in cases of crimes against life and health committed by extremist motives persons of the age of puberty. The author gives recommendations on improving the performance of this investigative action, including taking into account characteristic for the process of identification of problematic investigative situations.

Key words: extremist crimes, extremism, extremist activity, subjects of crime, motives, appearance characteristics, presentation for identification, investigative action, identifying, identifiable.

Механизм совершения насильственных преступлений, детерминированных мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (экстремистскими мотивами) [1, с. 115–118; 2, с. 94–97; 3, с. 31–35; 4, с. 40–45], предопределяет высокую востребованность предъявления для опознания живых лиц при установлении обстоятельств совершения преступления, идентификации конкретных лиц как субъектов преступления, а также конкретизации действий соучастников на месте происшествия.

В отличие от иных разновидностей преступлений против жизни и здоровья, совершенных подростками и молодежью, насильственные экстремистские преступления предопределены более высоким уровнем агрессивной мотивации [5, с. 59–63], в основе которой убежденность не только в превосходстве одних социальных групп над другими, но и в недостойности проживания представителей «презираемых» социальных групп на определенных территориях [6, с. 151–154], вплоть до готовности их физического истребления. Этим деяниям свойственны элементы эпатажа как демонстративно реализуемой крайней формы социальной нетерпимости, что, в свою оче-

редь, может быть проявлением различных психических расстройств, не исключающих вменяемости [7, с. 3–9].

Указанные факторы определяют более широкую распространенность совершения насильственных действий в разнообразных оживленных местах, будь это места компактного проживания или иного регулярного пребывания представителей различных диаспор, а равно незаконных мигрантов [8, с. 9–17; 9, с. 5–10] (например, стихийно расположенный табор таджикских цыган; общежития, гостиницы; учебные заведения), различные общественные места, пользующиеся особой популярностью среди представителей «отвергаемых» социальных групп (например, участки вблизи мест осуществления религиозного культа – синагог, мечетей либо мест почитания памяти усопших и т.д.), иные открытые участки пространства, регулярно посещаемые представителями «отвергаемых» социальных групп, помимо других лиц (рынки, остановочные комплексы, улицы, площади, парки, скверы). Преступления против жизни и здоровья, не сопровождающиеся реализацией экстремистской мотивации, совершенные, например, на почве мести в семейно-бытовой сфере [10, с. 25–28], из корыстных побуждений [11, с. 5–8], на сексуальной почве [12, с. 3–9; 13, с. 164–167] и т.д., наоборот, чаще всего осуществляются в людных местах, по возможности в отсутствие свидетелей-очевидцев [14; 15, с. 34–38]. Если субъекты преступления выбирают все же людное место для причинения насилия вплоть до физической расправы, то, тем не менее, в пределах людных мест нередко осуществляется захват жертвы и дальнейшее принудительное перемещение.

Тактико-криминалистические приемы [16, с. 73–79; 17, с. 15–18] предъявления для опознания определены действующей редакцией ст. 193 УПК РФ, регулирующей основания, формы, порядок предъявления для опознания. В соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому могут быть предъявлены для опознания лицо или предмет, ранее наблюдаемые ими при определенных обстоятельствах. Таким образом, законодатель допускает участие в качестве опознающих лиц, имеющих различный процессуальный статус как участников уголовного судопроизводства. Отсутствуют как таковые ограничения в процессуальном статусе опознаваемого – им может быть не только подозреваемый, обвиняемый, но и потерпевший и свидетель.

Предъявление для опознания живых лиц может осуществляться как в натуре (реально), так и по фотоснимкам (при невозможности предъявления для опознания лица реально) – ч. 5

ст. 193 УПК РФ. Если имеется необходимость в применении мер обеспечения безопасности в отношении опознающего, то законодатель предусматривает возможность предъявления для опознания в условиях, исключающих непосредственный визуальный контакт опознаваемого и опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). По этому основанию (обеспечение безопасности опознающего) предъявление для опознания по фото, к сожалению, не предусмотрено, что не всегда принимается во внимание следователями, провоцируя повод для конфликтных ситуаций по оспариванию результатов опознания, проведенного по фото. Не предусматривает законодатель также возможность предъявления для опознания по фото в ситуациях, когда по тактическим мотивам для следователя важно на определенный период оставить подозреваемого, обвиняемого (являющегося опознаваемым) в неведении относительно результатов расследования, фактов его отождествления.

Наиболее типичное представление на практике о ситуациях, требующих предъявления для опознания живых лиц при расследовании насильственных преступлений, касается предъявления в качестве опознаваемого подозреваемого (заподозренного, т.е. лица, в отношении которого на данный момент расследования отсутствуют юридические основания для задержания, применения меры пресечения, допроса в качестве подозреваемого, но в отношении которого имеется информация о вероятной причастности к преступлению) обвиняемому – потерпевшему или свидетелю. При этом подозреваемый (обвиняемый) и потерпевший или свидетель ранее не были знакомы, но встречались при определенных обстоятельствах, связанных с совершением преступления.

Действительно, данное фактическое основание является наиболее распространенным при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных на почве экстремистских побуждений лицами подросткового и молодежного возраста. Однако, наряду с ним, для расследования указанной группы преступлений актуальны и иные специфические ситуации, в частности, когда для опознания предъявляется потерпевший либо предъявляемый для опознания подозреваемый или обвиняемый, в том числе скрывшийся от следствия, был ранее хорошо знаком опознающему, а не наблюдался последним в связи с событиями, имеющими непосредственное отношение к преступлению.

С названными ситуациями тесно связаны более широкие возможности предъявления для опознания по фото. Кроме того, более широкие возможности опознания по фото обусловлены демонстративно-эпатажным харак-

тером механизма насильственных экстремистских преступлений в сочетании с присущим подростково-молодежной возрастной категории бравированием своей деятельностью, что нередко проявляется в видеофиксации ими собственных насильственных действий.

Соответственно, если насильственные действия осуществлялись в пределах участка пространства, оснащенного камерами видеонаблюдения, либо факт нападения и физической расправы фиксировался на видео самими участниками преступления, с публикацией полученного ролика на различных социальных сайтах, тематических (экстремистских) сайтах, направлялся с помощью средств телекоммуникационной связи для отчета руководителям экстремистской акции, а равно фиксировался на видео случайными очевидцами (например, момент похищения) и т.п., то при наличии в распоряжении следователя данных материалов целесообразно их предъявление для опознания по правилам опознания людей по фотоснимкам. Однако предварительно необходимо, после осуществления процессуальных действий по введению этих материалов в уголовный процесс и приобщению в качестве доказательств, удовлетворяющих требованиям относимости, допустимости и достоверности (наименование процессуальных действий и их последовательность могут различаться в зависимости от режима поступления соответствующих материалов к следователю: в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности [18, с. 57–60; 19, с. 61–64]; предметов или иных носителей информации, полученных в результате выемки или обыска, изъятых при личном обыске задержанных и т.д.), выполнить в рамках осмотра предметов и документов (в том числе информационных источников как разновидности электронных документов) скриншот с наиболее качественным кадром, по возможности максимально отображающим характерные признаки внешности либо сопутствующие признаки, по которым опознающий готов опознать опознаваемого согласно его показаниям, данным на допросе, предшествующем опознанию. Факт скриншота следует отобразить в протоколе осмотра, с указанием сведений о фиксируемом кадре. Дальнейшее предъявление для опознания производится по правилам предъявления для опознания живых лиц по фотографии.

Среди негативных факторов, в организационном или тактическом смысле затрудняющих процесс отождествления личности, следует отметить опасения потенциальных опознающих в вероятности мести со стороны субъектов преступления, находящихся на свободе, а также использование субъектами преступлений масок и иных предметов, скрывающих черты внешности.

В первом случае необходимо, наряду с предъявлением для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), применить и иные меры безопасности, например сокрытие в процессуальных действиях данных о личности лица, дающего показания, в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ (в том числе при предварительном допросе, предшествующем предъявлению для опознания), официальное предупреждение защитников о недопустимости разглашения данных предварительного расследования с отображением соответствующей подписки (ч. 2 ст. 161 УПК РФ).

Во втором случае необходимо при планировании предъявления для опознания людей учитывать условия восприятия опознающим опознаваемого и индивидуальные психологические особенности образной памяти (зрительной, слуховой) опознающего, что можно подчеркнуть при допросе потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых [20, с. 63–65; 21, с. 63–69]. Разумеется, не каждое лицо способно рассмотреть, запомнить и воспроизвести признаки внешности, а тем более осуществить их идентификацию в ходе следственного действия. В то же время правоприменительной практике известны случаи опознания лиц, находившихся в момент похищения в балаклавах или в иных предметах, используемых для сокрытия внешности (например, маски, изготовленные кустарным способом из темных эластичных колготок). Представляется, что в этих случаях предъявление для опознания человека в группе других лиц, имеющих общие признаки внешности, целесообразно осуществлять также с учетом аналогичных головных уборов и аналогичных средств маскировки.

Выражение экстремистских мотивов при совершении преступлений против жизни и здоровья лицами подросткового и молодежного возраста нередко сопровождается высказываниями субъектами преступления различной речевой информации как дискриминационного характера (в виде националистических лозунгов «Россия для русских», положений различных деструктивных идей о «теоретически обоснованном» превосходстве одной социальной группы над другой и т.д.), так и нейтрального (при общении соучастников между собой, их обращении к потерпевшему и т.д.). Некоторые люди (например, обладающие музыкальным образованием; слабовидящие; с отчетливо выраженной интроверсией и иными индивидуально-психологическими особенностями) лучше запечатлевают образы людей по голосу и речи, но фактически имеют ограниченные возможности по запоминанию индивидуальных признаков внешности человека, в особенности черт лица. В условиях плохой видимости (при

кратковременности ситуации нападения, похищения, с использованием субъектами преступлений предметов, скрывающих черты их лиц) потерпевшие могут оказаться не способны узнать субъектов преступления по внешности, но готовы произвести опознание по голосу.

Возможность предъявления для опознания по голосу неоднозначно воспринимается в теории и на практике. По данным Т.А. Аристарховой, указанная форма предъявления для опознания осуществлялась в 3% случаев (с учетом общих процентных показателей осуществления предъявления для опознания в 53% случаев) [22, с. 204], что само по себе указывает на наличие потребности в отождествлении по голосу.

Достаточно низкий процент связан, во-первых, с тем, что законодатель в ст. 193 УПК РФ фактически сводит данное следственное действие к опознанию по чертам внешности, поскольку в ч. 2 ст. 193 УПК РФ указывается на то, что потенциальный опознаваемый должен именно «видеть» (а не воспринимать вообще любым из органов чувств) определенный объект (человека, предмет, труп), воспроизвести при предварительном допросе характерные черты этого объекта, по которым он готов осуществить отождествление. Во-вторых, с доминированием по общему правилу органов зрения при восприятии и воспроизводстве различной информации. Некоторые исследователи и практики допускают также комплексное опознание (по внешности, голосу и речи), иные считают такое недопустимым.

В то же время, как уже упоминалось, правоприменительная практика указывает на то, что потребность в предъявлении для опознания по голосу как таковая имеется, рассматриваемая нами категория преступлений данную гипотезу полностью подтверждает. Соответственно, в этом аспекте формулировка ст. 193 УПК РФ несовершенна, предопределяя возникновение на практике различных проблемных ситуаций, обусловленных неоднозначностью толкования данной нормы, в сочетании с комплексом иных проблем криминалистической тактики, генери-

рованных современной моделью уголовного судопроизводства [23, с. 5–10].

Мы полностью согласны с А.А. Варданяном [24, с. 9–11] в том, что необходимо расширение в данном ключе процессуальных оснований и процессуальных форм предъявления для опознания в части регламентации особенностей предъявления для опознания по голосу и речи (которое могло бы быть как в натуре, т.е. живыми лицами, непосредственно выражающими речевую информацию, так и с помощью средств аудиозаписи). На наш взгляд, не противоречит психологическим законам восприятия и воспроизведения информации и опознание одновременно по внешности и по голосу при условии, что опознающий запомнил отдельные черты внешности и отдельные особенности голоса и речи, способен их воспроизвести при предварительном допросе и готов осуществить по ним отождествление.

Таким образом, предъявление для опознания является одним из востребованных следственных действий при расследовании насильственных экстремистских преступлений, совершенных лицами несовершеннолетнего и молодежного возраста, что предопределено: психологическими особенностями субъектов преступлений и потерпевших; специфической мотивацией виновных; демонстративно-эпатажным характером реализации преступного умысла. Указанные особенности предопределяют также распространенность ситуаций предъявления для опознания лиц по фотоизображениям, полученным как традиционным путем, так и в результате обнаружения и анализа электронных носителей, в формате как фотоснимков, так и видеороликов. Вместе с тем, регламентация ст. 193 УПК РФ является несовершенной, существенно снижая возможности предварительного расследования в плане осуществления идентификации по мысленному образу, что побудило нас в рамках данной работы указать направления по оптимизации формулировки указанной нормы.

1. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 8.

2. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический

1. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. *Dialectical unity of extremism and terrorism as a philosophical prerequisite for improved approaches to forensic scientific support for anti-terrorist and anti-extremist activity* // Bull. of Moscow university of the MIA of Russia. 2015. № 8.

2. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. *The relationship between the concepts of extremist and terrorist activities: epistemological and legal aspects* // «Black holes» in Russian legislation. 2015. № 4.

и правовой аспекты // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2015. № 4.

3. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4(42).

4. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2015. № 3(31).

5. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2013. № 2(25).

6. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этно-религиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2013. № 2(25).

7. Варданян А.В. Криминалистическая типология субъектов насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2014. № 2–2.

8. Варданян А.В., Ларионов И.А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2015. № 4–2.

9. Андреянченко Д.В., Варданян А.В. Сущность организации незаконной миграции как информационный потенциал для формирования частной криминалистической методик расследования данной категории преступлений // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. 2014. № 3(13).

10. Варданян А.В. Преступления в семейно-бытовой сфере: понятие и организационно-тактические особенности раскрытия и расследования // Юрист-Правоведь. 2010. № 5.

11. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности, совершенных по корыстным мотивам // Юрист-Правоведь. 2010. № 3.

12. Варданян А.В. Насилие и угроза его применения как способ совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2015. № 3–2.

13. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие

3. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. On the classification of phenomena of extremism and terrorism: the unity of nature and the multivariate display in the society // The rule-of-law state: theory and practice. 2015. № 4(42).

4. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. The genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge // Legal science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia. 2015. № 3(31).

5. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Typology of aggression and forms of its manifestation in the structure of motivation of extremist and terrorist activities // Bull. of Volgograd academy of the MIA of Russia. 2013. № 2(25).

6. Vardanyan V.A., Kuleshov V.R. Some determinants of the genesis of ethno-religious extremism and terrorism, and their actualization at the present stage of development of society // Bull. of Volgograd academy of the MIA of Russia. 2013. № 2(25).

7. Vardanyan A.V. Criminalistic typology of the subjects of violent attacks on the lives and health of a person with mental disorder not excluding sanity // Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences. 2014. № 2–2.

8. Vardanyan A.V., Larionov I.A. Scientific foundations of the formation of criminalistic characteristics of crimes related to organization of illegal migration // Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences. 2015. № 4–2.

9. Andreanchenko D.V., Vardanyan A.V. The essence of the organization of illegal migration as a potential for the formation of private criminalistic methods of investigation of this category of crimes // Bull. of Tomsk state university. Law. 2014. № 3(13).

10. Vardanyan A.V. Crimes in the family and domestic sphere: concept and organizational-tactical features of detection and investigation // Lawyer. 2010. № 5.

11. Vardanyan A.V. Modern problems of disclosure and investigation of serious crimes against the person, committed for mercenary motives // Lawyer. 2010. № 3.

12. Vardanyan A.V. Violence and the threat of its use as a means of committing crimes against sexual inviolability and sexual freedom of personality // Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences. 2015. № 3–2.

13. Vardanyan A.V. Features of the formation of criminal motivation in individuals with mental disorders not excluding sanity, when they commit crimes against life and health sexual // Bull. of Volgograd academy of the MIA of Russia. 2014. № 3(30).

14. Vardanyan A.V. Modern problems of disclosure and investigation of serious violent

вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья на сексуальной почве // *Вестн. Волгоград. акад. МВД России*. 2014. № 3(30).

14. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности. Ростов н/Д, 2015.

15. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // *Юристы-Правоведь*. 2015. № 3(70).

16. Айвазова О.В., Коновалов С.И. Криминалистический прием как категория современной науки криминалистики // *Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки*. 2016. № 2–2.

17. Айвазова О.В. Криминалистический прием как криминалистическая научная категория // *Юристы-Правоведь*. 2015. № 3(70).

18. Варданян А.В. Когнитивно-тактический потенциал оперативно-разыскных подразделений как субъектов профилактического воздействия // *Философия права*. 2011. № 4(47).

19. Варданян А.В. Результаты оперативно-разыскной деятельности как источники доказательственной информации по уголовному делу // *Юристы-Правоведь*. 2010. № 6.

20. Коновалов В.С., Айвазова О.В. Особенности производства допроса потерпевшего и свидетеля по делам о преступлениях, связанных с причинением вреда здоровью // *Юристы-Правоведь*. 2007. № 3.

21. Айвазова О.В., Гнетнев И.Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // *Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки*. 2013. № 2–2.

22. Аристархова Т.А. Криминалистическая характеристика и совершенствование методики расследования преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2015.

23. Варданян А.В., Варданян Г.А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // *Юристы-Правоведь*. 2015. № 6(73).

24. Варданян А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012.

crimes against the person. Rostov-on-Don, 2015.

15. Vardanyan A.V., Govorukhina E.V. Motivation of serious violent crimes against the person as the basis for their forensic classification. Typical places of committing violent crimes against the person // *Lawyer*. 2015. № 3(70).

16. Ayvazova O.V., Konovalov S.I. Criminalistic technique as a modern category of forensic science // *Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences*. 2016. № 2–2.

17. Ayvazova O.V. Criminalistic technique as criminalistics scientific category // *Lawyer*. 2015. № 3(70).

18. Vardanyan A.V. Cognitive-tactical capabilities of the operational-investigative units as subjects of preventive effects // *Philosophy of law*. 2011. № 4(47).

19. Vardanyan A.V. The results of operative-investigative activities as sources of evidence in a criminal case // *Lawyer*. 2010. № 6.

20. Konovalov V.S., Ayvazova O.V. Peculiarities of production of the interrogation of victims and witnesses in cases of crimes involving bodily injury // *Lawyer*. 2007. № 3.

21. Ayvazova O.V., Gnetnev I.G. Peculiarities of formation of the testimony of suspects, accused persons with mental disorder not excluding sanity // *Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences*. 2013. № 2–2.

22. Aristarkhova T.A. Forensic characterization and improvement of a technique of investigation of crimes against the rights and legitimate interests of man and citizen, committed on extremist grounds: diss. ... Master of Law. Tula, 2015.

23. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Theoretical and methodological problems of criminalistic tactics in the context of contemporary models of the criminal process // *Lawyer*. 2015. № 6(73).

24. Vardanyan A.A. Peculiarities of investigation of crimes related to trafficking in persons, criminal procedure and forensic aspects: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2012.

Казачкова Земфира Мухарбиевна

доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(e-mail: zem7900@yandex.ru)

Быкодорова Любовь Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент,
Арбитражный суд Ставропольского края
(тел.: +78652714060)

Административные трибуналы Великобритании: этапы становления и развития

В статье рассмотрены этапы построения административной юстиции в Великобритании. Показаны этапы становления и развития административных трибуналов. Проанализированы работы зарубежных исследователей в данном контексте, показаны метаморфозы принципа разделения властей по мере укрепления системы административных трибуналов в Великобритании. Исследованы ключевые факторы, лежавшие в основе эволюции административных трибуналов, роль промышленного развития, влияние социального государства на концепцию развития административных трибуналов.

Ключевые слова: административная юстиция, принципы административной юстиции, эффективность административной юстиции, прозрачность административной юстиции, административный трибунал.

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor, All-Russian State University of Justice; e-mail: zem7900@yandex.ru;

L.V. Bykodorova, Master of Law, Assistant Professor, Arbitration Court of Stavropol Region; tel.: +78652714060.

Administrative tribunals in Great Britain: stages of forming and development

The purpose of this article is considering of different stages of forming of administrative justice in the United Kingdom. The article describes the stages of forming and development of administrative tribunals. The important works of foreign thinkers are analyzed in this article; the metamorphosis of the principles of distributing of the state power in this field is the key question of this article. The basic and key factors of the development of the system of administrative tribunals' are analyzed in this article, the role of industrialization in this process and influence of social state on the concept of administrative tribunals.

Key words: administrative justice, principles of administrative justice, efficiency of administrative justice, transparency of administrative justice, administrative tribunal.

Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ, развитие новой модели Верховного Суда РФ актуализируют исследовательский и практический интерес к различным вопросам разрешения административных дел. В этой связи своеобразный ренессанс переживает интерес к зарубежному опыту поиска и нахождения эффективных моделей административного судопроизводства с учетом базисных основ функционирования государства, обеспечения единства ветвей власти при соблюдении принципа разделения властей. Наше внимание привлеч в данном контексте опыт Великобритании, история административных юрисдикционных учреждений

которой, как в зеркале, отражает противоречия согласования публичных и частных интересов, поиск и нахождение эффективных способов разрешения самой многочисленной категории дел – административных дел.

Юридическая грамматика административной юрисдикции не является универсальной. Учреждения, которые представляют эту систему, называются в различных странах по-разному, для обозначения данного института используется множество коннотаций. Например, в Великобритании, это трибуналы [1], в Финляндии и Швеции – административные суды [2]. Но то, что их объединяет, это нацеленность на гласное, доступное, эффективное разреше-

ние споров в сферах, с которыми простой гражданин соприкасается чаще всего. Это вопросы защиты экономических, социальных, информационных, миграционных прав.

Сам термин «трибунал» в качестве специально учрежденного органа для разрешения споров происходит от позднесредневекового английского, или от древнего французского, или от латинского термина «tribunal», имеющего значение места, где располагался магистрат, суд, либо специальной трибуны, откуда граждане могли защищать свои права [3].

В российском праве слово «трибунал» имеет значение учреждения, создаваемого в чрезвычайных условиях и с необычными функциями. В зарубежном праве этот термин означает самое заурядное, обычное учреждение, но при этом роль трибуналов настолько возросла, что их деятельность широко освещается специализированными изданиями, внимательно следящими за правоприменительной практикой, правовой статистикой в данном сегменте общественных отношений [4].

Часто, характеризуя трибунал, исследователи применяют такие возможные его характеристики, как административный, правительственный, министерский, специальный трибунал. Но если при этом речь идет о трибуналах, учрежденных на основе специальных статутов, наделенных специальными полномочиями, то употребляется терминология «статутных» трибуналов [5, p. 8]. В рассматриваемом нами случае трибунал – это структурная единица системы административной юстиции.

Развитие трибуналов прошло через несколько эволюционных этапов от почти полного отрицания их роли, от состояния «плавающего» объекта в пространстве между судебной и административной системой до легального вхождения их в систему административного правосудия.

Как специфическая часть правовой системы Великобритании трибуналы – это правовая инновация XX в. В этом качестве это слово впервые было использовано в Акте о военной службе 1916 г. (Military Service Act), легитимировавшем сто лет назад необходимые в условиях военного времени военные трибуналы [6]. Акт устанавливал правовые рамки создания особых военных трибуналов [7].

Спустя много лет о трибуналах, которые прошли столь серьезную эволюцию, высказываются различные государственные деятели, политики, ученые, подчеркивая их важную роль в правовой системе современной Великобритании. Вот как образно об этой эволюции высказалась баронесса Хейл, входящая в десятку ведущих британских юристов, ныне являющаяся судьей Высокого суда: «Трибуналы –

ключевые элементы в многогранной административной системе правосудия. Трибуналы были однажды приняты во внимание с самыми глубокими подозрениями, но в настоящее время они представляют собой существенную часть нашей системы правосудия» [8].

Впрочем, такие качественные изменения не могли не модернизировать всю правовую систему!

Что же послужило исходным пунктом становления и развития административных трибуналов, какой фактор стал ключевым в данном процессе?

Ответ на этот вопрос связан с растущим влиянием специализированных судов. Для Великобритании, как и для многих других государств, существование специализированных судов, действующих параллельно с обычной судебной системой, – явление отнюдь не новое. Рыцарские, церковные, военные суды – очевидные примеры этого многогранного явления.

В XVII в. рассматривались таможенные и акцизные споры. Однако происхождение административных трибуналов, по мнению многих ученых, связано не просто с линейной эволюцией специализированных феодальных судов. Их ренессанс обусловлен в большей степени индустриальным развитием современных государств.

Так, по мнению профессора Г. Дрюри (G. Drewry), история административных трибуналов начинается с развития железных дорог в первой половине XIX в. [9]. Аргументация его такова: юридические споры нередко возникали из противоречий в методах ведения торговли монополистами. Количество такого рода споров в последней четверти XIX в. выросло в связи с укрупнением железнодорожных компаний. Такие споры разрешались в обычных судах. Но судьи иногда находили для себя неудобным разбирать споры в этой незнакомой и технической сложной области.

В 1873 г. проблема разрешилась: в Великобритании была создана специальная Комиссия по разрешению подобных административных споров в сфере железных дорог. Это событие явилось следствием принятия Акта о регулировании железных дорог в 1873 г. В 1888 г. данной Комиссии были предоставлены новые полномочия, связанные с возможностью влиять на ценовую политику. Комиссия все чаще собиралась в формате «Транспортного трибунала», аналогичного модели арбитражной комиссии, учрежденной Актом о национальном страховании в 1911 г. [5, p. 16].

Постепенно этот подход разрешения споров в технологически сложных областях стал моделью для дальнейшего развития трибуналов, не

утратив своего значения в XX в. и даже в XXI столетии.

Создавались трибуналы и на временной основе, формировались внутренние структуры трибуналов. Так, апелляционная инстанция возникла там, где формировались критические зоны конфликтов: для разрешения споров, связанных с пенсионным обеспечением, занятостью [5, р. 16–17]. Но на протяжении всего этого времени в Великобритании по-прежнему доминировала и сохраняла существенное значение презумпция о том, что правовые споры должны быть предметом рассмотрения в общих судах.

Второй мощный импульс эволюции административных трибуналов был задан постепенным изменением роли самого государства в экономической и социальной сфере. Как отмечают английские исследователи, картина начала меняться после 1906 г., когда либеральное правительство предприняло важные меры для построения государства общего благосостояния, предоставляя пенсии по старости и пособия по безработице. В концептуальном плане стала пересматриваться сама роль государства в экономике, социальной жизни.

Новая система взаимодействия государства и бизнеса, государства и гражданского общества повлияла и на способы разрешения новых конфликтов, которые чаще всего возникали в подсистеме администрирования социальной и экономической жизни.

Так сложилось исторически, что споры, обусловленные социальными вопросами пособий, пенсий, все больше попадали в поле зрения именно административных трибуналов. Первая мировая война лишь подогрела интерес к административному правосудию. Много новых вопросов, требующих недорогой процедуры, появилось в связи с пересмотром прежних схем пенсионного обеспечения для раненых, появлением новых категорий выплат по случаю потери кормильца, воинской повинности.

В 1920-х гг. прошлого века правительственным министерствам были предоставлены новые, предусмотренные законом полномочия, в том числе право апелляции к специализированному трибуналу. Быстрое увеличение количества трибуналов продолжалось в течение всего XX в. Однако ученые обращали внимание на некоторую бессистемность данного процесса.

В начале третьего тысячелетия насчитывалось более шестидесяти разновидностей административных споров, подведомственных трибуналам [9, р. 48].

Ежеквартальные статистические отчеты о деятельности трибуналов фиксируют динамику рассмотрения административных споров по

различным вопросам: социальная защита и защита детства, психическое здоровье, земельные споры, дренаж почв, профессиональный статус, стандартизация и сертификация, благотворительность, авторское и патентное право, разрешительная система, почта и электронные коммуникации, финансовое регулирование и пенсионное обеспечение.

В трибуналах рассматриваются вопросы выдачи лицензий на право ношения оружия, информационных и электоральных прав; вопросы гендерной принадлежности и прав беженцев; вопросы социального страхования; занятости; лиц, ищущих убежище; беженцев; налоговые споры, споры по вопросам регистрации судов. В трибуналах ежегодно рассматривается более полумиллиона административных споров [10]. Так, только в конце 2014 г. насчитывалось около 30000 налоговых дел, которые все еще не были рассмотрены трибуналами [11].

В системе административных трибуналов занято несколько тысяч должностных лиц. Такой сложный предмет исследования породил немало скепсиса по поводу возможности его научного анализа. Как отметила Э. Эванс, «задача описания трибунала порождает проблемы, аналогичные проблеме описания слона» [5, р. 8].

Таким образом, если первоначально развитие трибуналов опиралось на специализацию судов как порождение промышленной революции, то их последующим стремительным развитием управляла новая модель участия государства в экономике, социальной жизни. Речь идет об идеях социального государства, государства всеобщего благоденствия и благосостояния.

В своей полемической книге «Новый деспотизм», изданной в 1929 г., лорд/главный судья Хьюарт сравнивал новые конституционные тенденции с проявлениями монархии Стюартов. Старый деспотизм Стюартов, которому было нанесено поражение, предложил английскому парламенту новый вызов, новый деспотизм, которому еще пока не нанесено поражение. По мнению этого автора, стратегии различаются, но цель одна и та же. Она состоит в том, чтобы подчинить парламент, усилить исполнительную власть за счет ослабления судебной власти [12]. Лорд Хьюарт критиковал размывание не только законодательной, но и судебной власти в результате укрепления административных трибуналов.

Эта книга, одна из самых цитируемых по данному вопросу, разожгла не только академический интерес к данной проблематике, но и в целом дискуссии по концептуальным аспектам административной юстиции. Об этой книге писали и российские исследователи [13].

Во-первых, актуализировались вопросы оснований возникновения и развития административных трибуналов, о соотношении случайного и закономерного в их эволюции.

Во-вторых, обсуждался вопрос о целесообразности создания трибуналов на фоне существования судебной власти, судебного контроля.

В-третьих, шли споры о соотношении судебной и исполнительной власти в контексте усиления роли административных трибуналов.

В-четвертых, обсуждались вопросы профессионализации должностных лиц административных трибуналов.

Знаковые вехи в истории английских трибуналов можно проследить на основе трех знаменитых отчетов о деятельности трибуналов. Эти три аналитических отчета сформировали основные черты понимания соответствующих трех главных этапов развития английских трибуналов. Первый из них был сделан Комитетом Дономора в 1932 г.

По мнению британских специалистов, данный отчет не содержал серьезной критики правовых основ трибуналов вследствие смещения акцентов с роли и места трибуналов на проблематику полномочий, делегированных законодательством Великобритании правительству, а от него, опосредованно, трибуналам [5, p. 20].

Речь в данном отчете шла не о судебных учреждениях, а об административных комиссиях, являвшихся придатками системы исполнительной власти, необходимых для разрешения споров в жизненно важных сферах, с которыми рядовой гражданин сталкивается ежедневно.

Второй отчет был представлен Комитетом Фрэнкса через четверть века, в 1957 г. [14]. Этому предшествовало то обстоятельство, что 1 ноября 1955 г. был сформирован данный Комитет, перед которым был поставлен ряд задач. Комитет должен был изучить особенности работы трибуналов в сравнении с общими, обычными судами. Следовало также прояснить процедурные вопросы, в частности в сфере разрешения земельных споров в специализированных трибуналах.

В отчете были отмечены три принципа деятельности трибуналов: открытость, честность и беспристрастность их функционирования. Разумеется, эти принципы аналогичны старым правилам естественного правосудия. Указанные черты, наряду с дешевизной процедуры, доступностью, простотой обращения, подтверждали полезность и необходимость трибуналов, представляющих собой часть механизма администрирования, социально ответственного администрирования. Таким был лейтмотив этого отчета.

Безусловно, для функционирования социально ответственного администрирования

необходима воля парламента. Именно такое взаимодействие создаст правовые основы надлежащего функционирования административных судов. Многие из рекомендаций Комитета Фрэнкса вошли в арсенал последующих реформ. Например, были учреждены Советы трибуналов для надзора за деятельностью трибуналов.

Вместе с тем, не была учтена рекомендация о том, чтобы членов трибуналов назначал Совет трибуналов, а не министры, хотя министры с должной осмотрительностью относились к вопросам ротации должностных лиц трибуналов. Рекомендации затрагивали вопросы квалификации должностных лиц трибуналов, обеспечения доступности и гласности слушаний, реализации права обжалования в Высоком Суде с использованием особой процедуры.

В этом отчете трибуналы были признаны неотъемлемой частью правовой системы Великобритании, была провозглашена новая точка отсчета качественной консолидации административных трибуналов [5, p. 32–33].

В 2001 г. Э. Леггатт (A. Leggatt) представил отчет о состоянии административных трибуналов [1]. Акцент в его отчете был сделан на исследовании эффективности деятельности трибуналов. В этих аналитических материалах была высказана идея о необходимости проведения системной реформы административных трибуналов; принципиальном решении вопроса финансовых основ функционирования административных трибуналов; потребностях структурных преобразований; развитии апелляционной процедуры для сторон административного процесса.

Новый подход окончательно порывал с традицией скептического отношения к административному правосудию. Данный отчет был направлен на придание системных качеств совокупности административных трибуналов.

Высказывались рекомендации о совершенствовании процедурных аспектов, использовании правил доказательственного права, которые характеризуют обычные суды. Отмечалось, что даже в прежнем формате трибуналы представляли гражданам существенные возможности защиты их административных прав и интересов. И эти рекомендации постепенно были восприняты. Была учреждена Служба трибуналов, своеобразный департамент трибуналов, как партнер Судебного департамента.

С апреля 2006 г. данная Служба перешла в ведение Департамента по конституционным делам (в настоящее время это Министерство юстиции).

В 2007 г. принят Акт о трибуналах, судах и принудительных действиях (The Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007). Сформированы трибуналы первого и высшего уровня, им

приданы общие черты, оформлена логическая и процедурная преемственность.

Но на этом реформы не закончились. В апреле 2011 г. произошло слияние Департаментов трибуналов и судов: сформировался объединенный Департамент судов и трибуналов, патронируемый Короной.

В настоящее время правовые и этические принципы функционирования административ-

ных судов в Великобритании тесно связаны с правозащитной доктриной, в организационно-правовом контексте – с функционированием института омбудсмена [15, р. 22]. Таким образом, вопросы административных трибуналов должны решаться комплексно, с учетом насущных потребностей граждан и исторической повестки самого государства.

1. Leggatt A. *Tribunals for Users One System, One Service. Report of the Review of Tribunals. March 2001. Report of the Review of Tribunals by Sir Andrew Leggatt.* URL: webarchive.nationalarchives.gov.uk

2. Black C.H. *Black's Law Dictionary with pronunciation. Abridged sixth edition. Centennial edition (1891–1991).* West Publishing Co., 1999.

3. *Oxford Dictionaries Language matters.* URL: oxforddictionary.com

4. *Introduction to the tribunal system.* URL: www.lag.org.uk

5. Evans Ann. *The place of public statutory tribunals in the English legal system.* URL: www.etheses.dur.ac.uk

6. *The Military Service Act 1916.* URL: www.1914-1918.net

7. *World War One: Military service tribunals and those who did not fight.* URL: bbc.com

8. *Gillies v Secretary of State for Work and Pensions. 2006.* URL: publications.parliament.uk/pa/ld200506/ldjudgmt/jd060126/gillie-1.htm

9. Drewry G. *The Judicialisation of «Administrative» Tribunals of the UK: from Hewart to Leggatt.* *Transylvanian Review of Administrative Sciences.* № 28. URL: rtsa.ro

10. *Tribunal and gender recognition statistics quarterly: October to December 2015.* Ministry of Justice, first published 10 March 2016. URL: www.gov.uk

11. Lord Hewart Gordon. *The New Despotism.* London: Ernest Benn, 1929.

12. *UK tax disputes at record level // Financial Times. International Edition. August 14, 2015.* URL: next.ft.com

13. Сажина В.В. *Административная юстиция Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; Sazhina V.V. Administrative justice of Great Britain: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1984.*

14. *Franks Report of the Committee on Administrative Tribunals and Enquiries, 1957.*

15. *Sir Ernest Ryder. What makes us special? // Tribunals Journal. Winter. 2015–2016.*

Евсикова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: Helen_yevsikova@mail.ru)

Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения

В статье проводится теоретический анализ проблем административно-деликтного законодательства субъектов Российской Федерации на примере Республики Крым. Раскрываются проблемы применения некоторых норм административно-деликтного законодательства Республики Крым на практике.

Ключевые слова: административные правонарушения, административная ответственность, административно-деликтное законодательство, Республика Крым.

E.V. Evsikova, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Helen_yevsikova@mail.ru

Law «On administrative offences in the Republic of Crimea»: theoretical aspects and problems of law enforcement

The article conducts theoretical analysis of the problems of administrative and tort legislation of constituent entities of the Russian Federation on the example of the Republic of Crimea. Reveals the problems of application of certain norms of administrative and tort legislation of the Republic of Crimea into practice.

Key words: administrative offences, administrative responsibility, administrative and tort legislation, the Republic of Crimea.

Административно-деликтное законодательство субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ) занимает важное место в системе административно-деликтного законодательства Российской Федерации и играет важную роль при урегулировании данной сферы общественных отношений, не урегулированных на федеральном уровне и отнесенных к ведению субъектов РФ.

По мнению Н.Г. Салищевой, обстоятельного изучения требует именно административно-деликтное законодательство субъектов РФ и его правоприменительная практика [1, с. 17], поскольку совершение административного деликта связано не только с нарушением соответствующей нормы права, но и с обязанностью компетентных государственных органов своевременно отреагировать на данное нарушение [2, с. 249].

Масштабы административной деликтности, разнообразие форм ее проявлений, причиняемый вред определяют необходимость противодействия административным правонарушениям как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Вместе с тем, такое противодействие следует осуществлять в рамках единого концептуального подхода с учетом теоретических и прикладных аспектов проблемы надлежащего правового урегулирования административно-деликтных отношений, который должен быть определен федеральным законодателем путем разработки и принятия модельного закона об административных правонарушениях для субъектов РФ, поскольку наличие противоположных подходов субъектов РФ к вопросу урегулирования административно-деликтных правоотношений приводит к проблемам правоприменения регионального административно-деликтного законодательства.

В современных условиях основу административно-деликтного законодательства Республики Крым составляют Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3] и Закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗРК/2015 «Об административных правонарушениях в Республике Крым» (далее – Закон РК № 117-ЗРК/2015) [4].

Закон РК № 117-ЗРК/2015 принят относительно недавно, и его реализация на практике

затруднена рядом объективных причин, среди которых отсутствие практического опыта применения отдельных норм у правоприменителей, наличие коллизий и пробелов в административно-деликтном законодательстве, отсутствие устоявшейся административной практики применения норм административно-деликтного законодательства в Республике Крым, которая играет важную роль при разрешении соответствующей категории дел. В связи с этим целью данной статьи является исследование теоретических и правовых основ формирования, развития и усовершенствования Закона РК № 117-ЗРК/2015, изучение некоторых особенностей и проблем его применения на практике.

Анализ содержания и структуры Закона РК № 117-ЗРК/2015 показывает, что данный закон был принят с учетом ряда требований, выдвигаемых КоАП РФ к административно-деликтному законодательству субъектов РФ.

Во-первых, по своей форме принятый в Республике Крым нормативно-правовой акт является законом с соответствующим номером и датой принятия, который устанавливает ответственность за предусмотренные данным Законом правонарушения, совершенные в Республике Крым.

Во-вторых, Закон РК № 117-ЗРК/2015 в большей степени имеет структурные особенности кодекса, поскольку подразделяется на Общую и Особенную части (разд. I–II), а также разд. III, закрепляющий органы, должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Характерно, что в Общей части Закона РК № 117-ЗРК/2015 законодатель отдельно не выделяет предмет регулирования, виды административных наказаний, основные понятия, используемые в данном законе, предупреждение административных правонарушений, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, установление подведомственности дел и осуществление производства по делам об административных правонарушениях. Все или отдельные из указанных вопросов закрепляются в административно-деликтном законодательстве большинства субъектов РФ (Москвы [5], Санкт-Петербурга [6], Краснодарского края [7], Липецкой области [8]).

Особенная часть Закона РК № 117-ЗРК/2015 закрепляет 27 составов административных правонарушений с учетом особенностей и специфики Крымского региона.

В-третьих, Особенная часть Закона РК № 117-ЗРК/2015 подразделяется на главы,

которые систематизируют составы административных правонарушений по группам в зависимости от вида охраняемых законом общественных отношений. Анализ Закона РК № 117-ЗРК/2015 позволяет выделить следующие группы составов административных правонарушений.

1. Посягающие на права граждан.

Так, ст. 2.1 устанавливает состав правонарушения, предусматривающий административную ответственность за нарушение тишины и покоя граждан, который, по мнению автора, следует поместить в гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны общественного порядка» Закона РК № 117-ЗРК/2015, т.к. при определении объекта посягательства данного правонарушения следует исходить из общетеоретического понимания категории «общественный порядок» как совокупности общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения всеми гражданами норм морали, права, религиозных, семейных, корпоративных, политических и иных норм, а также обычаев и традиций [9]. Таким образом, объектом правовой охраны в данном случае будет выступать общественный порядок в форме тишины и покоя граждан.

В административно-деликтном законодательстве большинства субъектов РФ состав административного правонарушения, предусматривающего ответственность за нарушение тишины и покоя граждан, закреплен в главе «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» [5; 6; 8].

Объективная сторона названного выше правонарушения состоит в совершении действий, нарушающих тишину и покой граждан, т.е. любых действий, производящих шум, нарушающих тишину и покой граждан – общественный порядок.

Пунктом 6 ст. 28.3 КоАП РФ прямо предусмотрено, что протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов РФ, составляются должностными лицами органов внутренних дел (далее – ОВД) (полиции) в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и органами исполнительной власти субъектов РФ о передаче части полномочий.

Учитывая, что федеральным законодательством не установлена административная ответственность за нарушение тишины и покоя граждан, урегулирование данных административно-деликтных правоотношений на уровне субъектов РФ вызвано объективной необходимостью. Однако на сегодняшний день проблемным остается вопрос реализации нормы ст. 2.1 должностными лицами ОВД (полиции) на практике, поскольку отсутствуют соответствующие соглашения о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных Законом РК № 117-ЗРК/2015, между Советом министров Республики Крым и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Таким образом, норма ст. 2.1, предусматривающая ответственность за одно из наиболее распространенных правонарушений – нарушение тишины и покоя граждан, на сегодняшний день остается «мертвой нормой», поскольку сотрудники полиции не имеют полномочий по составлению протоколов по данным правонарушениям, которые являются основным доказательством, подтверждающим факт совершения правонарушения, при рассмотрении дела.

Аналогичная ситуация и с применением ст. 2.2, которая предусматривает административную ответственность за несоблюдение установленных требований к обеспечению мер по предупреждению причинения вреда здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетних в Республике Крым.

2. Затрагивающие институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления.

Так, ст. 3.11, предусматривающая административную ответственность за нарушение правил благоустройства, установленных органами местного самоуправления, не содержит конкретных действий (бездействия), образующих состав административного правонарушения. О неопределенности правового регулирования свидетельствует и то обстоятельство, что ст. 3.11 имеет отсылочный характер. При этом региональным законодателем сформулирован сложный способ отсылки: норма отсылает не к конкретному правовому акту, а к целому ряду различных муниципальных нормативных правовых актов, что ведет к нарушению закрепленного в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ принципа равенства лиц, совершивших административные

правонарушения на территории одного субъекта РФ, перед законом.

Следует отметить, что ст. 3.11 входит в гл. 3, предусматривающую составы правонарушений, посягающих на институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления, хотя большинство субъектов РФ закрепляет правонарушения в сфере благоустройства в отдельной главе [5; 6].

Вместе с тем, реализация данной нормы позволила только за сентябрь – ноябрь 2015 г. в г. Симферополе привлечь правонарушителей к административной ответственности в виде штрафов на общую сумму 2,35 млн руб., из которых добровольно оплачено лишь 14% (308 тыс. руб.) [10].

3. В области охраны окружающей среды.

Глава содержит только один состав правонарушения, предусматривающий ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Республики Крым (ст. 4.1). В то же время большинство субъектов предусматривают административную ответственность за повреждение, незаконное уничтожение зеленых насаждений, особо охраняемых объектов животного и растительного мира [5; 6; 8].

4. На транспорте.

Безбилетный проезд (ст. 5.1) предусматривает ответственность в виде штрафа в размере ста рублей; нарушение маломерными судами (кроме спасательных) запрета на приближение к границам зоны заплыва акватории пляжа и другим местам отдыха граждан на водных объектах, установленного нормативными правовыми актами Совета министров Республики Крым (ст. 5.2), предусматривает ответственность в виде штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей для граждан; от одной тысячи до трех тысяч – для должностных лиц; от трех тысяч до пяти тысяч рублей – для юридических лиц; использование маломерного судна судоводителем без надетого спасательного жилета, а равно перевозка на нем пассажиров без надетых спасательных жилетов (ст. 5.3) предусматривают ответственность в виде штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей. Как видим, законодатель Республики Крым пошел по пути установления минимальных размеров штрафов. Так, например, в соседних субъектах РФ (Краснодарский край [7]) штраф за безбилетный проезд составляет двести рублей, что, по нашему мнению, является более оптимальным. Вместе с тем, санкции, предусмотренные

ст. 5.2 и 5.3, не будут выполнять основные задачи, ради которых указанные составы правонарушений были включены в Закон РК № 117-ЗРК/2015, а именно: охрана жизни и здоровья граждан, предупреждение правонарушений на водных объектах, в связи с чем предлагается увеличение размера административных штрафов за указанные правонарушения.

5. В сфере торговли.

Так, ст. 6.1, предусматривающая ответственность за реализацию товаров или оказание услуг в местах, не установленных для этих целей, содержится в гл. 6 «Административные правонарушения в сфере торговли», хотя большинство субъектов РФ закрепляют составы данных правонарушений в главе «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности», к которым также относят нарушение правил размещения, регистрации и эксплуатации аттракционной техники; нарушение порядка организации похоронного дела [5; 6], которые Закон РК № 117-ЗРК/2015 относит к правонарушениям, посягающим на институты государственной власти и местного самоуправления и установленный порядок управления. В то же время реализация норм ст. 6.1 позволила привлечь к административной ответственности за торговлю в неустановленных местах в г. Симферополе в виде штрафа в августе – октябре 2015 г. на общую сумму 1 млн руб., однако в бюджет города поступило лишь 150 тыс. руб. [11].

6. В области охраны общественного порядка.

Реализация положений ст. 7.1 (нарушение общественного порядка при посещении культурно-зрелищных, физкультурных или спортивных мероприятий) и ст. 7.2 (приставание к гражданам в общественных местах) на сегодняшний день затруднена в силу отсутствия вышеуказанных соглашений о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях должностным лицам ОВД.

Кроме того, в Законе РК № 117-ЗРК/2015 отсутствуют составы административных правонарушений, предусматривающих ответственность за правонарушения в сфере охраны собственности, землепользования, градостроительства, сельского хозяйства, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере обращения с животными, предусмотренные административно-деликтным законодательством большинства субъектов РФ [5; 6; 7; 8], что является актуальным и для Республики Крым.

При этом необходимо учитывать, что законодатель субъекта РФ, устанавливая админи-

стративную ответственность за те или иные административные правонарушения, не вправе вторгаться в сферы общественных отношений, регулирование которых составляет предмет ведения Российской Федерации, а также предмет совместного ведения при наличии по данному вопросу федерального регулирования.

Таким образом, к основным теоретическим и практическим проблемам Закона РК № 117-ЗРК/2015 относятся:

отсутствие законодательного закрепления в Общей части предмета правового регулирования данным законом, а также видов административных наказаний, обстоятельств, смягчающих административную ответственность, подведомственности дел и осуществления производства по делам об административных правонарушениях;

некорректное определение объекта ряда составов правонарушений, вследствие чего отдельные составы правонарушений содержатся в тех главах, в основу которых положены другие объекты правовой охраны;

неопределенность законодательного регулирования ряда норм, что приводит к нарушению закрепленного в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ принципа равенства лиц, совершивших административные правонарушения, перед законом и снижает уровень гарантий, предусмотренных федеральным законодательством об административных правонарушениях;

отсутствие правового регулирования ряда общественных отношений в сфере охраны собственности, землепользования, градостроительства, сельского хозяйства, в сфере предпринимательской деятельности, обращения с животными;

наличие ряда «мертвых норм», реализация которых субъектами правоприменения на сегодняшний день невозможна в силу отсутствия специальных соглашений о передаче соответствующих полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях;

низкий уровень штрафов по отдельным правонарушениям, что не будет способствовать достижению одной из основных целей административно-деликтного законодательства – предупреждения административных правонарушений;

низкий уровень добровольной уплаты штрафов, вследствие чего административное наказание не достигает своих целей (карательной, предупредительной, воспитательной), а денежные средства, подлежащие уплате, не поступают в соответствующий бюджет.

1. Салищева Н.Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России // *Административная ответственность: Вопросы теории и практики*. М., 2004.
 2. Денисенко В.В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки // *Общество и право*. 2014. № 4(50). С. 249–253.
 3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп.). URL: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000/
 4. Об административных правонарушениях в Республике Крым: закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. № 117-ЗПК/2015 (с изм. и доп.). URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf
 5. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: закон г. Москвы от 21 нояб. 2007 г. № 45 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/388521/>
 6. Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/35307614/>
 7. Об административных правонарушениях: закон Краснодарского края от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ (с изм. и доп.). URL: http://base.garant.ru/23940608/1/#block_1001
 8. Кодекс Липецкой области об административных правонарушениях от 31 авг. 2004 г. № 119-ОЗ (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/29708395/>
 9. Коротких А.Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // *Вестн. Воронеж. ин-та МВД России*. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-suti-i-znachenii-ponyatiy-obschestvennyy-poryadok-i-obschestvennaya-bezopasnost>.
 10. За нарушения правил благоустройства в Симферополе выписали штрафов более чем на 2 млн рублей. URL: <http://crimeavector.com.ua/obschestvo/19126>
 11. Власти Симферополя оштрафовали на миллион стихийных торговцев. URL: <http://www.sobytiya.info/news/15/56774>
1. Salisheva N.G. Problem questions of institute of administrative responsibility in Russia // *Administrative responsibility: Questions of theory and practice*. Moscow, 2004.
 2. Denisenko V.V. Latentness of administrative tort and criminality in the structure of estimation by the organs of internal affairs of the state of operative situation // *Society and law*. 2014. № 4(50). P. 249–253.
 3. Code of the Russian Federation about Administrative Offences d.d. Dec., 30 2001 № 195-FL (with changes and add.). URL: http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000/
 4. On administrative offences in the Republic of Crimea: law of the Republic of Crimea d.d. June 25, 2015 № 117-LRC/2015 (with changes and add.). URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf
 5. Code of city of Moscow about administrative offences: law of Moscow d.d. Nov. 21, 2007 № 45 (with changes and add.). URL: <http://base.garant.ru/388521/>
 6. About administrative offences in Saint Petersburg: law of St. Petersburg d.d. May 31, 2010 № 273-70 (with changes and add.). URL: <http://base.garant.ru/35307614/>
 7. About administrative offences: law of the Krasnodar region d.d. July 23, 2003 № 608-RL (with changes and add.). URL: http://base.garant.ru/23940608/1/#block_1001
 8. Code of the Lipetsk region about administrative offences d.d. Aug. 31, 2004 № 119-RL (with changes and add.). URL: <http://base.garant.ru/29708395/>
 9. Korotkih A.G. About essence and value of concepts «public peace» and «public safety» // *Bull. of Voronezh institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-suti-i-znachenii-ponyatiy-obschestvennyy-poryadok-i-obschestvennaya-bezopasnost>
 10. For violations of rules of equipping with modern amenities in Simferopol wrote fines more than on 2 million roubles. URL: <http://crimeavector.com.ua/obschestvo/19126>
 11. Authorities of Simferopol fined on million elemental merchants. URL: <http://www.sobytiya.info/news/15/56774>

Затолокин Александр Александрович

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения как самостоятельная система и часть системы национальной безопасности России

В статье проводится анализ различных подходов к решению проблем обеспечения безопасности дорожного движения. Констатируется наличие системного кризиса в сфере дорожного движения. Рассматриваются правовые и организационные основы построения новой государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, системный кризис, новые подходы, оптимизация структуры, государственная политика.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

State system of ensuring road safety as a standalone system and part of Russia national security system

The author analyzes different approaches to solving the problems of ensuring road safety. It is stated the existence of a systemic crisis in the field of road traffic. Discussed the legal and organizational basis of creation of new state system of ensuring road safety.

Key words: road safety, systemic crisis, new approaches, optimization of the structure, public policy.

Дорожно-транспортная обстановка в России вызывает обоснованное беспокойство в обществе. Подчас проблемы в сфере безопасности дорожного движения напоминают «гордиев узел», который все более и более запутывается. Сложившаяся критическая ситуация на дорогах наносит колоссальный социально-экономический ущерб. По словам Президента России В.В. Путина, «за прошедшее десятилетие в результате таких происшествий получили ранения более трех миллионов человек, погибло при этом... за десятилетие 350 тысяч человек» [1]. Кроме этой ужасающей статистики, Россия ежегодно сталкивается с проблемами, возникающими в результате снежных заносов, заложенными которых становятся десятки водителей.

Эти и многие другие не решаемые, а усугубляющиеся со временем проблемы требуют от научного сообщества разработки и решения. Так, А.А. Бахаев в одной из своих работ указывает, что «проблема аварийности приобрела особую остроту в связи с недостаточной эффективностью функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения» [2, с. 66]. С.В. Смоляков акцентирует внимание на том, что «решение проблемы повышения безопасности дорожного движения носит приоритетный общенациональный характер» [3, с. 144]. Профессор Ю.А. Маль-

цев отмечает, что «принимаемые органами власти различных уровней меры в области повышения безопасности дорожного движения являются недостаточными для устранения создавшейся критической ситуации в короткие сроки» [4, с. 72]. Несмотря на различные подходы к решению проблемы обеспечения безопасности дорожного движения, суть большинства имеющихся научных исследований заключается в совершенствовании существующей системы обеспечения безопасности дорожного движения. Необходимо заметить, что за последнюю четверть века претерпели изменения или перестали существовать различные государственные системы, в том числе финансовая, административно-хозяйственная, налоговая, экономическая, политическая, да и вообще перестало существовать государство СССР. На смену крупным государственным предприятиям, имеющим свою базу и тысячи транспортных средств на балансе, напрямую зависящим и подчиняющимся государственным министерствам и ведомствам, приходят в лучшем случае индивидуальные предприниматели, а в основном – физические лица. Решение проблемы обеспечения безопасности дорожного движения с помощью административно-командных мер становится не просто неэффективным, но порой приобретает даже обратный эффект. В условиях привлечения в

среднесрочной перспективе средств в бюджет объявляются налоговые амнистии, создаются системы правовых гарантий соблюдения прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от возможного произвола субъектов федерального надзора. Функционирование государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения в имеющемся виде является опасным анахронизмом. Унаследованная от СССР государственная система обеспечения безопасности дорожного движения с монопольно главенствующей ролью ГИБДД (ГАИ) изжила себя. Сотрудники ГИБДД (ГАИ), являясь заложниками правовой казуистики, не могут эффективно осуществлять государственный надзор. Отсутствуют требования (критерии) безопасности перевозчиков пассажиров и грузов, а зачастую отсутствуют и сами объекты государственного надзора. В этой связи нельзя не согласиться с профессором П. Кравченко, который указывает, что «в сфере ОБДД наличие системный кризис, существенно усиливающий остроту проблемы, – в ней до сих пор не определена политика государства в сфере ОБДД; не определены цели в конкретной количественной форме; нет государственного органа управления дорожной безопасностью, нет нормативных технологий преобразования целей в достигаемый результат; отсутствует разделение ответственности между участниками дорожного движения – бизнесом, обществом, властью и государством, не определены и не нормированы их функции; не определены эффективные измерители результата управления ОБДД, не изучен механизм связи обеспечиваемого уровня дорожной безопасности с различными факторами и формирования издержек на мероприятия по его повышению или стабилизации и т.д.» [5, с. 61].

Полностью разделяя мнение ученого о наличии системного кризиса, подчеркнем, что государству необходима новая система обеспечения безопасности дорожного движения, которую, учитывая всю значимость данной сферы, нельзя рассматривать отдельно от системы национальной безопасности России. Проецируя данную ситуацию на иные области знаний, необходимо заметить, что нельзя пытаться ремонтировать определенную деталь при общей технической неисправности механизма (например, бесполезно вулканизировать шину, когда кузов полностью поврежден коррозией и неисправен двигатель, т.к. машина все равно не поедет). Необходимо уяснить аксиоматическую истину: нельзя повышать уровень безопасности системы ОБДД, не укрепляя систему национальной безопасности. При этом ситуация, складывающаяся в государственном управлении отдельными сферами жиз-

недеятельности нашего общества, настолько критична, что не может быть не замечена не только рядовыми членами общества, но и руководством страны. Так, о необходимости кардинальных перемен в государственном управлении говорится на самом высоком уровне, в частности председатель Правительства России Д.А. Медведев направил В.В. Путину письмо с критикой системы госуправления [6]. Создавая новую государственную систему ОБДД, не следует бояться новых, возможно, нестандартных подходов, «поэтому тот, кто строит новые системы, вынужден заполнять бесчисленное множество пробелов собственными измышлениями, то есть иррационально фантазировать, заниматься идеологизированием» [7, с. 345]. Этим мы и займемся.

Итак, говоря о государственной системе обеспечения безопасности дорожного движения, необходимо учитывать, что данной системе свойственны все атрибуты, характерные для сложных систем, в частности цель, структура, процесс, качество функционирования и реализуемость. Целью государственной системы ОБДД является безопасность дорожного движения, которая должна привести к повышению качества жизни, укреплению здоровья населения, обеспечению стабильного демографического развития страны [8]. Таким образом, обеспечение безопасности на дорогах является лишь одним из механизмов, составляющих транспортную безопасность, которая является неотъемлемой частью национальной безопасности Российской Федерации. Структура государственной системы ОБДД в связи с социальной значимостью и многоплановостью решаемых вопросов предполагает сложное строение. Однако необходим конкретный орган, наделенный соответствующими полномочиями и несущий всю полноту ответственности за состояние дел в рассматриваемой сфере. В настоящее время стоит вопрос о необходимости разработки стратегии государственной политики в сфере безопасности дорожного движения, которую целесообразно поручить Министерству транспорта РФ, поскольку дорожное движение является частью транспортной системы страны. Кроме того, в системе органов исполнительной власти имеется Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), предназначенная для реализации всех функций федерального государственного надзора в области дорожного движения. Такое решение позволит исключить дублирование деятельности МВД России и Минтранса России по контролю за соблюдением юридическими и должностными лицами, индивидуальными предпринимателями требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, а также даст возможность МВД России в услови-

ях оптимизации структуры сконцентрироваться на решении сугубо полицейских задач, с которыми в настоящее время сложно интегрируются такие административно-хозяйственные функции, как контроль технического состояния транспортных средств, технико-эксплуатационных свойств дорог и дорожной инфраструктуры, прием экзаменов на право управления транспортными средствами и регистрация транспортных средств. Если цель и структура государственной системы ОБДД ясны, остается открытым вопрос о процессе взаимодействия субъекта и объекта управления, а также о качествах такого взаимодействия. Эти показатели будут напрямую зависеть от соответствия требованиям безопасности хозяйствующих субъектов. Усугубляет ситуацию отсутствие в настоящее время четких требований безопасности, предъявляемых к дорожной деятельности и деятельности, связанной с эксплуатацией транспортных средств. На первый взгляд, решение обозначенной проблемы заключается в принятии единого нормативного правового акта. Однако данная задача усложняется тем, что обозначенные требования имеют ярко выраженный специфический характер и подчас содержатся во множестве нормативных пра-

вовых актов различных ведомств, что препятствует их объединению в единый документ. При этом важное значение имеет ответ на вопрос, входит ли в компетенцию федерального надзора контроль за соблюдением требований в области дорожного движения юридическими и должностными лицами, индивидуальными предпринимателями.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время существует необходимость не реформирования государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения, а создания принципиально новой системы. Федеральный государственный надзор должен реализовываться в рамках единой политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Функции федерального государственного надзора необходимо передать в Федеральную службу по надзору в сфере транспорта (Ространнадзор), определив единые обязательные требования, предъявляемые к дорожной деятельности и деятельности, связанной с эксплуатацией транспортных средств. Реализация подобных мер способна исправить критическую ситуацию в сфере безопасности на дорогах России.

1. URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 15.03.2016).

2. Бахаев А.А. Деятельность органов государственного управления по совершенствованию законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения // *Вестн. ЮУрГУ*. 2009. № 6.

3. Смоляков С.В. Безопасность дорожного движения как подсистема дорожного движения // *Перспективные науки*. 2011. № 3(18).

4. Мальцев Ю.А. Безопасность движения на автомобильных дорогах – составляющая национальной безопасности Российской Федерации // *Транспорт Российской Федерации*. 2007. № 8.

5. Кравченко П. Безопасность дорожного движения: узел связанных проблем? // *Транспорт Российской Федерации*. 2006. № 2.

6. URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/04/2016> (дата обращения: 25.05.2016).

7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1983.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683. Доступ из справ. правовой системы «Гарант» (дата обращения: 25.05.2016).

1. URL: <https://kremlin.ru> (date of access: 15.03.2016).

2. Bahaev A.A. Activity of state bodies on improvement of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety // *Bull. of SUSU*. 2009. № 6.

3. Smolyakov S.V. Road safety as a subsystem of traffic // *Advanced science*. 2011. № 3(18).

4. Maltsev Yu.A. Traffic safety on the roads as a component of the national security of the Russian Federation // *Transport of the Russian Federation*. 2007. № 8.

5. Kravchenko P. Road safety: knot of connected problems? // *Transport of the Russian Federation*. 2006. № 2.

6. URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/04/2016> (date of access: 25.05.2016).

7. Engels F. Anti-Duhring. The revolution in science made by Mr. Eugene Duhring. Moscow, 1983.

8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 31, 2015 № 683. Access from legal reference system «Garant» (date of access: 25.05.2016).

Коротенко Татьяна Андреевна
 территориальная избирательная комиссия
 г. Шахты Ростовской области
 (тел.: +79185118724)

О детализации взаимодействия субъектов образовательных отношений в сфере высшего профессионального образования в федеральных и локальных нормативных актах

В статье на основе анализа федеральных и локальных нормативных актов в области образования раскрываются особенности административно-правового регулирования взаимодействия субъектов образовательных отношений в сфере высшего профессионального образования.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, нормативные акты, образовательные правоотношения, взаимодействие субъектов административного процесса.

T.A. Korotenko, Territorial Election Commission of Shakhty of the Rostov Region; tel.: +79185118724.

About specification of interaction of subjects of educational relations in the sphere of higher education in federal and local regulations

In the article on the basis of the analysis of federal and local regulations in the field of education features of administrative and legal regulation of interaction of subjects of the educational relations in the sphere of higher education are revealed.

Key words: administrative and legal regulation, regulations, educational legal relationship, interaction of subjects of administrative process.

В настоящее время система высшего образования в Российской Федерации, наряду с наличием административной ответственности высших учебных заведений за нарушение отдельных прав граждан в сфере образования и требований к организации образовательного процесса, характеризуется отсутствием ответственности высших учебных заведений и преподавателей за конечные результаты и качество обучения студентов. Юридические права и обязанности участников образовательных отношений также должны быть систематизированы в законодательстве об образовании, для чего необходимо использовать систему мер по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере высшего образования.

Также необходимо отметить, что неисполнение субъектами образовательного процесса взаимных обязанностей по отношению друг к другу, несмотря на равную сущность, может иметь различную степень и направленность вредных последствий. Так, например, опоздание или неявка отдельного студента на учебные занятия наносит вред, прежде всего, самому студенту в части недополучения им необходимого объема знаний и навыков, а также в некоторых случаях – организации и порядку при

проведении учебного занятия. При этом опоздание или неявка отдельного преподавателя на учебные занятия наносит вред группе студентов, недополучивших необходимый объем знаний и навыков вследствие сокращения времени, а также всегда – организации и порядку проведения учебных занятий, вплоть до привлечения высшего учебного заведения к ответственности за реализацию образовательной программы не в полном объеме. Также указанные вредные последствия усиливаются, если в учебной группе имеются студенты, обучающиеся на платной основе, т.к. в данном случае преподаватель препятствует надлежащему исполнению высшим учебным заведением своих договорных обязательств перед студентом.

В отличие от правоотношений между высшим учебным заведением и студентом, обучающимся на платной (договорной) основе, правоотношения между высшим учебным заведением и студентом, обучающимся за счет бюджетных средств, недостаточно исследованы в литературе. Представляется, что в сфере административно-управленческих отношений все категории студентов должны иметь равные права и обязанности.

Вместе с тем, требуется различие в образовательных взаимоотношениях в зависимости

от статуса обучающегося по различным уровням высшего профессионального образования (бакалавриат, магистратура, специалитет). Также необходимо учитывать, что на степень взаимодействия участников образовательных отношений оказывает влияние вид высшего учебного заведения, с которым связан его правовой статус, что требует конкретизации правового статуса студента и преподавателя в зависимости от вида высшего учебного заведения. Вместе с тем, по нашему мнению, статусы и студента, и преподавателя могут быть выделены как критерий определения статуса высшего учебного заведения.

Органы управления высшего учебного заведения обладают всеми властно-распорядительными полномочиями по управлению и регулированию образовательного процесса и административно-хозяйственной деятельности. При этом реализация высшим учебным заведением своих полномочий должна отвечать интересам гражданина, общества и государства.

Основная детализация, развитие и восполнение норм законодательства об образовании, регулирующих отношения между субъектами образовательных отношений, происходят на уровне локальных нормативных актов. Органы управления высшего учебного заведения принимают указанные акты в рамках своей автономии без согласования со студентами, а также без учета мнения общественных организаций (объединений), защищающих интересы студентов. При этом соблюдение требований и норм указанных актов является прямой обязанностью студентов.

Примером могут служить положения ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», установившие, что в случае неисполнения или нарушения устава организации, осуществляющей образовательную деятельность; правил внутреннего распорядка данной организации; правил проживания в общежитиях; иных локальных нормативных актов по вопросам организации и осуществления образовательной деятельности к обучающимся могут быть применены дисциплинарные взыскания вплоть до отчисления из высшего учебного заведения [1].

Большая часть административно-правовых норм законодательства в области образования представляет собой метод дозволения, предоставляющий высшим учебным заведениям в определенных рамках самостоятельно выбирать методы регулирования и управления образовательными отношениями.

В свою очередь, высшее учебное заведение участвует в образовательных отношениях, преимущественно используя метод предписаний, которым студент должен подчиняться. В.В. Спасская указывает на необходимость

наделения образовательного учреждения и педагогических работников дополнительными правовыми свойствами, которыми являются правомочия, проявляемые преимущественно в форме права-требования [2, с. 18]. При этом законодательство об образовании не устанавливает пределы действия указанных предписаний, а также не определяет возможные пути поведения студентов в случае дачи им заведомо незаконных указаний.

Так, например, согласно Федеральному закону «О государственной гражданской службе» и Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» гражданские и муниципальные служащие не вправе исполнять данные им неправомерные поручения. Представляется, что и студенты должны иметь право воздержаться от выполнения решений администрации высшего учебного заведения или указаний преподавателя, нарушающих нормы и принципы законодательства об образовании, а также посягающих на общественный порядок или порядок управления.

Для этого, по нашему мнению, необходимо предусмотреть закрепление в актах Министерства образования и науки РФ перечень вопросов, по которым высшее учебное заведение и преподаватель имеют право давать обязательные для студента указания, а также право студента отказаться от выполнения заведомо незаконных предписаний и механизм реализации такого отказа с целью соблюдения при этом также интересов государства и высшего учебного заведения.

Высшее учебное заведение выполняет также контрольно-надзорные функции в отношении студентов. Так, в ходе промежуточной, итоговой аттестации или текущего контроля знаний осуществляется проверка знаний на соответствие требованиям федерального государственного образовательного стандарта. При этом высшее учебное заведение, выполняющее в данном случае публичные функции, имеет право определять порядок и процедуру проведения промежуточной аттестации и текущего контроля успеваемости, а также проведения государственных аттестационных испытаний. В данном случае высшее учебное заведение выполняет функции по регулированию указанных отношений между студентами и преподавателями, которые собственно и выполняют функции по контролю знаний студентов.

Приказ и распоряжение ректора – предписание для решения конкретных задач управления, которое принимается в одностороннем порядке. Студент не имеет право отказаться от исполнения приказа или распоряжения, но имеет право их обжаловать по мотивам их незаконности или необоснованности. Приказы бывают нормативные, т.е. устанавливающие

правила поведения для всех работников и обучающихся (правила внутреннего распорядка), и ненормативные (индивидуальные), т.е. направленные на решение отдельных правоприменительных управленческих задач (приказ о переводе, о наложении взыскания).

Особый интерес вызывает административно-правовое принуждение как форма взаимодействия высшего учебного заведения и преподавателя со студентами. Такими формами в высшем образовании могут служить дисциплинарные взыскания, вплоть до отчисления из высшего учебного заведения, налагаемые на студентов в случае их неправомерного поведения или неисполнения своих обязанностей.

Неспособность или нежелание учиться, которые зависят от индивидуального характера каждого студента, выявляет преподаватель в ходе проведения учебных занятий и приема зачетов, экзаменов, контроля выполнения курсовых и контрольных работ. Следует отметить, что отчисление требует наличия не одного неисполнения, а совокупности неисполнений учебного плана, которая называется «академическая неуспеваемость».

Вместе с тем, в действительности дисциплинарные взыскания не ухудшают положения наказанного студента, поскольку с наличием взыскания (кроме отчисления из высшего учебного заведения) у студента не связано лишение или ограничение в отношении его мер поощрительного, стимулирующего или иного благоприятного воздействия. Однако дисциплинарные взыскания как мера принуждения в образовательных отношениях должны служить целям наказания и иметь реальные последствия для студентов. Дисциплинарное взыскание в виде отчисления, которое влечет за собой прекращение образовательных отношений, должно применяться только как крайняя, вынужденная мера, когда другие средства воздействия не оказывают должного влияния на поведение студента-правонарушителя.

Законодательство об образовании должно предусматривать последствия наличия у студента дисциплинарных взысканий в виде замечания или выговора, которые могут выражаться в ограничении каких-либо прав либо установлении дополнительных обязанностей.

При этом при реализации полномочий высшего учебного заведения в одностороннем порядке прекращать образовательные отношения, наряду с принципом неотвратимости наказания, должны соблюдаться принципы гуманности, справедливости, соразмерности и разумности.

На наш взгляд, законодательство об образовании недостаточно внимания уделяет собственно защите прав субъектов образователь-

ных отношений, в первую очередь студентов, волевое воздействие на которых со стороны высшего учебного заведения и преподавателя гораздо сильнее воли самих студентов.

При этом необходимо отметить, что при определении взаимных прав и обязанностей студента и преподавателя не всегда учитывается сущность образовательного (педагогического) процесса, что препятствует справедливому и эффективному разрешению споров и конфликтов между субъектами образовательных отношений по поводу, прежде всего, реализации прав.

Как отмечает В.В. Спасская, во избежание нарушений права граждан на образование и связанных с ним прав локальное правовое регулирование должно быть подзаконным. Оно должно осуществляться исключительно в рамках компетенции образовательного учреждения и в строгом соответствии с законом. Поэтому пробелы, имеющие место на законодательном уровне, не могут быть заполнены посредством локальных правовых норм. В противном случае возникнет ситуация, когда на локальном уровне правоприменитель фактически вторгается в компетенцию законодателя, а в правовом государстве только законодатель устанавливает основы правового регулирования тех или иных отношений. Кроме того, разнообразие подходов правового регулирования при отсутствии правовых основ может лишить граждан возможности защиты своих образовательных прав [2, с. 20].

Можно прийти к выводу о существовании недостаточной правовой защищенности субъектов образовательных отношений во взаимоотношениях друг с другом. Указанное является следствием того, что, как отмечает М.В. Мархгейм, до настоящего времени не получила должного закрепления в качестве отдельного правового акта общая доктрина защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [3, с. 25].

В свете государственно-общественного и демократического характера управления в нашей стране целесообразным представляется развитие общественных форм защиты прав и интересов студентов как субъектов образовательных отношений. Здесь особую роль могут играть студенческие общественные организации, например профсоюзные, основной целью деятельности которых является защита прав и интересов обучающихся.

Вместе с тем, необходимо отметить, что законодательство об образовании предусматривает, что указанные общественные организации осуществляют взаимодействие с администрацией высших учебных заведений на основе договорных отношений, при этом не устанавливая минимальных (примерных) пе-

речней вопросов, по которым может осуществляться такое взаимодействие. По нашему мнению, с целью обеспечения реальных гарантий указанным общественным организациям по выполнению их прямых обязанностей необходимо закрепить в законодательстве требования о необходимости согласования не только положения о стипендиальном обеспечении студентов, но и других локальных нормативных актов, затрагивающих права и законные интересы неопределенного количества студентов, а также обязанность администрации высшего учебного заведения учитывать мнение профсоюзной организации, членом которой является студент, при наложении на него дисциплинарных взысканий, связанных с нарушением требований устава и правил внутреннего распорядка.

Представляется, что указанное будет способствовать достижению определенного баланса интересов всех субъектов образовательных отношений в ходе их взаимодействия.

В связи с этим совершенствованию административно-правового регулирования взаимодействия субъектов образовательных отношений в сфере высшего профессионального образования должно сопутствовать, в первую очередь, определение содержания защиты прав указанных субъектов, ее инструментов, а также развитие правовых механизмов такой защиты.

Обратим внимание на то, что практически не обжалуются решения администрации, прежде всего в связи с отсутствием механизма и процессуальных норм обжалования решений. Также отсутствие в законодательстве об образовании требования о справедливости и объективности оценки знаний преподавателем и о возможности подачи апелляции на результат промежуточной или итоговой аттестации студентов не способствует защите прав студентов.

Управление взаимоотношениями между субъектами образовательных отношений должно строиться на основе взаимной оценки деятельности друг друга. Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования обучающимся должна быть предоставлена возможность оценивания содержания, организации и качества учебного процесса в целом, а также работы отдельных преподавателей. Представляется, что указанное право является важным в условиях стремления к повышению качества высшего образования и должно найти свое закрепление и развитие в уставах высших учебных заведений, в первую очередь предусматривая учет не субъективного мнения одного обучающегося, а группы обучающихся в отношении организации и проведения учебного процесса.

Федеральный закон об организации университетов и обучения в университетах Австрии предоставляет студенту право выбора преподавателей по всем дисциплинам, а также право подавать ходатайства, касающиеся личности экзаменатора [4], т.е. фактически заявлять отвод преподавателю на участие в образовательных правоотношениях.

Представляется, что и в российской системе высшего образования одним из основных принципов должна быть взаимная оценка деятельности субъектов образовательных отношений, что будет способствовать эффективной самореализации и самосовершенствованию на основе мнения других субъектов.

Как отмечает Т.В. Твердова, образовательная услуга всегда должна соответствовать требованиям законодательства, государственных стандартов и образовательной программы, которые вместе представляют собой своеобразный предел волеизъявления участников правоотношения по оказанию данных услуг, не позволяющий им неограниченно свободно определять объект данного правоотношения, а также свои права и обязанности [5, с. 39].

В связи с этим на первый план выходят задачи по принятию кодифицированного акта, объединяющего взаимосогласованные права, обязанности и ответственность обучаемых, обучающихся и организующих обучение, что, несомненно, окажет положительное влияние на развитие их административно-правовых статусов и систему управления высшим образованием в целом.

Автономия высшего учебного заведения и академические свободы студента и преподавателя должны быть взаимно сбалансированы. Поскольку образовательные отношения основаны на субординации и властном подчинении, одним из средств, направленных на обеспечение баланса интересов всех субъектов этих отношений, является регламентация процедур в образовательных отношениях.

Административно-правовое регулирование образовательных отношений должно обеспечивать баланс интересов их участников, вытекающих из публичных (государственных и общественных) интересов. При этом задача правообязанной стороны заключается в создании условий для надлежащей и полной реализации соответствующих прав другой стороной.

В основе разработки юридических средств и юридических процедур взаимодействия субъектов образовательных отношений могут находиться регламенты такого взаимодействия (по аналогии с административными регламентами федеральных органов исполнительной власти), например регламент взаимодействия студентов и преподавателя при

проведении учебного занятия в форме семинара и т.п.

В литературе неоднократно отмечалась необходимость четкого определения статуса участников образовательных отношений на основе их автономии и академических свобод в ходе совершенствования законодательства об образовании [6, с. 17; 7, с. 101]. По мнению С.В. Барабановой, «многие недостатки образовательного законодательства действительно можно объяснить недостаточным вниманием к истинному положению гражданина в сфере высшего образования» [8, с. 212].

Как указывает В.А. Привезенцев, в действующих законах, регламентирующих правоотношения в области образования, присутствуют записи, приводящие к неоднозначному пониманию или противоречию законодательных норм, применяются неконкретные ссылки к другим законам, в ряде случаев отсутству-

ет четкий механизм реализации этих норм [9, с. 161–162].

В связи с этим предлагается предоставить Министерству образования и науки РФ право давать письменные разъяснения образовательным учреждениям по вопросам применения законодательства Российской Федерации в области образования по аналогии с правом Министерства финансов РФ давать письменные разъяснения налогоплательщикам по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Представляется, что именно в системообразующем кодифицированном акте должны быть определены направления правового регулирования образовательных отношений и закреплены их рамки для последующего развития в локальных нормативных актах высших учебных заведений на основе законодательно закрепленного административно-правового статуса субъектов образовательных правоотношений.

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2012; Собр. законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1. Ст. 7598.

2. Спасская В.В. Содержание образовательного правоотношения // Право и образование. 2006. № 6.

3. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

4. Образовательное законодательство зарубежных стран. Законы Австрии, Великобритании, Испании, Китая, Мексики, Нидерландов, Франции, ФРГ / сост. Ю.А. Кудрявцев, И.Ю. Егорова, О.Л. Ворожейкина и др.; под ред. В.М. Сырых. М., 2003.

5. Твердова Т.В. Правоотношения по оказанию образовательных услуг: заметки о некоторых особенностях // Право и образование. 2008. № 2.

6. Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании. Теоретические проблемы совершенствования. М., 1985.

7. Куров С.В. Образование и гражданское право: учеб. пособие. М., 2004.

8. Барабанова С.В. Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. Казань, 2004.

9. Привезенцев В.А. О совершенствовании законодательства в области образования // Право и образование. 2003. № 5.

1. About education in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2012 № 273-FL // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2012; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 53, pt. 1. Art. 7598.

2. Spasskaya V.V. Content of educational legal relationship // Law and education. 2006. № 6.

3. Markhgeym M.V. The constitutional system of protection of the rights and freedoms of the person and citizen in the Russian Federation: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2005.

4. Educational legislation of foreign countries. Laws of Austria, Great Britain, Spain, China, Mexico, Netherlands, France, Germany / comp. Yu.A. Kudryavtsev, I.Yu. Egorova, O.L. Vorozheykina, et al.; ed. by V.M. Syrykh. Moscow, 2003.

5. Tverdova T.V. Legal relationship on rendering educational services: notes about some features // Law and education. 2008. № 2.

6. Dorokhova G.A. Legislation on national education. Theoretical problems of improvement. Moscow, 1985.

7. Kurov S.V. Education and civil law: study aid. Moscow, 2004.

8. Barabanova S.V. State regulation of the higher education in the Russian Federation: administrative and legal questions. Kazan, 2004.

9. Privezentsev V.A. About improvement of the legislation in the field of education // Law and education. 2003. № 5.

Чудин Юрий Григорьевич

Северо-Кавказский федеральный университет

(e-mail: chudin1984@mail.ru)

Административная ответственность и публичное управление в области охоты и рыболовства

В статье показана связь публичного управления в области использования и охраны животного мира с институтом административной ответственности за нарушение правил охоты и рыболовства. Автор определяет состав органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере охоты и рыболовства, их компетенцию, дает характеристику направлений деятельности этих органов, значимых для функционирования института административной ответственности в исследуемой сфере отношений.

Ключевые слова: охота, рыболовство, публичное управление, информационная функция, нормирование, надзор, административная ответственность.

Yu.G. Chudin, North Caucasus Federal University; e-mail: chudin1984@mail.ru

Administrative responsibility and public administration in hunting and fishing sphere

The article shows the relationship of public administration in the field of use and protection of fauna with administrative responsibility for violation of the rules of hunting and fishing. The author refers to the composition of the executive bodies authorized in the field of hunting and fishing, their competence and gives a description of the activities of these bodies that are relevant for the functioning of administrative responsibility in the field of the study of relations.

Key words: hunting, fishing, public administration, information function, regulation, supervision, administrative responsibility.

Административная ответственность тесно связана с институтом публичного управления в области охоты и рыболовства, поэтому эффективность применения ее мер коррелирует с состоянием института публичного фаунистического управления. Институт публичного управления в области охоты и рыболовства представлен органами исполнительной власти и содержанием их деятельности: функциями и государственными услугами (работами), выполняемыми ими.

На сегодняшний день на федеральном уровне полномочия в отношении охоты и сохранения охотничьих ресурсов реализуют: МПР России, включая находящиеся в его системе Росприроднадзор, Рослесхоз, а также субъекты РФ, которым делегирована часть федеральных полномочий. В отношении рыболовства исполнение полномочий возложено на Министерство сельского хозяйства РФ и находящееся в его системе Росрыболовство; Росгидромет, входящий в систему Министерства природных ресурсов и экологии РФ, в части проведения мониторинга поверхностных водных объектов; Федеральное агентство водных ресурсов в области проведения мониторинга водных объек-

тов, оценки их состояния как среды обитания водных биологических ресурсов; ФСБ России в сфере охраны морских биологических ресурсов.

При этом часть надзорных функций в области охраны водных объектов, являющихся средой обитания водных биологических ресурсов, относится к полномочиям субъектов РФ. Как недостаток правового регулирования полномочий следует отметить отсутствие до недавнего времени перечня объектов, подлежащих федеральному экологическому надзору, в результате чего сложилась правовая неопределенность в юрисдикции федеральных и региональных уполномоченных органов по надзору в области охраны и использования водных объектов. Подобный перечень объектов федерального экологического надзора появился лишь в 2015 г. Еще одной проблемой, на наш взгляд, является тот факт, что управление в области охраны и использования водных биологических ресурсов отнесено к сельскохозяйственной сфере, уполномоченным органом выступает Росрыболовство, находящееся в ведении Министерства сельского хозяйства РФ. Поскольку водные биоресурсы относятся к объектам

животного мира, т.е. являются компонентами окружающей среды, а также в связи с тем, что средой их обитания являются водные объекты, было бы логично переподчинить Росрыболовство Министерству природных ресурсов и экологии РФ.

Более того, к полномочиям Росрыболовства относится управление в области охраны, рационального использования, изучения, сохранения, воспроизводства не только водных биологических ресурсов, но и среды их обитания, что противоречит полномочиям Росприроднадзора, поскольку последний осуществляет государственный надзор в области использования и охраны водных объектов.

Из значимых для функционирования института административной ответственности государственных услуг (работ) и собственно функций управления можно выделить следующие.

Информационная функция, включающая две подфункции: мониторинг и так называемую кадастровую функцию, хотя в настоящее время в связи со сменой форм фиксации информации ее можно определить как реестровую функцию.

Мониторинг (как система регулярных наблюдений за охотничьими и водными биологическими ресурсами и средой их обитания) имеет своими объектами численность, распространение, воспроизводство, а также состояние среды обитания водных биоресурсов и охотничьих ресурсов. Связь мониторинга и административной ответственности прямо подчеркнута в ст. 42 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биоресурсов», в которой указано, что данные государственного мониторинга водных биоресурсов используются, в том числе, для привлечения к юридической ответственности лиц, совершивших правонарушения в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов. Кроме того, сведения, полученные в ходе мониторинговых исследований, напрямую влияют на объемы лимитов и квот добычи как водных биологических, так и охотничьих ресурсов.

Вторая подфункция заключается в ведении государственных реестров: рыбохозяйственного и охотхозяйственного как юридической формы фиксации информации о водных биологических и охотничьих ресурсах, их использовании и сохранении. Именно в этих документах содержится информация о юридических лицах, индивидуальных предпринимателях, охотниках, которые осуществляют

деятельность в области охоты и рыболовства; о принадлежности охотничьих угодий и их состоянии, о водохозяйственных бассейнах. В рыбохозяйственный реестр вносятся также сведения о судах, осуществляющих лов, их собственниках, орудиях лова, о решениях и договорах, которые являются основаниями осуществления добычи водных биологических ресурсов. Тем самым данные, содержащиеся в указанных государственных реестрах, позволяют определить субъекты легальной охоты и рыболовства, правоустанавливающие документы, подтверждающие правомерность этих видов деятельности, территорию, на которой она осуществляется, размеры разрешенных и фактически реализованных квот и лимитов правомерной добычи охотничьих и водных биологических ресурсов и т.д.

Нормирование воздействий на окружающую среду призвано сохранить ее качество, обеспечить экологическую безопасность. Оно распространяется на хозяйственную и иные виды деятельности, способные причинить ущерб, в том числе на охоту и рыболовство. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в редакции от 29 декабря 2015 г.) «Об охране окружающей среды» различает несколько видов экологических нормативов. Первую группу составляют нормативы, оценивающие состояние природной среды, именуемые нормативами качества окружающей среды. К ним относятся, например, нормативы предельно допустимых концентраций химических, в том числе радиоактивных, веществ (превышение этих нормативов отрицательно влияет на животный мир); физические показатели состояния окружающей среды, включая показатели уровней радиоактивности и тепла (превышение тепловых значений в водных объектах может привести к гибели водных биоресурсов); нормативы, установленные согласно биологическим показателям состояния окружающей среды, включая виды и группы растений, животных и иных организмов, используемых в качестве индикаторов состояния окружающей среды, а также нормативы предельно допустимых концентраций микроорганизмов (как представляется, этот норматив должен влиять на принятие решений о регулировании численности объектов животного мира, в том числе для целей охоты и рыболовства, и составлять основу определения квот и лимитов добычи водных биологических и охотничьих ресурсов).

Из второй группы экологических нормативов наибольшее значение для исследуемой темы имеют нормативы допустимого изъятия объектов животного мира из окружающей среды, которые объективируются в лимитах и квотах добычи водных биологических и охотничьих ресурсов. Превышение их объемов является основанием для привлечения виновных к административной ответственности. Этот норматив получил дальнейшее развитие в специальном фаунистическом законодательстве.

Пространственное определение границ участков природной среды как места охоты и рыболовства, как представляется, можно выделить в отдельную функцию публичного управления. В охотничьем праве речь идет о выделении земельных участков или определении границ территорий, объявляемых охотничьими угодьями, в рыболовном – об определении границ рыбопромысловых участков. Именно эти территории считаются местами, где могут осуществляться законная охота и рыболовство. Нарушение же границ при осуществлении охоты и рыболовства влечет наступление административной ответственности.

Важное значение для института административной ответственности имеет такой вид государственных услуг, как выдача разрешений на добычу охотничьих и водных биологических ресурсов, поскольку наличие полученного в законном порядке правоустанавливающего документа, удостоверяющего право на охоту или рыболовство, является одним из оснований правомерности указанных видов деятельности.

Что касается охоты, то здесь предусмотрен достаточно сложный механизм получения разрешений. Можно говорить о юридическом составе, лежащем в основании возникновения права на охоту. Причем большая часть юридических фактов этого состава так или иначе связана с действиями уполномоченных органов исполнительной власти. Рассмотрим ситуацию, когда охотником выступает физическое лицо – гражданин РФ. Прежде всего для осуществления охоты лицо должно приобрести статус охотника, удостоверяемый охотничьим билетом, который выдается уполномоченным органом исполнительной власти субъекта РФ и регистрируется в государственном охотхозяйственном реестре. Необходимо также получить в органах внутренних дел разрешение на хранение и ношение охотничьего оружия. Собственно, право на охоту удостоверяется

разрешением, выдаваемым охотнику либо уполномоченным органом субъекта РФ, если охота будет осуществляться в общедоступных угодьях, либо юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, заключившими охотхозяйственные соглашения, если охота будет осуществляться в закрепленных угодьях.

В отличие от охоты, которая относится к специальному природопользованию, поскольку всегда основывается на разрешительных документах, рыболовство может осуществляться и в порядке общего природопользования, не требующего наличия разрешения. Это, например, относится к любительскому и спортивному лову рыбы, если иное не предусмотрено законом. Однако основные виды рыболовства (промышленное, прибрежное, рыболовство в научно-исследовательских и контрольных целях и др.) основываются на разрешении, выдаваемом уполномоченным органом – Росрыболовством и его территориальными органами.

Следует упомянуть и еще одну функцию управления – сбор платежей за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами, администраторами которых также являются уполномоченные органы исполнительной власти.

Надзор представляет собой центральную функцию публичного управления в области природопользования и охраны окружающей среды, имеющую, в отличие от ряда иных направлений управленческой деятельности, властную составляющую, заключающуюся в возможности не только проверки соответствия деятельности поднадзорных субъектов требованиям законодательства, но и выдвижения требований об устранении нарушений и привлечении виновных к административной ответственности в случае выявления нарушения нормативно-правовых установлений.

Обозначим лишь одну проблему института надзора в указанных сферах.

Федеральное агентство по рыболовству и его территориальные органы являются основными уполномоченными органами, осуществляющими федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов. При этом их полномочия не распространяются на сферу контрольно-надзорной деятельности пограничных органов (их юрисдикция распространяется на территорию внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шель-

фа РФ, в пределах Азовского и Каспийского морей, включая контроль за судами, осуществляющими лов (добычу) трансграничных видов рыб и далеко мигрирующих видов рыб в открытом море, в соответствии с международными договорами РФ и (или) внутренним законодательством РФ). На особо охраняемых природных территориях федерального значения эту функцию реализует Федеральная служба надзора в сфере природопользования.

Казалось бы, сферы контрольно-надзорной деятельности в области рыболовства разграничены. Однако, как представляется, эффективность борьбы с нарушениями правил рыболовства можно повысить за счет наделения дополнительными полномочиями в области контрольно-надзорной деятельности иные природоохранные органы, осуществляющие функции экологического управления в соответствующих акваториях.

Иная ситуация сложилась в сфере охотничьего надзора. Прежде всего надо отметить, что надзор осуществляется уполномоченными органами, система которых в отношении охоты с 1 марта 2015 г. была существенно расшире-

на. Если ранее данную функцию осуществляли только органы охотнадзора, то в настоящее время эти полномочия распространили на органы, осуществляющие экологический надзор, что, с одной стороны, можно только приветствовать. Однако согласно ст. 65 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» к таким органам относятся практически все те, которые осуществляют надзор за соблюдением требований законодательства в отношении отдельных природных ресурсов, т.е. государственный экологический надзор за охраной и использованием земель, водных объектов, лесов, животного мира, недр, континентального шельфа, атмосферного воздуха и т.д.

Каким образом надзор, например, в области использования и охраны недр или надзор за соблюдением требований к обращению озоноразрушающих веществ, которые тоже причислены к экологическому надзору, могут распространяться на надзор за охраной животного мира? Представляется, что законодателю следует указать конкретные органы, которые могут солидарно осуществлять охотничий надзор.

Бавсун Ирина Геннадьевна

кандидат юридических наук,
Омская академия МВД России
(e-mail: irinasolo777@mail.ru)

Вопросы организации текущего планирования деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне

В статье рассматриваются некоторые проблемы подготовки планов работы территориальных органов МВД России на районном уровне. Отражается примерное содержание плана работы территориального органа на районном уровне.

Ключевые слова: организация планирования, текущее планирование, этапы планирования, план работы, территориальный орган.

I.G. Bavsun, Master of Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: irinasolo777@mail.ru

Issues of the organization of the current planning of activities of territorial internal affairs bodies at the district level

The article considers some problems of preparation of work plans of territorial bodies of the Ministry of the Interior of Russia at the district level. Reflects the estimated contents of the work plan of the territorial body at the district level.

Key words: organization of planning, current planning, steps of planning, plan of work, territorial body.

Планирование – одна из важнейших функций управления в органах внутренних дел. Осуществленное на высоком уровне, оно придает деятельности целенаправленный и конкретный характер, помогает своевременно решать актуальные задачи, рационально использовать имеющиеся ресурсы, создает рабочую обстановку.

В системе планирования центральное место принадлежит текущему (общему) планированию, состоящему в планировании всех сторон (направлений) организаторской и оперативно-служебной деятельности органа внутренних дел, его служб и подразделений на различные периоды времени (на календарный год, полугодие, квартал), в рамках которого готовятся: планы основных организационных мероприятий МВД России и территориальных органов МВД России на региональном уровне, планы работы территориальных органов МВД России на районном уровне; полугодовые планы работы структурных подразделений органов внутренних дел; планы работы коллегий и иных коллегиальных, совещательных органов; планы по выполнению отдельных направлений деятельности органов внутренних дел (планы служебных командировок сотрудников; планы финансово-хозяйственной, финансовой деятельности; планы проведения занятий в систе-

ме профессиональной подготовки и др.). Они ставят на плановую основу всю внутриорганизационную деятельность органов внутренних дел. Основным планом, организующим работу территориального органа внутренних дел на районном уровне, является план его работы, составляемый на год.

В соответствии с Инструкцией по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации [1] организация планирования заключается в выработке управленческого решения на основе обобщения, систематизации и анализа информации, необходимой для разработки плана; сборе согласованных в установленном порядке предложений заинтересованных органов, организаций и подразделений, их структурных подразделений; подготовке и последующем согласовании с ними проекта плана; утверждении его руководителем и доведении до заинтересованных органов (подразделений). Таким образом, в процессе планирования в органах внутренних дел можно выделить несколько этапов.

Первый этап – обобщение, систематизация, анализ информации, необходимой для разработки плана. Такая информация должна характеризовать:

криминогенную обстановку (количественные и качественные показатели преступности; при-

чины, обуславливающие их изменение), прогноз ее развития;

состояние административной практики и профилактической работы;

результаты деятельности органов внутренних дел за отчетный период;

имеющиеся и разрабатываемые совместно с другими правоохранительными органами национальные и иные планы Российской Федерации по реализации межгосударственных программ борьбы с преступностью, федеральные (региональные) целевые программы, решения органов государственной власти и местного самоуправления, вышестоящего органа управления по вопросам противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности;

имеющиеся пробелы и противоречия нормативного правового регулирования деятельности системы МВД России.

Основной вопрос данного этапа заключается в четком определении источников такой информации, к которым, в частности, можно отнести:

материалы и выводы комплексного анализа оперативной обстановки за предшествующий период (включая политическую, экономическую и социальную характеристику территории обслуживания; характеристику правопорядка; результаты деятельности органа внутренних дел);

прогноз изменений социальных, экономических, политических и иных характеристик обслуживаемой территории и вытекающий из них расчет изменений в состоянии правопорядка на планируемый период;

Директиву министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России», которая является основным документом МВД России, подводящим итоги проделанной работы и определяющим комплексные задачи, которые необходимо решать в предстоящий период;

планы работы вышестоящих органов внутренних дел (план основных организационных мероприятий МВД России и территориальных органов МВД России на региональном уровне на предстоящий период) и иные плановые (программные) документы (например, планы-графики по исполнению указов Президента России или комплексные программы по различным направлениям деятельности органа внутренних дел);

решения коллегий, совещаний при руководителе, а также поручения руководителя тер-

риториального органа МВД России на региональном уровне;

решения органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности;

решения координационных совещаний правоохранительных органов;

информацию о выполнении плана работы органа внутренних дел в предшествующий период;

информацию о плановых и внеплановых проверках деятельности органа внутренних дел в целом и его подразделений вышестоящими ОВД, органами прокуратуры и другими контролирующими органами;

информацию о состоянии кадрового, материально-технического и финансового обеспечения деятельности органа внутренних дел.

При необходимости осуществляются сбор, накопление и анализ дополнительной информации, которая может объективно повлиять на организацию деятельности органов внутренних дел. Обозначенная информация собирается и анализируется для выявления проблем в сфере организации и деятельности органа внутренних дел и постановки целей на предстоящий период, а также оценки имеющихся у него возможностей.

Второй этап – сбор предложений от заинтересованных подразделений, к числу которых относятся ответственные исполнители, соисполнители мероприятий, а в определенных случаях – субъекты контроля, которыми являются структурные подразделения, уполномоченные руководителем, утвердившим план, на осуществление контроля. В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации [2] субъектами контроля в структурных подразделениях органов внутренних дел, осуществляющими контроль в пределах своей компетенции, являются: штабные подразделения (или иные подразделения, осуществляющие функции анализа, планирования и контроля); правовые подразделения; подразделения делопроизводства и режима. Предложения в проект плана территориального органа МВД России на районном уровне представляются соответствующему субъекту планирования – в штаб органа внутренних дел либо лицу (в подразделение), в должностные обязанности которого включена функция осуществления анализа, планирования и контроля.

Процесс планирования в иерархической системе органов внутренних дел имеет дву-

направленное движение. Прежде всего, планирование осуществляется «сверху вниз» и предполагает разработку планов нижестоящих органов на основе планов вышестоящих структур, а следовательно, и в более поздние сроки. Положения и требования Директивы министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» конкретизируются в Плане основных организационных мероприятий МВД России, планах основных организационных мероприятий территориальных органов МВД России на региональном уровне и планах работы территориальных органов МВД России на районном уровне. Таким образом, после уяснения директивных мероприятий вышестоящих органов внутренних дел, требующих детализации, они отражаются в планах нижестоящих структур.

Внутри же системы (на одном уровне) работа планируется по направлению «снизу вверх». Это предполагает составление годового плана работы территориального органа внутренних дел на районном уровне на основе обобщения информации и предложений отраслевых служб и подразделений с учетом складывающейся оперативной обстановки. Наиболее эффективным является разумное сочетание обоих методов: директивные указания «сверху» от вышестоящих органов внутренних дел и инициативные предложения «снизу» от отраслевых подразделений «встречаются», т.е. аккумулируются, анализируются и выстраиваются в единый план деятельности органа внутренних дел субъектом планирования.

В связи с этим важнейший организационный вопрос данного этапа планирования заключается в обеспечении своевременности представления предложений от заинтересованных подразделений субъекту планирования для включения их в проект плана. Нормативно закреплен только срок – 15 декабря года, предшествующего планируемому, до которого заместители начальника органа внутренних дел и руководители структурных подразделений должны представить предложения в план работы территориального органа МВД России на районном уровне.

В то же время субъект планирования должен иметь резерв времени для возвращения предложений, представленных с нарушением установленных требований, а также имеющих взаимное противоречие (три дня со дня их получения), а исполнители – на доработку предложений и повторное их направление субъекту планирования (три рабочих дня со дня реги-

страции документов, поступивших на доработку). При наличии разногласий по предложениям, повторно направленным в проект плана, субъект планирования в пятидневный срок иницирует проведение согласительного совещания с участием полномочных представителей заинтересованных органов (подразделений), представивших предложения в проект плана.

Поэтому 15 декабря следует рассматривать как срок представления предложений в окончательном варианте, иначе у субъекта планирования не остается времени для подготовки проекта плана и его согласования. Учитывая все нормативно установленные сроки доработки и согласования предложений в план, последние должны вноситься заинтересованными подразделениями не позднее 4 декабря года, предшествующего планируемому. Данный срок нормативно не установлен, но позволяет создать резерв времени, необходимый для согласования и корректировки предложений.

Однако при этом возникает другая проблема – предложения в план работы территориального органа МВД России на районном уровне должны основываться на требованиях Директивы министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России», которая не всегда издается к указанному сроку. Например, сложно учесть при планировании деятельности территориального органа МВД России на районном уровне положения Директивы министра внутренних дел Российской Федерации, подписанной 12 декабря 2014 г. Заблаговременное же издание Директивы (31 октября 2012 г., 12 ноября 2013 г., 17 ноября 2015 г.) создает необходимые условия для качественного планирования деятельности территориальных органов внутренних дел с учетом директивных указаний вышестоящих звеньев системы МВД России.

Третий этап включает в себя подготовку проекта плана и согласование его с исполнителями. Поступившие в установленном порядке предложения изучаются субъектом планирования на предмет их соответствия общим задачам, имеющимся ресурсам и реальности выполнения с учетом криминогенной обстановки, результатов выполнения плановых мероприятий за предшествующие периоды и существующих нерешенных проблем в оперативно-служебной деятельности. Подготовленные надлежащим образом предложения вносятся в проект плана.

Форма и структура проекта плана должны наиболее полно и просто отражать основные

планируемые и контролируемые параметры: содержать позиции о мероприятиях, сроках их выполнения, исполнителях, а при необходимости – показателях и индикаторах, имеющих целеполагающее или ориентирующее значение, источниках и суммах финансирования, механизме контроля выполнения мероприятий плана, другую значимую информацию. Как показывает анализ практики, территориальные органы внутренних дел, как правило, ограничиваются графами, заложенными в образце плана основных организационных мероприятий МВД России (приложение к Инструкции по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации): содержание мероприятия, исполнители (соисполнители), срок исполнения и отметка о выполнении. Показатели и индикаторы плановых мероприятий, вопросы финансирования и механизмы контроля до повсеместного внедрения в практику планирования территориальных органов внутренних дел потребуют тщательной проработки на уровне МВД России.

Проблемным вопросом данного этапа планирования является структура плана в части его содержания (наименования разделов), которая нормативно не закреплена. В последнее время территориальные органы внутренних дел зачастую формируют разделы планов своей работы, дублируя содержание Директивы министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России». Ежегодно меняющееся содержание директивы обусловлено динамичностью оперативной обстановки, выводящей в определенные периоды времени разные направления работы органов внутренних дел в разряд приоритетных. Но для территориальных органов МВД России на районном уровне более логичным представляется содержание плана, обусловленное основными направлениями деятельности органов внутренних дел [3] и показателями ведомственной статистической оценки деятельности министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации [4].

Примерное содержание плана работы территориального органа внутренних дел на районном уровне.

I. Совершенствование управленческой деятельности; взаимодействие с институтами гражданского общества.

II. Защита личности, общества, государства от противоправных посягательств.

III. Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний.

IV. Выявление и раскрытие преступлений, производство дознания и предварительного следствия по уголовным делам; розыск лиц. Осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

V. Обеспечение правопорядка в общественных местах.

VI. Обеспечение безопасности дорожного движения.

VII. Организация кадровой работы; укрепление дисциплины и законности; боевая, мобилизационная готовность и гражданская оборона.

VIII. Финансово-хозяйственное, материально-техническое и информационно-телекоммуникационное обеспечение.

IX. Иные актуальные для данного органа внутренних дел направления деятельности.

Содержание разделов может быть конкретизировано. Например, такое направление деятельности, как защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, может быть представлено несколькими направлениями работы, оформленными в качестве подразделов плана: борьба с экстремизмом, противодействие развитию межнациональных и межконфессиональных конфликтов; обеспечение экономической безопасности и противодействие коррупции; борьба с организованной преступностью и наркобизнесом и др. Мероприятия, соответствующие приоритетным направлениям деятельности органов внутренних дел на предстоящий период в соответствии с Директивой министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России», должны вноситься в соответствующие разделы плана в качестве первоочередных.

В дальнейшем проект плана подлежит согласованию с заинтересованными подразделениями, а при наличии в проекте плана позиций о механизме контроля – с субъектом контроля. Территориальные органы МВД России на региональном уровне разрабатывают нормативные правовые акты, дополняющие и конкретизирующие положения Инструкции по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации. Например, в них может быть предусмотрено, что проекты планов работы территориальных органов внутренних дел подлежат обязательному согласованию с

заместителями начальника территориального ОВД на районном уровне и главным инспектором Инспекции органа внутренних дел на региональном уровне, а также с иными должностными лицами. При этом согласование проекта плана с перечисленными субъектами приходится проводить параллельно, чтобы соблюсти сроки процедуры планирования. После согласования осуществляется окончательная доработка и корректировка проекта плана с учетом полученных замечаний и предложений, а также повторное его согласование.

Четвертый этап планирования заключается в утверждении плана и доведении его до исполнителей. В течение рабочего дня, следующего за днем окончания согласования, проект плана территориального органа МВД России на районном уровне вносится на рассмотрение начальника (лица, его замещающего), который должен утвердить его до 25 декабря года, предшествующего планируемому. Копии плана в пятидневный срок со дня утверждения направляются субъектом планирования в органы, организации и подразделения, определенные исполнителями

мероприятий плана, – для реализации; в подразделения, являющиеся субъектами контроля исполнения мероприятий плана, – для организации контроля. Поступившие в заинтересованные органы (подразделения) копии утвержденного плана в трехдневный срок доводятся до непосредственных исполнителей.

Таким образом, несмотря на то, что технология текущего планирования деятельности территориальных органов внутренних дел на районном уровне детально регламентирована, на практике возникают вопросы, затрудняющие качественное осуществление этой деятельности. Некоторые аспекты информационного и документационного обеспечения, а также сроки процедуры планирования должны быть нормативно урегулированы в приказах или разъяснены в методических рекомендациях МВД России. Для улучшения качества планирования от территориальных органов внутренних дел требуется решение ряда задач правового и организационного характера, повышение профессионализма сотрудников, непосредственно реализующих данную функцию, а также пересмотр некоторых подходов, сложившихся на практике.

1. Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 сент. 2012 г. № 890 (ред. от 28 окт. 2015 г.). Доступ из СПАС «Юрист».

2. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 (ред. от 28 мая 2013 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 21 апр. 2011 г. № 222 (ред. от 2 июня 2014 г.) // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 28.

4. Вопросы оценки деятельности территориальных органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. № 1040 (ред. от 13 авг. 2015 г.). Доступ из СПАС «Юрист».

1. On the planning organization in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Sept. 26, 2012 № 890 (as amended on Oct. 28, 2015). Access from Specific multi-location automated system «Lawyer».

2. On approval of the Instruction on office administration in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. June 20, 2012 № 615 (as amended on May 28, 2013.). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. On approval of the Model provisions on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional level: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Apr. 21, 2011 № 222 (as amended on June 2, 2014) // Bull. of normative acts of the federal bodies of executive power. 2011. № 28.

4. Questions of the evaluation of activity of the territorial bodies of internal affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Dec. 31, 2013 № 1040 (as amended on Aug. 13, 2015). Access from Specific multi-location automated system «Lawyer».

Ударцев Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583671)

Десятов Михаил Сергеевич

кандидат юридических наук,
Омская академия МВД России
(тел.: +73812751400)

Васильченко Денис Александрович

кандидат юридических наук,
Омская академия МВД России
(тел.: +73812751400)

Негласная правоохранительная деятельность в контексте исторического развития общества

В статье раскрываются исторические аспекты становления и развития оперативно-розыскной деятельности в России и других государствах. Отображается важность негласной разведывательной деятельности как эффективного механизма реализации государственной власти.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, тайные агенты, негласная деятельность.

S.Yu. Udartsev, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +78612583671;

M.S. Desyatov, Master of Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +73812751400;

D.A. Vasilchenko, Master of Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +73812751400.

Covert law enforcement activities in the context of historical development of society

The article reveals historical aspects of formation and development of operational investigative activity in Russia and other states. Clearly illustrated the importance of covert intelligence activities as an effective mechanism of implementing state power.

Key words: operational-investigative activities, undercover agents, covert activities.

Оперативно-розыскная (сыскная, поисковая, агентурная, агентурно-оперативная и пр.) деятельность с присущей ей таинственностью и закрытостью возникла значительно раньше, чем можно было бы предположить. Современная научная полемика по поводу обоснования необходимости закрепить негласность оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) как первоочередной и наиболее значимый ее принцип должна прежде всего опираться на исторический опыт осуществления этой деятельности, причем не только в России, но и за рубежом. Как показало исследование, четкого разграничения между агентами и представителями государственной власти не существовало, поэтому, на наш взгляд, в историческом контексте агентурную (шпионскую) деятельность необходимо рас-

сматривать как предшествующую ОРД с присущими ей атрибутами негласности.

Перед началом ретроспективного анализа указанной деятельности обозначим, что дошедшие до нашего времени памятники истории, в том числе религиозного характера, свидетельствуют об использовании специально отобранных лиц для осуществления негласной разведывательной деятельности и тем самым дают нам основания полагать, что она представляет собой одно из древнейших ремесел цивилизации, зародившись одновременно с появлением первичных общественных отношений.

Так, например, гл. 13 библейской Книги Чисел начинается словами «И сказал Господь Моисею: «Пошли от себя людей, чтобы они высматривали землю Ханаанскую, которую я

даю сынам Израилевым: по одному от колена отца и пошлите главных из них...». Согласно преданию, Моисей выбрал по одному представителю из всех 12 колен и послал их в землю обетованную на 40 дней, уточнив приказ: «Пойдите в южную сторону и взойдите на гору и осмотрите землю, какова она, и народ, живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? И какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа?...» [1, с. 18–30].

Более сложные организационно-тактические меры по применению агентуры описаны во Второй книге Царств, в которой повествуется о предательстве Самсона девушкой по имени Далила, которой филистимляне заплатили 1100 монет серебра, чтобы она соблазнила грозного силача Самсона и выведала секрет его силы [2].

В исламских религиозных источниках можно обнаружить неоднократные упоминания о применении негласных методов сбора необходимой информации, которые использовал при достижении своих целей пророк Мухаммед. Например, пророк Мухаммед, отправляя верного мусульманина и своего родственника Хошимита Мусаба ибн Умайра обучать новообращенных чтению и пониманию Корана, просил его также ознакомиться с настроениями в оазисе, выяснить, насколько реальна перспектива переселения туда всех мекканских мусульман, и доложить об этом Мухаммеду [3, с. 47–49].

В главе XXIII («Использование шпионов») древнекитайского военного трактата «Пиньфа» («Искусство войны»), написанного примерно в 400 г. до н.э. философом Сунь-Цзы отмечается, что использование агентов требует строжайшей тайны, необходимо не просто их иметь, но и уметь использовать. Более того, Сунь-Цзы, определял 5 категорий агентов различной квалификации [4, с. 185–187], что, на наш взгляд, прямо свидетельствует об осознании необходимости данной деятельности и глубокой проработке ее нюансов.

Сунь-Цзы также сформулировал первые профессиональные требования к должностным лицам, использующим агентурный метод в своей работе. Он особо выделял: ум (чтобы распознать возможную ложь агентов), гуманность и справедливость (т.к. гуманность привязывает к себе сердца, а справедливость воодушевляет на верность, тонкость и проницательность) [5, с. 12].

Не меньший интерес представляет анализ методов, использование которых допускалось при противодействии противоправным деяниям. Так, в древнеиндийском трактате «Артхашастра», являющемся источником сведений о структуре и универсальном принципе дея-

тельности специальных служб, составленном примерно в 370–283 г. до н.э. политическим деятелем Каутильем, известным также под именами Чанакья и Вишнугупта, говорится о специальных агентах, которые должны были контролировать судей и других представителей власти, попавших под подозрение в незаконных доходах, предлагая им взятки за незаконные действия. Кроме того, на указанных агентов возлагались обязанности по провокации лиц, ведущих антиобщественный образ жизни (они вынуждали преступников совершать противоправный поступок в заранее условленном агентом месте, а подготовленные к этому свидетели обязаны были это подтвердить) [6, с. 215–218].

В свою очередь, японский кодекс нравственности и быта, известный под названием «Бусидо», вменял в обязанность в инициативном порядке предоставлять информацию о готовящихся и совершенных преступлениях, считая такое занятие проявлением долга и чести, своей лояльности к императору и государству в целом [7, с. 356–357].

Говоря о возникновении негласной деятельности на территории России, полагаем, что одним из первых, кто применил тайных агентов для раскрытия противоправных деяний на территории России, является воевода Ян Вышатич [8, с. 574], который в 1071 г. для подавления первого народного выступления в Киеве, Новгороде и Суздальской земле произвел внедрение имеющихся у него специально обученных лиц в «бунтующие» массы смердов с целью получения подробных сведений об организаторах восстания – волхвах [9, с. 117–119, 317–319]. При этом первой нормативно-правовой нормой, регулирующей деятельность шпиона в истории русского права, по нашему мнению, может быть признана ст. 41 Краткой Правды, в которой определяется размер вознаграждения лицу (емецу) за поимку вора [10, с. 49]. Позже данная практика была принята на вооружение и развита Петром I [11, с. 41].

В России, как и в других государствах того периода, становление агентурной деятельности (в современном понимании), с нашей точки зрения, связано с появлением правоохранительной системы, осуществляющей противодействие преступности. Отдельные ее элементы проявились в деятельности «особых обыщиков» (или сыщиков), по усмотрению правительства периодически направлявшихся в определенную местность для поиска лиц, занимавшихся противоправной деятельностью, и суда над ними [12, с. 36–37]. Подобный вывод мы находим и в исследовании П. Чеглокова, который полагал, что в XV в. существовало некое ведомство, управлявшее розыском преступников, т.к., по его мнению, сам царь не мог каж-

дый раз заниматься отправлением обыщиков. Однако до нас не дошли сведения об устройстве, составе и круге действий этого ведомства [13, с. 36–37].

Одним из первых документальных упоминаний о лицах, выполняющих розыскные, в том числе тайные, полицейские функции, является Двинская грамота, в которой предписывалось «сотникам, пятидесятникам и десятникам беречь накрепко, чтобы не было у них татей, и разбойников, и корчем, и ябедников, и подписчиков и всяких лихих людей» [14, с. 173]. Опираясь на проведенный анализ русских летописей, В.И. Власов и Н.Ф. Гончаров заключают, что «по древнерусскому княжескому праву, сообразному с тогдашними нравами, еще нет различия между уголовными и гражданскими процессами, но уже княжеская власть в отдельных случаях отыскивает виновных тайно или применяет для изъятия преступников военную силу» [15, с. 18].

В середине XVI в. в центральных органах управления на базе Разбойной избы Боярской думы была сформирована Уставная книга Разбойного приказа [12, с. 7], на которую возлагалась организация борьбы с преступностью, а в 1655 г. создано одно из самых тайных учреждений этого периода – Приказ тайных дел, который считается «началом тайной полиции в России» [16, с. 4]. Он явился центром, куда стали стекаться челобитные и изветы, требовавшие особого к себе внимания и не доверявшиеся общим учреждениям [16, с. 115].

Наиболее же динамично, согласно проведенному исследованию, негласная работа стала оформляться во время царствования Петра I, который, переняв опыт борьбы с уголовными преступлениями ряда европейских государств, в первую очередь Германии, учредил в 1707 г. фискальную службу (службу тайного надзора), определив данные органы как сыскные, имеющие весьма широкий спектр задач и полномочий: допрос подозреваемых; наружное наблюдение; «тайное выведывание» уполномоченными лицами сведений о «злумышленниках», совершающих противоправные деяния различного рода, и др. Как считает А.П. Починок, эффективность данной службы была высока, поскольку ее сотрудники не получали жалования от государства, а существовали за счет так называемого самофинансирования, являвшегося результатом их успешной профессиональной деятельности (около четверти суммы полученного имущества либо штрафа) [17].

Опираясь на достигнутые успехи в противодействии преступности, Петр I направил усилия на создание регулярной полиции, централизованная деятельность которой охватит всю

территорию страны, обеспечит охрану строя, порядков, нравственности, предупреждение и пресечение преступлений. Реализуя свое намерение, 25 мая 1718 г. Петр I создал орган политической полиции – Тайную канцелярию розыскных дел, восстановил институт сыщиков, издал инструкцию, получившую название «Пункты» (т.к. состояла из 13 пунктов), в которой излагались полномочия петербургской полиции. Одной из основных задач ее сотрудников было содержание тайных доносителей, «обязанностью которых было открывать преступления и сыскивать воров и разбойников» [11, с. 134–135].

Дальнейшее развитие негласная деятельность по противодействию преступности получила при Императрице Елизавете Петровне, которая своим Указом 19 ноября 1756 г. утвердила Инструкцию – наказ главным сыщикам об их обязанностях и правах, порядке сыскной деятельности и взаимодействии с другими органами и лицами, в соответствии с которой следовало «посылать для проведывания о воровских пристанищах тамошних жителей к тому способных людей, которым за то обещать и действительно давать в награждение за каждого человека по 5 рублей» [18, с. 24].

В 1775 г. при царствовании Екатерины II издается Указ о создании специализированного сыскного отделения, занимавшегося сбором и обработкой сведений о преступлениях, поступивших от штатных сотрудников и нештатных осведомителей и информаторов всего г. Санкт-Петербурга [19, с. 656–678], что, по сути, явилось предвестником формирования централизованной информационно-аналитической системы обработки оперативной информации. Кроме того, в связи с усилением крестьянских волнений в 1782 г. в городах создавались новые полицейские органы – Управы благочиния. Организацию и деятельность данных органов подробнейшим образом регламентировал Устав благочиния (или Полицейский), согласно которому полиции передавалось детальное исследование обстоятельств совершаемых преступлений и вся розыскная власть [20, с. 256–257]. При этом разъяснялось, что для успешного функционирования данного органа необходимо произвести: 1) образование главных агентов этой полиции из органов общей полиции, всецело посвятивших себя полицейской службе и обнаруживших достаточные опытность и склонность к сыскной деятельности; 2) поиск добавочных агентов, т.е. так называемых шпионов или сыщиков в ограниченном числе, и сколь возможно разборчиво, безусловно избегая порочных людей и т.п. [21, с. 90].

В 1802 г. создается Министерство внутренних дел, в составе которого стал функцио-

нирывать Департамент внутренних дел, объединявший три экспедиции: государственного хозяйства; медицинской управы; спокойствия и благополучия. В последней экспедиции были сосредоточены полицейские функции применения конфиденциальных сил, средств и методов в противодействии политической и общеуголовной преступности. Сотрудникам указанной экспедиции, в соответствии с Указом императора Александра I 1803 г., разрешалось привлечь к конфиденциальному сотрудничеству лиц, имеющих оперативно значимые позиции в криминальном мире, внедрять их в преступные сообщества, выплачивать им значительное вознаграждение за предоставленную оперативно значимую информацию и др. Результаты конфиденциальной деятельности после их проверки использовались следователями в качестве доказательств по уголовным делам [22, с. 98].

В 1811 г. из МВД России было выделено самостоятельное Министерство полиции, однако агентурная деятельность осуществлялась теми же штатными сотрудниками, которые выполняли административные и следственные функции. В 1819 г. выделенное Министерство полиции вновь вошло в состав МВД России. Вместе с тем, результаты деятельности МВД России убедительно свидетельствовали о необходимости скорейшего разграничения тайных сыскных и следственных функций. В связи с этим 8 июня 1860 г. Указом Александра II были отменены следственные функции органов полиции, которым теперь предписывалось осуществлять дознание [23, с. 13]. Подобный шаг, безусловно, позитивно отразился на совершенствовании агентурной деятельности, т.к. повсеместной практикой явилось введение в штатное расписание каждого полицейского участка на территории России так называемых надзирателей сыскной полиции, которым разрешалось осуществлять вербовку лиц, ведущих противоправный образ жизни, иметь под своим началом 3-4 постоянных агента и сеть агентов-осведомителей из разных слоев населения, проживающего на территории обслуживания данного полицейского органа, систематически выплачивать им существенное денежное вознаграждение за предоставленную оперативно значимую информацию и др. Кроме того, стал осуществляться централизованный оперативно-справочный учет лиц, представляющих оперативный интерес для органов полиции. Так, в частности, согласно отчету обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова за 1867 г. сыскным отделением под его руководством было собрано более 20 тыс. справок о судимых лицах, причастных к преступлениям, о разыскиваемых, о тех, кому по различным

причинам запрещалось жить в столице, и о других «интересных» для полиции людях [24, с. 11–35].

Тем не менее, несмотря на положительные сдвиги в организации агентурной деятельности на территории России, специализированного нормативного правового акта, регламентирующего методы и приемы сыска, в том числе негласные, не было. Вместе с тем, отметим, что основным нормативным документом, регламентирующим проведение оперативного дознания на территории России, являлся Устав уголовного судопроизводства 1864 г., отдельные статьи которого предписывали производства оперативного дознания. Так, например, ст. 254 Устава, указывала, что «...в сомнительных случаях они обязаны собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания». Первым же ведомственным нормативно-правым актом, закрепившим основу организации и тактики осуществления негласной деятельности, явилось утверждение министром внутренних дел по согласованию с министром юстиции 17 июля 1878 г. Инструкции полицейским урядникам, в которой давались рекомендации по оперативно-розыскным приемам дознания. Так, например, согласно п. 16 «предписывалось собирать необходимые сведения негласно, пользуясь знанием жителей своего участка, стараясь не возбудить никакого подозрения или недоверия» [25].

В дополнение к Инструкции полицейским урядникам в 1892 г. была принята Инструкция для начальников охранных отделений, регламентирующая деятельность по организации наружного наблюдения силами специальных негласных сотрудников-филеров. Начальникам охранных отделений рекомендовалось при приеме на службу филеров наружного наблюдения отдавать предпочтение лицам, «...состоящим в охотничьих командах, имевшим награды за отличную стрельбу, обладавшим крепким здоровьем, в особенности крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, с такой внешностью, которая бы давала им возможность не выделяться из толпы» [26]. На основании указанной инструкции С.В. Зубатовым при Московской охране был создан так называемый летучий отряд филеров, который «разъезжал по России и проводил разработку наиболее профессиональных членов революционных ячеек» [27, с. 35]. А.И. Спиридович так описывает обучение С.В. Зубатовым офицеров агентурному делу и отношению к секретным сотрудникам: «Вы господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опо-

зорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальнику. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму» [28, с. 14].

Вместе с тем, первым наиболее систематизированным нормативно-правовым актом, регулирующим основы организации и тактики агентурной деятельности в органах полиции, по нашему мнению, является изданная 7 февраля 1907 г. Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения, описывающая основные направления данной деятельности. Так, согласно инструкции весь конфиденциальный аппарат органов полиции России был классифицирован на штучников, вспомогательных и секретных агентов. Под штучниками понимались лица, случайно получившие оперативно значимые сведения и сообщившие их полиции, как правило, за небольшое вознаграждение. Отметим, что в Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения от 7 февраля 1907 г., обозначалось, что при правильной организации агентурной работы штучников в органах полиции быть не должно. Вспомогательные агенты систематически представляли оперативную информацию о подготавливаемых или совершенных противоправных действиях и получали регулярные выплаты за оказанные услуги. Элиту же негласного аппарата составляли секретные агенты, осуществлявшие предоставление информации в органы полиции на постоянной основе и получавшие за это значительную по тем временам ежемесячную плату 75–150 руб. В то же время ложное

заявление агента рассматривалось как тяжкое преступление, и агент подвергался наказанию на уголовно-правовых основаниях, а в случае разоблачения и потери доверия – исключался из агентурного аппарата [29, с. 8].

Победа Октябрьской революции 7 ноября 1917 г. привела к уничтожению не только политики царского режима, устоев государства, но и сложившейся системы негласной сысковой деятельности в органах полиции России. Однако революционные власти очень быстро столкнулись с проблемой разгула уголовной преступности и осознали необходимость существования специализированной правоохранительной структуры, в обязанности которой входит агентурная деятельность [30, с. 57]. Стоит заметить, что правовую базу деятельности данных подразделений составили нормативные правовые акты, в основу которых были положены нормы, регламентировавшие агентурную деятельность в дореволюционной России.

Таким образом, проведенный нами историко-правовой анализ генезиса негласной деятельности в органах полиции дореволюционной России позволяет сделать вывод о том, что развитие указанной деятельности происходило одновременно со становлением российской государственности и всегда было направлено на решение задач противодействия преступности, защиты личности и государственных интересов, поскольку является объективно необходимой и социально обусловленной мерой, находящейся в диалектической зависимости от существующей во все эпохи латентной, закрытой, замаскированной преступности, что предопределяет ее историческую и социальную обусловленность.

1. Библия: Книги Ветхого Завета. Четвертая книга Моисеева. Числа. 1990. Гл. XIII. Ст. 3.

2. Вторая книга Царств. URL: <http://Lib.pravmir.ru> (дата обращения: 18.02.2015).

3. Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Ислам: энцикл. словарь. М., 1991.

4. Сунь-Цзы (в тангутском переводе). М., 1979.

5. Климов И.А., Синилов Г.К., Тузов Л.Л. Агентурный метод защиты интересов личности, общества, государства и борьбы с преступностью. Калининград, 2002.

6. Артахаштра / пер. В.И. Кальянова. М., 1959.

7. Роуан Р. Очерки секретной службы (из истории разведки). СПб., 1992.

8. Большая советская энциклопедия: в 12 т. / под общ. ред. А.М. Прохорова. М., 1971. Т. 5.

1. The Bible: Books of the Old Testament. The fourth book of Moses. Number. 1990. Chapter. XIII. Art. 3.

2. The Second Book of Samuel. URL: <http://Lib.pravmir.ru> (date of access: 18.02.2015).

3. Miloslavsky G.V., Petrosyan Yu.A., Piotrovsky M.B., Prozorov S.M. Islam: encyclopedic dictionary. Moscow, 1991.

4. Sun Tzu (Tangut translation). Moscow, 1979.

5. Klimov I.A., Sinilov G.K., Tuzov L.L. Agent method of protection of interests of personality, society, state and the fight against crime. Kaliningrad, 2002.

6. Arthashastra / transl. by V.I. Kalyanov. Moscow, 1959.

7. Rowan R. Essays on secret service (history of exploration). St. Petersburg, 1992.

8. Great Soviet Encyclopedia: in 12 vol. / gen. ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, 1971. Vol. 5.

9. Повесть временных лет: в пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. М., 2012.
10. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под. общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1.
11. Голубев А.А. Сыскной приказ. Общественный быт и судопроизводство (по документам Московского архива Министерства юстиции). М., 1884.
12. Шалфеев Н. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868.
13. Чеглоков П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855.
14. Юсупов А. Материалы для истории городской полиции в России с древних времен до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1852.
15. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (историко-правовое исследование): в 2 ч. Домодедово, 1997. Ч. 1.
16. Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
17. Официальный сайт радио «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/fis/976732-echo/ja> (дата обращения: 07.08.2014).
18. Елинский В.И., Исаков В.М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX в.). М., 1998.
19. Исторический вестн. 1885. Т. 22. № 12.
20. Исаев И.А. История государства и права России. М., 2009.
21. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.
22. Борисов А.В. Министерство внутренних дел и Министерство полиции России. 1802–1917 гг. М., 2000.
23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1.
24. Полиция Российской Империи. СПб., 2005.
25. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 4.
26. Былое. 1909. Вып. 9, 10.
27. Заварзин П.П. Работа тайной политической полиции. СПб., 1924.
28. Спиридович А.И. При царском режиме. СПб., 1926.
29. Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. Вып. 9.
30. Васьковская Е.В. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005.
9. The Tale of Bygone Years: transl. from old Russian by D.S. Lihachev, O.V. Tvorogov. Moscow, 2012.
10. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. / gen. ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984. Vol. 1.
11. Golubev A.A. Detective order. Community life and justice (documents of the Moscow archive of the Ministry of Justice). Moscow, 1884.
12. Shalfeev N. About the Regulations of Robbery order. St. Petersburg, 1868.
13. Cheglokov P. About the judiciary in Russia from the founding of the state until the accession to the throne Alexei Mikhailovich. Kazan, 1855.
14. Yusupov A. Materials for the history of the city police in Russia from ancient times to the reign of the Empress Catherine II. St. Petersburg, 1852.
15. Vlasov V.I., Goncharov N.F. Organization of wanted criminals in Russia in IX–XX centuries (historical-legal research): in 2 parts. Domodedovo, 1997. Pt. 1.
16. Gurlyand I.Ya. The order of the great sovereign secret affairs. Yaroslavl, 1902.
17. Official website of radio «Echo of Moscow». URL: <http://echo.msk.ru/programs/fis/976732-echo/ja> (date of access: 07.08.2014).
18. Elinsky V.I., Isakov V.M. Formation and development of criminal investigation in Russia (X – beginning of XX centuries). Moscow, 1998.
19. Historical bull. 1885. Vol. 22. № 12.
20. Isaev I.A. History of state and law of Russia. Moscow, 2009.
21. Krylov I.F., Bastrykin A.I. Search, inquiry, investigation. Leningrad, 1984.
22. Borisov A.V. Ministry of the Interior and Ministry of the Police of Russia. 1802–1917. Moscow, 2000.
23. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings: in 2 vol. St. Petersburg, 1996. Vol. 1.
24. The Police of the Russian Empire. St. Petersburg, 2005.
25. The Russian state historical archive. F. 1286. Op. 40. D. 4.
26. The past. 1909. Iss. 9, 10.
27. Zavarzin P.P. The work of the secret political police. St. Petersburg, 1924.
28. Spiridovich A.I. Under the tsarist regime. St. Petersburg, 1926.
29. Zhilinsky V.B. Organization and life of the secret police during the tsarist authorities // Voice of the past. 1917. Vol. 9.
30. Vaskovskaya E.V. The open assistance of the citizens to the bodies implementing operative-search activity: diss. ... Master of Law. Krasnoyarsk, 2005.

Антонов Игорь Алексеевичдоктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: docantonov@yandex.ru)**Михальчук Юлия Павловна**кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: YP.M74@mail.ru)

Основы взаимодействия прокуратуры с государственными органами контроля и общественными организациями в правоохранительной сфере

В статье исследуются вопросы взаимодействия органов прокуратуры, государственных контролирующих органов и общественных организаций в правоохранительной сфере при координирующей роли прокуратуры. Раскрыты основные принципы их взаимодействия, рассмотрена современная ситуация, определены основные направления совершенствования такого взаимодействия.

Ключевые слова: органы прокуратуры, органы государственного контроля, общественный контроль, принципы взаимодействия, правоохранительная сфера.

I.A. Antonov, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: docantonov@yandex.ru;

Yu.P. Mikhailchuk, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: YP.M74@mail.ru

Basis of interaction of the Prosecutor's Office with the state control bodies and public organizations in law enforcement

The article studies issues of interaction of bodies of Prosecutor's Office, state supervisory authorities and public organizations in the field of law enforcement coordinated by the prosecutor's office. The work reveals the basic principles of their interaction, considers the current situation and defined the main directions of improving such interaction.

Key words: authorities of the Prosecutor's Office, bodies of the state control, social control, principles of cooperation, law enforcement.

Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов [1]. Таким образом, именно органы прокуратуры имеют первостепенное значение в координации деятельности силовых структур в сфере противодействия преступности. Вместе с тем, вполне очевидно, что усилий исключительно правоохранительных органов для эффективного предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, для того, чтобы переломить ситуацию с обеспечением без-

опасности личности, общества, государства радикальным образом, недостаточно.

На профилактику преступлений и иных правонарушений должен быть ориентирован весь государственный аппарат и прежде всего контролирующие органы, в чьи функции входит проведение ревизий и проверок, результатом которых часто бывает выявление нарушений закона, в том числе выявление фактов совершения общественно опасных деяний.

Не менее важным является привлечение и широкое участие общественности в деле предупреждения и противодействия преступности. Участие граждан в решении правоохранительных задач позволяет, во-первых, установить факты совершения преступлений, которые по объективным или субъективным причинам не

способны выявить правоохранительные органы, а во-вторых, значительно повысить уровень доверия граждан к правоохранительной системе государства.

При этом, несмотря на всю очевидность высказанных суждений, сегодня следует констатировать недостаточность правового регулирования в рассматриваемой сфере правоотношений.

О необходимости взаимодействия прокуратуры с правоохранительными органами прямо сказано в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Во исполнение указанного закона в 1996 г. принят специальный Указ Президента РФ, которым утверждено Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [2]. Работа прокуратуры относительно взаимодействия с контролирующими органами регулируется ныне действующим, но во многом устаревшим Указом Президента РФ 1998 г. [3]. Подобное регулирование в целом далеко от совершенства, содержание названных документов не свидетельствует о детальном регулировании такого важного направления деятельности. В частности, согласно Указу Президента РФ от 3 марта 1998 г. № 224 «Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики» Генеральный прокурор РФ обязан усилить в рамках своих полномочий надзор за соблюдением норм действующего законодательства в сфере экономической деятельности, а также должен информировать Президента РФ о мерах, которые должны приниматься прокуратурой для выявления наиболее опасных преступлений и административных правонарушений. Рассматриваемый нормативный акт лишь поверхностно касается одной, пусть и весьма значительной, группы преступлений (экономических) и не устанавливает ни принципов, ни порядка взаимодействия прокуратуры и контролирующих органов для эффективного предупреждения, выявления преступлений и дальнейшего качественного расследования уголовных дел экономической направленности.

Нормативные акты, определяющие необходимость сотрудничества органов прокуратуры и различных контролирующих органов и конкретизирующие сферу и направления взаимодействия, принимаются самой прокуратурой [4], в связи с чем они носят односторонний характер и качество совместной работы зависит от воли и желания конкретного представителя контролирующего органа на местах сотрудничать с прокуратурой. Складывающаяся си-

туация приводит к тому, что взаимодействие контролирующих органов и органов прокуратуры носит эпизодический характер и зависит во многом от отношений на местах между руководителями контролирующих ведомств, с одной стороны, и органов прокуратуры – с другой. Такой субъективный подход, очевидно, не способствует эффективной работе, от которой зависит безопасность общества и государства.

С.И. Джамбулатов справедливо отмечает, что «контролирующие органы в силу характера своих функций хорошо ориентируются в подконтрольной деятельности, составляют широко разветвленную систему, имеют достаточную техническую оснащенность, и, не в пример прокуратуре, многочисленные штаты работников. Это позволяет рассматривать контролирующие органы как систему, способную эффективно выявлять правонарушения, пресекать их, принимать необходимые меры воздействия на правонарушителей» [5, с. 287]. При этом указанный автор верно отмечает, что очень часто органы прокуратуры слишком увлекаются налаживанием контактов с контролирующими органами, забывая, что основная функция прокуратуры – надзор за соблюдением законов и прав человека. Следовательно, поднадзорны прокуратуре именно, возможно, в первую очередь, сами контролирующие органы.

Важным аспектом рассматриваемого взаимодействия является то обстоятельство, что органы прокуратуры не должны подменять органы исполнительной власти и направлять деятельность контролирующих органов; они лишь поднадзорны прокуратуре относительно соблюдения законодательства, однако не подконтрольны ей относительно планирования своей деятельности, определения приоритетных задач своей деятельности, целей контроля и т.д.

Исходя из вышеизложенного, следует строить взаимодействие контролирующих органов и органов прокуратуры на следующих принципиальных положениях: безусловный приоритет прав и свобод личности, защиты государственных и общественных интересов (ведомственные, узко понимаемые интересы не должны преобладать в работе обеих сторон); четкое разграничение полномочий между контролирующим органом и прокуратурой (задачей контролирующего органа является проведение первичной, в рамках своих полномочий, проверки деятельности тех или иных предприятий и организаций, являющихся объектами контроля; задачей прокуратуры являет-

ся анализ полученных от контролирующих органов сведений и принятие мер реагирования; при этом меры прокурорского реагирования не должны сводиться к указанию органам предварительного расследования о возбуждении уголовного дела, во многих случаях прокурор, реализуя свои полномочия, предусмотренные ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», имеет возможность защитить государственные интересы и другими способами: обратиться в суд, иные органы государственной власти с целью привлечения виновных лиц к ответственности и (или) устранения причиненного государственным и общественным интересам ущерба); взаимное невмешательство органов прокуратуры и контролирующих органов в деятельность друг друга (органы прокуратуры не должны подменять собой иные органы государственной власти, в свою очередь, согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими законами).

В то же время, для того, чтобы практика эффективного сотрудничества прокуратуры и контролирующих органов стала повсеместной, основания, порядок, цели, задачи, основные направления взаимодействия и иные важные аспекты необходимо нормативно урегулировать. Формами такого закрепления может быть утвержденное Президентом РФ Положение о взаимодействии прокуратуры и контролирующих органов или же общий совместный приказ Генерального прокурора РФ и руководителей контрольно-ревизионных органов.

Не меньшее значение в деле решения правоохранительных задач имеет вопрос сотрудничества прокуратуры с общественными организациями. Общественные организации, в отличие от контролирующих государственных органов, не имеют каких-либо властных полномочий. Однако это не делает сотрудничество с ними менее необходимым, т.к. общественный контроль также является эффективным инструментом выявления и предупреждения нарушений законности, совершения преступлений и иных правонарушений.

А.А. Плотников выделяет три причины эффективности общественного контроля и, соответственно, необходимости эффективного

сотрудничества общественных организаций и органов прокуратуры, которые вполне возможно поддержать:

1. Полностью доверять контроль за работой одних государственных органов другим государственным органам означает ставить государство в ситуацию самопроверки, способной породить «круговую поруку» и иные коррупционные проявления. Разорвать данный порочный круг возможно только с помощью инструмента общественного контроля.

2. Существует довольно много «закрытых» или «полузакрытых» организаций и систем, информация о которых или вообще отсутствует или доступна узкому кругу посвященных лиц. В то же время именно в этих сферах крайне необходим общественный контроль (пенитенциарная система, вооруженные силы и т.д.), т.к. прорыв «гниюльников» нарушений законодательства в этих сферах в виде резонансных дел вполне может привести к серьезным последствиям для политического и общественного спокойствия.

3. В ряде сфер (жилищное право, трудовое право) у государства, несмотря на наличие большого бюрократического аппарата, не хватает сил и ресурсов для того, чтобы контролировать деятельность всех субъектов. Поэтому общественный контроль, являясь по своей природе, факультативным способом получения информации о правонарушении, в данных сферах имеет первостепенное значение [6, с. 106].

Взаимоотношения общественности и органов прокуратуры претерпевали в ходе развития нашего государства значительные изменения. Как отмечает Я.Л. Алиев, в советский период основной формой привлечения населения к работе органов прокуратуры стали так называемые общественные помощники прокуроров и следователей. Институт общественных помощников создавался в целях предупреждения правонарушений, устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений, а также для перевоспитания правонарушителей [7, с. 32]. Такой формат взаимодействия с общественностью вряд ли стоит считать эталонным, он, по сути, приводит к внедрению в систему прокуратуры специально отобранных без предъявления определенных критериев граждан, что нарушает основополагающий принцип нейтральности органов прокуратуры, создавая привилегированную группу лиц, общения которых анализируются более тщательно.

В современный период первоначально правовой основой сотрудничества органов прокуратуры с общественными организациями являлся приказ Генерального прокурора РФ от 4 марта 2008 г. № 34 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественными организациями» [8]. Этим приказом были определены основные меры, которые должны предпринимать сотрудники прокуратуры для взаимодействия с общественностью. Среди таких мер был предусмотрен ежедневный мониторинг средств массовой информации, а также проведение ежегодных личных встреч руководителей прокуратуры с представителями общественных организаций и средств массовой информации для осуждения наиболее актуальных проблем деятельности прокуратуры.

К сожалению, данный приказ был отменен уже в 2009 г. ныне действующим приказом Генерального прокурора РФ [6], которым установлены принципы взаимодействия только со средствами массовой информации, но не с общественными организациями. Не умаляя важность сотрудничества со средствами массовой информации, следует отметить, что только общественные организации могут «навязать» органам прокуратуры действительно профессиональную и компетентную дискуссию относительно соблюдения законности, поэтому их исключение из приказа Генерального прокурора должно рассматриваться в негативном контексте.

Рассматривая принципы взаимодействия с общественностью, Е.К. Рудакова вполне обоснованно отмечает, что далеко не все прокуратуры в России готовы идти на сотрудничество с правозащитными организациями, особенно на региональном и местном уровне, не очень эффективно налажена работа по информированию общественности о деятельности прокуратуры, отсутствует система повышения квалификации сотрудников прокуратуры по взаимодействию с институтами гражданского общества [9, с. 56].

При отсутствии полноценной нормативной базы взаимодействия органов прокуратуры и общественных организаций с определением соответствующих требований к обеим сторо-

нам основной формой такого сотрудничества является подписание двусторонних соглашений. При этом руководители прокуратур на местах слишком разделяют общественные организации на «удобные» и «нежелательные», осуществляя взаимодействие лишь с первыми, что, безусловно, снижает потенциал подобного сотрудничества.

Определенно положительной является практика создания общественных советов, в которые входят представители наиболее авторитетных общественных организаций, защищающих права человека или, например, экологическое благополучие (общественный совет при природоохранной прокуратуре). В то же время очень важно, чтобы сотрудничество с прокуратурой не создавало общественным организациям каких-либо индulgенций, а рассматривалось всеми сторонами как работа равных партнеров для достижения единой цели – утверждения законности, обеспечения правопорядка и защиты прав личности.

При этом, как справедливо отмечает Ю.Р. Шульга, специфика современного взаимодействия заключается в том, что оно осуществляется чаще всего вне рамок правового поля, например на основе письменных формальных соглашений и даже устных договоренностей, которые заключаются прокурорами с представителями тех или иных правозащитных организаций [10, с. 42]. Поэтому, не отрицая необходимость неформальных контактов, заметим, что серьезным шагом к развитию тесного эффективного сотрудничества стало бы его нормативное урегулирование путем утверждения типового положения об общественном совете при прокуратуре.

В целом же, рассматривая взаимодействие с контролирующими органами и общественными организациями в качестве чрезвычайно важного направления деятельности органов прокуратуры, необходимо подчеркнуть, что какие бы конкретные формы ни приобретало это взаимодействие, главное, чтобы оно базировалось на основных принципах деятельности прокуратуры: независимости, гласности, законности и приоритете защиты прав и свобод гражданина и государственных интересов.

1. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

1. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: fed. law d.d. Jan.17, 1992 № 2202-1-FL (as amended on July 3, 2016) // Bull. of Congress of people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 8. Art. 366.

2. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»): указ Президента РФ от 18 апр. 1996 г. № 567 (ред. от 25 июля 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

3. Об обеспечении взаимодействия государственных органов в борьбе с правонарушениями в сфере экономики: указ Президента РФ от 3 марта 1998 г. № 224 (ред. от 25 июля 2000 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 окт. 2009 г. № 341 // Законность. 2010. № 1.

5. Джамбулатов С.И. Принципы взаимодействия прокуратуры с контролирующими органами // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 287–289.

6. Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 105–111.

7. Алиев Я.Л., Кацуба И.В., Крамаренко Н.М. Развитие прокуратуры России и взаимодействие с общественностью // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России. 2007. № 3. С. 23–37.

8. О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественными организациями: приказ Генерального прокурора РФ от 4 марта 2008 г. № 34. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256786/>

9. Рудакова Е.К., Устинкин С.В., Эминов Д.С.-О. Проблема взаимодействия прокуратуры РФ и НПО по вопросу соблюдения прав человека в России // Власть. 2015. № 12. С. 54–58.

10. Шульга Р.Ю. Защита прав человека неправительственными правозащитными организациями: теоретические и практические аспекты. М., 2009.

2. On coordination of activities of law enforcement agencies in the fight against crime» (together with «Regulation about coordination of activity of law enforcement bodies in the fight against crime»): decree of the President of the Russian Federation d.d. Apr. 18, 1996 № 567 (as amended on July 25, 2014) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 17. Art 1958.

3. On maintenance of interaction of state bodies in fight against offenses in the sphere of economy: decree of the President of the Russian Federation d.d. March 3, 1998 № 224 (as amended on July 25, 2000). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. On interaction of bodies of the Prosecutor's Office with mass media: order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation d.d. Oct. 23, 2009 № 341 // Legality. 2010. № 1.

5. Dzhambulatov S.I. Principles of interaction of the Prosecutor's Office with regulatory agencies // Business in law. 2008. № 2. P. 287–289.

6. Plotnikov A.A. Social control and its potential in the fight against corruption // Bull. of Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and social sciences. 2013. № 2. P. 105–111.

7. Aliev Ya.L., Katsuba I.V., Kramarenko N.M. Development of Russian Prosecutor's Office and public relations // Bull. of St. Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia. 2007. № 3. P. 23–37.

8. On interaction of bodies of the Prosecutor's Office with mass media and public organizations: order of the General Prosecutor of the Russian Federation d.d. March 4, 2008 № 34. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256786/>

9. Rudakova E.K., Ustinkin S.V., Eminov D.S.-O. Problem of interaction between Prosecutor's Office of the Russian Federation and NGOs on the issue of human rights in Russia // Power. 2015. № 12. P. 54–58.

10. Shulga R.Yu. Protection of human rights by nongovernmental human rights protectional organizations: theoretical and practical aspects. Moscow, 2009.

Соболев Вячеслав Васильевичкандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия
(тел: +78612596984)

Проблемы формирования профессионального правосознания и судейского усмотрения

В статье анализируются современные проблемы формирования профессионального правосознания судьи и судейского усмотрения при назначении наказания. Рассматриваются вопросы совершенствования системы средств и критериев определения пределов судейского усмотрения при осуществлении правосудия.

Ключевые слова: уголовный закон, профессиональное правосознание судьи, назначение наказания, правоприменительная деятельность, пределы судейского усмотрения.

V.V. Sobolev, Master of Law, Assistant Professor, Russian State University of Justice; tel.: +78612596984.

Problems of formation of professional legal consciousness and judicial discretion

The article analyses modern problems of formation of professional legal consciousness of the judge and judicial discretion in sentencing. Considers the issues of improving the system of means and criteria for determining the limits of judicial discretion in the administration of justice.

Key words: criminal law, professional legal consciousness of judge, sentencing, law enforcement activity, limits of judicial discretion.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, в отличие от прежнего уголовного закона, не содержит теперь указания на то, что «суд назначает наказание, руководствуясь социалистическим правосознанием» (ст. 37 Уголовного кодекса РСФСР) [1, с. 591]. Однако это не означает, что при решении вопроса о назначении наказания, при выборе его вида и размера суд вообще не руководствуется никаким правосознанием. Законодатель, исключая из уголовного закона указание на особый статус судейского правосознания, в то же время значительно расширил понятие и содержание общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ).

В вопросе о профессиональном правосознании специалисты сходятся во мнении, что правосознанию судьи присущи свойства профессионального правосознания юриста. Это – полученная на научной основе система обширных правовых знаний, социально углубленных убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей профессиональной деятельности. Причем, как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, «необходимым структурным элементом модели современного юриста и притом – в силу своей специфики – ее нормативным началом является конституционное мировоззрение (правосознание)» [2, с. 45].

История формирования правосознания, а также свободного судейского усмотрения в России претерпела существенные изменения. В первых уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. уже говорилось, что при назначении наказания суд учитывает положения Общей части УК РСФСР, пределы санкции соответствующей статьи, свое «социалистическое правосознание, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела» (ст. 45 УК РСФСР 1926 г.). УК РСФСР 1960 г. повторил эту формулировку с упоминанием «социалистического правосознания», но добавил указания на учет обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (ст. 37).

В ст. 60 действующего УК РФ, как уже отмечено, нет упоминания о «социалистическом правосознании», однако впервые говорится о необходимости учитывать такие социально значимые факторы, как влияние назначенного наказания не только на исправление осужденного, но и на «условия жизни его семьи». Кроме того, в УК РФ впервые указаны случаи обязательного смягчения наказания (при неоконченном преступлении, явке с повинной, сотрудничестве со следствием, возмещении вреда), а также случаи обязательного более строгого наказания (при рецидиве преступле-

ний и соучастию). Судебная практика восприняла эти нормы их активным применением при индивидуализации наказания. В последние годы осуществляются попытки расширить пределы судебного усмотрения через изменение системы уголовных наказаний.

Так, Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377 существенно изменил понятие ограничения свободы в сторону смягчения и внес данный вид наказания в большое количество санкций статей Особенной части Уголовного кодекса РФ. Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26 снял нижние пределы наказания в виде лишения свободы в санкциях 62 статей, в числе которых 37 – за тяжкие и особо тяжкие преступления. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97 установил возможность назначения кратных штрафов за некоторые коррупционные преступления, что, к сожалению, борьбе с коррупцией служит мало и, как показала практика, ведет к неисполнимости этого вида наказания. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420 предоставил суду право «с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности... изменить категорию преступления на менее тяжкую», передав таким образом реализацию законодательной функции на усмотрение суда. Перечень подобных изменений далеко не исчерпан.

Если говорить о правосознании судей, осуществляющих уголовное судопроизводство, то им, кроме детального знания законодательства, способности оперировать правовыми категориями, правильно квалифицировать то или иное деяние, необходимо – с учетом всех «за» и «против» – решать вопрос о виде и размере наказания. Таким образом, профессиональное правовое сознание судей по определению не может не отличаться от правосознания других участников уголовного судопроизводства. Более того, правосознанию судьи, в отличие от правосознания присяжных заседателей, свойственна рациональность, тогда как присяжным более свойственна подверженность эмоциям и настроениям. Поэтому иногда профессиональному юристу кажутся непонятными решения присяжных заседателей, когда выносятся вердикты о снисхождении (что влечет обязательное смягчение наказания) лицам, признанным виновными в особо тяжких преступлениях, когда по делу не имеется особых обстоятельств, смягчающих наказание.

Являясь одним из критериев судебного профессионализма при назначении справедливого

наказания, правосознание в свою очередь испытывает воздействие других элементов правовой системы. Это и изменение законодательства, в том числе уголовного, и судебная практика. Однако повышение уровня своего правосознания, своей правовой культуры во многом зависит от самих субъектов правоприменительной деятельности, что и формирует профессиональные характеристики их усмотрения.

Как пишет профессор А.И. Парог о судебском усмотрении при применении норм уголовного права, «надо знать, что его неизбежность обусловлена рядом объективных факторов: а) динамичностью условий существования общества; б) невозможностью обеспечить соответствие между определенностью права и бесконечным разнообразием жизненных явлений; в) невозможностью создания универсального правового рецепта, пригодного для разрешения всех частных случаев правовой ситуации определенного типа; г) технико-юридическим несовершенством многих норм, делающим невозможным их применение без судебного толкования. Судейское усмотрение – непреходящее и естественное, вытекающее из самой природы судебной власти условие вынесения законного и справедливого приговора» [3].

Разделяя данное суждение, необходимо отметить, что именно правосознание можно считать опорной осью судебного усмотрения. Практически все исследователи термина «усмотрение», за редким исключением, признают однозначность его этимологии. Однако характеристики, критерии определения, свойства и сферы его применения трактуются по-разному. Как отметил А. Барак, «в языке и науке термин “усмотрение” имеет более чем одно значение и, конечно, означает разные вещи в разных контекстах» [4, с. 12]. Тезис, бесспорно подтверждающий наличие как проблемы собственно усмотрения и усмотрения судебного, так и неизбежного множества вариантов и контекстов.

Сужая понятие усмотрения в правовой сфере до его применения в уголовном праве, современные исследователи также подчеркивают, что усмотрение при назначении наказания «связано» правом. Так, по мнению Л.Л. Кругликова, законодатель «очерчивает контур (абрис), пределы наказуемости за содеянное, вводя судебское усмотрение в строго определенные рамки, а суд в отведенных ему пределах конкретизирует наказание с учетом

сформулированных в законе критериев и излагает свой вывод о мере наказания в приговоре» [5, с. 83].

С такой узкой трактовкой понятия судейского усмотрения, и не только применительно к институту назначения наказания, нельзя не согласиться. На этом зиждется современная практика применения судами норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Отмечая важность данной функции в деятельности судьи, А.Ф. Кони в работе «Нравственные начала в уголовном процессе» предостерегал: «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своем практическом применении допускают эти правила... тем серьезнее представляется вопрос – в чьи руки отдается приложение этих правил и при каких условиях. Недаром народная житейская мудрость создала поговорку: «не бойся суда, бойся судьи!» [6, с. 20–21].

Поэтому, решая вопрос о пределах судейского усмотрения, государство, законодатель, общество должны акцентировать внимание на судейских добродетелях, таких как беспристрастность, независимость при рассмотрении альтернатив, умение находить и формулировать мотивы принятия своего решения так, чтобы они выдержали испытание критикой, укреплять доверие общественности к судебной системе [7, с. 265]. По мнению А. Барака, «неподходящее решение может нанести ущерб не только сторонам в деле; оно может также повредить всей судебной системе» [4, с. 12–13]. А по образному выражению Ф. Бэкона, «несправедливый приговор влечет большие бедствия, чем многие преступления, совершенные частными людьми; последние портят только ручки, только одинокие струи воды, тогда как несправедливый судья портит самый источник» [8, с. 336].

В реальной действительности многие неформальные и другие негативно окрашенные факторы формируют отрицательное отношение к судейскому усмотрению. На чашу весов в пользу решения вопроса об ограничении

судейского усмотрения добавляют нередко встречающиеся в судебной практике факты, когда при совершенно одинаковом «наборе» обстоятельств уголовных дел в двух, а иногда и в одном суде решения выносятся совершенно разные, а подчас и противоположные.

Как показал ряд исследований и экспериментов, порой принимаются неодинаковые решения по одному и тому же делу. Так, пяти судьям поочередно предлагалось назначить наказания по уголовному делу, которое уже было предметом рассмотрения (приговор из дела заблаговременно изъяли). В итоге решение только одного судьи почти совпало с приговором, остальные судьи избрали значительно отличающиеся друг от друга виды и размеры наказания [9, с. 22].

Усложняет проблему объективной оценки выхода судьи за пределы судейского усмотрения, по мнению М.Н. Клеандрова, «помимо личностных качеств судьи (низкого профессионального уровня, житейского и практического опыта и т.п.), за исключением, конечно, случаев его подкупа, или иной личной заинтересованности, такие объективные факторы, как оказание на него трудно преодолимого давления с чьей бы то ни было стороны, включая собственных руководителей» [10].

Однако специалисты, исследующие процесс глобализации института судейского усмотрения в отечественном правосудии в целом и в сфере уголовного права в частности, все чаще и настойчивее высказываются за введение системы правовых средств противодействия влиянию данных факторов.

Такой взгляд на решение проблемы «преломления влияния и воздействия субъективного фактора на судейское усмотрение» был бы более продуктивным, если бы систему таких средств и критериев определения пределов судейского усмотрения могла бы разработать и предложить сама судебная власть в лице Верховного Суда РФ. Немаловажными при этом являются как опыт Пленума Верховного Суда РФ, так и международная судебная практика.

1. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.

2. Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность:

1. Criminal Code of the RSFSR // Bull. of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40.

2. Bondar N.S. Russian legal education as a constitutional value: national traditions and cosmopolitan illusions. Moscow, 2013.

национальные традиции и космополитические иллюзии. М., 2013.

3. Рарог А.И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм. М., 2003.

4. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. М., 1999.

5. Кругликов Л.Л., Благов Е.В. О законодательных пределах назначения наказания // Проблемы теории уголовного права: избр. ст. (1982–1999 гг.).

6. Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956.

7. Соболев В.В. Категоризация преступлений как объект судейского усмотрения // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 28 сент. 2012 г.: в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. Т. II.

8. Воронцов В.В. Симфония разума. 2-е изд. М., 1977.

9. Чернов А.Д. Тенденции развития уголовно-правовых санкций на современном этапе // Рос. судья. 1999. № 2.

10. Клеандров М.Н. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. URL: http://forexpert.ru/economic_pravosudie/33/shtml

3. Rarog A.I. *Judicial discretion in the application of criminal law rules*. Moscow, 2003.

4. Barak A. *Judicial discretion: transl. from English*. Moscow, 1999.

5. Kruglikov L.L., Blagov E.V. *On the legal sentencing limits // Problems of criminal law theory: sel. papers (1982–1999)*.

6. Kony A.F. *Sel. works*. Moscow, 1956.

7. Sobolev V.V. *The categorization of crimes as the object of judicial discretion // Modern problems of criminal policy: proc. of III Intern. sci.-pract. conf., Sept. 28, 2012: in 2 vol. / ed. by A.N. Ilyashenko*.Krasnodar, 2012. Vol. II.

8. Vorontsov V.V. *Mind symphony*. 2nd ed. Moscow, 1977.

9. Chernov A.D. *Tendencies of development of criminal sanctions at the present stage // Russian judge*. 1999. № 2.

10. Kleandrov M.N. *Economic justice in Russia: past, present and future*. URL: http://forexpert.ru/economic_pravosudie/33/shtml

Меркель Иоган Давидович

Генеральная прокуратура Республики Казахстан

(e-mail: nauka_7172@mail.ru)

Реализация международных принципов и стандартов в деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам

В статье рассмотрено соответствие международных принципов и стандартов деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам законодательству Республики Казахстан. Проведен анализ полномочий прокурора в систематизированном виде (в виде блоков) на соответствие конкретным международным руководящим принципам, касающимся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, сформулированы выводы по результатам исследования.

Ключевые слова: принципы международного права, международные стандарты деятельности прокурора, досудебное производство, следственный судья, уголовно-процессуальное законодательство.

J.D. Merkel, Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan; e-mail: nauka_7172@mail.ru

The implementation of international principles and standards of activities of prosecutor in pre-trial criminal proceedings

In the article discussed detailed compliance with international principles and standards of activities of the prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases the legislation of the Republic of Kazakhstan. The analysis of the powers of the prosecutor in a systematic way (in blocks) for compliance with specific international guidelines on the role of prosecutors was carried out and formulated conclusions of the study.

Key words: principles of international law, international standards of activities of prosecutor, pre-trial proceedings, investigating judge, criminal procedure law.

При осуществлении своей профессиональной деятельности сотрудниками прокуратуры в условиях обновленного законодательства Республики Казахстан особую актуальность вызывают вопросы деятельности прокурора при реализации международных принципов и стандартов в досудебном производстве по уголовным делам (см.: Рекомендация № 1604 (2003) Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» от 27 мая 2003 г.; Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (ООН, 1990 г.), Конвенция ООН против коррупции (2003 г.); Рекомендация Комитета Министров Рес (2000 г.) 19 «Роль прокуратуры в системе уголовного правосудия»; Ответ Комитета Министров на рекомендации ПАСЕ 1604 (2004 г.); Европейские руководящие принципы по этике и поведению для прокуроров (Будапешт, 2005 г.); Стандарты профессиональной ответственности и изложе-

ние основных прав и обязанностей прокуроров (Международная Ассоциация прокуроров, 1999 г.) [1].

Статьей 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан четко регламентирован порядок уголовного судопроизводства на территории Казахстана, где в числе источников уголовно-процессуального права определен Уголовно-процессуальный кодекс, основанный на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права [2].

В связи с этим международные стандарты, закрепленные в ратифицированных договорах и соглашениях, выступают полноценными источниками действующего уголовно-процессуального законодательства. Прокурор, включенный в общую систему участников уголовного процесса, как и любой другой представитель государственной власти в сфере уголовного судопроизводства, подчинен принципам справедливости, беспристрастности, объективности и уважения прав человека и гражданина.

Вместе с тем, по казахстанскому уголовно-процессуальному законодательству прокурор имеет уникальный симбиоз полномочий, которые, с одной стороны, придают ему свойства органа уголовного преследования, а с другой – возлагают на него более широкие публичные задачи, связанные с надзорной деятельностью. Также в казахстанском уголовно-процессуальном законодательстве полномочия прокурора придают ему свойства объективности и уважения прав человека и гражданина.

Прокурорам предписывается повсеместно обеспечивать безопасность и свободу общества путем охраны верховенства закона, защиты граждан от уголовных посягательств на их права и свободы, обеспечения соблюдения прав и свобод лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных правонарушений. На указанное обстоятельство указывают и международно-правовые акты, международные институты, и многие ученые.

На сегодняшний день в рассматриваемом аспекте Казахстан является примером для многих стран. Своими действиями и намерениями Казахстан доказывает всем, что для нашей страны соблюдение общепризнанных международных принципов и стандартов в области охраны прав и законных интересов человека и гражданина в целом, и при осуществлении уголовного судопроизводства в частности – это тот итоговый показатель, характеризующий эффективность функционирования государства в целом.

Казахстан планомерно, на протяжении всего периода суверенитета, реализует свою политику, направленную на максимальную интеграцию со странами мира, перенимает передовой опыт реформирования аппарата госуправления, правоохранительной системы, образования, медицины и других сфер общественной жизни с учетом быстро меняющихся условий, в том числе в условиях беспрецедентной борьбы с терроризмом и продолжающегося мирового кризиса, о чем свидетельствуют проводимые как на территории Казахстана, так и за ее пределами масштабные мероприятия, конференции и консультации.

Важным отдельным блоком является, конечно, совершенствование деятельности правоохранительной системы с учетом возрастающих с каждым годом требований к ее эффективно-му функционированию.

Нами будет рассмотрен тот срез проблем, которые существуют в деятельности прокурора при реализации международных принципов и стандартов в уголовном судопроизводстве,

а также тезисно указаны проблемы, которые в целом присущи отдельным нормам УПК РК в части соответствия их в целом международным принципам и стандартам.

Проблемам деятельности государственных органов и конкретных должностных лиц органов уголовного преследования посвящено немало научных работ, диссертаций. Подавляющую часть из них на постсоветском пространстве, конечно же, составляют труды российских, казахстанских, белорусских и украинских коллег, которые традиционно поддерживают тесные научные связи и сотрудничество еще с советского периода.

В целом, деятельность прокурора по реализации международных принципов и стандартов в досудебном производстве по уголовным делам целесообразно в методических целях подразделить на соответствующие блоки. Охватить всю деятельность фрагментарно вряд ли будет научно обоснованным и методически эффективным решением.

Естественно, в последующих отдельных исследованиях логично будет деятельность прокурора по реализации международных принципов и стандартов в судебных стадиях также систематизировать по блокам в целях эффективности.

На взгляд автора статьи, в той или иной мере вся деятельность прокурора, в том числе и по реализации международных принципов и стандартов, должна исходить из его полномочий, установленных ч. 4 ст. 58, ст. 193 УПК РК.

Предпримем попытку сгруппировать рассматриваемую нами деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Первоначально выделим условно те блоки деятельности, которые охватываются действием ст. 193 УПК РК.

1 блок – осуществление соблюдения законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях (пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

2 блок – реализация полномочий при производстве следственных и негласных следственных действий (пп. 4, 5, 6, 7, 9 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

3 блок – определение сроков расследования (п. 13 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

4 блок – применение мер процессуального принуждения, в частности санкционируемых судом (п. 14 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

5 блок – осуществление проверки соблюдения установленного законодательством порядка и условий содержания находящихся под стражей лиц (п. 15 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

6 блок – решение о судьбе уголовного дела (пп. 16, 17 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

7 блок – организация проведения следственных действий по постановлению суда (п. 18 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

8 блок – осуществление иных полномочий (п. 20 ч. 1 ст. 193 УПК РК);

9 блок – деятельность по исполнению исключительных полномочий руководителя органа прокуратуры (пп. 6, 7 ч. 2 ст. 193 УПК РК, пп. 1–5, 8 ч. 2 ст. 193 УПК РК, пп. 6, 2, 4, 1, 5, 3 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

В настоящее время «нельзя говорить о сложившейся системе международных стандартов прокурорской деятельности, поскольку прокуратура является институцией конституционного порядка и ее функциональное наполнение напрямую зависит от формы государства, в которую традиционно включают форму правления, форму национально-государственного и административно-территориального устройства, а также политический режим». Основная причина вывода сводится к тому, что модели реализации функции прокуратуры в разных странах имеют различия из-за наличия подчинения самой прокуратуры (судебной власти, министерству юстиции, непосредственно Президенту или Парламенту).

Кроме того, проведены разграничения по вопросу соблюдения странами именно международных правовых актов, регламентирующих деятельность прокурора, и документов, носящих лишь рекомендательный характер.

Этот логический постулат и следует использовать в тех случаях, когда речь идет о выполнении или невыполнении каждым государством международных принципов и стандартов в деятельности прокурора.

Наша задача состоит в детализации ситуаций в законодательстве Республики Казахстан, исходя из сформированных блоков деятельности прокурора (ст. 193 УПК РК), и определении их соответствия международным принципам и стандартам, а также наличия самостоятельных глав и статей УПК, отражающих выполнение указанных международных принципов и стандартов.

Итак, 1 блок. Осуществление соблюдения законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях (пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Данное требование УПК РК соответствует 2 из Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (спецраздел «Роль в уголовном разбирательстве» [3]), в котором четко оговани-

вается, что «лица, осуществляющие судебное преследование, играют активную роль в уголовном разбирательстве, включая возбуждение дела, и, когда это разрешается законом или соответствует местной практике, в расследовании преступления, надзоре за законностью этих расследований, надзоре за выполнением решений суда и осуществлении других функций в качестве представителей интересов государств».

Кроме вышеуказанного, такой вывод подтверждается наличием в УПК РК соответствующих положений:

ч. 3 ст. 180 УПК РК, в которой регламентирован сам порядок приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также порядок ведения Единого реестра досудебных расследований (определяемый Генеральным прокурором Республики Казахстан);

ч. 1, 2, 3 ст. 185 УПК РК (порядок, определяющий обязанности органа уголовного преследования; наличие возможности обжалования действий по отказу в регистрации заявления или сообщения о правонарушении; указание на наличие уголовной ответственности за отказ от регистрации заявления или сообщения о правонарушении; порядок доведения судом до сведения прокурора информации о нарушении приема, регистрации заявления или сообщения о правонарушении);

ч. 2 ст. 186 УПК РК (порядок передачи дела по подследственности определен через прокурора);

ст. 58 УПК РК (Прокурор);

пп. 22, 23, 28, 34, 35, 37, 39, 45 ст. 7 УПК РК (понятийный аппарат (дефиниции), относящийся к прокурору).

2 блок. Реализация полномочий при производстве следственных и негласных следственных действий (пп. 4, 5, 6, 7, 9 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Данное требование УПК РК соответствует 1, 2, 3, 4, 5 Руководящим принципам, касающимся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, а именно:

1. Должность лиц, осуществляющих судебное преследование, строго отделяется от выполнения судебных функций.

2. Лица, осуществляющие судебное преследование, играют активную роль в уголовном разбирательстве, включая возбуждение дела, и, когда это разрешается законом или соответствует местной практике, в расследовании преступления, надзоре за законностью этих расследований, надзоре за выполнением решений суда и осуществлении других функций

в качестве представителей интересов государств.

3. Лица, осуществляющие судебное преследование, в соответствии с законом исполняют свои обязанности справедливо, последовательно и быстро, уважают и защищают человеческое достоинство, защищают права человека, способствуя тем самым обеспечению надлежащего процесса и бесперебойному функционированию системы уголовного правосудия.

4. При выполнении своих обязанностей лица, осуществляющие судебное преследование:

а) выполняют свои функции беспристрастно и избегают всякой дискриминации на основе политических убеждений, социального происхождения, расы, культуры, пола или любой другой дискриминации (наиболее выражены указанные требования международных принципов в гл. 2 УПК РК «Задачи и принципы» – ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 21, 23, 24, 25, 26, 29, а также ст. 99, 167 и др.);

б) защищают государственные интересы, действуют объективно, должным образом учитывают положение подозреваемого и жертвы и обращают внимание на все имеющие отношение к делу обстоятельства, независимо от того, выгодны или невыгодны они для подозреваемого (наиболее выражены указанные требования международных принципов в гл. 2 УПК РК «Задачи и принципы» – ст. 19, 23, 31, а также ст. 32, 34, 35, 36, 58, 95–98, 167, 296 и др.);

с) соблюдают профессиональную тайну, если только выполнение их обязанностей или соображения правосудия не потребуют иного (наиболее выражены указанные требования международных принципов в гл. 2 УПК РК «Задачи и принципы» – ст. 16, а также 47, 95–98, 115, 201, 239–241 и др.);

д) рассматривают мнения и озабоченность жертв, когда затрагиваются их личные интересы, и обеспечивают ознакомление жертв с их правами в соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (наиболее выражены указанные требования международных принципов в гл. 2 УПК РК «Задачи и принципы» – ст. 15, а также ст. 32, 34, 35, 58, 71, 95–98, 99, 115, 161, 297, 304 и др.).

5. Лица, осуществляющие судебное преследование, не возбуждают или не продолжают судебное преследование или делают все возможное для приостановления судебного разбирательства в тех случаях, когда беспристрастное расследование указывает на необоснованность обвинения.

Кроме того, наблюдавшееся ранее в уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана сосредоточение у прокурора некоторых процессуальных полномочий, пересекающихся с развивающимся институтом судебного контроля, последовательно сводится к полному устранению. Это вызвано тем, что в новой парадигме отечественного уголовного процесса, в отличие от советской доктрины роли прокурора в уголовном процессе, восприняты стандарты развитых правовых систем, которые базируются на сильной и независимой судебной ветви власти.

Так, в целях реализации шага № 22 Программы государства «100 шагов» произойдет постепенная передача следственному судье полномочий по санкционированию всех следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина [4].

Кроме вышеуказанного, данный вывод подтверждается наличием в УПК РК соответствующих положений:

п. 47 ст. 7 УПК РК (Следственный судья),

п. 35 ст. 7 УПК РК (Процессуальный прокурор);

ст. 88 УПК РК (Отвод прокурора);

гл. 2 УПК РК (задачи и принципы уголовного процесса) – в данной главе более детально отражены 3 и 4 международных принципа и стандарты;

гл. 3 УПК РК (уголовное преследование), максимально отражающая 5 международных принципов;

гл. 4 (Реабилитация. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс), максимально отражающая 4 международных принципа;

гл. 5 УПК РК (Ведение производства по уголовному делу), максимально отражающая 4 международных принципа;

гл. 6 УПК РК (Процессуальные сроки);

гл. 12 УПК РК (Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе), максимально отражающая 4 международных принципа;

гл. 13 УПК РК (Ходатайства. Обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу), максимально отражающая 4 международных принципа;

гл. с 14 по 39 УПК РК.

3 блок. Определение сроков расследования (п. 13 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положение УПК РК максимально отражает 3 международных принципа.

4 блок. Применение мер процессуального принуждения (п. 14 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положение УПК РК максимально отражает 3 и 4 международных принципа, с разграничением полномочий прокурора и суда.

5 блок. Осуществление проверки соблюдения установленного законодательством порядка и условий содержания находящихся под стражей лиц (п. 15 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положение УПК РК максимально отражает 2 международный принцип, с разграничением полномочий прокурора и суда.

6 блок. Решение о судьбе уголовного дела (пп. 16, 17 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положения УПК РК максимально отражают 1, 2, 3 и 4 международных принципа.

7 блок. Организация проведения следственных действий по постановлению суда (п. 18 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положение УПК РК максимально отражает 2 международный принцип, с разграничением полномочий прокурора и суда.

8 блок. Осуществление иных полномочий (п. 20 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положение УПК РК максимально отражает 1–5 международных принципа, с разграничением полномочий прокурора и суда.

9 блок. Деятельность по исполнению исполнительных полномочий руководителя органа прокуратуры (пп. 6, 7 ч. 2 ст. 193 УПК РК, пп. 1–5, 8 ч. 2 ст. 193 УПК РК, пп. 6, 2, 4, 1, 5, 3 ч. 1 ст. 193 УПК РК).

Положения УПК РК максимально отражают 1–5 международных принципа, с разграничением полномочий прокурора и суда.

Нетрудно заметить, что не нашли своего четкого отражения в деятельности прокурора и в самом УПК РК 6 и 7 международных принципа, а именно:

6) лица, осуществляющие судебное преследование, уделяют должное внимание судебному преследованию за преступления, совершаемые государственными служащими, в частности коррупцию, злоупотребление властью, серьезные нарушения прав человека и другие преступления, признанные международным правом, и, когда это разрешается законом или соответствует местной практике, расследованию таких правонарушений;

7) когда в распоряжение лиц, осуществляющих судебное преследование, поступают улики против подозреваемых, полученные, как это им известно или как они имеют разумные основания считать, с помощью незаконных методов, являющихся грубым нарушением прав человека подозреваемого, особенно связан-

ных с применением пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, или других нарушений прав человека, они отказываются от использования таких улик против любого лица, кроме тех, кто применял такие методы, или, соответственно, информируют суд и принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы лица, ответственные за применение таких методов, привлекались к суду.

По поводу этой ситуации еще в 2015 г. было четко указано, что данные положения в УПК РК не воспроизведены дословно, но «это не означает, что все указанные приоритетные направления борьбы с преступностью в Республике Казахстан таковыми не признаются и прокуроры не ориентированы на адекватное противодействие этим вызовам», ссылаясь на имеющийся приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 27 марта 2015 г. № 48 «Об утверждении Инструкции об организации досудебного расследования в органах прокуратуры» [5], в котором как раз приоритетными являются дела об уголовных правонарушениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов по службе, в том числе пытках.

Кроме сказанного, следует добавить, что в УПК РК в качестве самостоятельной впервые закреплена гл. 71 «Порядок осуществления производства о конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора», наличие которой позволяет утверждать, что 6 международный принцип реализуется в полном объеме, т.к. предпринимаются конкретные действия со стороны органов уголовного преследования по розыску и конфискации имущества, приобретенного незаконным путем, путем злоупотребления властью.

Более того, существует и уголовная ответственность за пытки, расследование уголовных дел по этим фактам поручается специальным прокурорам, а имевшая место научная дискуссия и полемика по вопросу о том, какая силовая структура должна расследовать уголовные дела, связанные с коррупцией, на территории Казахстана уже решена (сотрудниками антикоррупционной службы).

Отдельно хотелось бы обозначить и ряд организационных вопросов, которые затрагивают выполнение международных рекомендаций по совершенствованию деятельности прокурора в последние 2–3 года.

В соответствии с приложениями к Рекомендации CM/Rec (2012) 11 Комитета министров государствам-членам о роли прокуроров вне системы уголовного правосудия (принята Ко-

митетом министров 19 сентября 2012 г. на 1151-м заседании на уровне заместителей министров), а именно п. С. Общие принципы [6]:

1. Обязанности и полномочия прокуроров вне системы уголовного правосудия должны во всех случаях быть установлены законом и четко определены, чтобы избежать какой-либо двусмысленности.

2. Как и в области уголовного права, прокуроры должны исполнять свои обязанности и осуществлять полномочия вне системы уголовного правосудия в полном соответствии с принципами законности, объективности, справедливости и беспристрастности.

3. Рекомендация Res (2000) 19 Комитета министров государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия должна применяться *mutatis mutand*, в отношении обязанностей и полномочий прокуроров вне системы уголовного правосудия в том, что касается: предоставления им гарантий при выполнении ими своих функций;

их отношений с исполнительной, законодательной и судебной властью, а также

их обязанностей и ответственности в отношении индивидов.

4. Прокурорские службы должны, насколько это возможно, исходить в своей работе из принципов прозрачности и открытости, полностью выполняя при этом свои обязанности по обеспечению конфиденциальности.

5. Поведение прокуроров должно регулироваться соответствующими кодексами этики.

6. Прокурорские службы должны иметь в своем распоряжении необходимые финансовые и кадровые ресурсы и использовать возможности соответствующей подготовки, чтобы адекватно выполнять свои обязанности вне системы уголовного правосудия.

7. В целях гармонизации политики и практики в рамках всей национальной юрисдикции прокурорские службы могут принять решение

о распространении среди заинтересованных прокуроров руководящих принципов и информации о передовом опыте деятельности вне системы уголовного правосудия.

Казахстан, исходя из указанных рекомендаций, имеет в настоящее время стройную систему самой прокуратуры; четко и законодательно определены полномочия прокурора как в уголовном судопроизводстве (ст. 58, 193, 337 УПК РК), так и вне его – Закон РК от 21 декабря 1995 г. № 2709 «О Прокуратуре» [7]; действует Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан (Правила служебной этики государственных служащих, к которым относятся и сотрудники прокуратуры) [8], а также Кодекс чести сотрудников системы органов прокуратуры Республики Казахстан [9].

Подводя в целом итог научной статье, сформулируем следующие выводы.

Деятельность прокурора в досудебном производстве в Республике Казахстан в целом соответствует существующим международным принципам и стандартам.

В максимальном объеме, исходя из государственного устройства и требований Конституции Республики Казахстан, деятельность прокурора соответствует рекомендациям (хотя и не носящим для Республики Казахстан обязательный характер) международных институтов и передового мирового и европейского опыта других стран.

В перспективе, как и любое другое государство, Казахстан намерен совершенствовать деятельность прокурора, а в целях реализации Программы государства «100 шагов» произойдет постепенная передача следственному судье полномочий по санкционированию всех следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, а также возможное замещение части объема рассматриваемых жалоб участников уголовного процесса в суде.

1. URL: <http://www.genoroc.gov.ru>

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

3. Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование: приняты восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 авг. –

1. URL: <http://www.genoroc.gov.ru>

2. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakstan d.d. July 4, 2014 № 231-V LRK. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

3. Guidelines on the role of prosecutors: adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, Cuba, Aug. 27 – Sept. 7, 1990. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Ri4grp.html>

4. The national plan – 100 concrete steps to implement the five institutional reforms of the

7 сент. 1990 г. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Ri4grp.html>

4. План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева (май 2015 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31977084#pos=1;-263

5. Инструкция об организации досудебного расследования в органах прокуратуры: утв. приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 27 марта 2015 г. № 48. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002709_

6. Рекомендация CM/Rec (2012) 11 Комитета министров государствам-членам о роли прокуроров вне системы уголовного правосудия (принята Комитетом министров 19 сент. 2012 г. на 1151-м заседании на уровне заместителей министров). URL: genproc.gov.ru/files/documents/kmse.doc

7. О Прокуратуре: закон Республики Казахстан от 21 дек. 1995 г. № 2709. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002709_

8. Этический кодекс государственных служащих Республики Казахстан (Правила служебной этики государственных служащих): утв. Указом Президента Республики Казахстан от 29 дек. 2015 г. № 153. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153#z5>

9. Кодекс чести сотрудников системы органов прокуратуры Республики Казахстан (Правила служебной этики сотрудников системы органов прокуратуры): утв. приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 13 дек. 2009 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30502152#pos=1;-293

President Nursultan Nazarbayev (May, 2015). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31977084#pos=1;-263

5. Instructions on the organization of pre-trial investigation in the Prosecutor's Office: approved by order of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan d.d. March 27, 2015 № 48. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002709_

6. Recommendation CM/Rec (2012) 11 of the Committee of Ministers to member states on the role of prosecutors outside the criminal justice system (adopted on Sept. 19, 2012 by the Committee of Ministers at 1151 meeting at the level of deputy ministers). URL: genproc.gov.ru/files/documents/kmse.doc

7. On Prosecutor's Office: law of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 21, 1995 № 2709. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002709_

8. The Code of Ethics of civil servants of the Republic of Kazakhstan (Rules of ethics of civil servants): approved by the decree of the President of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 29, 2015 № 153. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153#z5>

9. Code of Honour of employees of prosecutorial system of the Republic of Kazakhstan (Rules of ethics of employees prosecutors organ system): approved by order of the General Prosecutor of the Republic of Kazakhstan d.d. Dec. 13, 2009. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30502152#pos=1;-293

Карнаушенко Леонид Владимирович
доктор исторических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612585079)

Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества

Автор исследует современное трансформирующееся российское общество, испытывающее влияние дисфункциональных процессов, связанных с ускоренной модернизацией социальной системы. Отмечает, что высокие скорости социальных изменений продуцируют напряжения, системные противоречия социума, нарушая функционирование ключевых институтов и подсистем. Именно такая ситуация сложилась в современном российском обществе, одним из последствий которой стал усиливающийся правовой нигилизм как результат дисфункции соционормативной системы.

Ключевые слова: право, правовой нигилизм, соционормативная система, социальные трансформации, дисфункция.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

Legal nihilism as a dysfunction of socionormative system of transforming Russian society

The author researches modern transforming Russian society which is experiencing the impact of dysfunctional processes associated with accelerated modernization of the social system. He notes that the high speed of social changes produce stress, systemic contradictions of society, disrupting the functioning of key institutions and subsystems. This is precisely the situation in modern Russian society, one consequence of which was the increasing legal nihilism as a result of dysfunction of the socionormative system.

Key words: law, legal nihilism, socionormative system, social transformation, dysfunction.

Социальная система начала XXI в. характеризуется сложным, многоуровневым строением, при этом функционирование различных институтов и подсистем оказывается в значительной мере ориентированным на поддержание устойчивости, целостности системы. В данном случае глубокие, разнонаправленные трансформационные процессы вступают в противоречие с целевыми институциональными установками социальной системы. Именно диалектика стабильности и изменчивости определяет облик социальной системы в целом, а также особенности функционирования ее элементов, подсистем, социальных групп, общностей, отдельных акторов. В данном аспекте стоит обратить внимание на особое положение соционормативной системы, роль которой в обществе сложно переоценить.

Как справедливо отмечают исследователи, любой социум нуждается в нормативных средствах регуляции поведения людей. Это обусловлено тем, что всякое общество основывается на принципах целесообразности,

устойчивости, организованности, упорядоченности человеческих отношений в ходе совместной деятельности людей. Каждая социальная общность фиксирует определенные правила бытия и ее функционирования, которые выражаются в общеизвестных и обязательных нормах поведения, в особом нормативном порядке. Существование социальной общности невозможно в условиях господства хаоса и случайности [1, с. 258].

Следует принимать во внимание тот факт, что нормы поведения, затрагивая основные сферы жизни общества (политическую, экономическую, духовную и др.), образуют системное целое, формирующее определенный непротиворечивый, логически стройный образ желательного поведения. В ходе процесса социализации происходит знакомство и усвоение требований соционормативной системы общества, которая объединяет в себе различные виды и уровни норм, отличающихся разным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. Доминирующее положение в

соционормативной системе занимают нормы права, носящие общеобязательный характер, исполнение которых поддерживается силой принуждения института государства, обеспечивается его инструментами.

Необходимо подчеркнуть, что в силу особенностей соционормативной системы ее вариативность остается весьма низкой, продуцируя ряд угроз и рисков, связанных с высокими скоростями социальных изменений, за которыми система элементарно не успевает. Именно поэтому трансформирующееся общество детерминирует дисфункциональные риски лишь потому, что стремительно изменяет социальную реальность, не давая возможности акторам социальной системы адаптироваться к изменениям, выработать необходимую стратегию и тактику адаптации. Значительные проблемы в подобной ситуации испытывает и соционормативная система.

Правовые нормы как интегральный элемент соционормативной системы в современном российском обществе находятся в состоянии усиливающейся дисфункциональности. С сожалением приходится констатировать, что в российском обществе начала XXI в. правовые нормы не являются серьезным регулятором поведения людей, особенно определенных социальных групп, как элитарных, так и люмпенизированных, антисоциальных по своей сути. Периодически общественность сталкивается с вопиющими, вызывающими нарушениями норм права, которые происходят преднамеренно, с целью продемонстрировать некий вызов обществу, показать свое «уникальное» по отношению к праву положение («я имею исключительный социальный статус, мне можно нарушать законы»). Основная проблема сложившейся ситуации нам видится в аморализации, безнравственности значительной части российского общества. Именно утрата духовных барьеров создала ситуацию предельного напряжения системы социального контроля, санкций; однако данная система не в состоянии поддерживать стабильность общества.

По этому поводу классик российского права Б.А. Кистяковский отстаивал точку зрения о том, что в обществе безусловный характер носят нравственные и правовые нормы, в которых наиболее полно раскрывается сущность всей общественной жизни. Правовые нормы в обществе представляют собой некий симбиоз стихийного и сознательного, случайного и закономерного. В данном аспекте анализа опасность представляет подмена социальных понятий категориями нравственности [2]. По мнению Кистяковского, право неотделимо от морали, нравственности; оно значительно теряет (или полностью утрачивает) свою

эффективность, существуя как «вещь в себе», в отрыве от духовных регулятивов.

В свою очередь Л.И. Петражицкий считал необходимым возрождение естественного права как эффективного духовно-практического способа совершенствования социальных отношений. Петражицкий рассматривал в качестве стимулов человеческого поведения эмоции морального и правового характера, находящие свое выражение в императивных нормах, закрепленных в системе культуры и подразумевающих справедливую оценку человеческих поступков со стороны общества и государства [3]. Именно категории справедливости, объективности, честности, теряя вес в современной российской духовной культуре, генерируют определенный вакуум, который оперативно заполняется антисоциальными и асоциальными установками, идеями, конструктами. Одним из негативных последствий сложившейся ситуации, достаточно зримо проявляющимся в современном обществе, выступает правовой нигилизм.

Суть проблемы правового нигилизма состоит в том, что способность населения на сознательном уровне соблюдать законы, уважать права и свободы других граждан не всегда находит адекватное отражение в практической деятельности и нередко проявляется в распространении различных форм правового нигилизма [4, с. 119].

По мнению В.Н. Гуляихина, правовой нигилизм целесообразно рассматривать как сложное, многоуровневое явление современного общества, как единство субъективных и объективных факторов. Исследователь указывает, что правовой нигилизм – это психосоциальный и культурный феномен, структурообразующим компонентом которого являются идеи, отрицающие легитимные социальные установки и несущие определенную духовную нагрузку, обусловленную не только тенденциями развития общества и соответствующими ценностями, но и рядом психогенных факторов [5, с. 108–148].

Правовой нигилизм деформирует духовную культуру человека, разрушает ее правовые элементы, прежде всего правовое сознание и правовую культуру. В последние годы ситуация осложнилась тем, что значительно возросли скорости коммуникации, а также ее эффективность; это позволило распространять установки правового нигилизма на значительные по численному составу сегменты общества. Развитие Интернета, виртуализация социума также обострили противоречия, связанные с деятельностью механизмов социального контроля, действием негативных социальных санкций.

Как справедливо отмечают исследователи, в Интернете свободно размещается информация

о способах изготовления взрывных устройств, хакерских технологиях взлома компьютерных программ и т.п. [6, с. 52]. В сложившейся ситуации социально-правовая система не успевает адекватно реагировать на возникающие «виртуальные» угрозы для общества. Вследствие сложившегося «правового вакуума» возникают «лазейки в законодательстве», чем активно пользуются информационные террористы, экстремисты, радикалы, организованная преступность.

Особую опасность, на наш взгляд, представляет индивидуальный и групповой уровень социальной коммуникации, возведенный в ранг массовой, становящийся, по сути, аналогом традиционных СМИ (численность аудитории, география распространения, использование аудиовизуальных средств и т.д.). В новых социально-коммуникативных условиях все заблуждения, мифы, слухи, сплетни, стереотипы становятся достоянием миллионов людей, сознание которых «захламляется» этой некачественной и провокационной информацией. Интернет-коммуникаторы в обществе XXI в. получают вещательную инициативу, широкие возможности для воздействия на сознание и поведение людей. Именно так происходит и распространение установок правового нигилизма.

В связи с этим стоит обратить внимание на два резонансных случая проявления правового нигилизма в форме вызывающего отношения к российским законам (июнь 2016 г.); в каждом из перечисленных случаев нарушители закона демонстрировали правовой нигилизм, неверно оценивали ситуацию, полагая, что их действия заслуживают нетяжелой санкции правовых норм. Хотя в реальности все обстояло совсем не так.

Прежде всего, это так называемые гонки группы «мажоров» (включая сына вице-президента одной крупной российской нефтяной компании) на внедорожнике премиум-класса «Мерседес», с одновременной трансляцией в интернет-чате с говорящим названием «Доеб...ся до ментов», где нецензурная брань, истерические возгласы участников «гонки» с экипажами ГИБДД сопровождаются комментариями «сочувствующих» представителей криминалитета («не оставь шанса мус...м!», «номер снимите, камер нахватаетесь», «уходите в лес, дорогу перекроют» и т.п.), советующих, как правильно скрыться от погони, предлагающих помощь злостным нарушителям закона. Данный ролик набрал значительное число просмотров, что косвенно подтверждает его высокий агитационный потенциал в аспекте воздействия на сознание массовой аудитории, прежде всего подрастающего поколения [7].

Также вопиющий случай, получивший широкий коммуникативный резонанс в Интернете,

произошел в г. Краснодаре. Как и в случае с гонками «золотой молодежи» в Москве, имел место весьма специфический эффект интернет-комментирования. Суть ситуации в следующем: разъяренный, неадекватный краснодарский водитель на дорогом внедорожнике устроил погоню за учебной машиной, которой управляла молодая девушка. Догнав и перегордив дорогу учебному автомобилю, злоумышленник угрожал ножом инструктору, а потом совершил акт эксгибиционизма, продемонстрировав половой член ученице автошколы, что зафиксировал видеорегистратор [8]. В данном случае Интернет также заполнили комментарии об ужасном вождении женщинами автомобилей, о необходимости личного неправового «наказания» нарушителей правил дорожного движения или, напротив, лишения жизни и/или половых органов участника скандального преследования учебной машины.

Оба приведенных примера, к сожалению, являются типичными для современной интернет-среды, где налицо гипертрофированное восприятие окружающей действительности, интерес к низменным, аморальным, антисоциальным формам поведения. В данном случае не так опасны последствия нарушения норм права участниками скандальных интернет-роликов, сколько последующая интерпретация событий коммуникаторами, демонстрирующая откровенный правовой нигилизм, пренебрежение нормами права, стремление следовать «криминальным понятиям» при решении проблемных ситуаций. При этом установки правового нигилизма, репрезентирующиеся в интернет-комментариях, оказывают мощное воздействие на сознание и поведение интернет-аудитории, до предела обостряя агрессивность на дорогах, целенаправленное, вызывающее нарушение правил дорожного движения. Самым опасным социальным последствием сложившейся ситуации нам видится деформация правового сознания подрастающего поколения, отклоняющаяся правовая социализация молодежи, что является угрозой национальной безопасности России, потенциальным фактором социальной напряженности. На подобных примерах «учится», взрослеет, воспитывается современная российская молодежь, чей потенциал в процессе преемственности и смены поколений сложно переоценить.

Таким образом, правовой нигилизм можно рассматривать в качестве дисфункции соционормативной системы современного российского общества, находящегося в состоянии глубокой трансформации. Высокие скорости социальных изменений детерминируют напряженность в социально-правовой системе, способствуют ее дисфункциональному состоянию.

Однако институциональная структура как раз и соответствует социальной потребности в стабилизации, преодолении «вызовов» системе, в том числе инновационных, непосредственно связанных с модернизацией, прогрессом.

Сложившаяся ситуация вокруг инновационных массовых коммуникаций наглядно иллюстрирует тесную взаимосвязь социально-правовой подсистемы и социума. Факты с очевидностью свидетельствуют о социальной обусловленности права в российском обществе начала XXI в. До эпохи «интернетизации» криминалитет был существенно ограничен в инструментах массово-коммуникативного воздействия на широкие слои аудитории. Парадокс заключается в том, что ситуация значительно ухудшилась в 2000-е гг. по мере роста социальной значимости Интернета, широкого охвата населения России интернет-коммуникационными сетями. Создаются новые условия коммуникационной среды, новый тип общения – трансграничное, для которого характерен пе-

реход инициативы от журналистов, обозревателей, общественных деятелей, политиков к непрофессиональным коммуникаторам (позиционирующим себя в качестве представителей «простого народа»), одерживающим количественный перевес над традиционными массмедиа. При этом нередко количественное превалирование трансформируется и в качественное, т.к. интенсификация коммуникации приносит достаточно зримые эффекты.

Правой нигилизм как социальный, правовой и коммуникативный феномен особенно опасен для подрастающего поколения. На фоне дисфункций правовой социализации происходит приобщение к криминальной культуре, освоение антисоциальных практик, что не может не вызывать беспокойство у социально активной части российского общества. Проблема правового нигилизма в случае отсутствия эффективных мер по ее разрешению несет ряд опасных социальных последствий, угрожающих стабильности российского общества.

1. Венгеров А.Б., Барабашева Н.С. *Нормативная система и эффективность общественного производства*. М., 1995.

2. Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. СПб., 1998.

3. Петражицкий Л.И. *Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е.В. Тимошина*. СПб., 2011.

4. Ефимов Е.Г. *Правовой нигилизм как социокультурное явление (методологические аспекты) // Сборник научных трудов Волжского филиала МЮИ: материалы Недели науки, 22–29 мая 2009 г. М., 2010.*

5. Гуляихин В.Н. *Психосоциальные формы правового нигилизма человека // Вопросы права и политики*. 2012. № 3.

6. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П. *Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности*. М., 2014.

7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1mN6GszXxnU> (дата обращения: 02.07.2016).

8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6GepUvu9vhY> (дата обращения: 02.07.2016).

1. Vengerov A.B., Barabasheva N.S. *The regulatory system and the efficiency of social production*. Moscow, 1995.

2. Kistyakovskiy B.A. *Philosophy and sociology of law*. St. Petersburg, 1998.

3. Petrazhitzky L.I. *Theory of law and politics: sel. works / sci. ed. E.V. Timoshina*. St. Petersburg, 2011.

4. Efimov E.G. *Legal nihilism as social and cultural phenomenon (methodological aspects) // Collection of scientific works of Volga branch of ILI: proc. of the week of science, May 22–29, 2009*. Moscow, 2010.

5. Gulyaikhin V.N. *Psychosocial forms of legal nihilism // Questions of law and policy*. 2012. № 3.

6. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kundetov A.I., Fedotov V.P. *Theory and practice of information counteraction to extremist and terrorist activities*. Moscow, 2014.

7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1mN6GszXxnU> (date of access: 02.07.2016).

8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6GepUvu9vhY> (date of access: 02.07.2016).

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук,
Кубанский государственный университет
(e-mail: gppmp.law.kubsu@yandex.ru)

О проблемах формирования правовой культуры личности в современной России

В статье исследуется ряд актуальных вопросов формирования правовой культуры личности в современной России. Такое формирование должно носить системный характер и быть связано с общими целями развития общества, государства, правового регулирования.

Ключевые слова: цели, личность, правовая культура.

S.V. Potapenko, Doctor of Law, Kuban State University; e-mail: gppmp.law.kubsu@yandex.ru

On the problems of formation of legal culture of personality in modern Russia

The article investigates a number of topical issues of formation of legal culture of personality in modern Russia. This formation must be systematic and can be related to the general development of society, state, legal regulation.

Key words: goals, personality, legal culture.

Правовая культура немыслима без идейных основ, которые либо вырабатываются сознательно, в том числе посредством государства, либо формируются стихийно. Поэтому «если мы хотим повысить политическую и правовую культуру населения страны, следовало бы прежде всего восстановить в своих правах идеологические и культурно-воспитательные функции государства и выправить их в содержательном плане» [1, с. 12].

Как известно, формирование правовой культуры личности складывается из целого ряда процессов, протекающих спонтанно или целенаправленно, моделируемых самой личностью или направляемых извне. Однако в целом такое формирование не должно представлять собой неуправляемый хаотичный процесс, складывающийся из случайных обстоятельств и влияний. Воздействие государства и правовой системы на личность должно представлять собой систему, которая должна быть подчинена определенным целям, основываться на ряде принципов, иметь четко проработанные направления с соответствующим комплексом средств воздействия.

Формирование правовой культуры личности должно включать идеологическую и воспитательную работу, поддержку социально-правовой активности, вытекать из целей и задач государства на соответствующем историческом этапе. В качестве основного принципа должно соблюдаться уважение прав личности, сохранение ее достоинства. При этом в рамках стратегии формирования правовой культуры личности могут ставиться не только перспек-

тивные, собственно стратегические цели, но и тактические, ближайшие, связанные с текущей социальной ситуацией.

Цели формирования правовой культуры личности применительно к современной России в первом приближении могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) формирование мировоззрения, основывающегося на общечеловеческих ценностях;
- 2) адекватное сочетание целей и задач государства и интересов личности на данном этапе общественного развития;
- 3) формирование всесторонне развитой личности с активной гражданской позицией и социальной ответственностью;
- 4) формирование высокого профессионализма и стремления к повышению своего профессионального уровня.

Очевидно, что в современной России необходимо формирование социально ответственной личности, обладающей чувством гражданского долга, умениями в сфере защиты субъективных прав и добросовестного исполнения юридических обязанностей. При этом личность должна обладать навыками самостоятельного принятия решений, вызывающих социально полезную деятельность, должна обладать высокой социально-правовой активностью в различных областях.

В литературе последних лет упоминаются различные разновидности и аспекты правовой культуры: культура мира, культура прав человека и др. [2, с. 107]. Считаю, необходимо определиться с тем, какую собственно культуру и какие ее аспекты необходимо целена-

правленно формировать. При формировании правовой культуры как отдельной личности, так и общества в целом необходимо также четко представлять, какие функции правовой культуры представляют наибольшую ценность и актуальность в контексте современного развития российского общества и его различных сфер. Комплекс мер по формированию правовой культуры личности должен обеспечивать устойчивость развития правовой системы с выработкой соответствующих механизмов воздействия на личность и коллективы, социальные и этнические группы.

Полагаем, что на государственном уровне должна быть принята Программа развития правовой культуры граждан, связанная с конкретными измеримыми показателями деятельности соответствующих органов, конкретными сроками и ответственными за исполнение. Применительно к правовой культуре общества такие показатели уже предлагались в литературе. Так, И.И. Балаклеец указывала, что чем выше уровень правовой культуры, тем эффективнее деятельность законодателя, целенаправленнее управленческая деятельность, более результативен процесс реализации правовых предписаний, соблюдения и исполнения требований, содержащихся в правовых нормах, обеспечения правового положения личности в государстве [3, с. 14].

Следует отметить, что правовая культура личности является неотъемлемым компонентом правовой культуры общества и в значительной степени является отражением уровня ее развития. Поэтому Программа формирования правовой культуры личности немыслима без формирования правовой культуры общества в целом.

В контексте существования России как многонационального государства с разнообразными культурами важной целью формирования правовой культуры личности является внедрение в сознание идеологии поликультурности как гармоничного взаимодействия элементов различных культур в едином правовом и ментальном пространстве, концепции гармоничного сочетания и взаимовлияния этих культур. В целом, следует отметить, что в современной России необходимо обновление культурной парадигмы на основе концепции и деятельности, интегрирующей российское общество, преодолевающей отчуждение личности от государства и правовой системы.

Формирование правовой культуры общества и личности должно приобрести системный характер, стать стратегией социального развития и государственной политики. Оно должно включать как комплекс мер, связанных с убеждением личности, так и меры, связанные с неблагоприятными последствиями в случае деформаций правосознания и правовой культуры, ведущих к правонарушениям, социально вредным деяниям.

Государственные и общественные мероприятия по формированию правовой культуры личности должны, помимо прочего, включать совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности, качественную подготовку профессиональных юридических кадров, взаимодействие со средствами массовой информации. При этом личность должна рассматриваться не как пассивный объект, а как равноправный партнер, участвующий в совершенствовании правовой системы.

1. Мартышин О.В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4.

2. Правовая политика и правовая культура в современной России (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2013. № 8.

3. Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

1. Martishin O.V. The national political and legal culture in the context of globalization // State and law. 2005. № 4.

2. Legal policies and legal culture in modern Russia (the Review of proceedings of the «round table») // State and law. 2013. № 8.

3. Balakleets I.I. Legal culture in the modernization of Russia: realities, trends and prospects: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2012.

Маликова Елена Васильевна

Чеченский государственный университет

(e-mail: malikovaev@gmail.com)

Анализ реализации молодежной политики в европейских странах, США и азиатских странах с учетом распределения ответственности государства, бизнеса и некоммерческого сектора

В статье представлен анализ реализации молодежной политики в европейских странах, США и азиатских странах. Сформулированы основополагающие факторы, позволяющие определить оптимальную национальную модель реализации молодежной политики. Выявлена роль бизнеса и некоммерческого сектора в сфере молодежной политики. Определена причина ограничения роли государства в процессе социализации молодого поколения.

Ключевые слова: молодежная политика, государство, общество, модель управления.

E.V. Malikova, Chechen State University; e-mail: malikovaev@gmail.com

The analysis of implementation of youth policy in the European countries, the USA and the Asian countries taking into account distribution of responsibility of the state, business and non-commercial sector

In the article the analysis of implementation of youth policy in the European countries, the USA, the Asian countries is provided. The fundamental factors allowing to determine optimum national model of implementation of youth policy are formulated. The role of business and non-commercial sector in the sphere of youth policy is revealed. The reason of restriction of a role of the state in the course of socialization of the younger generation is established.

Key words: youth policy, state, society, model of management.

Развитие человека – это основная цель и необходимое условие прогресса современного общества. Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с инвестициями в человеческий капитал, не менее актуально это и для реализации молодежной политики.

Очевидно, что социальная ответственность государства тесно взаимосвязана с социальной ответственностью бизнеса и населения. В связи с этим становится важным вопрос о разграничении полномочий в сфере реализации социальной ответственности по отношению к каждому субъекту государства, бизнеса и организаций некоммерческого сектора.

Государственный сектор включает в себя органы власти на федеральном и региональном уровнях – это учреждения и специализированные организации. Кроме того, в структуру данного сектора входят и государственные предприятия, и акционерные общества.

Бизнес-сектор состоит в основном из негосударственных деловых организаций, деятельность которых осуществляется на свободной конкурентной основе.

Гражданский сектор представлен различными некоммерческими организациями и гражданами, которые выражают интересы инвалидов, социальных групп и общностей. К числу некоммерческих организаций относятся общественные объединения, религиозные организации, политические партии и органы местного самоуправления.

Для обеспечения благоприятных условий для формирования и развития молодого поколения, поколения, усвоившего социальные, рыночные, общечеловеческие и гуманные ценности, необходимо установление и развитие диалога между различными агентами социализации молодежи.

Мировой опыт использования механизма социального партнерства уже не раз продемонстрировал его эффективность, особенно в вопросах конструктивного взаимодействия государственного, коммерческого и некоммерческого секторов в разрешении особо значимых социальных проблем. В процессе разработки и реализации государственной молодежной политики постоянно возникает вопрос о том, в какой степени мы можем заимствовать опыт

других стран и международных организаций. В большинстве случаев этот опыт имеет почти вековую историю и воплощен в различных моделях реализации молодежной политики, осуществляемой на уровне международной молодежной работы, а также государственном и региональном уровнях.

Исторический опыт показывает, что в развитых странах государственная молодежная политика сводится главным образом к социальной политике и предусматривает деятельность по социальной защите молодежи и социальной работе с различными ее группами. Такое понимание обусловлено главным образом стабильностью социума и характером социальных проблем и интересов молодежи в условиях относительного социального благополучия. Реализуемые молодежные программы в данном контексте носят достаточно узкий и конкретный характер, что ни в коей мере не снижает, а, напротив, даже усиливает их эффективность.

По мнению О.П. Аникеевой, исторический опыт развития молодежной политики зарубежных стран включает в себя несколько этапов, а именно:

1) этап постановки молодежного вопроса в рамках государства и общества, начало которого приходится на середину XX в.;

2) этап, связанный с молодежными бунтами и революциями в 60-х гг. XX в.;

3) этап современной молодежной политики, начало которому положило создание Межправительственного экспертного комитета по вопросам молодежи в 1982 г. [1, с. 74].

Следует отметить, что на сегодняшний день европейские правительства выстраивают новую модель межнациональной и национальной молодежной политики, базовую основу которой составляют социальное воспитание и ее интегрированность. По мнению А.Я. Кабанова, М.В. Ловчевой и Т.В. Лукьяновой, важнейшим инструментом реализации европейской молодежной политики является технология, получившая название «открытый метод координации» [2, с. 34]. Суть данного метода сводится к формированию гибкой системы взаимоотношений межнационального, национального и регионального уровней за счет возможности разработки собственной модели национальной молодежной политики, не зависящей от модели, реализуемой на общеевропейском уровне. Такой подход в корне отличает европейскую молодежную политику от российской, которая в основном базируется на принципах унификации ее модели, реализуемой на федеральном и региональном уровнях. Данная гипотеза под-

тверждается и мнением ученых, так, например, В.Г. Игнатов, А.Н. Нифанов, П.Н. Беспаленко указывают следующие аспекты, в которых проявляется данное отличие:

1) унифицированность российской модели молодежной политики для всех уровней, в том числе и региональных;

2) молодежная социальная проблематика в европейских странах более индивидуализирована, что дает возможность интегрировать молодежную политику во многие сферы деятельности – досуговую, общественную, социальную [3, с. 132].

Механизмы реализации молодежной политики в ряде европейских стран как направлены на ограничение роли государства в процессе социализации молодого поколения, так и могут быть строго регламентированными, а именно распределены между государством и обществом или делегированы общественному или коммерческому секторам. Такое разграничение связано, в первую очередь, с особенностями социальной политики Европы, которая характеризуется распределением общественных сил, направленных на формирование определенной социальной ответственности между государством, бизнесом и обществом.

Связь социальной политики с молодежной политикой определяется посредством распределения ролей некоммерческих организаций, бизнеса и государства и в различных формах взаимодействия между ними. В области молодежной политики социальная ответственность представляет собой особый вид взаимоотношений между государством, бизнесом и некоммерческими организациями (НКО), которые выражаются, в первую очередь, в способности данных субъектов взять на себя социальные обязательства с целью их дальнейшей реализации [2, с. 161].

Рассмотрим некоторые механизмы распределения социальной ответственности между государством, бизнесом и некоммерческим сектором в области реализации основных направлений молодежной политики в некоторых западноевропейских странах.

Англо-американский подход к распределению социальной ответственности между государством, бизнесом и некоммерческим сектором характеризуется ограничением ответственности бизнеса перед обществом и направлен лишь на создание рабочих мест и обеспечение благоприятных условий труда. Тем не менее, нельзя не отметить, что на сегодняшний день в США разработано много эффективных механизмов социальной под-

держки с участием бизнеса, направленных на решение многочисленных социальных проблем общества – спонсорство в сфере образования, благотворительность, страхование и т.д. Государство, в свою очередь, поощряет такую деятельность, предоставляя корпорациям различные налоговые льготы. Так, например, в США не облагаются федеральным налогом доходы благотворительных организаций, а принадлежащая им недвижимость облагается сокращенным налогом на недвижимость штатов. Лица, участвующие в благотворительности, и предоставляющие пожертвования такого рода организации освобождаются от уплаты налогов на эти средства в установленных государством пределах [4, с. 36].

Европейский подход характеризуется дифференцированной системой налогообложения, посредством которой государство финансирует различные социальные программы для населения. Охват и размер таких социальных программ существенно различается в разных странах. В Европе благотворительность не так популярна, как в США, что связано с отсутствием налоговых льгот [4, с. 37].

На сегодняшний день лишь в немногих странах социальные услуги, реализуемые государством, представляются в объеме, соответствующем потребностям населения. Примерами таких стран являются Швеция, Финляндия, Дания и Норвегия. Скандинавский подход характеризуется нацеленностью на солидарность и нивелирование неравенства. Инструментом в данном случае является социальное партнерство: бизнес успешно ведет дела и исправно платит налоги государству, а государство посредством их эффективного распределения направляет их, в том числе, и на социальные нужды. В скандинавской модели государство занимает ключевое место по сравнению с бизнесом и гражданским обществом.

По данным материалов научных исследований проблем молодежной политики, распределение социальной ответственности напрямую затрагивает и вопросы реализации молодежной политики [5, с. 5]. Например, концепция, реализованная в США, характеризуется минимальным участием государственных структур в процессах социализации молодежи, а ее социальная поддержка осуществляется благотворительными и частными организациями. Модель молодежной политики Швеции, Финляндии, Дании, напротив, характеризуется особой ролью государства и четкой законодательной регламентацией различных форм поддержки молодого поколения и молодежных общественных организаций.

Несмотря на разницу в подходах, а также принципах и формах взаимодействия, отметим, что все европейские страны признают необходимость и важность работы с молодым поколением. Проведенный анализ нельзя назвать полным, если не рассмотреть молодежную политику азиатских стран.

В Китае основная поддержка молодежи осуществляется государством, при этом огромное значение в этой сфере придается образованию. Бизнес не является субъектом молодежной политики, поскольку китайское правительство строго контролирует экономические процессы. Система общественных организаций в Китае функционирует по одним принципам, координируется сетью коммунистических и профсоюзных организаций. Уникальным в мировой практике примером общественно-политической организации служит китайский единый фронт, который объединяет все существующие партии и общественные организации в стране, обладая при этом полномочиями согласования различных политических действий по значимым проблемам [4, с. 42].

В Японии значительного уровня развития достигла социальная политика, которая служит основным механизмом социального развития работников, в том числе и молодежи. Административное руководство системой образования в Японии осуществляет Министерство просвещения; к вопросам его компетенции также относятся культура, спорт, религия. В целом, японский подход к реализации молодежной политики заключается в четком распределении ответственности всех государственных органов в их взаимодействии с общественными структурами по работе с молодежью.

Представленный анализ молодежной политики некоторых стран наглядно показывает, что наибольшее развитие государственная молодежная политика получила во Франции, скандинавских странах и особенно в ФРГ, прежде всего благодаря созданию специальных государственных органов по социальной поддержке и разработке системы сотрудничества с молодежными общественными объединениями. Все же, несмотря на разницу подходов, все рассмотренные нами европейские страны признают работу с молодежью важной и необходимой, а их общей целевой установкой является помощь и создание благоприятных условий взаимной интеграции молодого поколения и общества. Азиатские модели управления молодежной политикой носят преимущественно национально ориентированный характер вследствие специфической культуры, религии и сохранившегося

еще общинного характера социальных отношений. Бизнес по сравнению с государством играет второстепенную роль, ввиду чего всю ответственность за разработку и реализацию молодежной политики берет на себя государство, при этом, как правило, рассматривая молодежь лишь как одну из нуждающихся в социальной поддержке категорий населения.

На основании вышеприведенного анализа реализации молодежной политики в зарубежных странах следует отметить факторы, которые напрямую влияют на определение ее национальной модели. К ним можно отнести:

- 1) методы распределения средств между государством, обществом и бизнесом в интересах социальной политики государства;
- 2) уровень экономического развития страны;
- 3) стратегию, принятую государством в отношении национального развития общества;
- 4) уровень развития некоммерческого сектора и бизнес-сектора;
- 5) Уровень развития межсекторальных связей [4, с. 44].

Подводя итоги, следует отметить, что проведенный анализ формирования и развития молодежной политики в зарубежных странах

позволяет нам предположить, что все существующие модели в той или иной степени направлены на гармонизацию социальных, межнациональных отношений, а ее основу составляют принципы социального воспитания и интеграции. В европейской и азиатской традиции интегрирующая роль молодежной политики более очевидна, нежели в американской, которая в большей мере поощряет конкуренцию и неравенство.

Перераспределение обязанностей между государством, бизнесом и структурами гражданского общества при реализации основных направлений молодежной политики на сегодняшний день является новым направлением в современном российском обществе. Для успешного развития социального партнерства в России, по нашему мнению, необходимо систематизировать, обобщить и определить основные направления совершенствования всех форм и механизмов взаимодействия государства, бизнеса и общества, что является неперенным условием развития новых и эффективных форм системной работы в условиях государственной модернизации, где особая роль отводится молодому поколению.

1. Аникеева О.П. Модели социальной ответственности бизнеса: мировой опыт и российская практика // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2010. № 4. С. 72–77.

2. Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. 2-е изд., с изм. и доп. М., 2015.

3. Беспаленко П.Н., Игнатов В.Г., Нифанов А.Н. Региональная молодежная политика: проблемы и опыт становления. Ростов н/Д, 1999.

4. Кибанов А.Я., Ловчева М.В., Лукьянова Т.В. Реализация молодежной политики в Российской Федерации. М., 2015.

5. Материалы научных исследований проблем молодежной политики современной России. М., 2013.

1. Anikееva O.P. Models of social responsibility of business: international experience and Russian practice // *Bull. of Tomsk state university*. 2010. № 4. P. 72–77.

2. Elishev S.O. Youth as object of socialization and manipulations. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2015.

3. Bєspalenko P.N., Ignatov V.G., Nifanov A.N. Regional youth policy: problems and experience of formation. Rostov-on-Don, 1999.

4. Kibanov A.Ya., Lovcheva M.V., Lukyanova T.V. Implementation of youth policy in the Russian Federation. Moscow, 2015.

5. Materials of scientific research of problems of youth policy of modern Russia. Moscow, 2013.

Нехай Асиет Юрьевнакандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России**Тамазова Анна Дмитриевна**кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России

(тел.: +78612561426)

«Городовое положение» 1785 года как прообраз устава муниципального образования в современной России

В статье рассматривается историческое развитие и становление устава муниципального образования в современной России. Выявляется сходство «Городового положения» 1785 г. и современных уставов муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, устав муниципального образования, «Городовое положение».

A.Yu. Nekhay, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

A.D. Tamazova, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612561426.

«City regulations» in 1785 as a prototype of charter of the municipality in contemporary Russia

This article examines the historical development and becoming of charter of the municipality in contemporary Russia. Revealed the similarity of the «City regulations» of 1785 and modern municipal charters.

Key words: local government, the charter of the municipality, «City regulations».

После распада СССР руководством страны была избрана западная модель местного самоуправления, получившая закрепление во вновь принятой Конституции РФ (гл. 8) [1]. Уставы муниципальных образований в современной интерпретации стали приниматься в начале 1990-х гг. Стоит отметить, что в XIX–XX вв. в России не существовало единого порядка и цельных документов, регламентирующих уставы муниципальных образований. Порядок регуляции деятельности населения и местной власти берет свое начало в XVIII в. – времени, когда в России на системном уровне стало рассматриваться местное самоуправление [2, с. 129–130].

Так, одним из первых общепринятых нормативных актов стало «Городовое положение», входящее в состав «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». Данный закон был принят Екатериной II 21 апреля 1785 г. и регулировал большое количество положений, касающихся правового статуса «городского обывателя» [3].

Согласно «Городовому положению» учреждались новые выборные городские учрежде-

ния, при этом расширялся круг избирателей [4]. Жители города были разделены на шесть разрядов, которые отличались имущественными и социальными признаками: «настоящие городские обыватели» – владельцы недвижимости из числа дворян, чиновников и духовенства; купцы трех гильдий (первая гильдия – капитал от 50 тыс. руб.; вторая – от 5 до 10 тыс. руб.; третья – от 1 до 5 тыс. руб.); ремесленники, записанные в цехи; иностранцы и иногородние; именитые граждане; посадские (все иные граждане, живущие в городе промыслом или рукоделием). Эти разряды по «Жалованной грамоте городам» получили первые основы самоуправления, аналогичные основам «Жалованной грамоты дворянству». Один раз в три года проводилось собрание «градского общества», членами которого являлись зажиточные горожане.

Постоянным городским учреждением, в стенах которого осуществлялось местное самоуправление, была «общая градская дума», которая состояла из городского головы и шести гласных. Судебными выборными учреждениями в городах были магистраты.

«Жалованная грамота городам» была опубликована в апреле 1785 г. Она состояла из манифеста, 16 разделов, 178 статей. Грамота главным образом закрепляла единый сословный статус городского населения независимо от профессиональных навыков и рода деятельности. Это полностью соответствовало идее создания «среднего рода людей». Единый правовой статус городских жителей был основан на факте признания города особой организованной территорией, в рамках которой существовал определенный порядок административной организации и занятости населения.

«Жалованная грамота городам» состояла из четырнадцати глав (178 статей; главы обозначены литерами): «А. Городовое положение» (ст. 1–28); «Б. О городских обывателях. Установление общества градского и о выгодах общества градского» (ст. 29–57); «В. Наставление для сочинения и продолжения городской обывательской книги» (ст. 58–76); «Г. Доказательства состояния городских обывателей» (ст. 77–79); «Д. О личных выгодах городских обывателей, среднего рода людей, или мещан вообще» (ст. 80–91); «Е. О гильдиях и о гильдейских выгодах вообще» (ст. 92–101); «Ж. О первой гильдии» (ст. 102–107); «З. О второй гильдии» (ст. 108–113); «И. О третьей гильдии» (ст. 114–119); «І. О выгодах цеховых» (ст. 120–122), «Ремесленное положение» (ст. 123); «К. О иногородних и иностранных гостях» (ст. 124–131); «Л. О выгодах именитых граждан» (ст. 132–137); «М. О посадских и их выгодах вообще» (ст. 138–145); «Н. О городских доходах» (ст. 146–155); «О. О городской общей думе и городской шестигласной думе».

За жителями города, как и за дворянами, было признано право корпоративной организации. Граждане образовывали «общество градское», получали право на проведение собраний с согласия администрации. Такое собрание могло обращаться с представлениями к местным властям и следить за соблюдением законов. За «градским обществом» признавалось право юридического лица. Участие в таком обществе ограничивалось минимальным возрастным цензом – 25 лет.

Жители города также получили право избирать бургомистра, заседателей-ратманов, судей словесных судов и старост. Помимо этого в городе создавалась общая городская дума. В ее состав входили избираемые горожанами городской глава и шесть гласных (по одному представителю от каждой категории горожан). Общая городская дума имела исполнительный орган – шестигласную городскую думу, также состоящую из числа гласных, председателем которой назначался глава города.

«Жалованная грамота городам» объединила территориальный и производственный принципы организации городского самоуправления. Именно «Городовое положение» можно считать прообразом современной модели местного самоуправления.

Стоит отметить, что «Городовое положение» – это полноценный государственный закон, который полностью регламентировал систему местного самоуправления в каждом городе страны, в этом он схож с Федеральным законом от 6 октября 2010 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», особенно в части, где регулируются общественные отношения касаются уставного масштаба. «Городовое положение» можно условно обозначить как модельный устав местного самоуправления [5].

В соответствии с Грамотой в каждом городе один раз в три года проводился созыв «градского общества», в который входили наиболее состоятельные жители города. Органом, постоянно действующим в рамках утверждаемой модели местного самоуправления, была «общая градская дума», состоящая из шести гласных и председательствующего городского головы. Выборными судебными учреждениями в городах утверждались магистраты – органы сословного городского самоуправления, отдельно избирались суды для городского населения и для дворян.

«Жалованная грамота городам» четко не разграничивала пределы полномочий и деятельности указанных выше органов. Шестигласная и общая городская дума были ограничены сферой городского хозяйства, т.к. доходы города были сформированы установленными государством отчислениями с налогов и государственных пожалований. Положения, введенные «Жалованной грамотой городам», действовали до принятия «Городового положения» 1870 г. [6].

Таким образом, анализ структуры «Городового положения» показывает, что в нем содержатся блоки правовых норм, которые присутствуют в современных уставах муниципальных образований и охватываются понятием «комплексное регулирование». Однако технико-юридическое равенство отсутствует в связи с особенностями общественно-политической и социально-экономической характеристики российского абсолютизма екатерининского периода.

В настоящее время подобная стратификация населения, разумеется, исключена в силу равноправия граждан, регламентированного Конституцией РФ.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Мулукаев Р.С., Яковлева Е.И., Яковлев К.Л. Развитие организационных форм местного самоуправления в России (X–XIX вв.) // Местное самоуправление: теория и практика: Труды Академии управления МВД России. М., 1998. С. 129–130.

3. Городовое положение (Жалованная грамота городам) от 21 апр. 1785 г. // Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 2000. Т. 2. С. 77–177.

4. Грамота на права, вольности и преимущества благородному дворянству (Жалованная грамота дворянству) от 24 апр. 1785 г. // Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 2000. Т. 2. 2000. С. 29–50.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 5 окт. 2015 г.) // Парламентская газ. 2003. № 186.

6. Чермит А.Ю. Устав муниципального образования в системе нормативно-правового регулирования местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011.

1. *The Constitution of the Russian Federation: adopted by nation-wide vote on Dec. 12, 1993 (as amended on Dec. 30, 2008 № 6-FCL, on Dec. 30, 2008 № 7-FCL, on Febr. 5, 2014 № 2-FCL, on July 21, 2014 № 11-FCL)* // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2014. № 31. Art. 4398.

2. *Mulukaev R.S., Yakovleva E.I., Yakovlev K.L. Development of organizational forms of local self-government in Russia (X–XIX centuries)* // *Local self-government: theory and practice: Proc. of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia*. Moscow, 1998. P. 129–130.

3. *City regulations (Letters patent cities) d.d. Apr. 21, 1785* // *Legislation of Ekaterina II: in 2 vol. / resp. ed. O.I. Chistyakov, T.E. Novitskaya*. Moscow, 2000. Vol. 2. P. 77–177.

4. *The Charter on the rights, liberties and advantages of the nobility (Letters patent nobility) d.d. Apr. 24, 1785* // *Legislation of Ekaterina II: in 2 vol. / resp. ed. O.I. Chistyakov, T.E. Novitskaya*. Moscow, 2000. Vol. 2. P. 29–50.

5. *On general principles of local self-government in the Russian Federation: fed. law d.d. Oct. 6, 2003 № 131-FL* // *Parliamentary newsp.* 2003. № 186.

6. *Chermit A.Yu. Statute of the municipality in the system of legal regulation of local government: diss. ... Master of Law*. Vladikavkaz, 2011.

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России

Кузовлева Галина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

(тел.: +78612581426)

Охрана общественного порядка и муниципальная милиция: проблемы организации и законодательного регулирувания (муниципальный аспект)

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с осуществлением органами местного самоуправления функции охраны общественного порядка, предусмотренной Конституцией России. Отмечается, что в этой сфере имеется негативный опыт организации и функционирования подразделений местной милиции общественной безопасности во второй половине 1990-х гг. Обосновываются соответствующие предложения по внесению изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Ключевые слова: охрана общественного порядка, муниципальная милиция, полиция, полномочия, принуждение, органы местного самоуправления, силовая структура.

I.V. Uporov, Doctor of History, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

G.V. Kuzovleva, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

The protection of public order and municipal militia: problems of organization and legal regulation (municipal aspect)

The article deals with the problematic issues associated with the implementation by local authorities of function of protection of public order, provided by the Constitution of Russia. It is noted that in this area there is a negative experience of the organization and functioning of the departments of the local public security militia in the second half of the 1990. Appropriate proposals for amendments to the Federal law «On general principles of local self-government in the Russian Federation» are proved.

Key words: protection of public order, the municipal militia, police, authority, coercion, local self-government bodies, law enforcement agencies.

Охрана общественного порядка в России уже давно, практически сразу после распада СССР, стала одной из наиболее сложных сфер правоохранительной деятельности с точки зрения разграничения соответствующих полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами публичной власти. Камнем преткновения является проблема объема и характера полномочий муниципальной милиции, которая, в свою очередь, вытекает из новой (по сравнению с предшествующим Советским государством) системы территориально-публичных образований (Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования).

Так, согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В ч. 1 ст. 130 указывается, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. В ч. 1 ст. 132 на конституционном уровне закрепляются наиболее значимые вопросы местного значения, в частности указывается, что «органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения».

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2015 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] указанные конституционные положения находят конкретизацию. В частности в ст. 15 и 16 соответствующий вопрос местного значения для муниципального района и городского округа сформулирован следующим образом: «организация охраны общественного порядка на территории муниципального района (городского округа) муниципальной милицией». При этом законодатель делает оговорку о том, что данный вопрос местного значения вступает в силу в сроки, установленные федеральным законом, определяющим порядок организации и деятельности муниципальной милиции.

Указанный федеральный закон до сих пор не принят. В литературе имеются предложения по этому поводу (ниже мы рассмотрим некоторые из них), однако системных подходов к тому, каким статусом должна обладать муниципальная милиция, прежде всего с учетом особенностей властеотношений в России, пока нет. Такое положение, когда конституционные нормы уже более двадцати лет не выполняются, а столь важный федеральный закон не принимается почти пятнадцать лет (и это при имеющихся проблемах с противодействием преступности в стране!), представляется явно ненормальным и объясняется, на наш взгляд, рядом противоречий, еще не нашедших своего разрешения.

В этом контексте необходимо прежде всего сопоставить следующие конституционные нормы, касающиеся охраны общественного порядка. Так, согласно п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ к функциям Правительства РФ относится «осуществление мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью». Правительство России реализует данную функцию посредством МВД России, действующего на основании Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в редакции от 14 декабря 2015 г.) «О полиции» [2], Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [3] и других актов.

Однако такую же функция с аналогичной формулировкой в соответствии с Конституцией РФ выполняют и органы местного самоуправления. Но органы местного самоуправления, во-первых, не входят в систему органов государственной власти, во-вторых, на наш взгляд, они не могут действовать с использованием тех же средств и методов (применение оружия, спецсредств, оперативно-розыскная

деятельность и т.д.), что и федеральная силовая структура. Возникает вопрос об уточнении полномочий органов местного самоуправления в данной сфере.

Следует отметить, что в новейшей истории России предпринимались попытки решения этого вопроса. Так, в начале 1993 г. был принят Указ Президента РФ от 12 февраля 1993 г. № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» [4], где была сделана попытка привести к общему знаменателю полномочия местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и специфику МВД России как федерального вертикально структурированного силового ведомства. Компромисс проходил по следующему аспекту: численность сотрудников милиции общественной безопасности (речь шла только об этой службе) в муниципальном образовании могла быть увеличена за счет местного бюджета, при этом руководитель местной милиции был подотчетен местной администрации и назначался на должность по согласованию с местной администрацией, однако сотрудники местной милиции несли службу в соответствии с тогдашним законом о милиции [5].

Принятый позже Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] не только закреплял за органами местного самоуправления функцию охраны общественного порядка, но и относил к ведению муниципальных образований организацию и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, а также осуществление контроля за их деятельностью (п. 8 ч. 2 ст. 6). Тем самым органы местного самоуправления получили полномочия осуществлять охрану общественного порядка силами собственных правоохранительных формирований. В развитие этой нормы в 1996 г. был издан Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 802 «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка» [7], которым предполагалось создание правовых, организационных и материальных основ формирования и функционирования муниципальных органов общественного порядка (речь шла только о подразделениях милиции общественной безопасности).

Затем Указом Президента РФ от 17 сентября 1998 г. было решено провести эксперимент по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления в нескольких муниципальных образованиях [8]. Пред-

полагалось, в частности, что органы местного самоуправления осуществляют контроль за состоянием охраны общественного порядка, вносят предложения о назначении на должность и освобождении от должности начальников милиции общественной безопасности и их заместителей, организуют отчеты начальников милиции общественной безопасности перед населением о состоянии охраны общественного порядка, поощряют сотрудников подразделений и служб милиции общественной безопасности, вносят предложения о применении к ним мер дисциплинарного воздействия, финансируют и осуществляют материально-техническое обеспечение подразделений и служб милиции общественной безопасности (не ниже нормативов МВД России).

Однако реализация указанных мер натолкнулась на два существенных препятствия. Первое касалось отсутствия достаточных финансовых средств у абсолютного большинства муниципальных образований (эта проблема остается актуальной до сих пор). Второе препятствие заключалось в том, что милиция – федеральная структура, которая должна финансироваться из федерального бюджета; если же финансирование осуществляется из местного бюджета, то органы местного самоуправления должны иметь рычаги непосредственного административного управления милицией, но такие рычаги не были предусмотрены. В результате было решено отказаться от местной милиции в том варианте, в каком она организовывалась в 1990-е гг. А по действующему Федеральному закону «О полиции» и вовсе предусмотрено финансирование полиции только из федерального бюджета (до 2012 г. было возможно частичное финансирование также и из регионального бюджета).

При этом конституционные и соответствующие законодательные нормы об охране общественного порядка органами местного самоуправления продолжают действовать, т.е. должно быть выработано какое-то решение на уровне федерального закона. В отсутствие такового в некоторых регионах предпринимаются попытки на практике решить рассматриваемую проблему. Так, в феврале 2011 г. Городской думой г. Ижевска было принято решение о создании в структуре администрации города Управления муниципальной милиции [9]. Оно было сформировано путем объединения правового отдела, отдела административно-технического контроля и отдела по работе с правоохранительными ор-

ганами. 1 июля 2011 г. ижевская милиция приступила к выполнению своих обязанностей.

На Управление муниципальной милиции возложен контроль за благоустройством и поддержанием порядка в столице республики. Сотрудники Управления, если вести речь о полномочиях, должны выявлять и документировать нарушения в различных сферах: благоустройство, соблюдение тишины и покоя в ночное время, исполнение должностными лицами поручений городских властей и депутатов, контроль за выполнением земляных работ, содержание фасадов, дворов, дорог. Предусмотрены 17 штатных работников, которые непосредственно наблюдают на местах за положением дел, составляют протоколы. Однако непосредственно воздействовать на нарушителей муниципальные милиционеры не могут, и их полномочия ограничиваются только фиксацией нарушения, профилактическими беседами, составлением протоколов, которые потом рассматривают административные комиссии. Как представляется, вряд ли уместно такое подразделение именовать «милицией». Это скорее контрольный орган, функции которого и без того предусмотрены законодательством и реализуются местными администрациями, но несколько в иных организационно-правовых нормах.

В другом предложении в виде законопроекта [10] (внесен группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ во главе с С.М. Мироновым) предусматривается создание муниципальной милиции как самостоятельного муниципального органа, при этом начальник милиции избирается населением и подчиняется непосредственно главе муниципального образования. Указывается, что муниципальная милиция – это вооруженная (военизированная) организация, которая имеет специальные средства, огнестрельное оружие, специальную полицейскую технику. Круг задач следующий: охрана общественного порядка; профилактика преступлений и административных правонарушений; предупреждение и пресечение преступлений; производство по делам об административных правонарушениях; оказание помощи гражданам, должностным лицам, организациям и общественным объединениям в осуществлении их прав и законных интересов. Наиболее жесткое полномочие – право задерживать нарушителей и доставлять их в федеральные органы полиции.

Представляется, что этот проект далек от реальности уже только по финансовому фактору и может рассматриваться не иначе как дальняя перспектива. Кроме того, очевидно, что наличие в одном и том же муниципальном образовании (районе или городе) двух одновременно и параллельно действующих независимых силовых структур по охране общественного порядка и противодействию преступности не может привести к нужному результату. Не следует забывать, что и в царский период, и в Советском государстве, и в современной России нет опыта функционирования муниципальной милиции как самостоятельной силовой структуры. К тому же в настоящее время в муниципальных образованиях столько разного рода социальных, жилищно-коммунальных и прочих проблем, что при хронической нехватке финансов возложение столь крупной и ответственной задачи будет просто непосильным делом.

Мы полагаем, что в настоящее время нет даже самых необходимых условий для формирования в муниципальных образованиях муниципальной милиции в указанном виде, соответственно, мы считаем, что органы местного самоуправления не могут иметь полномочий применять меры принуждения – это должно оставаться прерогативой федеральных силовых органов. Вместе с тем, органы местного самоуправления не должны оставаться в стороне от функции охраны общественного порядка, поскольку такая функция имманентно присуща местному самоуправлению, полноценное самоуправление немислимо без возможности удовлетворения потребности населения в должном общественном порядке. Мировая практика также свидетельствует, что действенная охрана общественного порядка возможна лишь при активном участии местного самоуправления как наиболее близкого к гражданам уровня публичной власти. И в этом смысле отмеченная выше конституционная норма сомнений не вызывает. Однако ее реализацию целесообразно регулировать иначе, чем в действующем Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

На наш взгляд, при формулировании соответствующих вопросов местного значения нуж-

но применять подход, который использован при регулировании взаимодействия органов местного самоуправления и других силовых структур (например, «участие в профилактике терроризма...», «участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций...»). Кроме того, целесообразно объединить вопросы местного значения, касающиеся участия органов местного самоуправления в охране общественного порядка, в один вопрос местного значения. При таком подходе понятие «муниципальная милиция» упраздняется.

Таким образом, вопрос местного значения в п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предлагается изложить в следующей редакции: «участие в организации охраны общественного порядка на территории муниципального района (городского округа); оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин; предоставление служебных помещений для работы участкового уполномоченного полиции; предоставление служебного жилого помещения для участкового уполномоченного полиции и его семьи» (мы полагаем, что институт служебного жилья был ликвидирован в нашей стране без достаточных на то оснований и его необходимо восстановить). Соответственно вопросы местного значения, определенные в пп. 8.1, 8.2 ч. 1 ст. 15 и пп. 9.1, 9.2, 37 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», следует исключить. Кроме того, в ст. 35 указанного закона следует закрепить исключительное полномочие представительного органа муниципального района (городского округа) утверждать в должности руководителя полиции общественной безопасности на своей территории, кандидатуру которого представляет начальник районного (городского) ОВД. Что касается федерального закона о муниципальной милиции, на наш взгляд, в обозримом будущем в силу изложенных выше причин данный вопрос не является актуальным.

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30 дек. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2016).

2. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 14 дек. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2016).

3. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»): указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 12 сент. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2016).

4. О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации: указ Президента РФ от 12 февр. 1993 г. № 209 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 562.

5. О милиции: закон РСФСР от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28 авг. 1995 г. № 154-ФЗ // Рос. газ. 1995. 28 авг.

7. О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка: указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 802 // Рос. газ. 1996. 7 июня.

8. О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления: указ Президента РФ от 17 сент. 1998 г. № 1115 // Рос. газ. 1998. 23 сент.

9. Об утверждении Положения об Управлении муниципальной милиции Администрации города Ижевска: распоряжение администрации города Ижевска от 13 февр. 2015 г. URL: http://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_37946_1.pdf (дата обращения: 30.04.2015).

10. Муниципальная милиция в Российской Федерации: проект федерального закона фракции политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе / С.М. Миронов, М.В. Емельянов, В.М. Зубов и др. М., 2015.

1. On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: fed. law d.d. Oct. 6, 2003 № 131-FL (as amended on Dec. 30, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 28.02.2016).

2. On police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL (as amended on Dec. 14, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 28.02.2016).

3. Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (together with «Regulation about the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»): decree of the President of the Russian Federation d.d. March 1, 2011 № 248 (as amended on Sept. 12, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 28.02.2016).

4. On the public safety militia (local militia) in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Febr. 12, 1993 № 209 // Coll. of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. № 7. Art. 562.

5. About militia: law of the RSFSR d.d. Apr. 18, 1991 № 1026-1 // Bull. of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1991. № 16. Art. 503.

6. About general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: fed. law d.d. Aug. 28, 1995 № 154-FL // Rus. newsp. 1995. Aug. 28.

7. On the gradual forming of municipal bodies of public order protection: decree of the President of the Russian Federation d.d. June 3, 1996 № 802 // Rus. newsp. 1996. June 7.

8. About carrying out in some municipalities of the experiment on the organization of protection of a public order by local government bodies: decree of the President of the Russian Federation d.d. Sept. 17, 1998 № 1115 // Rus. newsp. 1998. Sept. 23.

9. On approval of the Regulations on the Department of the municipal militia of the city Administration of Izhevsk: order of the Izhevsk city administration d.d. Febr. 13, 2015. URL: http://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_37946_1.pdf (date of access: 30.04.2015).

10. Municipal militia in the Russian Federation: draft Federal law of the faction of the Political party «Justice Russia» in the State Duma / S.M. Mironov, M.V. Emelyanov, V.M. Zubov, et al. Moscow, 2015.

Семёнова Екатерина Геннадьевна
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79787736361)

Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа

В статье на основании такого исследовательского инструмента, как интервальная методология, категория «недвижимость» рассматривается в различных интервалах абстракции: физическом (материальном), экономическом, социальном, юридическом (правовом). На основе полученных таким путем взаимодополняющих и непротиворечащих знаний дано понятие недвижимости как правовой категории, определяющей интегративное качество и атрибутивные признаки всей системы отношений в сфере недвижимости.

Ключевые слова: интервальная методология, недвижимость, правовая категория, правовой режим.

E.G. Semenova, Master of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787736361.

Real estate as a legal category: the experience of the interval analysis

In the article on the basis of such a research tool as interval methodology category of «real estate» is viewed at different intervals of abstraction: physical (material), economic, social, juridical (legal). Based on the complementary and not contradictory knowledge thus obtained given to the concept of real estate as a legal category that defines integrative quality and attribute symptoms entire system of relations in the sphere of real estate.

Key words: interval methodology, real estate, legal category, legal regime.

Недвижимость как элемент правоотношения относится к категории объектов прав. По поводу недвижимости складываются отношения собственности, иные имущественно-правовые отношения, недвижимость выступает объектом целого ряда обязательств. В связи с этим при изучении правового регулирования отношений в сфере недвижимости рассмотрение вопроса о правовой природе недвижимости занимает центральное место.

В теории отмечают различные свойства и признаки недвижимости, которые позволяют ученым рассматривать недвижимость с разных точек зрения (в основном с правовой, экономической, реже с социальной и иных). В то же время основная проблема подобных исследований заключается в том, что они являются лишь некой гранью познания целого, не позволяют установить полную сущность объекта. Кроме того, при изучении отдельных отношений в сфере недвижимости учеными рассматривается достаточно широкий спектр проблем, что приводит к появлению противоположных выводов о природе недвижимости.

Познание сути объекта – в данном случае недвижимости как гражданско-правовой категории – требует его рассмотрения в контексте многомерности и глобальных связей. Это становится возможным посредством использова-

ния такого исследовательского инструмента, как интервальная методология.

Интервальный подход является важнейшим элементом особого стиля мышления, связанного с применением многомерного подхода к постижению структуры реальности в целом, а также к любым ее составляющим. Использование интервальной методологии в исследовании правового регулирования отношений в сфере недвижимости позволяет рассматривать категорию недвижимости в различных интервалах абстракции: физическом (материальном), юридическом (правовом), социальном, экономическом и пр. Полученные таким путем взаимодополняющие и непротиворечащие знания о многомерности данной категории, определяющей интегративное качество и атрибутивные признаки всей системы отношений в сфере недвижимости, позволяют глубоко осмыслить природу проблем правового регулирования отношений в данной сфере и разработать научно обоснованные рекомендации по их решению [1].

Так, понимание категории недвижимости невозможно без понимания ее материальной основы. В международных стандартах оценки недвижимости определяется как земельный участок и все вещи (things), которые являются естественной частью земельного участка (на-

пример, деревья и полезные ископаемые), все вещи, которые присоединены людьми к этому участку (например, здания и улучшения территории), а также все долговременные элементы обустройства зданий (как подземные, так и надземные, такие как системы электропроводки и инженерные установки), которые обеспечивают здание коммуникациями [2].

В отечественных землеустроительных источниках под недвижимостью понимается «физический участок земли и относящиеся к нему выполненные человеком улучшения (в том числе постройки; наземные участки, а также прочно связанные с ним объекты (почва, замкнутые водоемы, кустарники, здания, строения, сооружения и др.), перемещение которых без несоразмерного ущерба невозможно» [3, с. 552]. Как единство трех элементов – земельного участка, его улучшений и принадлежностей – рассматривает недвижимость с материальной точки зрения и отечественная судебная практика, правовая доктрина [4; 5; 6; 7].

Земельный участок является основой недвижимости, ее источником и исторически первой формой. Характерным признаком земельного участка как объекта отношений является его территориальная ограниченность, обусловленная тем, что землю нельзя физически уменьшить, расширить, создать. Как поверхность земной коры и основа ландшафта земля не может быть перенесена человеком с одного места на другое, т.е. земельный участок является абсолютным недвижимым природным объектом, по сравнению с расположенными на нем зданиями, сооружениями и другими объектами, недвижимость которых является относительной.

Подобная относительность обусловлена тем, что земельный участок физически без зданий, сооружений может существовать самостоятельно, однако представить самостоятельное функционирование здания, сооружения в отрыве от земельного участка невозможно. Поэтому любые произведенные с земельным участком строительные изменения, в том числе построенные на нем здания и сооружения, с материальной точки зрения считаются улучшениями земельного участка, его составными частями.

Природа подобных улучшений находится в прямой зависимости от природы земельного участка. В частности, непосредственная физическая связь земельного участка и построенных зданий, сооружений определяет перенос соответствующих свойств земельного участка (в том числе ограниченность и неперемещаемость) на такие объекты. Иными словами, определенные особенности земельного участка накладывают определенные особенности на улучшения, произведенные с ним.

Кроме улучшений в состав недвижимости входят также принадлежности – объекты, которые не создаются непосредственно на земле, но являются неотъемлемой частью единого объекта недвижимости и следуют его судьбе. Это, в частности, объекты, которые по своей первоначальной природе являются движимыми, но использование которых данным способом возможно лишь в связи с земельным участком (урожай на корню, водопроводы и т.д.). Законодательство ряда стран (ФРГ, Франция) прямо относит названные объекты к составу недвижимости.

Таким образом, недвижимостью в силу объективных факторов является земельный участок, независимо от того, размещено на нем то или иное имущество. Все объекты, размещенные на земельном участке, с материальной точки зрения являются его улучшениями или принадлежностями.

Подобный подход к недвижимости был известен еще доктрине римского права [8, с. 148] и получил свое развитие в некоторых правовых порядках зарубежных стран, где под недвижимостью понимается земельный участок, а находящееся на нем имущество рассматривается либо как принадлежность земельного участка, либо как составная часть земельного участка как комплексного объекта (Германия, Италия, Польша, Эстония, Хорватия, Нидерланды, Швейцария и др.).

Итак, анализ категории недвижимости в физическом интервале абстракции позволяет выявить следующую ее сущностную характеристику: недвижимость – это земельный участок с соответствующими улучшениями или принадлежностями либо без таковых.

Определение сущности недвижимости только с материально-вещественной стороны имеет важное значение во многих отраслях знаний, но явно недостаточно и далеко не исчерпывает всей совокупности признаков, свойственных его содержанию. Общественные отношения группируются в соответствии с социально-экономическим базисом, назначением, определяемым в конечном итоге потребностями участников этих отношений. Поэтому важным является рассмотрение недвижимости с точки зрения экономической и социальной концепции.

Экономическая теория вводит недвижимость в систему своего научного интереса, выделяя в ней специфические свойства, вокруг которых моделируются различные виды экономической деятельности. С точки зрения экономистов, недвижимость – это не только благо (товар) [9; 10], это и капитал, «сросшийся с землей» [6]. Это означает, что ценность и стоимость недвижимости обусловлена ее непосредственной зависимостью от земли.

Так, в фундаментальных трудах Д. Фридмана и Г. Харрисона, на которых базируются теория и практика оценки недвижимости, установлено, что недвижимостью является «земля как физический объект и все, что с ней связано (находится на ней)» [11, с. 32], «любое имущество, состоящее из земли, а также зданий и сооружений на ней» [12, с. 75].

Анализ основных теоретических подходов к исследованию недвижимости как экономической категории [10, с. 24-25; 13, с. 16–18; 6] позволяет установить следующие обусловленные связью с землей характеристики недвижимости.

1. Стационарность, т.е. невозможность перемещения объектов без существенного изменения их свойств. Следует отметить, что с экономической точки зрения стационарность недвижимости является не только и не столько физической, поскольку ряд объектов все же может быть перемещен без видимых потерь. Невозможность перемещения связана с изменениями эксплуатационных возможностей: возможность подъезда, расстояние от жилья, окружающая среда и т.д. Так, например, дача, расположенная внутри промышленной застройки, перестает соответствовать своему функциональному назначению и теряет свою полезность и стоимость.

2. Ценность объектов недвижимости. Данная характеристика вытекает из предыдущей и обусловлена тем, что из-за определенной связи с землей каждый объект недвижимости уникален, при этом фиксированность местоположения влияет на его потребительские свойства. Именно местоположение недвижимости определяет ее ценность, стоимость, возможность инвестирования. Стационарность недвижимого имущества может поднять ценность и полезность объекта и, наоборот, снизить его стоимость: географическое положение недвижимости, климатические особенности региона и т.д. играют важную роль в формировании недвижимости как экономического блага. Таким образом, ценность недвижимости предопределяется ее использованием по назначению.

Следует отметить, что уникальная ценность недвижимости определяет и возможность участия в гражданском обороте зданий, сооружений и других объектов только в неразрывной связи с земельным участком, на котором они находятся. Земельный участок сам по себе имеет уникальную ценность, связанную с его местоположением, назначением и трудом, затраченным на его освоение. Имеющиеся на земельном участке здания и сооружения могут значительно увеличить ценность участка, но сами по себе они без участка, на котором расположены, могут быть абсолютно бесполезны

и иметь ценность только с позиции их дальнейшего использования в качестве материалов при сооружении других объектов [14, с. 22].

В связи с этим отнесение созданных на земельных участках объектов к недвижимости должно определяться тем, могут ли они функционально служить своему назначению при условии их соединения с каким-либо участком. Подобные высказывания существуют и в отечественной правовой доктрине [15, с. 334].

3. Долговечность объектов недвижимости и продолжительность их сооружения. Будучи созданными, объекты недвижимости в течение длительного времени находятся в сегменте предложения – как в качестве товаров, предлагаемых к продаже, так и в качестве «потенциального» предложения. Исходя из этого признака, не может считаться недвижимостью, например, сооружение, возведенное на определенный недолгий срок.

4. Сложность объекта недвижимости. Значительной особенностью недвижимости как товара выступает количественное несоответствие качественных характеристик объекта. Так, например, такой объект недвижимости, как здание, в физическом (материальном) значении может содержать множество объектов различного содержания, в том числе и помещений. В то же время здание может выступать как единая единица товара при его приобретении в собственность.

5. Ограниченность объектов недвижимости. В принципе, ограниченность является признаком, характерным для любого экономического блага, и отличает его от блага неэкономического, т.е. такого, присвоение и потребление которого не связано с особыми затратами в связи с его широкой доступностью (неограниченностью). Особенностью земельных участков, составляющих основу недвижимости, является их высшая степень ограниченности, абсолютная ограниченность их предложения. Земельные участки привязаны к особенностям строения земельной поверхности, операции по изменению их свойств ограничены; создание же новых земельных участков невозможно. Из постулата ограниченности земельных ресурсов следует, что появление объектов недвижимости возможно до тех пор, пока не будут использованы соответствующие земельные ресурсы.

6. Капиталоемкость объектов недвижимости. Создание объектов недвижимости требует значительных затрат, в то же время недвижимость является одним из тех товаров, стоимость которых может возрастать с течением времени. Данная характеристика недвижимости как товара оказывает определенное влияние на участие объектов недвижимости в отношениях по

передаче объекта во владение и пользование в рамках вещных и обязательственных прав.

Исходя из указанных признаков, можно сделать вывод, что для определения земельного участка и иных объектов, расположенных на нем, недвижимостью следует учитывать не только их физическую (материальную) природу, но и экономическое значение (размещение на земле в определенном месте). Товаром (благом) недвижимость становится не только в силу своих физических свойств, а потому, что субъекты, учитывая эти свойства, вступают между собой по поводу данных вещей в отношения, что придает данным вещам значение товара.

Таким образом, анализ, проведенный в рамках экономического интервала абстракции, позволяет сделать вывод, что недвижимость – это благо, стоимость которого определяется ценностью земли и обусловленными связью с ней характеристиками (стационарность, уникальность, долговечность, сложность, ограниченность, капиталоемкость) объектов, расположенных на ней.

Ценность недвижимости определяет не только ее экономическую, но и социальную привлекательность. Так, с социальной точки зрения недвижимость рассматривается как определенное благо, способное удовлетворять различные потребности тех или иных субъектов общества, в том числе физиологические, психологические, интеллектуальные и иные. Все, что необходимо человеку для выживания и достойного существования, он получает в конечном итоге от земли. Кроме того, владение недвижимостью является престижным в общественном сознании и необходимо для формирования цивилизованного среднего слоя общества [16].

В экономическо-социальном отношении предмет признается благом при наличии и совпадении следующих четырех условий: наличие потребности субъекта; наличие свойств предмета, которые делают его годным быть поставленным в причинную связь с удовлетворением этой потребности; познание субъектом этой причинной связи; возможность распоряжаться предметом таким образом, чтобы действительно употреблять его для удовлетворения этой потребности [17]. Предмет только тогда становится благом, когда совпадают эти четыре условия, но если отсутствует хотя бы одно из них, то предмет никогда не может стать благом.

Как объективная реальность объекты могут существовать сами по себе, независимо от сознания человека, однако объектом отношений они становятся, вступая во взаимодействие с субъектами. В связи с этим как социальная категория недвижимость, объективно обладая

такой характеристикой, как ценность, является благом, средством удовлетворения потребностей субъектов общества при условии фактического обладания субъектом такой недвижимостью (объективный фактор) и осознания возможности употреблять ее для удовлетворения своих потребностей (субъективный фактор).

С учетом изложенного в социальном интервале абстракции недвижимости следует рассматривать как определяемое ее ценностью объективно и субъективно пригодное средство удовлетворения потребностей социальных субъектов.

Ценность недвижимости означает необходимость, значимость, важность определенных свойств этого объекта, что определяется их включением в сферу человеческой жизнедеятельности. При этом недвижимость приобретает экономическо-социальную ценность только при приобретении правовых признаков – совокупности юридических и качественных признаков, формирующих определенные правомочия субъектов посредством управления юридической судьбой конкретных видов объектов. Таким образом, правовым средством реализации интересов, а также удовлетворения потребностей служит субъективное право.

Принадлежащая правомочному субъекту в соответствии с законом возможность определенного поведения и ее использование позволяют ему достичь цели, ради которой он вступает в правоотношения, т.е. удовлетворить соответствующую потребность [18, с. 12–19]. Социально-имущественное благо в результате гражданско-правового регулирования процесса удовлетворения социально-имущественной потребности делается объектом субъективного гражданского права [19, с. 26].

Таким образом, физические, экономические и социальные характеристики недвижимости определяют ее интегрирующую роль в качестве объекта различного спектра гражданско-правовых отношений по владению, пользованию, распоряжению недвижимостью.

Исследование любого объекта правовых отношений должно строиться с точки зрения влияния права на общественные отношения, а не материальной составляющей объекта, которая без наличия правовой формы не входит в предмет познания юриспруденции. В связи с этим при исследовании недвижимости как объекта гражданско-правовых отношений следует учитывать, что с юридической точки зрения недвижимость рассматривается не как определенный материальный (физический) объект, а как объект, относительно которого установлен правовой режим.

Правовой режим недвижимости выступает правовой формой определенных обществен-

ных отношений, которые складываются между субъектами по поводу (в связи) особых объектов (недвижимости). Именно в правовом режиме недвижимости усматривается ее значение как категории объекта гражданских прав.

Недвижимость включена в правовое поле в действующем российском законодательстве, прежде всего, через нормы Гражданского кодекса РФ. В то же время закрепление понятия недвижимого имущества на законодательном уровне не решает вопрос однозначного определения объектов, в отношении которых возможно установление правового режима недвижимости. Это подтверждает как неоднозначная судебная практика по регулированию отношений в сфере недвижимости, так и разногласия по этому поводу в доктрине гражданского права.

В частности, в современной цивилистике не достигнуто единого понимания недвижимости как правовой категории. Существуют различные правовые теории недвижимости, однако вряд ли их можно считать совершенными, учитывая их ориентацию, как правило, на одну из существенных характеристик категории недвижимости – либо на связь с землей, либо на государственную регистрацию прав на недвижимые объекты.

Считаем, что критерий разграничения движимых и недвижимых вещей как объектов гражданских прав необходимо искать не в их природных свойствах и не в признаках, привнесенных правом, в частности в государственной регистрации прав. Главной отличительной чертой, позволяющей отграничивать вещи друг от друга, является правовой режим, устанавливаемый исходя из материальной, экономической и социальной сущности недвижимости.

Юридически значимые качества вещи во многом определяются отношениями, которые складываются по поводу этой вещи. С позиции права важна не сама вещь «как совокупность физических и химических характеристик», а

правовое значение, придаваемое этому объекту в силу позитивного права, которое и воплощается в субъективных правах и обязанностях [20, с. 140–150]. Именно правовой режим позволяет отграничить объекты в их естественном состоянии от объектов в правовом смысле и обеспечивает регулирование переходов объектов из натурального состояния предметов в правовое состояние (статус) объектов. Это проявляется в статике имущественных отношений, через абсолютные конструкции права собственности, а также производные вещные права. Таким образом, недвижимостью в гражданском праве должно признаваться не любое имущество, отвечающее признаку связанности с землей, а только то, которое может быть объектом гражданских прав, на которое может быть установлено право собственности и иные права.

Таким образом, проведенный анализ категории недвижимости в правовом интервале абстракции позволяет выявить следующую сущностную характеристику недвижимости: это объекты, в отношении которых установлен соответствующий правовой режим.

Итак, с учетом анализа сущности недвижимости в физическом, экономическом, социальном и правовом интервалах абстракции можно сформулировать следующее интегрирующее понятие недвижимости как правовой категории: это объекты, в отношении которых, исходя из их физической (материальной) природы, экономической ценности и социальной значимости, установлен соответствующий правовой режим.

Именно такое понимание недвижимости как правовой категории позволяет, на наш взгляд, получить комплексное многомерное научное знание, избежать однобокости научно-теоретического осмысления природы соответствующих правовых отношений и связанных с этим проблем их нормативного регулирования.

1. Семёнова Е.Г. Системный подход и интервальная методология как методологическая основа исследований правового регулирования отношений в сфере недвижимости // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 3(33).

2. Международные стандарты оценки. 2011. М., 2011.

3. Нагаев Р.Т. Недвижимость: энцикл. словарь. Казань, 2000.

4. Постановление Президиума ВАС от 28 мая 2013 г. по делу № 17085/12. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_5939eec9-978a-4bdc-bb73-6eb874fb44ea

1. Semenova E.G. A systematic approach and interval methodology as a methodological basis of research of legal regulation of relations in the sphere of real estate // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2016. № 3(33).

2. International valuation standards. 2011. Moscow, 2011.

3. Nagaev R.T. Real estate: encyclopedic dictionary. Kazan, 2000.

4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation d.d. May 28, 2013, case № 17085/12. URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_5939eec9-978a-4bdc-bb73-6eb874fb44ea

5. Решение Новомосковского городского суда от 5 марта 2015 г. по делу № 2-153/2015. URL: <http://rospravosudie.com/court-novomoskovskij-gorodskoj-sud-tulskaya-oblast-s/act-470033746/>
6. Гриценко Е.А. Рынок недвижимости: закономерности становления и функционирования (вопросы теории и методологии). Харьков, 2002.
7. Калиниченко К.С. Здания и сооружения как составные части земельного участка. Сравнительный анализ по российскому и германскому праву // Закон. 2014. № 12.
8. Римское частное право: учеб. / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1994.
9. Горемыкин В.А. Экономика недвижимости: учеб. М., 2010.
10. Асаул А. Экономика недвижимости: учеб. для вузов. 3-е изд. СПб., 2013.
11. Харрисон Г. Оценка недвижимости: пер. с англ. М., 1994.
12. Фридмен Д., Ордвейн Н. Оценка и анализ приносящей доход недвижимости. М., 1995.
13. Коханенко В.В. Рынок недвижимости: состояние и проблемы развития. М., 1997.
14. Масянова Н.Н. Рынок недвижимости: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2002. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: комментарии законодательства.
16. Гриненко С.В. Экономика недвижимости: конспект лекций. Таганрог, 2004.
17. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер / пер. с нем.; под ред. В.С. Автономова. М., 1992.
18. Яковлев В.Ф. Структура гражданского правоотношения как средство обеспечения удовлетворения потребностей // Вопросы гражданско-правового обеспечения интересов потребителей в свете решений XXVII съезда КПСС: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1997.
19. Куфлин А.С. Потребности субъектов и субъективные гражданские права // Право и проблемы юридической практики в сфере имущественных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2009.
20. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998.
5. The decision of the Novomoskovsk City Court d.d. March 5, 2015, case № 2-153/2015. URL: <http://rospravosudie.com/court-novomoskovskij-gorodskoj-sud-tulskaya-oblast-s/act-470033746/>
6. Gritsenko E.A. The real estate market: the theory of establishment and functioning (questions of theory and methodology). Kharkov, 2002.
7. Kalinichenko K.S. Buildings and constructions as integral parts of a land plot. Comparative analysis of Russian and German law // Law. 2014. № 12.
8. Roman private law: textbook / ed. by I.B. Novitsky and I.S. Peretersky. Moscow, 2000.
9. Goremykin V.A. Real estate economy: textbook. Moscow, 2010.
10. Asaul A. Real estate economy: textbook for high schools. 3rd ed. St. Petersburg, 2013.
11. Harrison G. Real estate valuation: transl. from English. Moscow, 1994.
12. Fridman Dzh., Ordvein N. Analysis and evaluation of the income-producing properties. Moscow, 1995.
13. Kokhanenko V.V. The real estate market: state and development problems. Moscow, 1997.
14. Masyanova N.N. The real estate market: questions of the theory and methodology: diss. ... Master of Economics. Moscow, 2005.
15. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (Part One) / ed. by T.E. Abova, A.Yu. Kabalkin. Moscow, 2002. Access from legal reference system «ConsultantPlus»: comments of legislation.
16. Grinenko S.V. Real estate economics: lecture notes. Taganrog, 2004.
17. Menger C. Foundations of political economy // Austrian school of political economy: C. Menger, E. Böhm-Bawerk, F. Wieser / transl from German; ed. by V.S. Avtonomov. Moscow, 1992.
18. Yakovlev V.F. The structure of the civil legal relations as a means of meeting the needs // Questions of civil legal interests of consumers in the light of decisions of XXVII Congress of the CPSU: Interuniv. coll. of sci. papers. Perm, 1997.
19. Kufilin A.S. Needs of subjects and the subjective civil rights // Law and problems of legal practice in the field of property relations: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf. Nizhny Novgorod, 2009.
20. Senchischev V.I. The object of civil legal relationship // Actual problems of civil law / ed. by M.I. Braginsky. Moscow, 1998.

Улаева Наталия Львовна

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612581426)

Правовое обеспечение охраны и защиты авторских и смежных с авторскими прав в России

В статье представлен правовой анализ охраны и защиты авторских и смежных с авторскими прав в России. Рассмотрены формы и способы защиты интеллектуальной собственности на современном этапе российского правового регулирования, описаны виды правонарушений в данной сфере.

Ключевые слова: авторские права, смежные права, интеллектуальная собственность, виды нарушений исключительного права, гражданско-правовые способы защиты прав, административная ответственность, уголовная ответственность.

N.L. Ulaeva, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

Legal ensuring the safety and protection of copyright and rights related to copyright in Russia

The article presents an analysis of the legal protection and the protection of copyright and related rights with the author in Russia. Consider the form and methods of intellectual property protection at the present stage of Russian legal regulation, describes the types of offenses in this area.

Key words: copyright, related rights, intellectual property, types of violations of the exclusive rights, civil-legal ways of protection rights, administrative liability, criminal liability.

С момента принятия в 2008 г. ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] отмечается устойчивый рост числа рассмотренных гражданских дел, связанных с защитой авторских прав и прав, смежных с авторскими. В то же время по сравнению с объемом нарушений в сфере интеллектуальной собственности практика обращений правообладателей в суды с гражданскими исками не имеет широкого распространения. Нормы других отраслей права, в том числе уголовного и административного, защищающие права на объекты интеллектуальной собственности, также на практике применяются редко [2, с. 4–5]. На сегодняшний день ситуация в данной области кардинально не изменилась.

Как известно, охрана авторских и смежных с авторскими прав в России осуществляется посредством юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты субъективного права. Как таковые виды нарушений авторских и смежных с авторскими прав непосредственно установлены в российском законодательстве. Следует подчеркнуть, что использование объекта интеллектуальной собственности возможно только с разрешения субъекта соответствующего субъективного права. В соответствии со ст. 1252 ГК РФ защита исключительных прав

на объекты интеллектуальной собственности осуществляется, в частности, путем предъявления следующих требований:

1. Признание права интеллектуальной собственности, которое осуществляется на основании предоставления истцом доказательств нарушения его субъективного права. Полноценной оценке доказательственных источников препятствует наличие пробелов и коллизий в действующем гражданском законодательстве.

2. Пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Эта ответственная мера может применяться во многих случаях. Однако пресечение действий ответчика только приостанавливает нарушение права, но не компенсирует финансовые потери истца. Поэтому данная мера должна применяться совместно с иными мерами, которые позволяют полностью или частично восстановить либо компенсировать нарушенные материальные интересы.

3. Возмещение убытков. Суд может принять решение о возмещении убытков, взыскании дохода или выплате компенсации по выбору истца и в пользу истца. При этом следует учитывать, что истец может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (реального ущерба и упущенной выгоды), если законодательством или договором не пред-

усмотрено иное. Следует отметить, что сегодня законодательно урегулирован (по объектам гражданских прав в целом и в первую очередь непосредственно по объектам авторского права) весьма сложный механизм стоимостного определения убытков.

4. Изъятие материального носителя в соответствии с п. 5 ст. 1252 ГК РФ – к его изготовителю, импортеру, хранителю, перевозчику, продавцу, иному распространителю, недобросовестному приобретателю.

5. Публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя и нарушителя исключительного права.

6. Выплата компенсации вместо возмещения убытков. В соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. При этом правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

7. Изъятие контрафактных товаров из гражданского оборота происходит по решению суда. Изъятые контрафактные товары подлежат уничтожению без компенсации (п. 4 ст. 1252 ГК РФ), за счет нарушителя (п. 5 ст. 1252 ГК РФ), если законом не предусмотрено их обращение в доход государства.

Защита прав интеллектуальной собственности в России строится преимущественно в соответствии с системой частного права. Однако при нарушении прав интеллектуальной собственности к нарушителю могут быть применены не только гражданско-правовые меры, но и меры, предусмотренные административным и уголовным законодательством.

В соответствии со ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях признаются (далее – КоАП РФ) нарушением авторских и смежных прав [3] такие деяния, как ввоз, продажа, сдача в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода, что влечет наложение административного штрафа с конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения. Админи-

стративная ответственность за правонарушения, связанные с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), предусмотрена ст. 14.10 КоАП РФ.

Следует отметить, что большинство административных правонарушений в рассматриваемой сфере регистрируется таможенными органами, которые регулярно осуществляют работу по их выявлению, пресечению и привлечению нарушителей к ответственности. В частности, Краснодарской таможней на постоянной основе проводится работа по выявлению и пресечению нарушений прав интеллектуальной собственности при перемещении товаров через таможенную границу транспортными средствами. Так, по информации пресс-службы ЦТУ, в связи с подготовкой к проведению Олимпийских игр в г. Сочи в 2014 г. одним из приоритетных направлений деятельности таможенных органов являлась защита Олимпийской и Паралимпийской символики. Работа проводилась совместно с правообладателями и другими контролирующими органами, также был налажен информационный обмен с «Оргкомитетом Сочи 2014». Недооценивать сегодня важность мероприятий, направленных на выявление таких товаров и предотвращение ввоза контрафактной продукции, практически невозможно.

В соответствии со ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] устанавливаются наказания за следующие деяния, признаваемые нарушениями авторских и смежных прав: присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю; незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере; эти же деяния, если они совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в особо крупном размере, лицом с использованием своего служебного положения.

Деяния, предусмотренные ст. 146 УК РФ, признаются совершенными в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышает 100 тыс. руб., а в особо крупном размере – 1 млн руб.

Следует отметить, что уголовные меры за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности предусмотрены в законодательствах большинства стран. Однако степень строгости этих мер различна.

Особо следует подчеркнуть, что в рамках международного сотрудничества и реализации

национального механизма охраны и защиты авторских и смежных с ними прав на международном уровне составляется список приоритетного внимания (PriorityWatchList), список особого внимания (WatchList) и список непрерывного контроля (Section 306) [5, с. 82, 212]. Сегодня Россия входит в список «PriorityWatchList», не смотря на то, что международные сообщества отмечают определенный прогресс в области охраны, соблюдения и защиты прав интеллектуальной собственности.

В целом, подводя итог, следует согласиться с Е.В. Зыковым, подчеркивающим, что защита интеллектуальной собственности является составляющей государственной безопасности. Государство, проводя экономическую реформу, оказалось неготовым к всплеску преступности в данной области общественных отношений. В связи с этим актуальным является исследование механизма взаимодействия мер гражданско-правового, уголовного и админи-

стративного характера для предотвращения и пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, а также эффективности такого взаимодействия [2, с. 68]. При этом следует особо подчеркнуть, что наибольшую эффективность имеют именно гражданско-правовые способы защиты прав и интересов авторов. В то же время существуют проблемы и коллизии в действующем ГК РФ, регулирующем институт авторского права и механизм гражданско-правовой защиты (даже в соотношении с ранее действующим специальным законодательством, утратившим силу с принятием ч. 4 ГК РФ), а широкомасштабных исследований правоприменения и проблем, связанных с непосредственной защитой интеллектуальной собственности, которые позволили бы обеспечить более полную и эффективную охрану и защиту авторских и примыкающих к ним смежных прав, недостаточно.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 28 нояб. 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу от 1 янв. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2016).

2. Зыков Е.В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 2 июня 2016 г. №160-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2016).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2 июня 2016 г. № 162-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2016).

5. Авторское право: сб. ст. URL: <http://Copyright.ru/>, по сост. на 14.04.2012.

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) d.d. Dec. 18, 2006 № 230-FL (as amended on Nov. 11, 2015, with changes came in legal force on Jan. 1, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.06.2016).

2. Zykov E.V. Civil legal protection of intellectual property rights: diss. ... Master of Law. Moscow, 2008.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on June 2, 2016 № 160-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.06.2016).

4. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on June 2, 2016 № 162-FL). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.06.2016).

5. Copyright: coll. of papers. URL: <http://Copyright.ru/>, as of 14.04.2012.

Костюченко Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: nikiv1948@gmail.com)

Кравченко Наталья Александровна

кандидат экономических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com)

Проблемы формирования функций и структуры социальных систем, связанные с нарушением законов социального и государственного управления (на примере МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым)

В статье авторы рассматривают проблемы теории и практики управления, связанные с нарушением научно обоснованного порядка построения структур социальных систем. На основе теории управления предлагается практический вариант оптимизации структуры МРЭО ГИБДД по Республике Крым. Его реализация позволит повысить производительность и эффективность деятельности этого подразделения.

Ключевые слова: социальная система, система управления, функция, система функций, система классификации функций, структура социальной системы, детерминация элементов социальной системы.

N.I. Kostiuchenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com;

N.A. Kravchenko, Master of Economics, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com

Problems of formation of the functions and structure of social systems associated with the violation of the laws of social and public administration (for example, Interdistrict Registration and Examination Department of STSI of the MIA across the Republic of Crimea)

In the article authors study the problems of management theory and practice related to the violation of the science-based order of social system structures construction. On the basis of the theory of management they offer a practical view of structure optimization of Interdistrict Registration and Examination Department of State Traffic Safety Inspectorate of the Republic of Crimea. Its implementation allows to improve the performance and efficiency of the unit.

Key words: social system, management system, function, system of functions, system of functions classification, structure of social system, determination of elements of social system.

Обращаясь к теории и практике управления социальными системами, можно говорить о существовании комплекса нерешенных проблем, которые приводят к их разделению, а зачастую и «разрыву». Особое место в ряду этих проблем занимают проблемы формирования функциональных структур и обособления процессов реализации функций. Они являются основной причиной функционального

дублирования деятельности структурных подразделений.

Проблемы оптимизации структуры социальной системы органов внутренних дел (далее – ОВД) – не исключение. Их существование отмечали многие ученые: Ю.Е. Аврутин, А.И. Александров, Н.В. Бугель, Н.И. Глазунова, А.П. Корнев, В.П. Сальников, В.А. Столярова и др.

Например, Н.И. Глазунова [1, с. 144–145], В.П. Сальников [2, с. 57–58], В.А. Столярова [3,

с. 54], обобщая научные мнения относительно этих проблем, отмечали, что цели (задачи) организации обуславливают функции, а функции определяют структуру органа: «Цели – функции – структуры». При этом Н.И. Глазунова подчеркивала именно «...обусловленность структуры функциями, а не наоборот, как это порой бывает, создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом “придумываем” виды занятий» [1, с. 144–145].

Однако общепризнанная детерминация элементов социальных систем повсеместно нарушается. Сначала создается структурная единица (должность, группа, подразделение), а затем она наделяется функциями, подлежащими реализации. Иными словами, субъектами управления нарушаются законы управления, что приводит к дублированию процессов реализации функций и непроизводительным трудозатратам [4].

Проблему функционального дублирования отмечали многие ученые и практики управления. В связи с этим начиная с 2002 г. в МВД неоднократно проводились мероприятия по оптимизации структуры ОВД, которые не достигли желаемых результатов.

Это подтвердили социологические исследования Ф.В. Лидер, проведенные в ОВД МВД России в 2012 г. 70% респондентов отметили наличие дублирования функций и полномочий; 42% – наличие неоправданной перестройки организационных структур; 47,6% – отсутствие четкого функционального разграничения; 57,7% – необходимость ревизии имеющихся функций [5]. Все сказанное подтверждает тезис о «разрыве» теории и практики управления при формировании функциональных структур ОВД и нарушении законов управления.

Основной причиной этого являются проблемы и противоречия в теории управления и менеджмента, касающиеся определения понятия функций [6, с. 314–315] и их классификаций [4]. Полярность научных мнений по этому вопросу весьма существенна – начиная от определения функции, количественного состава функций, их видов, классификации до полного исключения этих понятий из теории управления.

Полифония научных взглядов приводит к противоречиям мнений: с одной стороны, «отрицание существования функций», а с другой – «общепринятая детерминация элементов социальных систем (цели – задачи – функции – структуры)». При этом у практиков возникает законный вопрос: если нет функций, то как формировать структуру, управлять структурным подразделением, формировать функ-

циональные обязанности, функционально обособливать деятельность подразделений и отдельных должностей? В результате мы имеем бесконечные реформирования структуры министерств, ведомств, организаций, которые не приносят ожидаемых результатов.

Таким образом, проблемы теории и практики управления социальными системами, а именно их разделение, приводят к нарушению базовых законов управления. Их нарушение не только нецелесообразно, но и недопустимо, поскольку по своей природе они объективны и «неподвластны» человеку [1, с. 155, 157]. Последствия этих нарушений наглядно подтверждаются исследованиями Н.И. Глазуновой и нашли свое отражение и в случае создания структуры МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым

Понимание объективности функции управления имеет существенное значение для управленческой деятельности и для преодоления указанных проблем. В объективности управления как социального явления и «независимости» от воли человека нетрудно убедиться, обратившись к истории формирования практики и науки управления. Практика управления возникла за 5000 лет до возникновения теории управления, которая начала формироваться только на протяжении последнего столетия. В то же время присутствие управления мы можем наблюдать с первобытнообщинного строя. Иными словами, управление существовало и до его осознания человеком как объективной реальности.

В связи с этим закономерно вывод о необходимости познания законов управления и применения их в повседневной управленческой деятельности.

Нарушение этих законов ведет к возникновению проблем управления и может привести к разрушению социальной системы. Это наглядно подтверждается историей смены государственных формаций и многими научными мнениями. Например, В.Д. Перевалов полагал: «Функции государства по своей сути объективны. Поэтому у государства нет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или иной функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, ведущие к его разрушению» [7, с. 70].

С учетом сказанного очевидно, что проблемы формирования системы функций и структуры социальной системы объективно связаны с проблемами теории и практики управления и нарушением общепринятых законов социального и государственного управления.

Для того чтобы подтвердить сказанное, обратимся к проблемам управленческой деятельности, существующим в подразделениях МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым.

Вхождение Крыма в правовое поле Российской Федерации предопределило необходимость перерегистрации всех транспортных средств (далее – ТС) Республики Крым. Значительное количество ТС, необходимость выполнить переоформление в кратчайшие сроки и ограниченные возможности по перерегистрации привели к возникновению проблем на этом направлении управленческой деятельности МРЭО г. Симферополя. Попытки оптимизировать процессы переоформления за счет увеличения продолжительности рабочего дня и количества привлеченных инспекторов должных результатов не дали, поскольку формирование структуры МРЭО как разновидности социальной системы изначально было проведено без учета функциональной составляющей и в нарушение общепринятой детерминации структурных элементов.

На эмпирической основе руководством МРЭО был использован опыт регистрации ТС, применяемый в МРЭО ГИБДД г. Москвы. По аналогии для проведения регистрации (перерегистрации) ТС в г. Симферополе было создано 6 «технологических участков» (рабочих мест), которые должны обеспечивать весь процесс: постановку на очередь, осмотр транспортного средства, заявку на оформление документов, подготовку документов, оформление документов и получение документов. При этом детерминация элементов МРЭО как социальной системы не использовалась.

В настоящее время в процессе ожидания своей очереди ежедневно в помещениях МРЭО г. Симферополя скапливается значительное количество заявителей (от 60 до 100 человек). При опросе заявителей установлено, что с учетом ожидания в очередях на всех этапах оформления документов они затрачивают на оформление (переоформление) в среднем от 4 до 5 часов. Такая ситуация обусловлена:

большими объемами обрабатываемой информации;

существующими порядком и технологией обработки информации, которые не позволяют обеспечить перерегистрацию транс-

портных средств при существующих объемах запросов.

Проведенный хронометраж прохождения цикла перерегистрации (регистрации) транспортных средств показал, что он включает 6 технологических этапов, а временные затраты на одного заявителя в среднем составляют:

постановка на очередь (терминал) – 5 минут;

осмотр транспортного средства (заезд, оформление заявления, осмотр, выезд) – до 30 мин;

заявка на оформление документов (терминал) – до 5 мин;

окно подготовки документов – 10–20 мин;

окно оформления документов – 10–15 мин;

окно получения документов – 5–10 мин.

Общее время перемещения заявителя по территории составляет примерно 15 мин. В результате цикл перерегистрации одного ТС с учетом времени перемещения заявителей и транспорта по территории МРЭО ГИБДД в г. Симферополе составляет около 1 часа 40 мин., без учета времени на ожидание в очередях.

Возникшие проблемы при перерегистрации ТС явились результатом нарушения детерминации структурных элементов МРЭО. Сначала были созданы «участки», а потом за ними «закреплены» функции, которые они должны были реализовывать. Это привело к дублированию их деятельности.

На первом участке (постановка на очередь) заявитель на специальных терминалах вводит свои данные и формирует № очереди, дату и время прибытия для «осмотра» ТС.

На втором участке на бланке установленного образца оформляется письменное заявление «На осмотр ТС». При этом вносятся: Ф.И.О. заявителя, дата его рождения и номер телефона; сведения о транспортном средстве: (модель, год выпуска, цвет, регистрационный знак, VIN идентификационный номер, номер кузова и т.д.).

На третьем участке (те же терминалы) заявитель формирует заявку на подготовку документов, вводя те же данные, что и в первом случае.

На четвертом участке «подготовка документов» оформляется заявление на регистрацию (перерегистрацию) ТС. При этом вводятся те же данные на заявителя и ТС, которые уже вводились на предыдущих участках. Одновременно делаются необходимые копии с представленных документов, проводится проверка на предмет выяснения препятствий для оформления ТС (находится в розыске, залоге и т.д.). Заявление распечатывается и подписывается заявителем. В случае перепродажи ТС заполняется

бланк установленного образца, в котором также дублируются данные владельца и ТС.

На пятом участке (оформление документов) проводятся сверка и подписание всех необходимых документов, на основании которых транспортному средству присваивается регистрационный номер.

На шестом участке (выдача документов) происходит окончательная сверка достоверности и полноты документов и выдаются подготовленные ПТС, свидетельство о регистрации ТС и номерной знак.

Как видно, реализация функций, закрепленных за разными участками, многократно дублируется за счет ввода и «переписывания» одних и тех же данных. На это уходит большая часть времени оформления. В результате ввод установочных данных заявителя осуществляется не менее 6 раз, данных на транспортное средство не менее 4–5 раз и т.д.

Таким образом, видно, что создание структуры участков до функционального разделения их деятельности приводит к параллелизму в работе участков.

Если учесть, что при перерегистрации ТС большинство вводимых данных могут быть введены заявителем самостоятельно, как правило, удаленно и ТС уже существуют в БД ГИБДД, деятельность по их вводу вообще является непроизводительными трудозатратами.

Исключить многократное дублирование возможно только при соблюдении законов управления, что предполагает использование детерминации элементов социальных систем и «содержательной системы классификации функций» [1, с. 311–338, 356–358]. При этом процессу формирования структуры должен предшествовать системно-функциональный анализ системы МРЭО как разновидности социальной системы.

Таким образом, при формировании структуры необходимо следовать детерминации «цели – задачи – функции – структуры». Исходя из целей, поставленных перед МРЭО субъектами управления: проведение перерегистрации всех ТС, регистрация нового автотранспорта, обработка обращений граждан и др., – необходимо определить задачи, подлежащие решению, и набор функций (основных и вспомогательных), реализация которых позволит достичь цели МРЭО.

Анализируя необходимые «основные» и вспомогательные функции с точки зрения их содержания и особенностей реализации, субъекты управления должны «обособить» реализацию функций, что приведет к созданию

разных структурных участков. Учитывая существующий опыт работы, подчеркнем, что такое обособление будет связано с «объединением» функций, которые сейчас реализуются на разных участках, т.е. дублируются.

По сути, результатом анализа функций, которые необходимо реализовать для решения задач и достижения целей системы МРЭО, будет построение системы функций, которая представляет собой основу для формирования структурных (функциональных) участков и должностей МРЭО. При этом дублирование деятельности будет минимизировано, поскольку каждое подразделение будет создано на основе уже обособленной функции.

С учетом упомянутых целей, стоящих перед МРЭО, может быть сформирован следующий комплекс задач, которые необходимо решать в процессе оформления ТС: осмотр ТС, подготовка документов, ввод данных и документов в базу данных, подготовка регистрационных документов, присвоение и выдача номерных знаков и правоустанавливающих документов и т.д.

Как видно, большая часть задач связана с информационной деятельностью, которая является результатом реализации информационной функции – общей функции социальных систем. Кроме того, необходимо учитывать и процесс реализации функции организации как общей функции управления.

Реализуя функцию организации деятельности созданных участков, субъекты управления формируют необходимую структуру подразделения, обеспечивают взаимодействие всех созданных участков, обеспечивают порядок «движения» заявителей, транспортных средств, формирование материально-технической базы и т.д. Как видно из приведенного содержания функции организации, дублирование деятельности при ее реализации маловероятно.

Иное дело – реализация информационной функции. Процесс ее реализации предполагает наличие вспомогательных функций (ввод, обработка, вывод информации). Как мы видели, дублирование вспомогательной функции «ввода» информации существует на всех структурных участках (например, ввод Ф.И.О. и других данных заявителя, а также данных на ТС).

С точки зрения системного управления и теории информатики эти данные присутствуют как в документах, представляемых заявителем, так и в базе данных МРЭО (для постоянного пользования) либо в документах, которые будут выданы в результате обращения в МРЭО. В отношении исследуемого в данной статье

примера речь идет, как правило, о повторном обращении в МРЭО, когда первичные данные о заявителе уже существуют в общей базе данных (далее – БД). При этом при формировании запроса по регистрации (перерегистрации) ТС сведения о ТС (модель; год выпуска; цвет; регистрационный знак; VIN идентификационный номер; номер кузова и т.д.) должны вводиться в БД «обособленно», т.е. в отдельные поля, что позволит в дальнейшем оптимизировать процесс поиска и формирования выборки по каждому информационному запросу.

В то же время оптимальная реализация вспомогательной функции «ввода» данных, с точки зрения информатики, предполагает однократный ввод того или иного реквизита БД. Это необходимо для исключения дублирования функции «ввода». Обособление реализации функции «ввода» предполагает формирование отдельного структурного участка, реализующего эту функцию.

Такое формирование структуры исключит дублирование при вводе информации, что на других участках приведет к 4–6-кратной экономии времени, затрачиваемого на эту операцию из-за многократного дублирования функции «ввода». При этом станут «ненужными» пункты оформления заявлений на участке осмотра и другие дублирующие вспомогательные процедуры.

Если учесть, что при проведении перерегистрации все данные на заявителя и ТС уже существуют в БД, они могут использоваться в автоматизированном режиме для формирования документов перерегистрации ТС. Это можно осуществить на основе операции «вывода» Ф.И.О. заявителя и № ТС за счет реализации функции автоматизированного «вывода» всех необходимых данных из БД. Это еще больше сократит затраты времени на подготовку документов.

Таким образом, обособление реализации функций в рамках одного участка позволит оптимизировать деятельность по учету ТС (при подготовке всех необходимых видов документов: заявлений, актов, договоров) и существенно сократит время оформления и трудозатраты сотрудников.

При рассмотрении в качестве примера проблем деятельности МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым как социальной системы можно убедиться в справедливости мнений ученых относительно нарушения законов управления при формировании функциональных структур социальных систем.

Для устранения существующих проблем МРЭО на основе системно-функционального

подхода целесообразно предложить оптимизированную структуру участков регистрации/перерегистрации ТС:

ввод данных заявителя при формировании очереди совместить с вводом данных заявителя в базу данных;

объединить пункты подготовки заявлений на осмотр ТС (участки осмотра ТС и подготовки документов);

в автоматизированном режиме (в том числе удаленном режиме) формировать все виды документов, в том числе заявления, договоры, акты и т.д.;

на пункте осмотра производить только осмотр ТС;

при оформлении документов на основании уже сформированной выборки-запроса производить сверку данных, подготовленных и предъявляемых подлинников, подписание и заверение подлинности необходимых документов и присвоение номерного знака ТС;

на участке выдачи производить передачу заявителю правоустанавливающих документов и номерного знака. Причем после пилотного внедрения предложенной системы рассмотреть вопрос о передаче этих функций на предыдущий участок (объединение реализации функций).

При сопоставлении существующего и предлагаемого порядка регистрации ТС видно существенное сокращение трудо- и временных затрат на весь цикл оформления ТС.

В заключение необходимо отметить, что в регистрации ТС существенное значение имеет и функция информационного обеспечения деятельности МРЭО, которая предполагает создание единой системы информационного обеспечения. Сейчас существующая БД «работает» только по принципу «запрос-ответ», что не позволяет в автоматическом режиме формировать документы, необходимые для осуществления процессов регистрации ТС. В то же время это возможно реализовать за счет дополнения и создания в рамках используемого программного обеспечения встроенной системы автоматизированных рабочих мест, позволяющих автоматизировать ввод информации, осуществлять проверочные запросы и обеспечивать на основе БД формирование необходимых документов в автоматизированном режиме.

В этом случае при перерегистрации ТС, стоящих на учете в МРЭО, можно применить и несколько другой подход к подготовке документов. Используя данные заявителя, вводимые при формировании очереди, можно, при

условии доработки программных средств, автоматизированно формировать любой пакет документов на оформление ТС, а также «передавать» его в нужном объеме на любой участок. Это позволит сотрудникам МРЭО более оперативно работать с заявителем, не обращаясь к БД. После завершения работы на участке оформления и выдачи документов все вновь созданные и обновленные документы могут в автоматизированном режиме загружаться в базу данных с использованием АРМа.

Такой подход к информационному обеспечению позволит совместить участки «подготов-

ки» и «оформления» документов и упростить весь процесс оформления ТС. Алгоритм модернизации программного обеспечения в случае необходимости может быть разработан в кратчайшие сроки.

Подводя итоги рассмотрению проблем формирования структуры функций МРЭО ГИБДД МВД по Республике Крым как разновидности социальной системы, можно говорить, что она сформирована с нарушением законов управления, а ее оптимизация за счет введения встроенных АРМов, позволяющих исключить дублирование, в значительной степени ускорит процесс обработки любых запросов.

1. Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. М., 2004.

2. Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под общ. ред. В.П. Сальникова. М., 2002.

3. Столярова В.А. Функции и оценка труда работников аппарата управления. М., 1995.

4. Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы. Краснодар, 2016.

5. Лидер Ф.В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.

6. Костюченко Н.И. Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе // Общество и право. 2015. № 3(53).

7. Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

1. Glazunova N.I. Public administration: textbook for higher education institutions. Moscow, 2004.

2. Fundamentals of management in the internal affairs bodies: textbook / gen. ed. by V.P. Salnikov. Moscow, 2002.

3. Stolyarova V.A. Functions and evaluation of labour of employees of the executive office. Moscow, 1995.

4. Kostyuchenko N.I. Classification of social systems functions: theoretical and legal framework. Krasnodar, 2016.

5. Lider F.V. Features of using the structural-functional approach in the management of the internal affairs bodies: sociological aspect: auth. abstr. ... Master of Sociology. Moscow, 2012.

6. Kostyuchenko N.I. Problems of theory and practice of management of social systems at the present stage // Society and law. 2015. № 3(53).

7. Theory of state and law: textbook / resp. ed. V.D. Perevalov. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2008.

Куликов Евгений Михайлович

доктор социологических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

Кубякин Евгений Олегович

доктор социологических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

Плотников Владимир Валериевич

кандидат философских наук,
Краснодарский университет МВД России

(e-mail: inkognito13@inbox.ru)

Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества

Авторы исследуют трансформирующееся общество начала XXI в., в котором при высокой скорости социальных изменений обостряются социальные проблемы, не нашедшие эффективного решения на протяжении многих лет. Одной из таких проблем выступает экстремизм, имеющий различные сферы проявления.

Ключевые слова: информация, информационный экстремизм, коммуникационная система, трансформирующееся общество, социальное управление.

E.M. Kulikov, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

E.O. Kubyakin, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

V.V. Plotnikov, Master of Philosophy, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: inkognito13@inbox.ru

Extremism as a social and management problem of transforming Russian society

In the conditions of transforming society in the early XXI century, at the high speeds of social changes exacerbated the social problems, have not found effective solutions for many years. One of such problems is the extremism, with different spheres of manifestation.

Key words: information, informational extremism, communication system, transforming society, social management.

Российское общество начала XXI в. имеет признаки трансформационного. Характер и направленность происходящих социальных изменений свидетельствуют о постепенном переходе к постиндустриальному обществу с доминирующими информационно-компьютерными, микропроцессорными телекоммуникационными технологиями, создавшими основу для генезиса глобального миропорядка. Основой происходящих изменений и в то же время ведущей социокоммуникативной технологией становится интернет-коммуникация, стирающая пространственно-временные границы на планете. Облик коммуникационной системы общества постепенно меняется, все чаще фиксируется

как расширение ее ореола (классические СМИ дополняются инновационными средствами массовой коммуникации), так и нарастание дисфункционально-дезорганизационных тенденций. Создавшиеся условия социальных перемен обостряют системные социальные проблемы. Годами не решаемые, они в эпоху неопределенности и риска заявляют о себе с новой силой, представляя своеобразный вызов обществу. Одной из таких проблем для нашей страны, без сомнения, является экстремизм.

Изменение структуры общества и специфики протекающих в нем процессов находит отражение на уровне индивидуальной рефлексии отдельных людей, а также на уровне научных исследований различного масштаба.

Полученные результаты вплетаются в ткань культуры и определяют характер социальной реальности. Это отражает существенный принцип: познание общества есть одновременно социальный процесс, определяющий структуру дальнейших отношений и взаимодействий. В частности, интенции деятельности отдельных людей, стратегия развития организаций и государственная политика определяются тем, какие основные актуальные принципы развития общества уже получили концептуальное отражение. Чем выше уровень социальной динамики, тем выше вероятность возникновения запаздывания в осознании общественных процессов, в результате чего осознанное регулирование социальной ситуации производится с использованием ее устаревшей модели.

Стоит отметить, что происходящие трансформационные процессы изменяют содержание и направленность проблемы экстремизма. Новые средства и способы коммуникации, упрощение доступа к информационным ресурсам оказали заметное влияние на масштабы распространения экстремизма.

В современном обществе нами отмечаются социальные явления, процессы, тенденции, которые не могут не вызывать беспокойства как в научном сообществе, так и в системе социального управления.

Прежде всего, рост влияния информации, информационных средств и форм в обществе начала XXI в. приводит к энтропии, «захламленности» информацией. В современном социуме возрастает численность ненужной человеку, «фоновой» информации, в результате чего человек утрачивает чувство информационной реальности, разрушаются барьеры восприятия вредоносной, опасной информации (в том числе, антисоциальной). Это всевозможная наружная реклама (а в последние годы – еще и контекстная реклама в Интернете), сообщения радио и телевидения в фоновом режиме (обладающие значительным потенциалом воздействия на сознание), информационно-психологические войны, пропагандистские кампании, всепроникающая интернет-коммуникация. В новых социокоммуникативных условиях создается опасность господства коммуникаторов, представляющих интересы политических и экономических элит, над сознанием людей. Многочасовые сеансы интернет-коммуникации порождают проблему интернет-аддикции, что особенно актуально в среде подрастающего поколения.

Необходимо также подчеркнуть, что в современном обществе непрофессиональные ком-

муникаторы получили доступ к техническим средствам передачи информации массовой аудитории (главным образом посредством Интернета, его возможностей неформальной коммуникации). В том числе такую возможность получили представители криминалитета, радикалы, экстремисты и др. При этом агрессивным коммуникаторам далеко не обязательно иметь собственные страницы, сайты. Для оказания отрицательного воздействия достаточно участвовать в комментариях, свободном обмене мнениями. Кроме того, интернет-троллинг становится достаточно распространенной профессией и увлечением одновременно.

Данную мысль целесообразно проиллюстрировать примером. Так, журналистские материалы в интернет-версиях печатных СМИ допускают возможность их комментирования пользователями. Вот комментарий интернет-пользователя Николая Тарасенко на сайте «Новой газеты», который по своему потенциалу воздействия ничуть не уступает материалам газеты: «Я житель Рыбинска, да не центр, но я люто ненавижу наше государство, ненавижу всей душой, чтоб ваша Москва пропала навсегда в ядерной катастрофе – не пожалею ничего ради этого. Спасибо за внимание, господа правильщики. С уважением, чтоб вы сдохли» [1].

Кроме того, не может не вызывать озабоченность общая аморализация интернет-коммуникации, главным образом вследствие ее обезличенности. Сказывается и общее снижение морально-нравственного, ценностного, духовного уровня российского общества. В результате утрачиваются информационные основы социализации, воспитания. В комментариях интернет-пользователей зло становится добром, добро – злом, справедливость – несправедливостью и т.д.

Приведем типичные комментарии в ответ на новостное сообщение о сбитом водителем-лихачем пешеходе на нерегулируемом пешеходном переходе: «Водитель, конечно же, виноват! Но если бы пешеход посмотрел перед тем, как идти, то его бы не сбили! Твоя жизнь и здоровье зависит только от тебя!» [2]. Аналогичный комментарий постепенно становится универсальным. Происходит оправдание маньяков («нечего их провоцировать!»), умышленных убийц («не совладал с эмоциями, достали»), корыстных преступников («хотелось жить лучше в материальном плане, нормальное человеческое желание»), уличных грабителей («нечего по ночам ходить там, где не нужно») и т.д.

Зачастую агрессивные коммуникаторы оскорбляют, угрожают расправой людям, ко-

торые делают замечания тем, кто пропагандирует идеологию и практику криминалитета, агрессивный стиль вождения на дорогах, криминальные разборки, например: «Пора вычислять по IP этих чертей фейковых и жестко наказывать» и т.д.» [2].

Приведенные нами примеры свидетельствуют о существенной деформации правосознания россиян. Как справедливо отмечают исследователи, особую озабоченность вызывает правосознание современной молодежи. Государство и общество не только не смогли ограничить сферу криминалитета социокультурными барьерами, но и, напротив, позволили элементам криминальной идеологии проникнуть во все сферы жизни социума [3].

Системной проблемой современного российского общества стало распространение слухов в Интернете для достижения деструктивных, антисоциальных целей. С учетом тяжелых социальных последствий воздействия посредством слухов на сознание людей его можно рассматривать как информационно-психологическую диверсию.

Существует устоявшийся алгоритм трансформации слухов из виртуальной реальности в сферу повседневной реальности. В каждом случае виртуальные слухи проходили следующие этапы: 1) зарождение в Интернете (как правило, сначала слухи возникали далеко за пределами того географического района, где впоследствии наносили максимальный урон; в 2007 и 2008 гг. тревожные слухи зародились в Украине; в 2010 г. – в Российской Федерации, за пределами Краснодарского края); 2) разрастание «ареола» распространения слухов в Интернете посредством массового обсуждения на форумах, в чатах, социальных сетях, заметок в интернет-СМИ, блогах; 3) постепенный «импорт» слухов из виртуальной в физическую реальность посредством электронной почты, icq, социальных сетей, мобильной связи, устных межличностных и групповых контактов, сообщений традиционных СМИ и т.д.; 4) достижение «пика» распространения слухов, наличие негативных эффектов влияния слухов на людей – паника, массовый психоз, отклоняющееся поведение; 5) естественное угасание слухов как результат «выработки» смысловой повестки (радиация не подтвердилась, банки выстояли, теракты не состоялись) [4].

Стоит отметить, что условия функционирования системы массовой коммуникации современного российского общества выступают одним из факторов генезиса информационного экстремизма. В этой связи исследователи впол-

не закономерно обращают внимание на то, что экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума изменяет формы своего проявления, все чаще принимая виртуальный характер, зарождаясь и развиваясь в глобальной компьютерной сети, трансформируется в явления объективной реальности посредством социально-групповой самоорганизации. Возникающий тип коммуникации «виртуальная реальность – объективная реальность» позволяет экстремизму, первоначально развиваясь в Интернете, на последующих стадиях выходить за пределы виртуальной реальности и превращаться в различные формы соответствующего девиантного поведения (в политической, религиозной, информационной и других сферах) [5, с. 13].

Стоит отметить, что прогресс информационных технологий меняет характер и направленность многих социальных явлений, процессов современного общества. Расширившиеся возможности приема-передачи информации привлекли внимание лидеров молодежных экстремистских движений и групп. Они заинтересованы в пропаганде, «раскручивании» своих идей, в том числе с помощью псевдодискуссий, обмена мнениями в чатах, на форумах и т.д.

Фактором генезиса и развития экстремизма в современном обществе выступает тот факт, что телекоммуникационные и информационно-компьютерные технологии обладают значительным потенциалом воздействия на несформировавшееся сознание молодежи. Интенсивный аудиовизуальный ряд, насыщенность и презентационность коммуникативного воздействия позволяют влиять на процесс усвоения молодежью социальных ролей, ценностей, идеологий, картин мира. В последние годы все чаще исследователи констатируют наличие антисоциального влияния инновационных коммуникативных технологий на молодежь.

Одним из весомых факторов обострения проблемы экстремизма в современном российском обществе выступает дисфункциональность социализационного процесса подрастающего поколения. В последние годы на передний план выходят стихийные аспекты социализационного процесса, в котором ключевую роль играют Интернет, электронные СМИ, постепенно начинающие институционализироваться и приобретать статус традиционных агентов социализации. В результате данного процесса они нивелируют действие традиционных агентов социализации – семьи

и образовательных учреждений. При этом процесс стихийной социализации практически не контролируется государством и обществом, а информация, сообщаемая школьникам в ходе данного процесса, нередко носит антисоциальный характер и способна привести к дисфункциям в социализационном процессе.

Стоит отметить, что Интернет отличается потенциалом интеграции вертикальных и горизонтальных коммуникативных потоков, прежде всего в плане конкуренции с традиционными масс-медиа. В глобальной сети происходит симбиоз массовой, групповой и межличностной коммуникации. В отличие от традиционных СМИ, нацеленных на производство и распространение информации, ориентированной на массовую диверсифицированную аудиторию, Интернет обладает способностью эффективного удовлетворения информационно-коммуникационных потребностей различных сегментов своей аудитории (как узких, так и широких).

Таким образом, российское общество, находясь в стадии масштабных трансформаций, характеризуется наличием ряда условий для обострения проблемы экстремизма. Нарушение институционального процесса информационного обмена, резкое ухудшение качества информации, рост численности слухов и сплетен приводят к нарушению процесса социализации подрастающего поколения, к распространению дезинформации, мифов, стереотипов, не имеющих никакого отношения к объективной реальности. Однако эти информационные «фантомы» обладают значительным потенциалом деструктивного воздействия на сознание и поведение подрастающего поколения, способствуя, в том числе, развитию экстремизма. В связи с этим первоочередной задачей государственных управленческих структур становится выработка стратегии и тактики противодействия распространению экстремизма в новых условиях.

По этой причине целесообразно принимать во внимание тот факт, что информация, размещенная в Интернете (в том числе и слухи), обладает важным качеством, позволяющим осуществлять ее эффективный социологический анализ, – каждое сообщение точно привязано ко времени. Следовательно, появляется возможность восстановления хронологии распространения слухов в Интернете, выявляе-

ния сферы их первоначального зарождения, исследования пространственно-временного контекста возникновения слухов. Методы математико-статистического анализа позволяют эффективно решать такие исследовательские задачи [4].

В современном российском обществе, на наш взгляд, недостаточно используется потенциал социологической науки в практике социального управления. Особенности опасения вызывает крайне недостаточное обращение к возможностям эмпирической социологии. Вследствие этого не удастся на сегодняшний день установить обратную связь с управляемым объектом на основе полной, научно обоснованной, объективной информации о сути социальных проблем. Именно такая ситуация сложилась с проблемой экстремизма. Изменения социальной среды его существования слабо учитываются в практике социального управления, в результате мы зачастую сталкиваемся с шаблонными или субъективными инструментами противодействия, практически обреченными на неудачу в сложных условиях трансформирующегося общества.

Являясь сложным социально-политическим феноменом, экстремизм противоречит социальной структуре и в то же время сам представляет систему отношений и действий, примером являются радикально настроенные группы населения. Для феномена экстремизма характерны такие проявления, как функционирование деструктивных социальных групп, в то же время проявление экстремизма на уровне индивидуального межличностного общения невозможно. Таким образом, экстремизм представляет собой групповой социальный феномен и может быть познаваем не на статическом уровне криминогенности обстановки, а скорее в каузальной динамике групповых и межгрупповых связей. Для исследования перспективны такие направления изучения экстремизма, как анализ факторов развития проблемы на уровне структуры и социального сознания, при таких условиях отражается культурно-информационная сторона вопроса. Наиболее значимым в рамках исследования выступает анализ состояния общественной структуры, т.к. экстремизм по сути является разрушением структуры социальных отношений.

1. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

2. URL: <http://www.novayagazeta.ru/> (дата обращения: 05.11.2015).

3. Карнаушенко Л.В. Факторы деформации правосознания россиян на современном этапе // Общество и право. 2014. № 2.

4. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2014.

5. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.

1. Upornikov R.V. Political and legal technologies of the counteraction to information extremism in Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2007.

2. URL: <http://www.novayagazeta.ru/> (date of access: 05.11.2015).

3. Karnaushenko L.V. Factors of deformation of legal consciousness of the Russians at the modern stage // Society and law. 2014. № 2.

4. Kulikov E.M. Rumors as an element of network communication in the Internet space of modern Russia: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2014.

5. Kubyakin O.E. Youth extremism in the globalized information and communication environment of social life: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2012.

Нарыков Николай Владимирович
 доктор философских наук, профессор,
 Краснодарский университет МВД России
 (e-mail: nikkuban@mail.ru)

Светиков Сергей Александрович
 Краснодарский университет МВД России
 (e-mail: sociometriya@mail.ru)

Социальное неравенство: от проблемы концептуализации в науке к определению деструктивного потенциала

В статье исследуется социальное неравенство как явление, в котором опосредуется и преломляется связь между личным (естественным) неравенством и принципиальными возможностями социальной реализации собственного потенциала, между социально значимой деятельностью и социальным признанием (вознаграждением) этой деятельности. Авторы указывают, что социальное неравенство представляет собой сложное, противоречивое явление с существенным деструктивным потенциалом.

Ключевые слова: социальное неравенство, экономический потенциал, неравенство в социологии, деструктивный потенциал, механизмы возникновения неравенства.

N.V. Narykov, Doctor of Philosophy, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikkuban@mail.ru;

S.A. Svetikov, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sociometriya@mail.ru

Social inequality: from issues in science conceptualization to definition of destructive potential

The article is devoted to the study of social inequality which is mediated and refracted by the connection between the personal (natural) inequality and the fundamental possibility of social realization of their own potential, as well as mediated and refracted link between social activities and social recognition (reward) of this activity. The authors explain that social inequality is a complex and contradictory phenomenon which contains a considerable destructive potential.

Key words: social inequality, economic potential, inequality in sociology, destructive potential, mechanisms of inequality.

Социальное неравенство в обществе как одна из существенных характеристик его функционирования с древнейших времен воспринимается как данность, однако это еще не делает социальное неравенство прозрачным и понятным в основных формах его функционирования и проявления, тем более это не означает наличие сущностного знания. Общий теоретический интерес к проблеме социального неравенства продиктован тем, что данная проблема находится в центре социологического знания и так или иначе пересекается со всеми остальными. Подобное обстоятельство указывает на то, что проблему социального неравенства следует рассматривать в системном единстве социологического знания.

У данной проблемы есть несколько важнейших теоретических измерений: социально-

философское измерение, связанное с установлением понятия «социальное неравенство» в соответствии с первичной теоретической нагруженностью феномена социального неравенства; социологическое измерение, связанное с прояснением различных функциональных аспектов социального неравенства, а также с соотношением данного понятия с системой базовых категорий социологического знания; практическое (прикладное) и междисциплинарное измерение, связанное с определением того, как социальное неравенство, влияет на различные аспекты жизни общества, в том числе и на те, которые относятся к предметному содержанию междисциплинарных исследований (теоретической основой подобного измерения являются первые два: социологическое и социально-философское).

К основным теоретическим вопросам, так или иначе адресованным к проблеме социального неравенства, относятся следующие: является ли социальное неравенство сущностной характеристикой социальной организации или же это побочный продукт социума; что означает неравенство для развития общества, в каких случаях оно имеет положительное значение, а в каких – отрицательное; каковы механизмы формирования и воспроизводства социального неравенства; что означает социальное неравенство для конкретного человека и как оно воспринимается обществом?

По мере развития социологического знания происходит концептуализация понятия «социальное неравенство». Социальное неравенство представляет собой сложное и многомерное понятие, в связи с этим данное понятие адекватно рассматривать исключительно в рамках какой-либо одной из существующих теоретических моделей [1].

На современном уровне развития социологического знания феномен «социального неравенства», как правило, рассматривается в рамках двух групп теоретических подходов. С одной стороны, это ряд близких по содержанию и методологии теоретических подходов, которые относятся к становлению и развитию классической социологии. Наибольшее влияние на концептуальное определение существенных аспектов социального неравенства оказывают марксистская школа и веберовская традиция социологического знания [2, с. 54–63.]. Большинство теоретических разработок в области исследования социального неравенства так или иначе соотносятся с этими подходами. Положительным результатом является формирование классовых моделей понимания социального неравенства, становление и развитие теории социальной стратификации. Это, в свою очередь, открывает перспективу к исследованию основных характеристик социального неравенства, принципов закрепления и воспроизведения неравенства как самостоятельного социального механизма.

Социальное неравенство на первоначальных этапах социологического исследования воспринимается как самоочевидный факт, поэтому фиксируется в качестве «рабочего понятия», однако по мере определения существенных и определяющих критериев социального неравенства формируется теоретическая дискуссия, феномен социального неравенства постепенно приобретает статус самостоятельного предмета исследования. Так, например, основным критерием социальной стратифи-

кации в марксизме является отношение к собственности, тогда как уже в веберовской традиции предлагается более сложная и разветвленная структура ключевых характеристик социальной стратификации [2]. Это и экономическое положение, и престиж занимаемого положения, и особенности культуры [2]. Определение ключевых характеристик социального неравенства становится актуальной проблемой теоретической социологии.

К другой группе социологических подходов можно отнести современные теоретические подходы к проблеме социального неравенства, которые получают свое концептуальное оформление в русле парадигмы «глобальной социологии» («глобальная социология» Терборна, теории равенства и социальной справедливости Джона Ролза и Амартии Сена и др.).

Общим знаменателем современных социологических концепций является постепенный отказ от стратификационной модели описания социальных процессов и социального неравенства в том числе [2]. Основным параметром различия между классической социологией и «глобальной» является предметная сфера, с которой имеет дело наука об обществе. Общество, как конкретный объект социологического знания, подвержено историческому развитию: претерпевают изменение институциональная структура общества, формы социального взаимодействия, формы социального неравенства, соответственно претерпевают изменение и описательные модели социальной реальности. Классические социологические учения имеют дело с сосуществующими и относительно самостоятельными типами общества, поэтому они исходят из предпосылки универсализма социологических законов [3, с. 185–193]. В связи с этим в поиске устойчивого предметного основания и теоретического единства исследования социальной реальности выходят на уровень всеобщей логики социального развития, выстраивают гипотетические модели, которые экстраполируются на возможные варианты существования и развития общества, что сближает их с социально-философским знанием. Глобальная социология исходит из системного принципа и «глобального общества» как исторической данности, при которой уже нет необходимости в универсализме, который с позиции глобальной социологии оценивается как ошибочный [3]. В глобальной социологии преобладают описательный метод и системный подход. Кроме того, определенное развитие получают идеи и принципы структурализма и постструктурализма как культурного и гумани-

тарного направления, также обнаруживается опора на классическую социологическую теорию, происходит переосмысление содержания базовых социологических принципов, понятий и категорий [4].

Глобальная социология обнаруживает себя как достаточно новое, развивающееся явление в социально-гуманитарном познании. Следует, однако, признать, что именно классическая социология выработала логико-категориальный аппарат, необходимый для теоретического закрепления результатов исследования общества (в том числе и с широким применением эмпирической методологии). Были выработаны основные объяснительные модели социального развития, открыты базовые принципы и законы функционирования социальной системы.

Инвариантным содержанием теоретического рассмотрения проблемы социального неравенства является признание того факта, что неравенство в обществе составляет часть естественного процесса усложнения и, соответственно, дифференциации общества [1]. Развитие общества предполагает распределение труда, функциональных обязанностей, что позволяет на уровне коллективного усилия добиваться решения значительно более трудных задач, тем самым повышая уровень жизнеспособности общества в целом и сообщая ему дополнительные ресурсы для расширения и развития. С точки зрения функционализма распределение труда, дифференциация обязанностей априори предполагают социальное неравенство, обусловленное необходимостью формирования управленческого звена. Происходит распределение членов общества на тех, кто руководит и кто подчиняется [5].

Социальная дифференциация представляет собой сложный процесс, который можно рассматривать с трех позиций; со стороны естественного неравенства между рядовыми представителями общества, которое основано на индивидуальных различиях и умении ими пользоваться; со стороны общества в целом, по мере развития которого возникает необходимость в распределении функциональных обязанностей, где возникает своего рода «социальный заказ», естественная социальная необходимость в тех, кто руководит, и тех, кто подчиняется; со стороны системы факторов и обстоятельств, в силу которых происходит первичное распределение ролей в обществе.

Кроме того, уже здесь можно наблюдать собственно социальные факторы, обуславливающие первичные механизмы социальной дифференциации и не редуцируемые к внешним

основаниям. Гипотетические модели, объясняющие возникновение общества, формирующиеся на заре социологического знания, можно оценивать как попытку экспликации первичной социологической предметности, как основания понимания общества и принципов его организации. Определение общества как самостоятельного предмета научного исследования, а также полагание существования собственно социальных процессов, механизмов и закономерностей, не редуцируемых к предметной области других направлений научного познания, можно считать исходной формой самоопределения социологии в качестве самостоятельной науки [1].

В классической социологии понятие «социальное неравенство» принято определять как неравенство доступа к экономическим ресурсам, к власти и привилегиям в зависимости от принадлежности к той или иной части общества [5]. Таким образом, это неравенство по социальному признаку, в отличие от естественного неравенства, основанного на иных, как правило, природных (биологических, географических), различиях. Теория социальной стратификации в данном случае оказывает наибольшее влияние на концептуализацию социального неравенства. В обществе выделяются «страты», принадлежность к страте является показателем принципиальных возможностей, которыми обладает индивид [5]. Чем выше страта, тем больше возможностей, чем ниже страта, тем возможностей меньше. Принадлежность к той или иной страте определяет социальный статус. Определяющими характеристиками социального статуса являются власть, материальная обеспеченность, престиж в обществе. Понятие «социальный статус» характеризует место в системе, на уровне вертикальной иерархии, тогда как понятие «социальное неравенство» выражает характеристику отношения между элементами социальной системы.

Не существует однозначного ответа на вопрос, возможно ли общество без социального неравенства, большинство социологических концепций согласуются в том, что при равных условиях социальной дифференциации по функциональному основанию возможна различная степень социального неравенства.

Это, в свою очередь, означает, что существует мера социального неравенства, которую можно рассматривать отдельно от социальной дифференциации по функциональному основанию. Существование меры социального неравенства указывает на принципиальные воз-

возможности отклонения в различных диапазонах. Это дает основание полагать деструктивный потенциал социального неравенства в случае, если оно принимает крайнее значение.

Деструктивный потенциал социального неравенства главным образом определяется реальным уровнем неравенства в обществе и уровнем социокультурной обоснованности неравенства как принципа. Собственно деструктивным социальным процессам способствуют или тенденции усиления социального неравенства или при неизменном уровне социального

неравенства ослабление социокультурных факторов, способствовавших его обоснованию и закреплению.

В каждом обществе выстраивается система представлений и оценок относительно того, каков характер и уровень социального неравенства в нем. Общественное мнение не обязательно адекватно выражает действительное состояние социального неравенства. Формирование общественного мнения в данном аспекте может способствовать закреплению социального неравенства или наоборот.

1. Романова Н.П. Социальное неравенство: методологический аспект // *Вестн. ЗабГУ*. 2008. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 07.10.2016).

2. Дорошкевич А.С. Новые основания социального неравенства // *Сборники конференций НИЦ «Социосфера»*. 2014. № 28.

3. Мартыненко Т.С. Глобальная социология г. Терборна: теория социальных неравенств // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 1(29).

4. Щербаклова Л.Н. Социальное неравенство как препятствие на пути становления информационного общества // *Вестн. ВУТ*. 2013. № 2(28). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-kak-prepyatstvie-na-puti-stanovleniya-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 07.10.2016).

5. Гонашвили А.С. Социальная стратификация российского общества // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-stratifikatsiya-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 01.10.2016).

1. Romanova N.P. Social inequality: methodological aspect // *Transbaikal state university journal*. 2008. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-metodologicheskii-aspekt> (date of access: 10.07.2016).

2. Doroshkevich A.S. New foundations of social inequality // *Collections of conferences of Scientific publishing center «Sociosphere»*. 2014. № 28.

3. Martynenko T.S. Global sociology of Therborn: theory of social inequalities // *Bull. of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Political science*. 2015. № 1(29).

4. Shcherbakova L.N. Social inequality as an obstacle to development of information society // *Vestnik of Volzhsky university after V.N. Tatishchev*. 2013. № 2(28). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-kak-prepyatstvie-na-puti-stanovleniya-informatsionnogo-obschestva> (date of access: 07.10.2016).

5. Gonashvili A.S. Social stratification of Russian society // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-stratifikatsiya-rossiyskogo-obschestva> (date of access: 01.10.2016).

Самойлов Сергей Федорович
 доктор философских наук, профессор,
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612583516)

Тимофеева Наталья Ивановна
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +79183514723)

Яблонский Иван Владимирович
 кандидат исторических наук,
 Краснодарский университет МВД России
 (тел.: +78612583414)

Интерпретация жизненной стратегии в экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера и А. Кожева

В статье воссоздается процесс конструирования индивидом проекта собственной жизни, предлагаемый философией экзистенциализма. Авторами делается вывод о том, что жизненная стратегия представляет собой, с одной стороны, явление исторического бытия, с другой – средство его преодоления.

Ключевые слова: жизненная стратегия, экзистенциал, антропологическая онтология, умозрение, миропонимание, образ жизни.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

N.I. Timofeeva, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183514723;

I.V. Yablonsky, Master of History, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Interpretation of vital strategy in existential ontology of M. Heidegger and A. Kojève

The article recreates the process of constructing by individual the project of his own proposed by philosophy of existentialism. The authors conclude that vital strategy on the one hand is the phenomenon of historical existence, on other hand a way of its overcoming.

Key words: vital strategy, existential, anthropological ontology, speculation, worldview, lifestyle.

Философия Мартина Хайдеггера представляет собой пример антропоонтологического обоснования жизненной стратегии. Двигаясь в русле проблематики, сформулированной Платоном, М. Хайдеггер предлагает решение, прямо противоположное решениям, предлагаемым основоположниками объективного идеализма.

Согласно М. Хайдеггеру среди всех видов онтологии наибольшим преимуществом обладает онтология человеческого существования, или фундаментальная онтология. Данное обстоятельство объясняется тем, что все существующие виды бытия даны человеку через его собственный способ существования. Этот способ бытия М. Хайдеггер называет Dasein – «так бытие», поскольку он предзадан индивиду и определяет восприятие им природно-соци-

ального мира. По своей структуре Dasein состоит из особых когнитивно-эмоциональных состояний, которые носят наименование экзистенциалов. Экзистенциалы представляют собой выражение сущности человеческого существования, которое есть не что иное, как «бытие-в-мире», т.е. внутри сущего.

Раскрывая специфику экзистенциалов как особого рода онтологических категорий, Э. Левинас в своей работе, посвященной анализу творчества Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, пишет: «Если сущность Dasein заключается в существовании, то его психологические состояния – это способы соотношения со способностями быть. Это – способы существования, отвечающие на вопрос “как”, они подобны наречиям, относящимся к переходному глаголу “существовать”, они всегда будут анализироваться

одновременно как способы понимания, существования и как действия, посредством которых осуществляется существование. Никогда не следует забывать об этой двойственности. Без нее все исследования Хайдеггера были бы лишь неудобоваримой схоластикой. Хайдеггер называет их экзистенциалами, противопоставляя категориям, всегда относящимся к порядку просто присутствующей вещи, отличающейся от Dasein» [1].

В структурном отношении Dasein устроен следующим образом. Первым и важнейшим экзистенциалом является Забота (Sorge), которая означает, что человек в своей повседневной жизни всегда чем-то озабочен. Характер такой озабоченности разнообразен и включает в себя как переживание о спасении своей души, так и обдумывание предстоящей торговой сделки. Исходным моментом Заботы является экзистенциал Заброшенность (Geworfenheit), которая означает тот факт, что индивид не знает ни момента своего рождения, ни момента своей смерти, зато он всегда привязан к какой-либо ситуации, «вброшен» в нее и вынужден действовать исходя из предзаданных условий. Заброшенность порождает второй момент Заботы – Проект, фиксирующий устремленность человеческого сознания на будущие ситуации и их последствия. Для исследования феномена жизненной стратегии понятие Проекта имеет большое значение, поскольку оно демонстрирует место ее встроенности в человеческий способ существования, а через нее – и в структуру сущего в целом. Необходимость существования жизненного проектирования объясняется М. Хайдеггером временной, темпоральной природой человека, его способностью осмысливать прошлое, действовать в настоящем и предвидеть будущее. Естественно, что Проект невозможен вне рациональной способности человека, поэтому М. Хайдеггер называет Понимание (Das Verstehen) третьим моментом Заботы. При этом Проект и Понимание являются не последовательными, а одновременными моментами Заботы, поскольку жизненное проектирование основано на уяснении сущности происходящих процессов, а мыслительная деятельность предполагает способность индивида абстрагироваться от настоящего и прогнозировать будущее.

Еще одним экзистенциалом является Страх (Angst), выражающий переживания индивида, связанные с ожиданием каких-либо негативных последствий тех или иных событий, ситуаций, процессов. Страх имеет непосредственную связь с Проектом и часто служит причиной

его возникновения, поскольку жизненное планирование во многом определяется желанием избежать той или иной неприятности или угрозы. По своему характеру Страх всегда когерентен и связан с той или иной вещью, т.е. бояться чего-либо определенного: увольнения с работы или приведения. В противоположность этому Ужас представляет собой принципиально иной экзистенциал, поскольку он фиксирует беспредметное беспокойство, вернее переживание потери предметности. М. Хайдеггер определяет Ужас как состояние, когда «почва уходит из-под ног», когда осознается суетность всего сущего, бесплодность всех жизненных стратегий. Таким образом, в системе экзистенциалов Ужас занимает особое положение в силу того, что выводит человека из круга сущего и ставит его перед лицом Ничто. Именно столкновение с Ничто, если человек физически и психически остается живым, позволяет ему раскрыть смысл жизни, который заключается в бытии к смерти. Согласно М. Хайдеггеру система экзистенциалов может переживаться в двух основных модусах человеческого осознания. Первый модус – Dasmann – представляет собой коллективное начало в индивиде, которое связывает его с другими людьми и проявляется, когда он «мыслит, как все», «делает, как все», «отдыхает, как все». Dasmann может быть оценен как положительно, так и отрицательно. Положительное значение Dasmann заключается в том, что он является онтологическим условием возможности культуры и социальной жизни. В свою очередь отрицательная роль коллективного полюса индивидуального сознания состоит в нивелировании человеческой самобытности, творческого начала. Индивид, проживающий свою жизнь в слепом подражании стереотипам мышления и поведения, теряет самого себя. Но такая потерянности не рассматривается М. Хайдеггером как случайная. По мнению немецкого мыслителя, она вполне закономерна и связана с «забвением смысла бытия», который заключается в «бытии-к-смерти». Погружаясь в мир повседневных дел и забот, индивид стремится забыть о своей собственной смерти и пытается забыться в повседневной суете, которая воплощается в Dasmann.

В противоположность Dasmann подлинная экзистенция представляет собой индивидуальный полюс сознания, она характеризуется способностью вырабатывать уникальный стиль жизни. Но открытие человеческого начала происходит, согласно М. Хайдеггеру, только благодаря обращению человека к подлинному

бытию, которое невозможно без столкновения с Ничто и постановки вопроса о смысле существования. Только пережив опыт абсурдности мира, индивид способен отыскать в нем тот способ существования, которому он готов отдать все свое время и все свои силы и который, с его точки зрения, имеет право быть, несмотря на преходящность всего сущего. Немецкий мыслитель отказывается конкретизировать содержание такого образа жизни и полагает, что каждый индивид должен ответить на этот вопрос самостоятельно, без этого экзистенция не может именоваться подлинной. Таким образом, М. Хайдеггер, в отличие от Платона, может быть признан сторонником формального подхода к пониманию жизненной стратегии. Данная позиция, несомненно, сближает его с И. Кантом.

Теперь, когда в целом антропологическая онтология М. Хайдеггера может считаться обозначенной в ее основных моментах, необходимо раскрыть специфику положения жизненных стратегий в ней. Итак, индивид вынужден создавать разумно продуманный план своего существования, исходя из самой структуры человеческого бытия, предполагающий открыться будущему. Однако индивид может избрать две основные линии поведения и планирования жизни. Первая модель предполагает бегство индивида от самого себя и организацию своей внутренней и внешней жизни по внешним образцам. Вторая модель, наоборот, направляет внимание индивида на самого себя и ориентирует его на преодоление мира, а не на приспособление к нему. При этом преодоление мира не следует понимать как разрушение имеющегося социального порядка ради выражения индивидуальности. Напротив, индивид, будучи навсегда привязанным к миру, вынужден жить в нем и поддерживать основные формы его существования, но такое творчество не должно быть фальшивым. Избежать лжи в оценках и образе жизни можно, только обратившись к сущности бытия. Вообще человек настолько является человеком, насколько способен задаваться вопросом о смысле своего существования и давать не только теоретический, но и экзистенциальный ответ на него.

Отсюда следует, что правильный выбор жизненной стратегии есть не что иное, как манифестация подлинного бытия в мире.

Если Платон дает четкие ответы на вопросы о характере нормальной жизненной стратегии и содержании осмысленной жизни, а М. Хайдеггер дает принципиально формальные ответы на эти вопросы, то один из ведущих представи-

телей французского неогегельянства А. Кожев отказывается от резкого противопоставления подлинного и неподлинного человеческого бытия и путей его реализации. Отталкиваясь от важнейших постулатов абсолютного идеализма Гегеля, А. Кожев настаивает на том, что реализация подлинного образа жизни возможна только на основе усвоения основных результатов жизненного опыта человечества, который фиксируется в различных жизненных стратегиях и моделях поведения. Каждая из этих стратегий и моделей поведения содержит в себе моменты абсолютной и относительной истины. Поэтому неподлинное человеческое бытие не есть ложь в чистом виде, это путь к подлинному существованию индивида и общества.

Рассмотрение подлинного бытия и средств его достижения в качестве результатов мыслительных и экзистенциальных усилий многих поколений людей позволяет сделать утверждение, что субъектом реализации жизненной стратегии является не индивид, а идеальный субъект – Абсолютный дух. Тем самым проблема определения жизненной стратегии переводится французским философом из антропологической в онтологическую плоскость. Однако онтология А. Кожева существенным образом отличается от онтологии Г.В.Ф. Гегеля. Так, А. Кожев отказывается от отождествления Абсолютного духа с Богом, полагает, что диалектическое движение возможно только в рамках человеческого существования, отрицает наличие личности как вневременного начала. В результате данных корректировок А. Кожев вслед за М. Хайдеггером приходит к онтологизации и абсолютизации человеческого бытия. Но в отличие от основоположника экзистенциализма он дает историческую интерпретацию экзистенции. Если в самом общем виде у М. Хайдеггера существование человека представлено в виде антропологической структуры, общей для всех культур и эпох, то у А. Кожева она изображается в виде неповторимых событий человеческой истории. В этой ситуации способность индивида раскрыть смысл своего существования определяется тем, способен ли он усвоить основные результаты всемирного исторического развития или нет. В силу данного обстоятельства исторический опыт обретает антропологическую, онтологическую и экзистенциальную значимость, а философия истории превращается в центральную философскую дисциплину, дающую индивиду фактический материал для разработки своей жизненной стратегии. Итак, концепция жизненной стратегии, предлагаемая А. Кожевым, несмо-

тря на наличие в ней сходных онтологических и антропологических аспектов, в целом имеет философско-исторический характер, поэтому ее рассмотрение может служить примером исследования феномена жизненной стратегии в рамках философии истории.

По убеждению А. Кожева, усвоение исторического опыта осуществляется посредством осмысления содержания гегелевской «феноменологии духа». Согласно французскому философу индивид должен вобрать в себя все основные этапы самопознания абсолютного духа, который представляет собой «человечество в целом». Данные этапы фиксируются с помощью так называемых «фигур феноменологии духа», представляющих собой одновременно исторически типы и определенные жизненные стратегии, фиксирующие отношение к миру. Первую фигуру, имеющую отношение к рассматриваемой проблеме, представляют «Господин» и «Раб», различие и взаимосвязь жизненных стратегий которых заключаются в следующем. Господин добивается признания со стороны других людей тем, что рискует своей жизнью на войне, благодаря этому он получает право повелевать теми, кто не решился на такой поступок. Кроме того, он получает право на праздный образ жизни, поскольку постоянно находится перед лицом смерти. Раб выбрал другой жизненный путь. Будучи, как правило, военнопленным, он предпочел жалкое существование смерти и потому обязан удовлетворять потребности победителя. Однако жизненная стратегия Господина оказывается паразитической и инфантильной, т.к. предполагает постоянную зависимость от услуг рабов. В отличие от него жизненная стратегия Раба, связанная с постоянным трудом, позволяет ему добиться независимости от страха перед событиями и проблемами. Обработывая вещи, Раб достигает власти над ними, в то время как Господин является их рабом.

Основная жизненная проблема Раба и Господина – проблема подчинения и господства – разрешается в следующем идеальном типе – в Стоике. Если Раб и Господин нуждаются друг в друге, первый – в руководителе, второй – в слуге, то Стоик обретает опору в самом себе и абсолютно безразличен к внешним обстоятельствам, в частности к своему положению в обществе. В силу данного обстоятельства стоик может быть и царем, и Рабом. Стремясь к внутреннему покою, жизненная стратегия стоика погружает его в мир сознания и переходит в свою противоположность – постоянное беспокойство, характерное для скептического

идеального типа. Имея дело с миром мысли, Скептик не уверен ни в источниках знания, ни в данных органов чувств, ни в разуме. При этом Скептик не достигает своей цели – отрешенности от мира, поскольку он впадает в противоречие: не желая чувствовать, он воспринимает, не желая рассуждать, он мыслит. Данная раздвоенность сохраняется, правда, в несколько ином виде в жизненной стратегии следующего идеального типа – Христианина, который А. Кожев вслед за Гегелем называет «несчастливым сознанием».

Характеризуя христианство, А. Кожев существенным образом отходит от Г.В.Ф. Гегеля, в частности отрицает наличие в христианстве какого-либо трансцендентного момента. В изображении французского философа важнейшей предпосылкой христианской жизненной стратегии служит следующее обстоятельство: «Христианское сознание – “разорванное сознание”. Это мир недовольных, предреволюционный мир, это также мир языка... Трансцендентного мира, по Гегелю, не существует, но теология – не пустое дело, она имеет историческое значение. Ее реальность – это как раз реальность языка (Логос). Язык христианина – это Язык веры, утопии, “идеалов” и заблуждений; т.е. язык этот не раскрывает того, что есть, но созидает (в абстракции) некий идеальный мир, противостоящий миру реальности. Речь... порождается недовольством. Человек говорит о Природе, которая заставляет его страдать и убивает; он говорит о Государстве, которое его угнетает, и он начинает заниматься политической экономией, потому что общественная реальность не совпадает с его идеалом и не “удовлетворяет” его (общество отказывает его единичности во всеобщей значимости). Человек захочет согласовать реальность мира, в котором он живет, с идеалом, который он выражает в своих речах [2].

Из приведенного фрагмента можно сделать следующий вывод об эволюции жизненной стратегии от стоицизма к христианству. Стоик отворачивается от природно-социального мира и обретает почву во внутреннем мире. Скептик, живя в мире сознания, познает его текучесть. Христианин конструирует в нем проект вечного мира, верит в его реальность, но он не выдерживает испытания историей. По этой причине христианин постепенно переходит от созерцания божественного мира к деятельности в мире социальном. Этот процесс весьма длительный, по времени он включает в себя несколько видов жизненных стратегий и соот-

ветствующих им идеальных типов. Характеризуя постхристианский мир в целом, А. Кожев выделяет два основных типа, упорядочивающих всю совокупность фигур феноменологии духа, раскрывающих специфику догегелевского сознания.

Первый из этих типов – Интеллектуал, представляющий собой прямое порождение христианского духа, поскольку проблемами его деятельности являются умозрение и речь. Но если христианское умозрение и речь обращены к трансцендентному миру, то Интеллектуал обращен к Природе и социуму. Но при этом отношение к ним имеет ярко выраженный познавательный характер. Результатом такого отношения к предметности служит то, что главной целью жизненных усилий интеллектуала является Книга. Именно Книга становится тем интеллигибельным пространством, ради которого и в котором живет Интеллектуал. При этом он может принимать самые различные образы: ученого-натуралиста, моралиста, эпикурейца эпохи Просвещения, придворного эпохи Нового времени. Каждый из них создает свою литературную форму: научный или этический трактат, мемуары, панегирик. Все это заменяет индивиду признание со стороны общества. Будучи оторванным от реальной социальной жизни и втиснутым в узкие рамки научного сообщества, литературного салона, королевского двора, интеллектуал создает свой идеальный мир – Книгу, в котором он может одержать победу над любым противником. Однако понимание иллюзорности интеллектуальной жизни порождает в индивиду жажду деятельности. Не имея возможности действовать без поддержки других людей, он разрабатывает план социально-политических изменений и тем самым превращается в идеолога.

Характеризуя специфику идеального типа, отрицающего и одновременно связанного с христианством, А. Кожев пишет: «Человек Пропagанды (в собственном смысле слова), который не действует... (отчужден) от самого себя, поскольку ему кажется, будто он уже не тот, что был, хотя стать другим он мог только с помощью действия. Аналогия с Христианином, который тоже думал, что он уже “другой”, однако недовольство Обществом побуждало его стремиться к Потустороннему, исполненному положительного содержания. Так вот, просветительская... критика Веры и Общества поначалу лишена положительного содержания: Потустороннее ничем не заменили. Идея (положительная) формируется в самом действии. Положительным содержанием критики станет,

уже после Революции, констатация согласия – тут только и достигнутого – Человека и Общества. До появления Критики и Пропagанды Человек соответствовал своему Миру (языческому), но он этого не осознавал. Критика, Пропagанда и Революция приводит его к осознанному противостоянию с Миром (христианским, буржуазным). После Революции согласие восстанавливается, но теперь он уже “конформист”, т.е. осознает свое бытие и доволен им. Итак, революционное отрицание (действенное, посредством борьбы) Общества, являющееся отрицанием самого себя, (как определенного прежним Обществом), завершается примирением преобразованного Человека с самим собой и с Обществом, также преобразованным (Общество = Государство = Исторический Мир)» [2].

Идеология, направленная на тотальную критику асоциальных различий и призывающая к равенству, порождает абсолютное равенство всех перед смертью. По этой причине жизненная стратегия Революционера может быть признана самоубийственной и требующей замены другой социально активной жизненной стратегией – гражданской, главное содержание которой составляют труд и война за признание государства, осуществляющего идею правового равенства. По мысли А. Кожева, правовое государство является подлинной реальностью, не нуждающейся в идее потустороннего мира и в церкви как социальном институте. Индивид, добившийся благодаря своим гражданским и военным достижениям признания со стороны государства и общества, является абсолютно удовлетворенным. Наиболее адекватным реализацией гражданином однородного государства является идеальный тип, завершающий исторический процесс и достигающий конечной цели всех жизненных стратегий, – Мудрец. В отличие от деятельностного гражданина Мудрец в полной мере понимает суть всего происходящего в природном и социальном мире. По этой причине А. Кожев определяет идеальный тип Мудреца следующим образом: «Мудрец – это человек, способный внятно, то есть удовлетворительно ответить на любой вопрос, касающийся его поступков, и ответить так, чтобы совокупность его ответов образовала связанную речь. Или, что то же самое, Мудрец – это человек, обладающий полным и совершенным самосознанием» [2].

С точки зрения А. Кожева, Мудрец принципиально отличается от Философа как идеального типа. Так, если Философ лишь ставит вопросы, то Мудрец на них отвечает. Кроме того, фило-

софствующий субъект осознает свое несовершенство, тогда как Мудрец вполне удовлетворен самим собой. Наконец, только обладатель подлинной мудрости является образцом для подражания, в противоположность ему жизнь Философа служит демонстрацией того, как жить не надо. Отсюда следует, что именно Мудрец, а не Философ представляет собой свое смысловое завершение исторического процесса, снимающее в себе все предшествующие виды жизненных стратегий.

В определении онтологического статуса жизненной стратегии как таковой образ Мудреца имеет принципиальное значение. Представляя собой цель всех образов жизни, он одновременно принципиально отличается от них, поскольку принадлежит не к внеисторическому, а к постисторическому бытию. Постисторическое бытие не следует путать с вечностью, согласно А. Кожеву оно разворачивается во времени, обладая длительно-

стью, но оно неизменно в своей сущности, в нем не происходит ничего принципиально нового. Отсюда можно сделать вывод о том, что жизненная стратегия – это явление исторического бытия, но, вместе с тем, средство его преодоления. Другими словами, Мудрец как осознание правильного миропонимания и образа жизни невозможен вне осознания социального опыта человечества, выраженного в таких исторических типах, как Господин, Раб, Стоик, Скептик, Христианин, Интеллектуал и т.д. В этом отношении Мудрец Г.В.Ф. Гегеля и А. Кожева кардинально отличается от Мудреца Платона и М. Хайдеггера, который имеет вневременной онтологический характер, он может случиться в любую эпоху. В силу данного обстоятельства концепция жизненной стратегии А. Кожева, несмотря на глубокую проработку онтологической проблематики, всецело принадлежит к сфере философии истории.

1. Левинас Э. *Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: Трудная свобода.* М., 2004.

2. Кожев А. *Введение в чтение Гегеля.* СПб., 2003.

1. Levinas E. *Opening existence with Husserl and Heidegger // Sel.: Difficult freedom.* Moscow, 2004.

2. Kojève A. *Introduction to Hegel's reading.* St. Petersburg, 2003.

Городенцев Герман Александрович
кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

Палазян Арутюн Сергеевич
доктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России

(тел.: +78612583414)

Анализ жизненных стратегий индивида в историко-философской концепции А.Дж. Тойнби

В статье анализируется понимание А.Дж. Тойнби модели поведения индивида в кризисные для развития цивилизации периоды. Авторами проводится сравнительный анализ различных подходов к изучению и осмыслению жизненной стратегии (этического, онтологического, философско-исторического).

Ключевые слова: жизненная стратегия, социальное поведение, концепция, футуризм, цивилизация.

G.A. Gorodentsev, Master of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Analysis of vital strategy of the individual in the historical philosophical conception of A.J. Toynbee

The article analyses the understanding by A.J. Toynbee individual behavioral patterns in crisis periods for development of civilization. The authors carried out the comparative analysis of different approaches to studying and understanding of vital strategy (ethical, ontologic, philosophical and historical).

Key words: life strategy, social behaviour, conception, futurism, civilization.

Большинство философско-исторических концепций жизненных стратегий концентрируется на описании и осмыслении собственно исторических моделей социального поведения. При этом чаще всего предлагаемые философско-исторические классификации жизненных стратегий зависят от понимания ритмов исторического процесса. Так, представители цивилизационного подхода полагают, что выбор индивидом линии поведения во многом определяется состоянием цивилизации, в которой он живет. При этом понимание или непонимание логики развития цивилизационного процесса индивидом хотя и не может изменить хода развития истории, но зато способно оказать воздействие на его личную судьбу. Например, О. Шпенглер советовал молодым людям современной ему эпохи выбирать технические, экономические и юридические специальности, но отказаться от самореализации

в науке, философии и искусстве, поскольку для западной цивилизации, по его мнению, началась эпоха заката.

В отличие от О. Шпенглера другой представитель цивилизационного похода – А.Дж. Тойнби – предложил конкретные модели поведения индивида в различные периоды развития цивилизации. Прежде всего, английский философ обращает свое внимание на жизненные стратегии, характерные для важнейших этапов развития цивилизации – ее роста и распада. Для процесса роста цивилизации характерна особая модель поведения индивида, которую Тойнби прослеживает на примере так называемых эталонных личностей (Будда, Конфуций, Давид и т.д.).

Раскрывая сущность данной жизненной стратегии, А.Дж. Тойнби пишет: «Творческая личность, уходя, выпадая из своего социального окружения, преображенная, возвращается затем в то же самое окружение; возвра-

щается, наделенная новыми способностями и новыми силами. Уход позволяет личности реализовать свои индивидуальные потенциалы, которые не могли бы найти выражение, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе. Уход дает возможность, а может быть, является необходимым условием духовного преображения. Но в то же время преображение лишено цели и смысла, если оно не становится прелюдией к возвращению преображенной личности в общество, из которого она удалась. Возвращение есть сущность всего движения, равно как его окончательная цель» [1, с. 276].

Рассмотрение ухода-возвращения в качестве жизненной стратегии характерно для периода роста цивилизации, т.к. данная стратегия в конечном итоге ориентирует индивида на преобразование социальной жизни. Если рассмотреть антропологический аспект данной стратегии, можно сказать, что она имеет сбалансированный характер, поскольку предполагает удовлетворение как индивидуального, личностного, так и социального аспектов человеческого сознания. Индивидуальный полюс сознания с его потребностями в самопознании, осмыслении полученного опыта, разработке стратегии развития определенной социальной общности и личности удовлетворяется в период затворничества будущего общественного деятеля от ученого. Социальный полюс сознания требует от человека умения взаимодействовать с людьми, конкретизации определенного плана преобразования человека и общества. Подавление одного из полюсов жизненной стратегии свидетельствует о разрушении нормального развития цивилизации в целом, поскольку она может успешно функционировать и развиваться, только если индивид уделяет равное внимание обоим аспектам своего сознания.

Период распада цивилизации, в отличие от эпохи роста, предлагает индивиду и обществу ассимилированные стратегии поведения, наиболее яркими из них являются архаизм и футуризм. Для первой жизненной стратегии характерна абсолютизация значения прошлого, для второй – будущего. Но в обеих стратегиях наблюдается непонимание и неприятие настоящего. Неприятие настоящего в архаизме, во-первых, имеет форму слепого поклонения прошлому, а во-вторых, характеризуется попыткой реставрации давно изживших себя идей, социальных инстинктов, форм и стилей в искусстве, типов религиозности и т.д. На самом деле, адекватное возрождение прошлого невозможно и архаизм всегда обречен на самоуничтожение.

Обоснование саморазрушительной природы архаизма осуществляется А.Дж. Тойнби следующим образом: «Представляется, что в самой природе архаизма есть нечто такое, что ведет его к неминуемому саморазрушению и утрате целей. Этот фактор становится понятным, как только мы вспомним, что архаизм – это не просто академическое упражнение, но вполне определенный образ жизни, а проблема, вызывающая к жизни архаизм, – это проблема извлечения душевной болезни, вызванной социальным распадом. Средства, которые предлагает архаист, должны быть достаточно убедительны для серого большинства, должны наглядно демонстрировать, что они действительно могут служить социальному оздоровлению. И на деле оказывается, что архаист вынужден воздействовать на внешний мир, вместо того чтобы быть просто археологом, каким он, похоже, в душе себя видит... но если окажется, что архаизм – разновидность врачевания, а не археологии, то станет ясным, почему так часто архаизм отрицает свои же, собственные археологические намерения... Архаист всегда перед дилеммой: либо он уходит в Прошлое, оставляя Настоящее, но тогда броня его убежища не выдерживает натиска Жизни, либо пытается возродить Прошлое через Настоящее, но тогда он скатывается на грань вандализма, ибо в Настоящем черты Прошлого искажены до неузнаваемости. В любом из вариантов архаист в конце концов обнаруживает, что он не так уж отличается от футуриста. Настаивая на анахронизме, он фактически открывает дверь для самых бесцеремонных... новаций» [1, с. 439–440].

Основной характерной чертой, сближающей архаизм с футуризмом, Тойнби признает отрицание настоящего. Обе стратегии исходят из изменения жизни в настоящем, но футуризм, в отличие от архаизма, ориентирован на будущее. При этом будущее в футуризме понимается не как совокупность планов, требующих осуществления, а как эра земного благоденствия, т.е. утопия. Раскрывая социальные основания футуристической жизненной стратегии, А.Дж. Тойнби пишет: «Душа в отчаянной надежде совершает последний поворот, прощаясь с бесцветной и унылой действительностью Настоящего. Футуризм не только психологически менее естественен, чем архаизм, он более труден для реализации. Причина здесь кроется в том, что архаизм впервые появляется в рядах правящего меньшинства, тогда как футуризм – порождение внутреннего пролетариата. А в любом распадающемся обществе правящее

меньшинство прочно удерживается в седле, оставляя пролетариату право тащиться в хвосте. Уходя от бесцветного Настоящего, футуризм устремляется в лучезарные дали новых исканий, рассчитывая обрести утраченную надежду» [1, с. 447–448].

Футуристическое стремление к светлomu будущему может принимать две основные формы: модернизации, связанной с разрывом со своим прошлым, и подготовки к пришествию Мессии. Примерами модернистского варианта модернизации футуристической жизненной стратегии в культурно-историческом масштабе английский философ считает правление Цинь Шихуанди в Китае, Великую французскую революцию, Русскую революцию, реформы Ататюрка в Турции. Для данных социально-политических событий характерен идеал будущего, вступающий в противоречие со всем предшествующим ходом истории и культурной традицией. В отличие от модернизма мессианский идеал футуристической стратегии предполагает осуществление религиозного или квазирелигиозного идеала в настоящем. В качестве примеров мессианского варианта футуристической стратегии в мировой истории культуры А.Дж. Тойнби приводит восстание анабаптистов во время немецкой реформации, попытки старообрядцев выйти за рамки светской культуры и реализовать идеал христианского благочестия.

Наряду с архаизмом и футуризмом, существуют еще две жизненные стратегии, характерные, с точки зрения А.Дж. Тойнби, для цивилизаций, находящихcя в состоянии надлома: отрешение и преобразование. Для стратегии отрешения характерно отрицание благостности прошлого и будущего и признание суетности и несовершенства всего существующего во времени. Единственным выходом из круговорота бессмысленности и суеты является соблюдение принципа недеяния и невозмутимости. Идеальным типом стратегии отрешения А.Дж. Тойнби признает мудреца, который находит свою реализацию в эллинистическом стоицизме, буддистском архате, индуистском йоге, даосском мудреце. Главный недостаток данной стратегии английский философ видит не столько в том, что она приводит к снижению социальной активности индивидов и застою в развитии цивилизации, сколько в ее аморальности. Критикуя идеал отрешения и одновременно рассматривая его в качестве одной из причин возникновения стратегии преобразования, А.Дж. Тойнби пишет: «Однако, приближаясь к выводу, который логически неизбежен и в то

же время нравственно нетерпим, философия отрешения в йоге отрицает самое себя. Напрасно представители ее пытаются завоевать себе сторонников, даже из акта восторга этой философией возникает желание восстать. Философия отрешения так и не находит решения поставленной проблемы. Обращаясь к уму, она игнорирует сердце, чем произвольно разъединяет соединенное Господом (Матф. 19,6). Эта философия ограничивает истину, согласно которой Душа сочетает в себе единство и двойственность. Поэтому философия отрешения затмевается таинством преобразования. Хинаяна уступает место махаяне, стоицизм – христианству, архат – бодхисатве, мудрец – святому» [1, с. 456].

Преобразование, несомненно, является самой спорной с точки зрения рационального познания жизненной стратегией, характеризующей цивилизацию распада. Спорность данной жизненной стратегии заключается в том, что ее реализация невозможна вне вторжения сознания индивида, а вслед за этим и входа во всемирно исторический процесс. Суть процесса преобразования заключается в доминировании в сознании поведения человека чувства любви ко всему сущему. В свою очередь, любовь – это отношение между двумя личностями, поэтому чувство любви ко всему сущему возможно только при условии существования Бога. Вместе с тем, любовь бога к человеку, божественное вторжение в сознание нельзя не рассматривать как проявление пассивности к человеку. Напротив, Бог может прийти и преобразовать душу только того человека, который верит и обращается к Нему. Но даже если индивид не верит в Бога, в его душе все же существует предпосылка для преобразования. Эта предпосылка принципиально отличается от идеала спокойствия, характерного для стратегии отрешения, и заключается в сострадании и жалости к другим индивидам. Данные чувства, с одной стороны, разрушают душевное равновесие, но с другой – соединяют индивида с людьми и Богом, который есть воплощенное сострадание.

В концепции А.Дж. Тойнби преобразование представляет собой привилегированную жизненную стратегию, поскольку ее структура совпадает со структурой жизненной стратегии цивилизации эпохи роста. Подтверждением истинности этого утверждения может служить следующее высказывание английского философа: «Если отрешение представляет собой просто уход, то преобразование – двутактный ход, где первая часть представляет собой

уход, а вторая – возврат. Различие между актом ухода и актом Ухода-и-Возврата не различие между двумя путями, а между двумя этапами одного пути. Эти две ступени поступательного движения находятся на одной дороге, по которой идут оба путешественника в одном направлении. Действительное тождество пути в случае этих двух движений можно проверить и подтвердить анализом цели. Мы видим, какова цель движения-ухода-и-возврата, цель, которую мы назвали преобразованием. Цель преобразования – осветить сидящих во тьме (Лука 1,79) и дать возможность свету преодолеть тьму (Иоанн, 1,5). Цель преобразования, таким образом, есть Царствие Божие» [1, с. 462].

Совпадение стратегий «ухода-и-возврата» и преобразования по структуре и целям при различии в содержании в первом случае может быть как светским, так и религиозным, а во втором – только религиозным, это означает, что у цивилизации периода распада есть возможность стать основанием для возникновения более совершенной цивилизации. В свою очередь, у индивида, живущего в эпоху заката или гибели

своей цивилизации и обращающего свое знание к Богу, появляется шанс возвыситься над своим временем и своими страстями.

Религиозно-нравственный характер философско-исторической концепции А.Дж. Тойнби наглядным образом демонстрирует невозможность философского решения проблемы исследования понятия жизненной стратегии вне анализа ее этического аспекта. В свою очередь, обращение к рассмотрению этической составляющей данного феномена неизбежно приводит к исследованию этического подхода, к изучению и осмыслению жизненной стратегии. По своей структуре этический подход идентичен онтологическому и философско-историческому подходу. Но если первый сводит жизненную стратегию к структуре сущего или структуре человеческого способа существования, а второй – к логике развития всемирно исторического процесса, то этический подход рассматривает отношение к людям в качестве основополагающего принципа того или иного образа поведения и его конечных целей.

1. Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. СПб.; М., 2006.

1. Toynbee A.J. *Comprehension of history*. St. Petersburg; Moscow, 2006.

Тимченко Александр Андреевич
кандидат социологических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583516)

Эмпирический анализ девиаций современной молодежи: методологические и методико-процедурные проблемы

Динамичное, трансформирующееся общество детерминирует ситуацию, когда перед социологом оказываются «меняющиеся», нестабильные индикаторы девиации. Вследствие этого значительно осложняется эмпирическая оценка проблемы девиантной молодежи. В еще более тяжелой ситуации оказываются социологи, настроенные на социально-инженерный, социально-управленческий анализ. В данной статье рассматриваются наиболее актуальные аспекты методологии эмпирических исследований девиаций современной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, девиация, девиантное поведение, современное общество, эмпирическая методология, методико-процедурные проблемы.

A.A. Timchenko, Master of Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Empirical analysis of deviancy of modern youth: methodological and methodical and procedural issues

Dynamic, transforming society determines the situation when the sociologist studies «changing», the unstable indicators of deviation. Due to the considerably complicated the empirical assessment of the problem of deviant youth. In a more serious situation, sociologists configured at social engineering, social and managerial analysis. In this research article discusses the most relevant aspects of the methodology of empirical research deviancy of today's youth.

Key words: young people, deviancy, deviant behaviour, modern society, empirical methodology, methodical and procedural issues.

Лица, демонстрирующие устойчивые отклонения от социальных норм, обычно включаемые исследователями в ряд девиантов, представляют собой весьма сложный объект социологического познания. Проблемную ситуацию детерминирует весьма широкая вариативность соционормативной системы общества, в которой различные виды и формы социальных норм обладают разным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. Интегральные элементы соционормативной системы подчас выглядят «полярными» по отношению к субъект-объектной среде своего существования. В частности, нормы морали, потенциал и значимость которых в социальной системе не подвергаются сомнению, не обладают столькими возможностями регуляции человеческого поведения, как юридические нормы (или нормы права). В настоящее время проблема девиации стала намного «тоньше»; она неоднозначна, многоаспектна. Как следствие, значительно усложняется и система индикаторов девиантного поведения, возникают существенные проти-

воречия в группах индикаторов, позволяющих, например, дифференцировать положительную девиацию. Перечисленные трудности сказываются на процедуре организации и проведения эмпирического социологического исследования, на его результатах.

Однако сложности возрастают многократно, когда речь идет о девиантной молодежи как объекте исследования. Как известно, молодежная когорта обладает уникальными социально-возрастными и социально-психологическими чертами, значительно усложняющими установление и поддержание контакта с социологом-исследователем.

В современном социуме юноша рано перестает быть ребенком (по своему психофизиологическому развитию), но по социальному статусу еще долгое время не принадлежит миру взрослых. Юношеский возраст – время, когда экономическая активность и самостоятельность еще не достигнуты в полном объеме. Психологически молодежь принадлежит миру взрослых, а социологически – миру отрочества. Если в смысле насыщения знаниями

человек созревает гораздо раньше, то в смысле положения в обществе, возможности сказать свое слово – зрелость его отодвигается.

К. Маннгейм определил, что молодежь является своего рода резервом, выступающим на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам. Динамичные общества рано или поздно должны активизировать и даже организовывать ресурсы, которые в традиционном обществе не мобилизуются и не интегрируются, а часто подавляются.

Методологическим основанием анализа молодежи как особой социальной группы может выступать концепция В. Парето, акцентирующая внимание на алогичном, иррациональном характере человеческих действий. Как полагал исследователь, основу социальных действий людей образуют бессознательные психобиологические импульсы, называемые им «резедуй» (остатки), имеющие врожденный характер. Люди не осознают присущих им «резедуй» и стремятся замаскировать их различными моральными учениями, общественными теориями, религиями и т.д. Так возникают «дериваты», которые он обозначает как производные от «резедуй» «псевдологические теории и аргументы», составляющие суть различных идеологических доктрин [1]. В молодежной среде особенно заметным становится влияние иррациональных, алогичных, аффективных мотиваций. Как отмечал В. Парето, социология недооценивает иррациональную сторону людей и, наоборот, переоценивает рационально-логическое начало человека. Вместе с тем, человек именно биосоциальное существо, что детерминирует наличие ряда системных, порой неразрешимых для исследователя проблем при описании отдельных людей, социальных групп, общностей, классов [2].

Спецификой современного общества выступает то, что между молодежью и взрослыми подчас возникает полное взаимонепонимание, которое ведет к агрессивным, неконструктивным действиям с обеих сторон. Борьба с проявлениями молодежной девиации – это борьба со следствиями, а никак не с причинами этих, безусловно, общественно опасных явлений.

Эмпирический анализ молодежи как особой социально-демографической группы представляет собой достаточно сложную задачу. Эмпирическая социология на современном этапе своего развития не обладает достаточным арсеналом методов и методик, способных значительно повысить ее эффективность при-

менительно к анализу молодежных проблем. Стоит отметить, что большая часть первичной социологической информации в современном обществе «добывается» при помощи опросных методов. Они – самые популярные среди практикующих социологов. В настоящее время существуют десятки разновидностей опросных методов с применением как количественной, так и качественной методологии. Между тем, опросные методы – весьма тонкий инструмент познания социальной реальности.

С одной стороны, опросные методы характеризуются несомненными достоинствами, вытекающими из методико-процедурной специфики. Опрос основывается на высказываниях отдельных лиц и проводится с целью выявления различных нюансов мнения опрашиваемых (респондентов) как важного источника информации о реально существующих фактах действительности.

Целью опросов является сбор информации о явлениях индивидуального или группового, массового или общественного сознания либо же об объективных фактах, событиях, процессах. Методом опроса можно получить такую информацию, которая не всегда отражается в документальных источниках, не всегда доступна прямому наблюдению. Опрос позволяет выявить информацию о мотивах, внутренних побуждениях, интересах и т.п. и в этом плане часто бывает незаменимым [3, с. 119].

С другой стороны, опросные методы характеризуются очевидными «слабыми местами». Детальный анализ подобной специфики опросных методов осуществлен В.Г. Немировским. По мнению исследователя, любой опрос сталкивается с рядом трудностей, которые определяют границы его познавательных возможностей. Во-первых, человек не всегда понимает, что у него пытаются узнать исследователь. Во-вторых, даже поняв вопрос правильно, он может не захотеть дать соответствующий ответ. Например, потому что стесняется или хочет казаться лучше, чем есть на самом деле. В-третьих, мечтая дать максимально правильный ответ, он может просто не осознавать собственные «пружины поведения», о которых пытается узнать социолог [4, с. 12–13].

Становится очевидным, что применение опросных методов для исследования девиантной молодежи, с одной стороны, позволит получить первичную информацию о нюансах, оттенках мнений, оценок этой особой социальной группы. С другой стороны, необходимо принимать во внимание тяжесть установления и поддержания контакта с девиантами. Ставит под сомнение качество и достоверность ин-

формации потенциальная лживость и отсутствие мотивации к искреннему альтруистическому общению с социологом во имя развития социума у значительной части девиантной молодежи.

Молодежь, включенная в девиантные практики, – очень своеобразный объект исследования. Поскольку девиация предполагает прежде всего выход за пределы морально-нравственного регулирования социальной системы, вполне закономерным выглядит отсутствие каких-либо гарантий, что респонденты были откровенны с социологом, что не давали социально приемлемые ответы. Стоит отметить, что сознание и психика девиантной молодежи многократно усиливают угрозы лживых ответов, не соответствующих реальным личностным установкам.

Кроме того, целесообразно обратить внимание на опасность «сращивания» с исследуемой средой. Еще в начале XX в. основоположник социологии модерна М. Вебер, отрицая многие положения классической социологии, обратил внимание на то, что социолог-исследователь оказывает существенное влияние как на процесс познания объекта (теоретического и особенно прикладного), так и на последующую интерпретацию полученных данных. М. Вебер обращает внимание на феномен «идеальных типов» (абстрактные научные конструкции, представляющие собой некое упрощение, образ-схему, а не объективно существующую (существовавшую) социокультурную реальность, поскольку они не имеют прямого аналога в реальной истории культуры). Идеальная типизация позволяла упорядочивать эмпирический материал, поставляемый конкретными исследованиями, и использовалась М. Вебером для исследования причин и характера отклонения реальных культурных типов от идеальных [5].

Именно субъективные установки социолога, особенности взаимодействия с изучаемой средой в значительной мере оказывают влияние на получаемые результаты, не говоря уже об их интерпретации.

За прошедшее столетие претерпели изменения и методологические установки социологов относительно процесса эмпирического познания. В социологии начала XXI в. наблюдается методологический плюрализм, заключающийся в отказе от какой-либо доминирующей научной концепции, проявляющийся в попытках интеграции различных методологических и методико-процедурных платформ.

В современной эмпирической социологии, как следствие отмеченных тенденций, имеет

место симбиоз количественных и качественных методов. Это находит свое отражение и в изучении девиантной молодежи.

Как указывают исследователи, количественные и качественные методы представляют собой два противоположных «полюса» в исследовательской стратегии, призванных дополнять друг друга в ходе проведения социологических исследований для достижения оптимального результата. В результате проведения качественных исследований получают углубленную нечисловую информацию, а в результате количественных – объемную числовую информацию, которая является статистически надежной и распространяемой на генеральную совокупность. Количественные социологические исследования являются разновидностью исследований, в основании которых лежит математическая теория вероятности [3, с. 119].

По мнению С.А. Белановского, количественные и качественные традиции возникли практически одновременно. Как известно, первой крупной эмпирической работой, выполненной с позиций качественного подхода, принято считать работу французского исследователя Ф. Ле Пле, составившего монографическое описание трехсот семей, принадлежащих к различным слоям общества. Основными методами сбора информации были личные наблюдения и интервью. Книга Ле Пле, озаглавленная «Европейские рабочие», вышла в свет в 1855 г. Работа А. Кетле «Опыт социальной физики», положившая начало использованию эмпирических количественных данных для установления закономерностей социальных явлений, была издана двадцатью годами раньше, в 1835 г. [6].

Необходимо отметить, что и количественные, и качественные методы имеют свои «слабые места», ограничения по применению. Этот аспект должен учитываться в практике организации эмпирического социологического исследования еще на этапе планирования.

Количественные методы были подвергнуты критике прежде всего из методологических соображений. Социологи разочаровались в способности макросоциологических теорий должным образом объяснить «человеческую сущность» социальных явлений и процессов. Чаще всего среди недостатков количественных методов отмечают следующие:

1. Высокая степень формализации, характерная для количественных исследований, приводит к «диктату исследователя» над респондентами. Социолог чаще всего самостоятельно решает, что представляет интерес для исследования, какие варианты ответов стоит

использовать. В такой ситуации существует риск предопределенности получаемых данных «мыслительной активностью» самого социолога.

2. Количественным исследованиям свойственна определенная «поверхностность» анализа. Объясняется это спецификой количественного инструментария, процедурой исследования. Необходимость формализации данных, их статистической обработки диктует потребность, например, в отказе от цепи сложных причинно-следственных вопросов, что нивелирует глубину социологического анализа проблемы.

Однако и качественные методы исследований имеют свои недостатки:

1. Серьезное ограничение возможностей обобщения. Фактически уверенно обобщить результаты качественного исследования можно только применительно к участникам этого исследования. Нет уверенности, что небольшой круг лиц, привлеченных к участию в исследовании, каким-либо образом репрезентативен для более широкой совокупности, из которой они были извлечены. С учетом данного ограничения результаты качественного исследования стоит расценивать скорее как указание на существование некоторой тенденции, чем как установленный факт.

2. Маленькие размеры выборки, используемой в качественном исследовании, не обеспечивают возможности количественного описания результатов. Поэтому, если необходимо иметь количественное описание характеристик генеральной совокупности, не следует прибегать к проведению качественного исследования.

3. Интерпретация данных качественного исследования в большей мере субъективна, чем интерпретация количественных данных, поскольку в основе первых лежат комментарии и словесные ответы, а не количественные оценки или ранжирования [3, с. 119].

Именно в силу вышеизложенных проблемных аспектов в настоящее время наблюдается симбиоз количественных и качественных методов в эмпирической социологии. Однако, безусловно, одновременное применение двух методологических конструктов требует большой осторожности, опыта и высокого уровня научной и исследовательской квалификации.

Современная система социологического знания предъявляет повышенные требования к качеству, надежности социологической информации, ее целостности, объективности, валидности. Надежность результатов социологического исследования зависит от качества проведения всех его стадий (разработки про-

граммы исследования и отбора инструментария, сбора информации, отбора и анализа данных). В социологической литературе понятие качества употребляется обычно в прикладной интерпретации – как достоинство, ценность (высокое качество).

Под социологической информацией подразумевается информация о социальных явлениях и процессах, полученная с помощью прикладных социологических исследований. Одна из специфических особенностей социологической информации состоит в том, что она отражает с той или иной степенью конкретности поведение и сознание людей, объединенных в разнообразные социальные группы.

Искажения в описании социальных фактов влекут за собой весьма пагубные последствия. Помимо утраты возможности достижения цели (т.е. поиска путей решения социальных проблем), возникает еще более опасная ситуация: актуализируется вопрос надежности социологического исследования как средства диагностики происходящих в обществе процессов.

Таким образом, анализ методологических и методико-процедурных аспектов эмпирического анализа девиантной молодежи показывает, что существует ряд факторов, которые оказывают непосредственное и весьма серьезное влияние на научно-информационное освещение девиантной проблематики. Несмотря на то, что социологическая наука, по мысли ее основателя О. Конта, перманентно нацелена на социально-диагностические и социально-инженерные процедуры, на практике часто происходит по-иному. Современная социология девиантного поведения нередко выглядит излишне теоретизированной, оторванной от реальности. Между тем именно в условиях масштабных и глубоких трансформаций современного российского общества реальность изменяется довольно быстро; вследствие этого многие явления, процессы, феномены приобретают новые, ранее неизвестные черты, резко снижая эвристический потенциал социологического исследования. Выходом из создавшегося затруднительного положения может стать перенос акцентов на эмпирический, прикладной уровень научного познания девиантного поведения.

Однако и конкретный уровень социологического познания девиантного поведения сталкивается с рядом существенных проблем. Особенно остро эти проблемы проявляются в среде молодых девиантов. Это очень сложный объект эмпирического познания. Методы прямого сбора первичной информации с носителя про-

блемы могут быть поставлены под сомнение его особым социальным и социокультурным статусом. Сомнения в честности, правдивости, неангажированности мнений девиантной молодежи весьма существенны. Ситуация осложняется тем, что «классические» инструменты повышения надежности, достоверности, валидности информации в данном случае практически не работают. В свою очередь, методы косвенного сбора первичной информации (экспертные оценки, анализ документов и т.п.) в целом ряде случаев оказываются неспособными обеспечить «эвристический прорыв», к которому так стремятся социологи-исследователи.

Вместе с тем, динамичное, трансформирующееся общество детерминирует ситуацию, когда перед социологом оказываются «меняющиеся», нестабильные индикаторы девиации. Вследствие этого значительно осложняется эмпирическая оценка проблемы девиантной молодежи. В еще более тяжелой ситуации оказываются социологи, настроенные на социально-инженерный, социально-управленческий ана-

лиз. Попытки выработать рекомендации, создать управленческие алгоритмы, стандартные модели реагирования, опирающиеся на комплекс эмпирических и прикладных социологических исследований, зачастую оказываются безрезультатными. В данном случае социология оказывается не в состоянии установить эффективную обратную связь с управляемым объектом вследствие генерации социумом риска и неопределенности. Фактически возникает некий «внешний» контекст социальных явлений, процессов, который оказывается сложно постижим научными инструментами и, как следствие, крайне сложно поддается прогнозированию и управлению. Отмеченные нами проблемы диктуют необходимость консолидации усилий науки и практики над решением методологических и методико-процедурных проблем эмпирического анализа девиантной молодежи, обладающего высоким потенциалом в современном российском обществе, но в данный момент слабо реализуемого в силу объективных обстоятельств.

1. Парето В. *Компендиум по общей социологии* / пер. А.А. Зотова. 2-е изд. М., 2008.

2. Парето В. *Трансформация демократии*. М., 2011.

3. Куликов Е.М., Кубякин Е.О. *Методология, методика и техника эмпирических социологических исследований*. Краснодар, 2010.

4. Немировский В.Г. *Общая социология*. Ростов н/Д, 2004.

5. Вебер М. *Избранные произведения* / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М., 1990.

6. Белановский С.А. *Индивидуальное глубокое интервью*. М., 1993.

1. Pareto V. *Compendium of general sociology* / transl. by A.A. Zotov. 2nd ed. Moscow, 2008.

2. Pareto V. *Democratic transformation*. Moscow, 2011.

3. Kulikov E.M., Kubyakin E.O. *Methodology, methods and techniques of empirical sociological research*. Krasnodar, 2010.

4. Nemirovsky V.G. *General sociology*. Rostov-on-Don, 2004.

5. Weber M. *Selected works* / transl. from German; comp., gen. ed. and afterw. by Yu.N. Davydov; forew. by P.P. Gaidenko; comment. by A.F. Filippov. Moscow, 1990.

6. Belanovsky S.A. *Individual depth interviews*. Moscow, 1993.

Шевченко Ольга Павловна

кандидат экономических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: sociometriya@mail.ru)

Социальная определенность категории «пожилой человек»

В статье рассматривается категория «пожилой человек». Отражаются промежуточные результаты авторского исследования, проведенного в 2015–2016 гг. в Краснодарском крае и Республике Адыгея, в ходе которого было опрошено 1320 человек разных возрастных групп.

Ключевые слова: пожилой человек, социальная политика, старость, социальные возможности, социальный опрос.

O.P. Shevchenko, Master of Economics, Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: sociometriya@mail.ru

Social certainty of the category of «senior citizen»

The article considers the category of «senior citizen». Reflects the intermediate results of the research conducted in 2015–2016 in the Krasnodar Region and the Republic of Adygeya, during the survey 1320 people of different age groups were interviewed.

Key words: senior citizen, social policy, old age, social opportunities, social survey.

В современном российском обществе в отношении пожилых людей как социальной группы наблюдается сложная ситуация. Пожилой человек как социальный тип в российском обществе существенно отличается от пожилых людей Европы и Америки и не в меньшей степени стран Востока. Существенные различия отмечаются не только в уровне жизни, но и в социальных отношениях, социальной определенности, статусно-ролевом наборе, возрастных показателях (при определенном возрасте речь идет о человеке среднего возраста или пожилым человеке?), образе, воспроизводимом в СМИ, культуре отношения к данной группе и т.д. Как таковой вопрос старших возрастных групп был актуален на протяжении многих веков [1, с. 129–137], поскольку влияние пожилого населения на ситуацию в обществе сложно переоценить [2]. В отечественной социологии наблюдается явный вакуум в исследовании пожилых людей как конкретной социальной группы. На данный момент из наиболее авторитетных и заслуживающих внимания исследователей в столь актуальном проблемном поле может быть названа И.А. Шмерлина, посвятившая обозначенной проблематике не только серию публикаций, но и масштабное социологическое исследование [3; 4; 5].

На сегодняшний день в нашей стране существует ориентированность на поддержку пожилого населения, но при этом выявляется ряд проблем. Речь идет не только о формальном

подходе к решению социально-политических проблем, но и об отсутствии четко разработанных и научно обоснованных социальных моделей реализации социальной политики на практике. Также вторичный анализ проведенных за последнее десятилетие социологических исследований показывает, что существует проблема социальной идентификации, равно как и самоидентификации пожилых людей.

На наш взгляд, современное российское общество не только нуждается в пересмотре ориентированности социальной политики поддержания пожилого населения, но и грамотной научной базе, а также реальных данных, наличие которых позволит определить основания эффективной социальной политики.

Настоящая публикация является подведением промежуточного итога исследования, начало которого положено в конце 2015 г. Проблемное поле, охваченное в исследовании, безусловно, нуждается в дополнительных данных, благодаря которым возможно разработать положительный вариант решения выявленных проблем. На данном уровне речь как раз и пойдет о проблемах.

Итак, немного об исследовании. В декабре 2015 г. была разработана простая анкета, содержащая девять открытых вопросов и один закрытый. Перед тем как приступить к ответу на вопросы, отвечающий был кратко ознакомлен с тематикой исследования и информирован о необходимости давать по возможности краткие ответы (от одного слова до предложения).

Метод формирования выборочной совокупности – невероятностный, квотный. Изначально предполагалось, что в ходе исследования будет опрошено более тысячи респондентов (итоговая численность 1320) мужского и женского пола (примерно в равном количестве) в трех возрастных категориях: от 16 до 35; от 36 до 50; от 51 и старше. Исследование проводилось на территории Краснодарского края и Республики Адыгея без предпочтения сельского или городского населения.

В силу того, что все вопросы носят открытый характер и предполагают краткие ответы, при обобщении полученных данных в сводных таблицах мы учитывали численность ответов «более 1%» как нижний показатель, в то время как ответы неклассифицируемые мы принимали во внимание, но не отображали количественно.

Респондентам предлагалась следующая анкета:

«Здравствуйте!

Мы проводим исследование социальной определенности пожилого населения в нашей стране. Нас интересует, каким образом пожилой возраст осознается как пожилыми людьми, так и представителями других возрастных групп. Ответьте, пожалуйста, кратко на вопросы (используя от одного слова до предложения). Ваше мнение очень важно для нас.

1. Сколько Вам лет?
2. Кто Вы по профессии?
3. В настоящее время Вы работаете?
4. На Ваш взгляд, с какого возраста человека можно назвать пожилым?
 - а) до 50 лет; б) после 50 лет; в) после 55 лет; г) после 60 лет; д) после 65 лет; е) после 70 лет.
5. Кто должен заботиться о человеке в пожилом возрасте?
6. На Ваш взгляд, какие социальные гарантии будут (были) реализованы государством по достижении Вами пожилого возраста?
7. С какими положительными факторами у Вас ассоциируется достижение человеком пожилого возраста? (от 1 до 5 факторов)
8. С какими отрицательными факторами у Вас ассоциируется достижение человеком пожилого возраста? (от 1 до 5 факторов)
9. Чем, по-вашему, пожилой возраст отличается от среднего возраста?
10. Чем, по-вашему, пожилой возраст отличается от старости?

Благодарим за участие!»

Полученные результаты в ходе анализа и систематизации формируют проблемное поле для дальнейшего исследования выявленных

проблем и противоречий. Перейдем к обобщению результатов.

Первым из значимых вопросов, формирующих концептуальное поле настоящего исследования, является 4-й вопрос: «На Ваш взгляд, с какого возраста человека можно назвать пожилым?». Подобный по содержанию, но несколько отличный в понятийном плане вопрос присутствовал в исследовании И.А. Шмерлиной [3; 4] (с какого возраста начинается старость?). На наш взгляд, различие между старостью и пожилым возрастом заключается в методологическом срезе исследования вопроса. Старость – понятие, скорее, отражающее физическое, физиологическое и биологическое состояние человека, тогда как пожилой возраст свидетельствует о накоплении социального опыта и рассматривается скорее в социальном контексте. Указанная работа И.А. Шмерлиной [3; 4] ориентирована на социальный и социологический результат, но с учетом физиологических особенностей людей пожилого возраста.

Проанализировав данные анкетирования, мы получили следующие результаты.

Среди опрошенных первой возрастной категории (от 16 до 35 лет) 5% определили пожилой возраст как период жизни, примерно начинающийся раньше возрастной отметки «50 лет». Наибольшее количество респондентов, ответивших таким образом, относятся к категории достаточно молодых людей (16 лет – 22 года). Они весьма абстрактно воспринимают будущие собственные возрастные изменения. При этом, с одной стороны, «50 лет» для них – «это еще очень нескоро», с другой стороны, они сами считают себя достаточно взрослыми. В той же возрастной категории 16% определили возраст пожилого человека как «после 50 лет», по всей вероятности, исходя из тех же оснований (считая, что примерно в это время человек становится «пожилым»). Примерно 15% посчитали, что пожилой возраст начинается старше 55 лет, тогда как наибольшее количество респондентов обозначенной возрастной группы отметили, что человек пожилого возраста – это человек старше 60 лет (22%). Лишь 9% опрошенных отметили, что пожилые люди – это люди старше 65 лет, и еще меньше (4%) посчитали нужным предположить, что пожилой возраст наступает старше 70 лет. 29% опрошенных возрастной категории от 16 до 35 лет по тем или иным причинам затруднились ответить.

Среди опрошенных второй возрастной категории (от 36 до 50 лет) только 2% высказали

предположение, что люди пожилого возраста могут быть категорией граждан младше 50 лет. Что показательно, только 4% отметили, что пожилой человек – это человек старше 50 лет (против 16% в первой категории). На наш взгляд, это объясняется тем, что реальное приближение к возрастной отметке, о которой идет речь, сочетается с нежеланием ассоциировать себя с категорией пожилого населения. По той же причине не более 9% отметили начало пожилого возраста старше 55 лет. Вместе с тем, 21% опрошенных второй условной категории считают, что пожилой возраст начинается после 60 лет. Соответственно, 17% – после 65 лет и 13% (к 4% первой возрастной группы) – после 70 лет. 34% опрошенных возрастной категории от 36 до 50 лет по тем или иным причинам затруднились в ответе.

Среди опрошенных третьей возрастной категории (от 51 года и старше) не более 3% посчитали, что пожилой возраст начинается до 50 лет, и 5% – что после 50 лет. Лишь 3% определили пожилой возраст как период после 55 лет. Наибольшее количество респондентов проявили солидарность с предыдущими возрастными категориями респондентов и определили пожилой возраст как период старше 60 лет – 28% опрошенных. Показательно, что назвавших 65 лет и 70 лет в качестве пороговой отметки оказалось немало – 22% и 14% соответственно. Мы склонны считать, что речь идет об энергичных людях, продолжающих активную социальную деятельность. 25% опрошенных возрастной категории старше 50 лет по тем или иным причинам затруднились ответить.

Далее мы сопоставили ответы на вопрос «С какого возраста человека можно назвать пожилым?» с социально-трудовыми особенностями респондентов. В результате были получены следующие данные.

Среди неработающих респондентов уровень наступления пожилого возраста ниже. Мы связываем это с низким уровнем социальной активности и соответствующим детерминированием возрастных стереотипов. Вместе с тем, для данной социальной группы в целом наибольшее количество ответов сводится к показателю 55–60 лет. Для неквалифицированных работающих респондентов также характерно наиболее вероятное определение пожилого возраста на уровне 60 лет. Для высококвалифицированных специалистов, военнослужащих и представителей сферы образования «наступление пожилого возраста» происходит позже. Вместе с тем, показательно, что воз-

растная категория 50 лет и 55 лет актуальна для военных и представителей силовых структур, т.к. этот возраст совпадает с достижением пенсионного возраста.

На вопрос «Кто должен заботиться о человеке в пожилом возрасте?» были даны ответы, в которых прослеживается следующая закономерность. Наиболее популярные ответы в первой возрастной группе (от 16 до 35 лет) сводились к следующим: человек «должен сам заботиться о себе», «должен позаботиться о себе заранее» – 46%; семья, дети – 26%. Уверены в необходимости государственной заботы о пожилых людях только 17% опрошенных. Для второй возрастной группы (от 36 до 50 лет) характерно примерно подобное разделение приоритетов: человек «должен сам заботиться о себе», «должен позаботиться о себе заранее» – 32%; семья, дети – 28%, государство – 21%. При этом зачастую высказывалась позиция, что государство «должно, но не будет» выполнять обязательства. Для третьей возрастной группы (от 51 года и старше) характерен поиск государственной ответственности за заботу о пожилых людях – 33%. На втором месте семья и дети – 25%. Рекомендуют полагаться в первую очередь на себя 22% опрошенных.

На вопрос «Какие социальные гарантии будут (были) реализованы государством по достижении Вами пожилого возраста?» среди ответов, безусловно, лидирует вариант «пенсия» – 74%, значительно отстают другие варианты: возможность работать – 5%, бесплатное медицинское обслуживание – 3%, бесплатный проезд в общественном транспорте – 1% и др.

Среди положительных факторов достижения человеком пожилого возраста всеми тремя возрастными категориями были названы: наличие свободного времени – 44%, возможность не работать 39%, высокий уровень жизненного опыта – 7%. Среди отрицательных факторов были обозначены: проблемы со здоровьем – 26%, необходимость работать – 18%, низкий уровень жизни – 15%, низкий уровень социальных гарантий – 11%, потеря перспектив – 7%.

На вопрос «Чем, по-вашему, пожилой возраст отличается от среднего возраста?» 46% опрошенных затруднились ответить. Среди все же ответивших на первом месте – более молодой возраст – 22%, наличие здоровья – 13%, необходимость работать – 11%. Вместе с тем, отвечая на вопрос «Чем пожилой возраст отличается от старости?», лишь 11% затруднились ответить. 36% опрошенных высказались о том, что старость – это когда человек либо «очень пожилого возраста» – 42%, либо имеет сово-

купность проблем со здоровьем, мешающих ему равным образом функционировать в обществе – 35%, 5% охарактеризовали старость как период жизни, когда сокращаются возможности, а 4% – как период, для которого характерно сокращение потребностей.

Подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что нами была выявлена проблема противоречивости социального восприятия понятия «пожилой возраст», что, по всей вероятности, обусловлено несоответствием ожидания и реального положения дел, а также противоречием в определении роли государ-

ства в регулировании социальных гарантий пожилого населения. Проблемным является и тот факт, что более молодое поколение в меньшей степени рассчитывает на государство, а в большей на самих себя. Также в ходе исследования было выявлено, что основной проблемой пожилого населения в современном российском обществе является потеря здоровья, второй проблемой (взаимосвязанной с первой) является низкий уровень жизни и доходов. Вместе с тем, обозначенные выводы носят промежуточный характер и нуждаются в дальнейших дополнениях.

1. Робак В.Е. Проблема старости в Европе (VI–XV вв.): социально-геронтологический контекст // *Ценности и смыслы*. 2013. № 5(27).

2. Дьяченко Л.И. Феномен старости в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2009.

3. Шмерлина И.А. Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте. Ч. I: Альтернативы возрастной идентификации старости // *Мониторинг*. 2014. № 1(119). С. 181–197.

4. Шмерлина И.А. Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте. Ч. II: Точка отсчета старости и построение жизни на зрелых этапах // *Мониторинг*. 2014. № 2(120). С. 190–198.

5. Шмерлина И.А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // *Социологический журн*. 2014. № 1. С. 72–86.

1. Robuck V.E. The problem of old age in Europe (VI–XV centuries): social gerontology context // *Values and meanings*. 2013. № 5(27).

2. Dyachenko L.I. The phenomenon of aging in contemporary society: diss. ... Master of Philosophy. Kazan, 2009.

3. Shmerlina I.A. Age constructs and style of life in older age. Pt. I: Alternatives to identify age old // *Monitoring*. 2014. № 1(119). P. 181–197.

4. Shmerlina I.A. Age constructs and style of life in older age. Pt. II: The starting point of old age and building a life on mature stages of life // *Monitoring*. 2014. № 2(120). P. 190–198.

5. Shmerlina I.A. Features of age identity at an older age // *Sociological journal*. 2014. № 1. P. 72–86.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 28.11.2016
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 30,1
Тираж 1050 экз. Заказ 532.
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249